

Джиллиан

Лесной дом

Хочешь изменить свою жизнь? Почему бы не радикально? Только-только Алиса серьёзно обдумала, как изменить отношение коллег к себе на работе и родных в доме, как внезапно получила нечто невероятное.

Часть первая

Глава первая

Алиса потёрла уставшие глаза и вновь уставилась в экран ноутбука, поставленного на кухонном столе. Но глаза замучились настолько, что линии таблиц плавали, их цвет ярко вспыхивал, а цифры и редкие слова между ними сливались в подрагивающие и подпрыгивающие абстрактные узоры. Пришлось на время перевести взгляд на вечерний городской пейзаж за окном.

С работой не повезло. Или не повезло с характером. Или с коллективом. Бабы из бухгалтерии поначалу сладко пели, лестью обволакивали, что новенькая не просто умная — а прямо-таки светлая головушка, не то что они — клуши старые, которые в новых программах фиг чего соображают. Алиса опомниться не успела, как все самые сложные отчёты по строительной фирме переключили на её компьютер, а сладенькая лесть сменилась раздражительным: «Ну что ты копаешься, курица?! Быстрее давай! Из-за тебя наш отдел в хвосте плетётся!» И вновь благостно пили чаёк со сладостями и болтали, собравшись компанией, куда её не допускали, чтобы не расслаблялась.

Вот и приходилось брать работу на дом.

Чтобы глаза ещё хоть чуть-чуть отдохнули, Алиса обвела равнодушным взглядом кухню, где сидела. В дальнем зеркале посудного шкафа промелькнула черноволосая девушка с запавшими от долгой работы перед компьютером глазами. Снова уткнувшись в монитор, Алиса мельком решила: «Надо увольняться. А на новом месте не допускать, чтобы со мной так поступали!»

Но сосредоточиться на работе на этот раз не удалось.

Мать, до сих пор сидевшая в зале, глядя какой-то фильм, внезапно появилась на кухне. Молча подошла к плите, потрогала чайник. Поколебавшись, поставила его на огонь. Ушла. Алиса насторожилась ещё больше, сгорбившись перед ноутбуком и всем видом показывая, что ей некогда. Правда, будучи реалисткой, она помрачнела, сразу сообразив, что вот-вот произойдёт.

Мать, в привычно бесформенном халате, в растоптанных тапках, с выбившимися волосами из неопрятного «хвоста» до лопаток, снова появилась на кухне. Чайник как раз тихонечко загудел. Зазвенела вода, льющаяся в чашку. С негромким щелчком открылась дверца посудного шкафа, где в нижней части хранились сыпучие продукты и всякая мелочь, вроде пакетиков с приправами.

— Алиса, у нас печенья не осталось? — добрым голосом спросила мать, присевшая на корточки, чтобы лучше изучить нижние полки и их содержимое.

— Не знаю. Я его не ем, — сказала Алиса и тут же пожалела о последних словах.

— Хочешь сказать — печенье в этом доме ем только я? — ласково, но с предупреждающими интонациями спросила мать.

— Нет. Что я хотела сказать, то и сказала: печенья я не ем, — ровно повторила девушка, напрягаясь ещё больше.

— Но из твоего ответа... — агрессивно начала мать и заткнулась, потому что цель её не слишком своевременного чаепития была иной. — Алисочка, — вновь ласково позвала она, уже истекая медовыми интонациями. — Если ты мне дашь немного денежек, я успею

сбегать в магазин за чем-нибудь к чаю.

Алиса слепо смотрела в экран. Если мать и впрямь начнёт собираться в магазин, это будет долгое... нет, длительное дело: сначала ей надо будет накраситься, потом найти подходящую для похода в магазин одежду, потом она будет выбирать, обуться ли в сапожки, или в ботинки. В перерывах между этими действиями мать будет постоянно забегать на кухню, всплёскивать руками и причитать:

— Ой, у нас, оказывается, и это, и то закончилось! А тут уж, вон — смотри, совсем на доньшке осталось!

Так всё и случилось: мать бегала из кухни в свою комнату, из неё — в прихожую, затем вновь появлялась на кухне, чтобы поахать над пустующими полками холодильника или над полупустыми банками с крупой. После очередного «хозяйственного» возгласа матери Алиса не выдержала:

— Мама, у тебя же должны быть деньги! Ты же получила их в начале этой недели!

Мать взорвалась мгновенно.

— И что?! Я должна тратить на хозяйство только его деньги? Ту мелочь, которую он присылает на этого дармоеда?! На эту дубину стоеросовую?! Да и... Ты тоже живёшь в этой квартире! Ты тоже должна вкладываться в общее хозяйство!

— Я не дармоед, я в школе учусь! — обиделась возникшая на пороге кухни «дубина стоеросовая» по имени Витёк.

Хотя старшей сестре дубиной его трудно назвать. Во всяком случае — в представлении Алисы, тем самым обработанным деревом можно было бы обозвать человека, мягко говоря, крепкого — даже мощного до безобразия телосложения, но недалёкого умом. А Витёк имел вроде как неплохие мозги и отличался худосочностью, что не сразу заметно из-за той одежды, в чём он ходил на улице и в доме: широченные джинсы, чей пояс едва висел на бёдрах (и Алиса всё боялась, что штаны с брата свалятся в неподходящий момент), и вечные свитера (летом — футболки), мягко говоря — слишком большого размера, превращали братишку в вялую амёбу, изредка проплывающую по квартире... А Витёк продолжал обиженно бубнить:

— Если бы я закончил школу, если бы не нашёл работу, тогда можно было бы на меня орать... Но я же не виноват, что я ещё несовершеннолетний! И денег на меня не так много уходит, как на...

— Как на этот твой чёртов компьютер! — рассвирепела мать.

— И чё — компьютер? Наушники — и те нельзя купить?!

— Да такие навороченные — зачем тебе?! Мог бы и попроще взять!

Алиса поспешно перебила:

— Мама! Я сегодня с карты наличкой сняла остатки от аванса. Возьми деньги в кармане моей куртки.

Мать сразу пропала из кухни. Продуктовую сумку она оставила здесь же, так что Алиса даже не подумала снова приступить к работе...

Брат быстро испарился, а девушка вздохнула о давнем: у него своя комната, у матери — своя. А ей, которая платит за всю коммуналку, приходится сидеть на кухне. Отец присылает алименты, но почему-то в первую очередь все разевают рты именно на её деньги. «Господи! — чувствуя себя совсем старухой, уставшей и рано одряхлевшей, взмолилась Алиса. — Что мне делать?! Матери чуть за пятьдесят — могла бы подыскать себе работу! Но при отце, зарабатывавшем неплохие деньги, она быстро привыкла к безделью и ни в какую

не хочет... А до моей зарплаты ещё три дня... Доживём ли...»

За всеми этими привычными за последние полгода мыслями Алиса не сразу заметила: мать что-то замешкалась в прихожей и не влетает, радостная, с счастливым воплем кухню за позабытой здесь сумкой.

Нет, она появилась на пороге наконец-то, но почему-то с курткой Алисы.

— Это насмешка? — холодно спросила мать.

— Что именно?

— Ты заставляешь меня рыться в карманах своей грязной куртки, но денег там нет. Ты смеёшься надо мной?

«Вот как? «Своей грязной куртки», мама? Ты имеешь в виду, что моей куртке уже лет десять, что она куплена ещё во времена моей учёбы в старших классах и что ты только сейчас заметила, что она старая?»

— Там было пять тысяч с мелочью.

— Ни копейки! — со злым торжеством сообщила мать, как будто радовалась, что денег нет.

Ещё немного — и начнёт орать.

Правда, Алиса уже сложила отсутствие денег в своей куртке и слишком поспешное исчезновение из кухни младшего братца.

Но взвизгнули секунды (Алиса отчётливо услышала этот визг!) — и мать тоже сообразила, почему карманы в куртке старшей дочери оказались пустыми. Швырнув куртку на пол, она стремглав выскочила из кухни и понеслась по коридору. Ещё секунды относительной тишины — и квартира взорвалась грохотом в предусмотрительно запертую братишкой дверь, за которой и спрятался Витёк; и одновременно — злобными воплями с обеих сторон двери на грани того же визга...

Десятый час вечера. Алиса закрыла все файлы, затем закрыла сам ноутбук. Рабочий инструмент отправился на навесной шкаф — высоко-высоко, под трубу вытяжки, где никто не удосужится его искать, если что...

Смысла нет — думать о работе в этой кошмарной атмосфере истеричного скандала.

Она подобрала куртку с пола, встряхнула. Ничего. Скоро наступит зима, тогда из этой куртки она переедет в другую, а эту можно будет выстирать вручную — не впервые. На химчистку денег нет, но за работу собственных рук платить не надо.

И ничего она не грязная. Просто цвет потихоньку теряет от долгого ношения и стирок. Всё равно удобная и, главное, — тёплая

В прихожей свет включать не стала: мать увидит — заставит вписаться в скандалище, вовлечёт в свары, в которых тоже нет никакого смысла... Надела ботинки. Натянула вязанную на спицах шапочку — когда-то, пока отец жил здесь, увлекалась вязанием, старалась творить такое, чего нет в магазинах. Бесплезную сейчас сумочку зачем-то всё равно повесила на плечо. И вышла из квартиры, закрыла за собой дверь. Отсекла от себя злобный звуковой ад, от которого уже тряслись руки и нервно подёргивался глаз.

На улице октябрь — тот пока ещё только холодноватый, без снега, но уже высушивший улицы после череды насморочно-дождливых дней. Пока ещё можно бродить по улицам, по сухому асфальту, время от времени нечаянно пинать кленовые листья, в этом году, к сожалению, только жёлтого цвета: слишком много пасмурной погоды было, солнца мало — вот листья и не покраснели, как ждалось все два осенних месяца.

Алиса вышла к пешеходной дорожке вдоль активной трассы и побрела по ней,

размышляя обо всём подряд.

Подруга Валя как-то сказала: «Если хочешь кардинально измениться, при твоём характере — терпимости и участия ко всем «бедненьким», лучше начинать с совершенно нового места. На старом — тебе не поверят и снова низведут к тебе же, прошлой, а ты не сумеешь противиться общему давлению... ой, мнению — слишком мягкая». Подруга ходила на курсы психологии и считала своим долгом и в качестве практикума устраивать судьбу всех близких. Беседы с ней, благо бесплатные, обычно помогали тем, что хотя бы успокаивали, объясняя положение. Правда... Насчёт «измениться полностью» Алиса всегда возражала.

Но сейчас она шла по тёмной осенней улице, которая неумолимо гудела машинами, пахла загазованностью и горечью палой листвы, и всерьёз присматривалась к тому, что раньше ей казалось абсурдным: как это — уйти с работы, если главные дела на ней, на Алисе? Да эти клуши без неё не справятся! Они и правда не умеют работать с новыми программами так хорошо, как она!.. Как это — уйти из дому, снимать где-то, подальше от мамы и брата, квартиру или комнату? Снимать так, чтобы они её не отыскали? Да они с голоду помрут без неё!

«А ты? — неожиданно возразила она себе, остановившись возле продуктового магазина и слушая, но не слыша ребят на скамейке, чтобы тихонько, но дружно пели под гитару. — Ты не умрёшь с голоду-холоду, живя с ними? Ты прекрасно поняла, что мама собралась в магазин отнюдь не за печеньем и другими продуктами, которые заканчиваются! Нет, печенье она бы, конечно, тоже купила — чтобы оставить на кухне. А втихаря пронесла бы к себе в комнату торт, который бы сама и съела за пару-тройку дней, как это уже бывало. А Витька? Он стащил у меня деньги, чтобы прикупить себе что-то там такое на компьютерную игру, в которой парится уже не первый год, и это — вместо того чтобы готовиться к ЕГЭ. Он, воруя у меня, подумал о том, что скоро дома будет нечего есть? Ему плевать. Старшая сестра разрулит ситуацию, найдёт ещё денег... И к отцу не обратишься... Один раз помог мне, а потом... Но и его понять можно: у него новая семья... А он и так нам квартиру оставил».

Проехал троллейбус, заглушив на время пение ребят, которые тут же чему-то рассмеялись и загомонили. Алиса подошла ближе к магазину. Иной раз громкий транспорт действовал на нервы. «Которые и так ни к чёрту», — грустно подумала она.

Новая мысль поразила до глубины души: «А ведь Валя была права, когда убеждала меня... Я своим терпением приучаю или уже приучила маму и брата к безделью! Как и своих на работе... Вот ничего себе... Значит, пока сама не изменишься, нечего и думать об изменениях в жизни?»

Пошла по дороге вдоль магазина, загляделась на мелькающие огни транспорта и наконец всё продумала. Целый план.

До конца второй недели закончить отчёты, чтобы потом лихом не поминали, и положить на стол начальства заявление об уходе. Благо её специальность востребована, за то же время найти новую работу, съёмное жильё. И исчезнуть из семьи, которая села ей на шею. Платить — только за квартиру. Это ей легко — через интернет-то. Не найдут, если что.

«Всё очень просто, — удивилась она. — Почему же раньше об этом не задумалась? И только представить — собственная комната будет! Нет, квартира — деньги-то свои будут, даже нынешних хватило бы... Обалдеть. Квартира, хоть и не своя. Это тебе не кушетка, до которой надо ночью добираться... Глядишь, меньше буду думать о матери и брате — найду любовь всей жизни... Или она меня найдёт... — Засмеялась вдруг: — Не, квартира — этс

мелко! Вот загородный дом — это... Если только сумею переломить своих. — И усмехнулась, вспомнив где-то прочитанное: — Инерция мышления дома удерживала?»

Что — что, а читать она любила. Так что первым делом решила: как только сумеет найти съёмное жильё, перевезёт в него самые любимые книги — фантастику и детективы. А пока... Она устала на подъехавший троллейбус... А пока надо будет попросить подружку Валю, чтобы та временно приняла личную библиотеку, поскольку до «дня Икс» Алиса собиралась втихомолку перетаскивать книги к ней. Сбежав — увы, без скандалов не вернёшься за книгами. А так — легко: уносишь каждый день по несколько штук — ни мать, ни брат не заметят. Не читают же.

Так что, вернувшись домой с твёрдым решением изменить судьбу свою и своих близких, Алиса более или менее спокойно восприняла вопли матери. Та обозлилась на неё, что не стала вместе с нею воевать с балбесом Витьком. Брат ведь сейчас помалкивал за дверью, скорей всего вновь погружённый в свою «игрушку», отгородившись от всего мира теми самыми крутыми наушниками.

Последний сериал матери заканчивался ближе к полуночи. Алиса успела выполнить свою работу и тут же переслать по известному ей адресу, на который задумчиво посмотрела, переживая только одно: неужели в скором времени она вернётся к работе, которую надо будет делать только за себя?

Звук телевизора пропал. Мать вышла из комнаты, негодуя зыркнула на дочь и, «прошвырнувшись» в туалет и ванную комнату, закрылась у себя спать. Там же стояла и кушетка для Алисы, из-за чего дочь должна была входить в тёмную комнату и красться по стеночке. И не дай бог разбудить нервную родительницу! До двух часов ночи злобное ворчание будет обеспечено.

...Утром Алиса поднялась раньше обычного. Послушала, как сопит мать, и осторожно сняла с полки первые три книги. Сумка у неё не сумочка, но дамская, для взрослых тётенок, знающих себе цену. Если положить в неё три книги — никто не заметит, чем она наполнена. А вечером надо будет улучшить момент и сразу положить в сумку ещё пару-тройку романов, чтобы утром не опасаться, как бы не увидели.

На кухне маялся Витёк. Он то подходил к холодильнику и раскрывал дверцу, то спешил к плите, на которой стояли кастрюли, и грохал крышками...

— Есть хочу, — жалобно сказал брат при виде старшей сестры. — А в холодильнике почему-то ничего нет. И в кастрюлях тоже. А я ведь помню, что на первой полке сырки были, а в морозилке сардельки лежали. Я сейчас даже на суп согласен, а его тоже нет!

— Поставлю кашу — сумеешь доварить, если я скажу, сколько её надо кипятить? — предложила Алиса, сразу догадавшаяся, куда делись сардельки: мать спрятала.

— Фу-у... Кашу!..

Алиса хотела было ответить: «Увы. Всё остальное «слопал» ты, купив наушники!» Но в мозгах застряло, что так могла бы ответить мать. А походить на неё... Алису даже передёрнуло от ужаса. Поэтому она собралась с силами, чтобы тоже не начать орать на легкомысленного братца, и терпеливо сказала:

— Я тебе самую сытную поставлю — рисовую. Ты её наложишь в тарелку и добавишь кетчупа и сметаны. Сметана-то у нас осталась? И будет очень вкусно. Помнишь ты однажды с моей тарелки почти всё съел? Это как раз и была рисовая каша с кетчупом.

— А, если это, то давай, — одобрил Витёк и только сделал движение повернуться, как Алиса поймала его за рукав рубахи.

— Стоять!

— Ты чё?

— Ничё! — передразнила его Алиса. — Только помнишь, как у нас было с отцом?

Он сразу нахохлился и стал смотреть исподлобья.

— И что было?

— Он ушёл от нас в другую семью слишком неожиданно.

— И что?

— Прости, Витёк. Я подумала, а вдруг и меня рядом не будет? И решила: тебе надо знать, как варить хотя бы кашу. Иди сюда. Сам сделаешь. Всё очень просто. Итак...

Слегка ошалев от её предположения «и меня рядом не будет», брат послушно выполнил всё, что от него требовалось, а потом недоверчиво посмотрел на кастрюльку.

— И это всё? Так легко?

— Всё. Сегодня с вечера всё приготовишь, а завтра с утра поставишь сразу, как проснулся, — подтвердила сестра и помахала рукой, уже стоя в прихожей. — Мне сегодня пораньше, так что пока.

Он догнал её в подъезде, благо знал, что она не любит спускаться в лифте.

— Лиска! — И схватил её за плечо. — А почему ты сказала, что тебя не будет?!

— Лиска стала фаталисткой — помнишь, что это такое у Лермонтова? — насмешливо сказала она. — И решила, что на всякий случай надо предугадать всё! И чтобы ты голодным не оставался, если будешь один. И вообще, тебе неплохо бы вступить в общество сурвайверов!

— Это чё такое?!

— Выживальщики! — рассмеялась сестра и сбежала по лестницам. Снизу крикнула: — Представь, зомбиапокалипсис начался! А у тебя, как самого крутого, дома круп полно! Будешь каши каждый день разные варить — спасёшься!

И, не дожидаясь нового вопросительного вопля, побежала дальше.

Сумела сохранить не просто хорошее, но и смешливое настроение до самой работы, куда в кои-то веки добежала-доехала всего аж за двадцать минут до её начала. За то же время успела многое сделать, усевшись у компьютера, чтобы посмотреть, какие ей ещё набросали расчёты.

Пришла домой вечером — Витёк круглыми глазами пялился на неё, пока она снимала куртку и обувь в прихожей. А потом не выдержал и заявил:

— Ну ты мне утром сказанула! Я как посмотрел в инете!.. А там столько сайтов — про этих, про выживальщиков! Покруче игрушки у них там будет. — И уже растерянно добавил: — Они там и правда сами варить умеют.

Алиса чуть не заплакала от смеха: брат для себя главное из этих сайтов выудил!

Зато по утрам каша, кажется, была обеспечена. Мать так изумилась, что сказать ничего не могла, чему Алиса здорово обрадовалась. С неё ведь станет: ляпнет брательнику гадость — он и перестанет учиться самообслуживанию на кулинарном поприще. Наотрез. А так... В тот же вечер ещё и тортик сварганили — попроще, конечно, не как в магазине, но ведь дома сладостей обычно маловато!

...Как и решила, заявление начальству, точнее — его секретарше, отнесла спустя две недели. За это время каждое утро учила обалдевшего Витька, как к завтраку варить разные каши, яйца вкрутую, гренки-вкуснейшие жарить, а то и просто хлеб и другое по мелочи, благо по утрам брательник не садился за компьютер, а мать спала до девяти и не мешала

процессу обучения.

Только Алиса вникла в процесс личного трудового дня, как дверь открылась, и секретарша начальника их отдела спросила:

— Кто тут Смирникова? Быстро к начальству.

В помещении стало тихо — клуши насупились на вставшую Алису, которая и сама удивилась. Хорошо, что секретарша дождалась, пока вызываемая выйдет, и повела за собой. Клуши бы сбили с толку вопросами. А так...

Секретарша кивнула на дверь в кабинет, и Алиса спокойно вошла.

Начальство она видела впервые. Как-то раньше всё без него обходилось.

Недоумённо решила: «По протекции, что ли, взяли? Или чей-то сыночек?»

За столом сидел парень, чьи параметры отличались тем, что к каждому можно добавить определение «длинный». Длинные волосы, взятые в хвост. Длинное худощавое лицо. Длинный нос. Узковатые, длинные (не миндалевидные, а длинные!) глаза. Поджатые губы превратились в длинный рот... За столом оказался не стул, а кресло — парень оттолкнулся от стола и отъехал чуть назад. Опять длинный! Полулежал в кресле, слегка сложив длинные ноги — не нога на ногу, а именно сложив на щиколотках. В общем, на начальство не похож.

— Итак, — лениво сказал он. — Доброе утро, Смирникова Алиса.

— Доброе утро, — ответила девушка, чуть было не прикусив губу: знала, куда идёт! Почему не посмотрела табличку, как его зовут?!

— Почему вы написали заявление об уходе, Смирникова Алиса?

— По собственному желанию, — насторожённо объяснила она.

— Это я понял. А что вас не устраивает на данном месте работы?

— Всё устраивает, — уже робко ответила она. — Просто у меня... личные причины.

— Дорабатывать будем?

— Будем.

— Ну что... Идите тогда, дорабатывайте, — лениво отпустил он её.

Закрывая за собой дверь кабинета, она чуть не пожалала плечами: и смысл был её вызывать?... В отделе её встретили взбудораженными вопросами: зачем? По какому вопросу? Что случилось? Чего хотят? Отбрехала, что в папке личных дел, среди её документов, не хватило информации о полном наименовании учебного заведения, которое закончила, вот и вызвали восполнить. Клуши успокоились насчёт вызова и тут же накинулись: пока она где-то там гуляет, им приходится столько делать!

Две самые горластые встали с обеих сторон от Алисы — руки в боки — и принялись руководить процессом, отчего девушка морщилась: лучше бы самостоятельно всё сделала — быстрее бы вникла и быстрее бы получилось!..

— Смирникова, к начальству! — прервал их кудахтанье спокойный голос секретарши.

Клуши с писком разлетелись от места Алисы — так, как будто испугались, что их вот-вот впрягут в работу, которой обычно занималась девушка.

Начальство медленно крутилось в своём удобном кресле из стороны в сторону и снова кивнуло на стул перед столом, приглашая сесть.

— Ну что, Смирникова... веб-камеры — хорошая вещь. Можно, не спрашивая человека, увидеть и понять его ситуацию, — задумчиво сказал Длинный, а Алиса вновь с досадой подумала о том, что так и не посмотрела, как зовут её непосредственное начальство. — Кроме всего прочего, я успел посмотреть, как вы работаете. Мм... Согласен, что вам было бы удобней выполнять только тот объём, что вам даётся лично. Но ведь скушают вас эти

дамочки и не подавятся, если вы прекратите за них работать. Другой кабинет? Не вижу смысла — всё равно будут бегать к вам

Алиса съёжилась на стуле, вцепившись в края сиденья. А если он вот прямо сейчас рассчитает её? Мало ли, что она хорошо работает...

А Длинный покатался ещё немного и подъехал к краю стола.

— Смирникова, заберёте ли вы своё заявление, если мы вас отправим на удалёнку без потери в оплате?

Алиса открыла рот закричать: «Не надо!», мгновенно представив, что её ожидает дома в таком случае: мать от безделья и скуки вцепится в неё и работать не даст. А спустя три минуты девушка, немигающе глядя в сощуренные глаза Длинного, послушно рассказывала ему о семейно-личной ситуации. Когда закончила, Длинный вновь отъехал от стола, чтобы удобно вытянуть длинные ноги, и хмыкнул.

— На нашем предприятии есть несколько домов, в один из которых вы можете въехать в любой момент. Если вы, леди Алиссия (она снова открыла рот: «Это он про кого?!») А главное — растянул букву «с»!), склонны к небольшой авантуре, я выдам вам машину со своим водителем, который поможет вам перевезти ваши пожитки в ведомственную квартирку. Находится она неподалёку от нашего предприятия.

— Я... подумаю, — только и сумела ответить ошеломлённая Алиса.

— Леди Алиссия, — проникновенно склонился к ней Длинный над столом. — Я вижу в вас ту самую жилку авантюры. Помогите мне в том увериться, леди: авантюристка ли вы?

При чём тут вообще авантюра?! Алиса только немо открывала рот, пытаясь что-то сказать, но что и как сказать начальству? Что оно, вот это Длинное, вообще свихнулось? А Длинный будто услышал. Ухмыльнулся и подъехал к столу, вперился в неё изучающим взглядом суженных глаз.

— Неужели же вы не ухватитесь за возможность кардинально изменить собственную жизнь? Как и жизни родных? Вот именно!.. Итак, я звоню водителю. Идите в свой отдел за личными вещами. И удачи с поездкой!

И вновь ухмыльнулся абсолютно растерянной Алисе.

Она пошла к двери из кабинета, всё так же растерянно размышляя: «А при чём тут жизни моих родных? И что он про авантюру-то? Ничего не понимаю...» Приподняла ногу, чтобы переступить порог, и...

«Терпеть не могу!..» — скривилась Алиса и попыталась открыть глаза. Терпеть она не могла, когда приходилось слушать с закрытыми глазами игру на пианино (будто по оголённым нервам) или чьё-то хныканье, а то и жалобное нытьё. Не-ет, слушать такое, именно не видя, — себе дороже... Но глаза почему-то не открывались. Веки будто склеенные, а когда Алиса попробовала поднять руку, то выяснила: с чего-то оцепеневшей, рукой она не владеет, а лежит на чём-то твёрдом, но, кажется, с ворсом. А что ещё хуже — полное впечатление, что её, даму сорок шестого размера, засунули в пиджачок из жёсткой костюмной ткани — тридцать восьмого размера. Дышать в нём оказалось весьма большой проблемой.

Потом дошло, что лежит она на ковре, а значит — на полу. Постаралась расслабиться: если на полу — здесь кислорода больше, а значит — что бы ни случилось (а на подозрении обморок от нехватки воздуха), она вот-вот должна твёрдо прийти в себя.

И пришла. Снова попыталась подтащить к себе руку. Получилось. Ладонь упала именно туда, куда задумывалось, — где стиснуто было сильнее. На область сердца.

Рядом кто-то шмыгнул носом. И нытьё прекратилось. А пальцы внезапно нащупали на груди не пуговицы непонятого пиджачка, а... От удивления Алиса сумела поднять от пола голову, а потом и вовсе приподнялась на локтях, чтобы воочию проверить то, что ощутила под пальцами.

— Обалдеть! — изумилась она, созерцая собственное тело, кем-то с неясной, но бессовестной целью всунутое в платье ну очень архаичного вида, да ещё с каменным корсетом, стянутым жёсткой шнуровкой.

А потом подняла глаза и обнаружила сидящих вокруг себя трёх неизвестных девиц, одетых тоже архаично. Все три тарасились на неё сквозь слёзы, открыв рты.

Что-то стукнуло за головой — то бишь за спиной. Она с трудом оглянулась — и тоже открыла рот на явление плотного тёмно-рыжего дядечки, в солидных годах и одетого весьма архаично. «Да что ж пристало-то это словечко?!» Дядечка выпучил глаза на лежавшую на полу Алису и возопил, обращаясь к девицам:

— Почему вы не подняли леди?!

Три девицы насморочно залепетали, что они испугались: а вдруг леди померла?

Дядечка, решительно кряхтя, нагнулся над Алисой, и та испугалась: неизвестный всё-таки достаточно преклонных лет, а вдруг сам загнётся, поднимая такую тяжесть, как она? И шустро вскочила, оглядываясь по сторонам. Чуть не упала, потому что наступила на край длинного-предлинного платья — точнее, на одну из юбок этого платья. А ещё потому чуть не упала, что тело плохо повиновалось. Будто належалась, да и простыла, пока «помирала». Но по сторонам (сообразилось) лучше потом глазеть. А сейчас неплохо бы выяснить, что происходит.

— Вы кто? — вывернувшись из-под рук дядечки, требовательно спросила Алиса и мотнула головой, показывая на трёх застывших на полу девиц: — Это кто? И где я?!

Дядечка разогнулся и выпятил глаза на неё.

— Леди не помнит? — осторожно спросил он, а потом словно бы спохватился и обошёл Алису, чтобы аккуратно дотронуться до её затылка.

Аккуратно-то аккуратно, но... Она охнула от боли и отшатнулась.

Дядечка немедленно вновь оказался перед её глазами. Заглянул в её глаза, потом опустил взгляд на свою ладонь, покрасневшую от размазанного пятна крови.

Алиса уставилась через его плечо на движение двери и поняла, что у неё кошмары или она просто-напросто сошла с ума. В комнату, которую она так и не успела толком рассмотреть, тихонько вошёл её младший брат, держась так, словно готовился в любой момент сбежать. «И одетый архаично», — глупо додумала она. Хотя надо отдать должное Виктору, выглядел он в этом архаичном чуть ли не изящно — неожиданно стройненький и тонкий. Настоящий вьюнош!.. И уж совсем не мешковатый и неуклюжий, как дома, а очень собранный. И со шпагой, кажется, на боку. В общем, опять-таки — обалдеть!

Кто-то крепко взял её под локоть и медленно, словно остерегаясь, что она на следующем шаге вновь хлопнется в обморок, подвёл её к старому креслу с облезавшей лохмами обивкой. Уже под оба локтя он, тот самый дядечка, усадил её и сел сам — в такое же кресло напротив. Кажется, и он собирался с мыслями, чтобы заговорить с ней, а потому Алиса, ошавшая от причудливой ситуации, всё-таки успела обвести ищущими и изучающими глазами помещение, в котором находилась.

Просторно, но заброшенно — первое, что пришло в голову. Даже на полу — не просто грязь, но много залетевшей откуда-то палой листвы. И... довольно-таки прохладно. И мебель — мало того, что её очень мало, так ещё и такая, какую увидишь только в кино, если собралась на просмотр исторических фильмов. Да что ж такое...

— Итак, леди Алиссия, вы ничего не помните, — всё ещё осторожно начал дядечка. — А кого из присутствующих вы знаете?

Леди Алиссия? Кажется, её недавно так кто-то называл. Но кто... Чувствуя себя рыбой, которую разыгравшаяся морская стихия выбросила на берег, и страшно боясь не попасть в нужный ответ, Алиса нерешительно откликнулась:

— Я не помню вас и этих девушек. А вот там, кажется, стоит мой брат.

— Ну... примерно так я и предполагал, — кивнул дядечка. — У вас частичная потеря памяти. От падения. Вы споткнулись на пороге. Вы не помните недавних событий, но помните прошлое. Прекрасно. Значит, я могу объяснить вам, что происходит. Меня зовут дан Бартлей. Мой дорогой племянник, дан Маркас, используя доверенность, женился на вас — по требованию короля...

— По доверенности — это как?! — поразилась Алиса, в душе ужаснувшись: «Я?! Чья-то жена?!»

— Доверенность вручена мне, — недовольно, что перебили, ответил дан Бартлей и тут же добавил, справедливо рассудив, что непонятливой дамочке придётся объяснять и остальное: — А по требованию короля, потому что у племянника поместье почти разорено, а ваши земли всегда славились тучностью, но мужчин в вашем роду (он скептически покосился на затихарившегося возле входной двери Виктора)... почти не осталось.

— И... что дальше? — помолчав, спросила Алиса. Что-то она начала подозревать, что дядечка дан Бартлей не договорил и что есть кое-что ещё, что ей после его слов, возможно, здорово не понравится.

— Вчера, когда мы тронулись в путь, чтобы довести вас до замка вашего мужа, в имение вашей матери (точней, на полдороге до него отсюда) примчался гонец от вашего мужа. — Дан Бартлей поморщился. — Мой племянник выяснил, что берёт вас не...

Он споткнулся на слове, и Алиса удивлённо уставилась на него.

— Берёт вас с пятном на репутации, — раздражённо выпалил дядечка.

Алиса медленно начала подниматься кресла. Такого объяснения она не ожидала — и среди всех новостей эта больше всего ударила по... самолюбию. Когда она осознала, о чём подумала, вскинула брови: «У меня есть самолюбие?» Встав полностью и выпрямившись, она сквозь зубы холодно спросила:

— У меня?! Пятно на репутации? Это что ещё за вымыслы?!

— Мой племянник, — не обращая внимания на её возглас, продолжал дан Бартлей, — решил проблему по-своему. Он отдаёт вам свой лесной домик и не желает видеть вас никогда в своём замке. Оставляет вам собранную вашей матерью одежду и те съестные припасы, что она приготовила в дорогу. Этих трёх девиц, которых он выдал вам как личную прислугу, и двух мужчин во главе со мной — как ваше сопровождение, он отзывает в свой замок. И будет присылать продукты со своего стола.

— Звучит оскорбительно, — процедила Алиса, чувствуя, что ещё немного — и взорвётся.

— По вине согрешившей супруги, — напоминаям тоном откликнулся дан Бартлей.

— Удобно! — уже озлясь, рявкнула Алиса. — Обвинить — обвинил, и доказывать ничего не надо?! У вас всегда так? Кто-то придумал на кого-то навет — и тот сразу виноват? А если те слова клеветой были?

Выкричала обиду. И, только хотела упомянуть о презумции невиновности, пока дядечка искал ответ на её рявканье, как вдруг поняла: а ведь это хорошо, что её оставляют здесь, в так называемом лесном домике. Одиночества она не боится. И для начала всё-таки неплохо бы понять или узнать, куда они с братом попали. А, кстати, брат не уедет ли туда, откуда её вывезли? Господи, а ведь дома, в «родовом гнезде», ещё и мать должна быть?! Ой... А отец, интересно, тоже там? Или у него снова... чужая им семья?.. А узнав обо всём, уже потом добиваться справедливости. Да и нужна ли ей эта справедливость — быть замужем за незнакомым мужиком, который ей вроде как... называется муж? Ишь... По доверенности женили. Не глядя на невесту. Не спросясь у неё, хочет ли она в такое замужество... Ну и порядки здесь...

— Ладно, — опережая реплику дана Бартлея, сказала она. — Я останусь здесь. Поживу. Может, мне здесь и понравится.

По его ехидной ухмылке сообразила: «Понравится? Вряд ли...»

«Ничего. Работы я никогда не боялась...»

Дан Бартлей, всё так же ехидно ухмыляясь, свысока попрощался и вышел из помещения. Следом упорхнули неизвестные нюни-девицы. Брат остался. Захотелось хмыкнуть: ну и как тебе здесь без компьютера? Но хмыкать некогда.

В тишине, гулкой из-за громадной пустоты в помещении, отчётливо слышались крики «со двора», ржание лошадей, грохот копыт по явно мощённому двору. А потом все эти звуки медленно уехали далеко-далеко и стихли.

Алиса огляделась. Лесной домик, говорите? А это что за помещение? Зал? Значит, должны быть и спальни? И столовая зала? Неплохо так жили тут, пусть и выглядит всё достаточно убого... С чего начать вселение?

— Алиска... — прошипел Витёк, подбежав и вцепившись в её руку. Глаза — обалделые. — Мы... это... куда попали?

— Думаешь — я знаю? — рассердилась она.

— А как же это ты не знаешь? Это ведь... — брат замолчал, беспомощно оглядываясь. — Тут такой огромный домина! Но нам никого не оставили — объяснить, что

тут и как.

— Огромный? — удивилась Алиса. — Ты видел его снаружи? Витёк, а нам правда кое-что из вещей оставили? А продукты? Что-то он такое говорил, что мать нам в дорогу приготовила, но... А где оставили — видел?

— Пойдём, — потянул её за ладонь братишка. — Я запомнил дорогу к выходу. Кажется, там всё бросили, на крыльце. Лиска, а ты правда ничего не помнишь?

— Нет, — рассеянно ответила она. Её пока больше интересовало, успеют ли они сделать всё, что нужно, до полной темноты в доме. И на улице, то бишь в лесу. Оглядка на окна заставила поёжиться. То ли лес подступал близко к дому, то ли что ещё, но ветви, показалось, жёстко давили в оконные стёкла — ого и ух, здесь и стёкла есть!

Странная фраза младшего брата: «Запомнил дорогу к выходу» оказалась оправданной. Едва они вышли из помещения с креслами, как очутились в ещё более просторном помещении. В нём обнаружили два противоположных друг другу коридора, узкая лестница на второй этаж и аж три двери прямо напротив той, из которой они вышли.

— И? Где здесь крыльцо? — с тревогой глядя на быстро темнеющие окна и едва заметные очертания предметов в помещении, спросила Алиса.

— Там не крыльцо, — направляясь к двери справа, отозвался брат. И тут же пожал плечами. — А может, и крыльцо. Фиг знает, какие у них тут... В общем, там такой... постамент — почти во всю длину стены. Несколько колонн на нём, с крышей. А лестница — совсем маленькая. Всего три или четыре ступени.

За описательными словами брата Алиса почему-то увидела чуть ли не парадное крыльцо какого-нибудь городского театра.

Тем временем Витёк открыл дверь, впустив в помещение затхлые запахи старого дерева, из которого были сделаны планки небольшого коридора, еле видные в сумерках («Это сени, что ли?» — удивилась Алиса). Судя по всему, только этот коридор и отделял основное жилое помещение от крыльца.

Следующие несколько минут они потратили, затаскивая в тот же зал с коридорами и множеством дверей всё добро, найденное в паре шагов от входной двери. Причём, затаскивая в дом узлы, мешки и какие-то торбы, Алиса с возрастающей тревогой поглядывала то на чернеющий к ночи лес, то на смутно синеющее небо, на котором начали вылупляться звёзды. Возможно, из-за этой тревоги разбитый при падении затылок разболелся больше, чем чувствовалось до сих пор. Но Алиса решила перетерпеть. Не до затылка. Ночь впереди.

Вместе с Витькой волоча последний мешок через порог, она попросила:

— Вить, когда войдём, осмотри эту дверь. Её на ночь закрыть вообще можно? Я имею в виду — запереть?

— Если только на ощупь, — проворчал брат, оставив мешок и шагая к двери. — Посмотреть то есть. Честно говоря, я уже ничего не вижу.

Через пару минут он из темноты сообщил:

— Тут есть что-то вроде скоб для засова, только очень большие. Они по обе стороны от двери, прямо в косяке. Но что в них положить — не нашёл. А искать сейчас...

— Давай втащим этот мешок, — оживилась Алиса. — В той комнате, где я упала, есть камин. А около него стояли всякие железки — типа перемешивать дрова или уголь. Надо взять парочку этих железок и в эти скобы сунуть. Как думаешь, получится закрыться?

— Лиска... — голос Витьки дрогнул. — Только я сюда с тобой... Ладно?

— А ты думал — я тебя одного отпущу оттуда сюда? — насторожённо спросила

девушка. — Да я каждые две минуты умирать от страха буду, останься одна!

На ощупь нашли камин. На ощупь — те самые железки, из которых сумели выбрать необходимую для засова. Пока снова медленно шли к двери, шаркая по невидимому полу, чтобы не споткнуться, Витька пытался раздражённо ворчать, но голос у него срывался, и получалось лишь шептать:

— Даже свечки не оставили. Даже не показали, не объяснили ничего...

А когда выбранная им железка плотно легла в пазы из скоб и они возвращались к своим мешкам, Алиса вздохнула:

— Понятия не имею, что здесь за мир, но что-то мне кажется, за такую провинность, какую мне приписали, меня хотят... ну, если не убить, то оставить в этом лесу, чтобы я сама... померла. Зато у этого моего мужа будет прекрасная возможность задаром захватить мои земли и жениться по новой.

Брат помолчал немного, а потом тоже вздохнул:

— Эх, жаль, ты мне раньше про выживальщиков не сказала! Я бы хоть подручными средствами научился огонь добывать. А теперь — что?.. Жалко...

— Вить, а ты? За себя не боишься? Ну, что ты из-за меня погибнуть можешь?

— А ты чё?! — внезапно выверился в темноте младший брат и выдрал из рук Алисы мешок: они снова перетаскивали оставленные им в холле пожитки уже в помещение с креслами. — Уже заранее решила нас похоронить?! Видела бы ты, в каких условиях люди бывали! А у нас тут — целый дом! Жратву оставили! Дверь закрыть можно! Ещё чего-то! Думаешь, не выживем? Ты как хочешь, а я собираюсь выжить!

После того как перенесли все вещи (может, что-то и оставили — в темноте не видно) в нужную комнату, договорились мешки с чем-то мягким (может, одежда?) затолкать справа от камина — там была какая-то ниша. И спать на них до утра. Логично было предположить, что спальни в таком доме находятся на втором этаже, но проверять в кромешной тьме свои догадки, да ещё передвигаясь по пустому и огромному в темноте дому, как-то не хотелось. Но и спать в открытом пространстве, пусть даже за стенами дома, — тоже страшновато. Поэтому мешки оказались именно там, где брат с сестрой задумали устроить ночёвку. После чего подтащили к тому же месту те самые два кресла и закрыли импровизированное спальное место этой мебелью, как баррикадой. Помяли мешки, по самому мягкому определили, в котором из них одежда. Развязали, вытащили какие-то плотные и тяжёлые ткани.

— Это что, как ты думаешь? — изумился братишка. — Если тут одежда, конечно, а не... Не, даже придумать не могу. Но можно использовать как одеяла. Короткие, но ничё.

— Мне кажется... — Алиса ещё раз развернула в темноте эти странные ткани. И кивнула, сообразив: — Витька! Это плащи! Берём по две штуки и укрываемся... Вить...

— Мм? — Тот возился, кутаясь в выданные ему два плаща, а потом что-то глухо звякнуло. Алиса сначала не поняла, а потом её сердце облилось горячей благодарностью к брату: это он взял с собой ещё одну железку от камина. Для защиты.

— А ты с какого момента понял, что ты в другом мире?

— В карете какой-то ехал.

— А я? Уже тогда знала, что мы в другом мире? Помню-то себя здесь только с того времени, как очнулась после падения.

— Ты была в другой карете. Я тебя там увидел, когда ты вышла, чтобы войти в этот дом. Лиска, а мы на каком языке говорим? На русском?

Попытавшись проговорить несколько слов про себя, Алиса пожалала плечами:

— Не знаю. Не получается... уловить.

— Если нас перепутали с кем-то, то где эти, с которыми перепутали? — Витька тут же хмыкнул. — Не отвечай. Чехарда какая-то получается. Лиска, слушай... Если это лесной дом, он может быть домом для охотников? Тогда здесь, наверное, где-то должно быть оружие. Тогда мы проживём. Я буду на охоту ходить, еда у нас будет... Пока лето, надо будет дров запасти на зиму. И тогда... интересно, а топоры здесь есть? Я видел столько кустов рядом с крыльцом и с домом... Всё заросло, так что никто не будет орать, что мы... браконьерствуем, деревья зря рубим. Ага?

— А мне кажется, браконьерством это считаться не будет, — медленно сказала Алиса. — Насколько я понимаю, этот лес — уже владения моего мужа. А раз я ему юридически жена — значит, лес и мой, что тот дядька Бартлей и подтвердил. Что хочу с ним, с лесом, то и делаю. В разумных пределах, конечно.

— Точно! — обрадовался Витька. — Тогда у нас только две проблемы — это огонь и вода. Были бы они — выжить в лесу было бы легко.

— Давай спать, — напомнила Алиса. — Завтра утром начнём с распаковывания вещей... Нет. С похода на второй этаж. Там выберем себе комнаты, туда втащим всё, что нам оставили. Кажется, дан Бартлей говорил, что еду на первое время нам тоже выделили. А после завтрака надо будет убраться в доме. Сделаем веники и выметем пыль.

— Вот блин... — недовольно промычал Витька. — Тебе не кажется, что дом для нас слишком большой? Может, займём одну часть, её и выметем?

— Кто не работает, тот не ест, — железным тоном ответила Алиса, а потом успокоилась и объяснила: — Вить, это тебе сейчас кажется, что убираться придётся каждый день. Нет. Мы выметем основную грязь, а потом будем убираться по мере... загрязнения.

— Лиск... Лиска...

— Что?

— Если мы с тобой тут, нас не от нашей настоящей мамы вывезли?

— Хочешь дойти до неё и проверить? И остаться с ней?

— Неа, не хочу. Просто думаю.

— Думай... Да, Вить, чуть не забыла... Ты был на улице, до темноты. Тут у них что — лето или осень?

— Меня в самый глухой угол посадили, без окошка, — вздохнул младший брат. — А когда вышел, по сторонам не смотрел. Но на деревьях листья есть. А что?

— Прохладно, что... Но это нам на руку. Интересно, вокруг этого лесного дома есть сад? Можно будет на зиму чем-то запастись. Яблок собрать, например... — Сказала и поняла, что сболтнула глупость. На яблоках зиму не перезимуешь.

— Лиск...

— Ммм?

— А ты не боишься?

Она помолчала, прислушиваясь к себе.

— Боюсь.

— Потому что мы одни?

— Всё вместе. И дом такой заброшенный — а вдруг в окна влезут? Легко же. И мир другой: попадись с кем встретиться — о чём говорить можно, а о чём нельзя? И как тут к чужеземцам относятся — тоже неясно.

— В смысле?

— Ну, если с кем-то встретимся, вдруг мы разговариваем не так, как тут привыкли? Впрочем, ладно. Потом подумаем, как быть. Вить, ты не голоден? Может, пошарить вслепую по мешкам — что-то найдём?

— Не хочу. Как только ты сказала про еду, у меня сразу внутри... затошнило.

— Психуешь, да?

— Угу. — Он нашёл её руку и сжал ладонь.

Помолчали немного, и вскоре Алиса услышала сопение. Братишка задремал.

Счастливый... Он опять надеется, что сестра рядом, а значит, ситуация пока ещё не вполне швах. А она прислушивалась к странным для неё, горожанки, звукам: к тишине, полной странных, непривычных уху звуков; к заунывному ветру, который гулял сквозняком по дому, а значит, она, Алиса права — и где-то то ли открылась оконная рама, то ли разбилось оконное стекло; к противному скрежету веток по тому же стеклу — и сердце замирало: а вдруг выбьет? Где найти новое, если у них, кажется, даже денег нет на всё про всё?.. Хуже всего — мысли о том, что она была слишком самоуверенна, когда объясняла брату, что они легко справятся со всем, что неожиданно навалилось на них...

Тесная норка, которую они соорудили для сна, всё же заставила успокоиться и в сны уплыть со сказочной мыслью: «Утро вечера мудреней...»

...Утро влезло даже сюда сияющим солнечным светом. Уставшая от томительных мыслей, спавшая тяжким сном, то и дело просыпаясь, чтобы прислушаться к звуку, внезапно будившему её, сейчас Алиса открыла глаза и удивлённо улыбнулась. Нет, свет — это самое прекрасное, что есть на свете! При нём потенциальные ночные кошмары уже не кажутся страшными... Она осторожно повернула голову и мысленно хмыкнула: когда это Витька успел влезть головой ей под мышку и сладко посапывать там?

А через минуту, даже сообразив, что Витьку, этого засоню, ей не разбудить движением, Алиса первым делом повернула голову, чтобы оглядеться, как можно встать отсюда, не потревожив брата, и чуть не застонала в полный голос. Затылок! И как она про него забыла! А он, подлый такой, взорвался болью, потому как она, кажется, потревожила края рассечения с засохшей на нём кровью!.. Пришлось ещё пару раз покрутить головой, привыкая к уже более туповатой боли. А потом, вцепившись в боковую панель камина, Алиса сумела встать и аккуратно выбраться из нагромождения мешков и мятых плащей. Один, впрочем, она забрала с собой, помня, что по утрам даже летом может быть прохладно. Очувшись перед камином, она не просто закуталась в плащ, а надела его, найдя в нём отверстия для рук.

Неуверенно прошла по помещению к входной двери. Оглянулась на брата. Ничего, не испугается, если проснётся, а её не увидит. А ей надо бы начать осматривать свои новые владения. Затаив дыхание, Алиса открыла дверь в другое помещение. Немного послушав, что здесь происходит, она выскользнула из «каминной», как про себя назвала этот довольно уютный зал. И первым делом сбегала «на двор», спрятавшись в самых густых кустах, которые только нашла. Руки вымыла, проведя ладонями по мокрым от росы травам. Успокоилась и побежала в дом — сразу на второй этаж.

Да, здесь, как и ожидалось, нашлись спальни. Но какие это были спальни! Как будто в лесной дом приезжали великаны! Нет, кровати оказались довольно-таки обычными, но сами помещения...

Алиса пробежалась по первым трём и убедилась, что хозяева строили именно что в расчёте на великанов: огромные площади, высокие потолки — и притом мебели маловато.

— Лиска... — хрипло сказали за спиной и откашлялись.

— Доброе утро, — не оглядываясь, поздоровалась она.

— Ага... Доброе. Ну, с чего начнём?

Она отправила брата в дворовый туалет, а сама принялась за работу — потрошить узлы и мешки с оставленным для них добром. Он вернулся быстро. Услышав стук закрывшейся за ним двери, Алиса закричала:

— Витька! Иди сюда!

— А ты где?!

— Справа от двери — коридор! — Из которого она и высунулась, чтобы засмеяться над его растерянностью. — Я нашла кухню! Иди сюда, здесь столы есть!

— Но ведь пошамать мы в той комнате оставили!

— Нет! Я уже перетаскала всё сюда!

Они ели бутерброды из зачерствевшего хлеба, осторожно проводя надранные ломти по кусищу подтаявшего масла, обнаруженного в одной из торб.

— Здесь коровы есть, — констатировал брат. — А давай сначала поищем воду, а?

— Дождём и пойдём, — пообещала сестра и похвасталась: — А я нашла плиту! В ней даже дрова приготовлены. Интересно, найдём мы с тобой здесь кремень и кресало?

— Ужас, какие слова ты говоришь! — буркнул Витька, а Алиса рассмеялась.

А что? Поспали без происшествий. Поели сытно, пусть и всухомятку. Настроение потихоньку поднималось. А впереди — целый день приключений с поиском сокровищ!

Она подошла к плите, открыла дверцу печурки и оглянулась на брата.

— Помнишь, к тётке ездили? — И вернулась к нему, чтобы встать рядом. — Помнишь, у них в передней печурка была — круглая такая? И здесь то же самое.

— Ну и что — помню, не помню, — вздохнул Витька. — Если бы вон там, на приступке, ещё и спички найти или зажигалку... Тогда бы.

— Фи! — смешливо сморщилась девушка. — Ты лучше о другом помечтай!

— И о чём?

— А ну-ка... встал вот так. — Она заставила его встать боком, сама скопировала его позу, встав за его спиной. — Руку вытяни вперёд, укажи на печурку с дровами и...

— Понял! — засмеялся брат. — Ну-ка вместе! Три, четыре! Гори, гори ясно! Чтобы не...

И оба ахнули, отшатнувшись от плиты, когда из кончиков указательных пальцев к печурке метнулись стрелы пронзительно-яркого пламени и когда из открытой печурки рвануло огнём!

Не сговариваясь, а только мельком переглянувшись, сестра и брат дружно рванули из кухни. И, лишь захлопнув за собой дверь, словно боясь, что неожиданный огонь бросится за ними следом, как ни странно, именно Витька очухался первым. Он остановился и завопил, нерешительно топчась на месте:

— Сгорит же там всё!

Алиса остановилась не сразу. Добежала до выхода из коридора и затормозила, ухватившись за дверной косяк. Смутно подумалось: «А почему? Сбежали-то? Наоборот бы — радоваться надо, что огонь теперь есть!»

Утомонив дыхание, медленно направилась назад. А там Витька уже опасно и совсем чуточку открыл дверь в кухню и просунул башку в зазор. Выпрямился.

— Лиска! — уже другим, более твёрдым тоном позвал он. — Всё хоккейно! Огонь... это... успокоился!

Минуту спустя они сидели на корточках перед плитой и заворожённо наблюдали, как в печурке, за осторожно прикрытой на солидный крюк дверцей, металлической, с довольно плотными узорами на поверхности, пляшут жёлто-оранжевые всполохи. Дверца печурки, как и плита, была достаточно старенькой, а потому сверху немного обвисла-отошла, и огонь был виден отчётливо.

— Жалко — воды нет, — посетовала Алиса вполголоса, будто опасаясь разозлить гудящий огонь. — Здесь, вон, чайники есть — громадные такие! Хоть один бы вскипятить — нам бы надолго хватило.

— Думаешь, в следующий раз не получится? — с сомнением спросил брат и вдруг обрадовался: — Лиска, а мы здесь с тобой колдуны, что ли? А давай дождь, хороший такой, ливень настоящий, вызовем! Вон там тоже кастрюли есть — здоровенные! Наберём в них дождя побольше — до следующего вызова хватит! Помнишь бабушкино: «Дождик, дождик, пуще...»?

— Ты что?! Закрой рот, а то вдруг?..

— Никакого «вдруг!» — заявил Витька. — Ты чё? Не поняла? Мы проговорили прс «ясно» с желанием, чтобы исполнилось. А сейчас я просто вспомнил про слова о дожде. Желания вызвать не было, так что дождь в доме не пойдёт!

— А прикольно бы было, — невольно улыбнулась Алиса. — И... Витька, ты у меня умница! Я бы не догадалась про желание. Но... Этого всё равно мало, — вздохнула девушка, встав на ноги и осматривая те и правда «здоровенные» кастрюли: ничего себе — тут питались! Сколько ж едоков за стол садилось?! Или в этих кастрюлях варили сразу на неделю, как минимум? Или ели, как не в себя? И выдохнула сквозь вытянутые губы: — Фу... Сам подумай: умываться хочется каждый день, а я и вечером привыкла, перед сном. А стирка? А мытьё посуды?

Вооружившись каминными щипцами и кочергой, снятой утром с засова на входной двери, они потушили огонь в печурке плиты и решительно побежали на второй этаж.

Заняли две спальни рядом, но уговорились первые ночи спать в спальне Алисы. Пока не привыкнут к обстановке. Затем обговорили, где будут лежат выданные им не слишком богатые продукты, и спрятали их в спальне же Алисы, в шкафу. Тот, огромный и гулкий от пустоты, и сам прятал хороший такой тайник — нижнюю доску, которую надо было

открывать с жутким треском и скрипом, а потом ставить на место. Немного посомневались насчёт сливочного масла, но девушка решила:

— Найдём воду — сунем в неё. Я видела — бабушка так в деревне делала.

Потом побежали изучать окрестности вокруг дома.

Вызывать дождь не потребовалось! Чуть дальше (сориентировавшись, сообразили: со стороны кухни) от дома они нашли овражек с ручьём-ключом, выход которого кто-то бережно заключил в небольшую трубу. Но самое главное: от дома к овражку вилась небольшая тропинка, которая почти не заросла, а с края овражка вниз, к воде, спускали деревянные ступеньки — полуживые, полуразваленные, но всё ещё удобные, чтобы легко приблизиться к воде. Рядом с последней ступенью ещё и плоский камень положен — ставить посудину под ключевую струю. Водичка холоднющая! Студёная-престудёная! Но напились вдоволь — так хотелось после сухомятки-то, сами не ожидали такой жажды. И тут же, у ручья, Витька помог сестре отмыть затылок от засохшей крови и сказал, что ранка почти зажила.

Сбежав в дом за ёмкостями и хорошенечко прочистив их надранными пучками травы в маленьком природном бассейне ручья, Алиса и Витька набрали воды: с полными кастрюлями и чайником бегал брат, а Алиса следила за набором воды. Когда она сама принесла последний чайник (литров на семь — не меньше!), Витька высказал практичную идею:

— Если туда, к ручью, часто бегали из-за воды, может, вокруг ручья ещё что-нибудь посмотреть? А вдруг ещё что-нибудь найдём? Или сначала обойдём дом?

Алиса, державшая в мыслях здешнюю жизнь, как жизнь в деревне: «Что там может быть вокруг колодца?», хотела пожать плечами, но потом кивнула. Пусть пока братом владеет приключенческий пыл, сбивать его нечего! Тем более, он пока не знает, но вскоре у него наверняка всё тело занует: не считая физры в школе, много ли он занимался физическим трудом в мире, который оставлен ими на неопределённо долгое время? А тут сам вызвался добровольно таскать воду, да ещё неудобно так — за ручки кастрюль. Ладно ещё чайники...

— Сначала обойдём дом. Только будем разглядывать всё внимательно, — предупредила она его. — Что я не увижу, может — ты заметишь.

— Зачем? — немедленно последовал вопрос.

— А тебя самого не удивляет, что дом, крепкий, готовый принять жильцов прямо сейчас, — и пустует?

Витька ненадолго задумался, шагая рядом с ней из кухни к крыльцу, а потом пожал плечами:

— Дом-то, как и было сказано, лесной. Для постоянного проживания он, наверное, слишком далеко от всяких поселений находится.

— Слишком солидно выстроен, — покачала головой Алиса. — Я бы поняла, если бы здесь кто-то остался. Как сторож. Или лесничего сюда вселили бы — и за лесом следить, и за домом ухаживать. Ведь если он для знатных охотников был построен, то, вообще-то, должен быть готов к встрече с ними в любой момент.

— Лиска... — вдруг сказал брат, когда они спустились по ступенькам и он оглянулся на дом. — Я сначала думал — это ставни на зиму стоят у окон. Ну, в спальнях и не только. Но ведь они металлические? Я ведь правильно понял, да? И ставни обычно крепятся снаружи. А эти оставались внутри дома. И по бокам от рам, прямо на стенах, такие штуки есть, в которые, как мне кажется, они крепятся... Или их на лето так убирают?

— А может, им, хозяевам, дом теперь совсем не нужен? — предположила девушка. — И они забирают всё металлическое из него? Насколько я понимаю, во времена, когда одевались так, как нас одели, металл был очень дорогим.

— Может быть... — пробормотал Витька и внезапно добавил: — Наверное, я зря не ношу тот меч, который мне дали. Надо бы взять его, а то оставил, как дурак...

— Меч? — удивилась Алиса. — Я думала — это шпага.

— Нет. Это подростковый меч. Ну, типа — учебный. Но настоящий.

Алиса хотела спросить: а какая связь между странными оконными ставнями и ношением подросткового меча? Но младший брат заметно задумался, и она решила не тревожить его, вероятно, излишними вопросами. Правда, после его слов тонкий привкус беспокойства махоньким, но надоедливый комаром запел в её душе.

Может, именно поэтому она и начала присматриваться к месту ещё пристальней и обнаружила, что вокруг лесного дома была когда-то чуть ли не крепостная стена. Правда, невысокая — примерно пять метров в высоту. Но сейчас высокие кусты скрывали остатки этой стены: то здесь проглянет ободранный столб, то там покажется разрушенная низкая кладка... Видит ли эту стену Витька? А если не заметил, стоит ли показать ему её?

Сам дом теперь уже не казался слишком большим. Двухэтажная основательная каменная коробка. В центре то самое театральное крыльцо, на поверку оказавшееся довольно примитивным, несмотря на колонны. Так, крыльцо — оно и есть крыльцо. Могли бы и боковые стены поднять между колоннами, чтобы не продувало. А то эти колонны — смешное и несуразное украшение. Особенно среди глухого леса. По сторонам от крыльца — по два узких вертикальных окна на каждом этаже. Расположены далековато друг от друга. На торцах — по одному окну на каждом этаже. И венчает дом покатая крыша. Следовательно, там ещё и чердак есть? Интересно.

Они обогнули угол дома и замерли. А потом, не сговариваясь, отошли от здания подальше, чтобы рассмотреть страшные чёрные пятна на сплошной, без окон, задней стене дома. Нет, не пятна. Скорей пятнами можно было бы назвать отдельные участки стены, оставшиеся чистыми... Оцепеневший Витька округлившимися глазами созерцал представшее им, а потом шепнул:

— Тут у них пожар, что ли, был?

Алиса помедлила, а потом подошла к стене. Потрогала — понюхала пальцы. Потом — подошла ближе, чтобы нюхнуть камни дома. Витька прав. Был пожар... Но ведь... И тут же девушка категорично сказала:

— Это не домашний пожар. Дома бы запах стоял страшный — до упора. А мы не почуяли. Может, только здесь что-то было? Воз стоял, с сеном или соломой, например?

А потом снова отошла и пригляделась уже к земле перед стеной. Здесь трава росла как-то... неохотно. А земля, видневшаяся под ней, тоже чернела... Значит, огонь горел и перед стеной? Но трава... Значит, это было, примерно, в прошлом году? Алиса вздохнула.

— Мы с тобой не спецы по пожарам, Вить, — сказала она. — Был и был. Пойдём лучше к ручью, а потом — в дом. Убираться. А к обеду, может, я сумею сварить какой-никакой суп. Горячего хочется до ужаса.

Вокруг ручья ничего особенного не наблюдалось, и Витька поднялся на овражный обрыв за ним и спустился, чтобы побродить по краю леса. Алиса сначала встревожилась, но фигура брата была видна, так что она успокоилась и снова подставила ладони под струйку воды, чтобы с удовольствием напиться...

— Ли-иска-а! — ликующий вопль Витьки заставил вздрогнуть. — Иди сюда! Что я нашёл! Не поверишь!

Она не сразу добралась до него, стоявшего рядом с огромной сосной. Овраг же, хоть и небольшой. А когда добралась — ахнула: брат скинул жилет и лихорадочно собирал в него белые и чёрные грузди! Машинально огляделась и бросилась чуть дальше от сосны — к следующим деревьям, потому что возле их стволов трава росла пореже, и белые, то есть боровики, торчали так победно, что мимо точно не пройдёшь!

Если тут знакомые грибы, может, и травы тоже будут?! Неплохо бы и их набрать, чтобы зиму зимовать нормально!

Сбрасывать с себя одежду не стала — нашла огромнейшие листья лопуха и минуты спустя принесла к брату и свою добычу. Вымыли грибы сразу в ручье, чтобы дома не тратить принесённую воду. Счастливый Витька шагал впереди неё, то и дело оглядываясь на её лопухи и сияя от радости. Грибной суп Алиса ему уже пообещала — из белых. Грузди решили засушить, потому что варить их в супе сейчас некогда: перед варкой-то надо ещё пару раз отварить от горечи, а засолить — соль в этом мире наверняка дорогая, да и где её взять... А вот когда они поднялись к входной двери в дом и брат потянулся открыть её, Алиса проговорила:

— Вить, не злись, что делаю замечания, но... Лучше бы нам не орать здесь. Ты так кричал, что весь лес это слышал. А если тут бандиты какие-нибудь шастают? Дом у нас крепкий, но окна-то не защищены. Да и входная дверь... Засов засовом, но если кто с топором придёт... Я не паникёрша, но... Если кто захочет влезть, каюк нам. Не отобьёмся.

Он пропустил её мимо себя, а потом, закрыв дверь, кивнул.

— Я не злюсь. Ты правильно сказала. Это я всё ещё никак не могу привыкнуть, что... — он снова пожал плечами. — Что сначала надо прояснить обстановку, а уж потом...

Оставив грибы в кухне, они договорились в доме убираться понемногу, начиная со своих комнат, а потом делать перерывы. Снова сбегали во двор, где наломали сразу несколько веников, чтобы надолго хватило. После того как обе спальни были приведены в порядок, Витька сам вызвался убраться на втором этаже — подмести в коридоре, чтобы освободить сестру, которая собиралась заняться готовкой.

Но сначала они снова наставили указательные пальцы на открытую дверцу печурки и вызвали огонь. Найденным ножом, очень громоздким, зато острым, Алиса принялась крошить грибы в кастрюлю, вздыхая, что придётся есть несолёный суп. Витька почему-то не уходил, слоняясь по огромной кухне и о чём-то раздумывая. Остановился.

— Алиса, если мы умеем вызывать огонь, это колдовство или магия?

— Один фиг, как по мне. А что?

— Не, просто интересно. И эта кухня...

— И что тебе в этой кухне не нравится?

— Если есть кухня, где здесь то место, в котором должны храниться продукты?

— В смысле?

— Я имею в виду всякие шкафы. Или кладовку. Или чулан.

Алиса обернулась от рабочего стола. А ведь братишка снова прав.

— Пыль выметать не хочется? — усмехнулась она и предложила: — А ты обыщи все места рядом с кухней. Вдруг и в самом деле что-нибудь найдёшь?

И нашёл ведь! Тёмную, потому что без окон, кладовку! Или это чуланчик? С ларями для муки и полками — пустыми правда. Из веников наломали прутьев и подожгли в печурке,

чтобы рассмотреть находку. В одном ларе оказалась мука, но её опознали, после того как палкой скovyрнули слой плесени на ней. Витька даже взмолился:

— Может, ну эту плесень нафиг? С самого чистого местечка возьмёшь и хоть чуточку присыплешь суп! Ты же сама говорила, что с мукой суп гуще! И, может, на выпечку, на хлеб хватит? Или на лепёшки какие-нибудь? Блины?

— А потом помрёшь в жутких корчах, — мрачно сказала Алиса. — Плесень ядовитая — вбей себе в башку! И такая большая означает только одно: она добралась до самого дна! Так что забей и забудь. Закрой ларь — потом вынесем из дома и выбросим. Посмотри, что там в следующих. Может, что-то более полезное найдём.

И нашли! Соль! Причём в трёх ларях! Сначала открыли первый и глазам не поверили. Обрадовались так, что прыгали, обнимались и вопили в своё удовольствие! Не в лесу же вопили, а в собственном доме! А потом, утомившись, поняли, что ничего не поняли. Светлая соль (явно съедобная) была только в одном ларе. И было там её... ну, скажем так, маловато — половина ларя, который в оценке Алисы был похож на сложенную ножную швейную машину. Вроде и много, но... Девушке даже смешно стало: «Жадничаю? Или в мыслях уже потратила на соление грибов?»

А потом Витька открыл другие два ларя и нахмурился.

— Лиска, это чё?

Принюхались. Непонятно. Алиса лизнула палец и ткнула в то чёрное, что посвёркивало на свету. Несколько крупинок прилипло на кожу, и девушка, чуточку сомневаясь: «Но ведь это точно не порох!», попробовала. Посмотрела на брата.

— Это тоже соль.

— А почему чёрная?

— Ну... Может, у них здесь такая тоже есть?

— А если это не соль?

— Если мы точно не знаем, значит — трогать не будем. — И засмеялась, всё ещё пребывая в эйфории от найденной светлой соли: — Поймаем кого-нибудь и спросим!

Правда, смеясь, она взглянула на палец, с которого пробовала чёрную соль. Виду не подала, но удивилась: на нём осталось смазанное тёмное пятно. Неужели сажа?

— Ну тебя... — пробормотал тем временем Витька и, снова хмурясь на чёрную соль, напомнил: — Нашли-то её рядом с другой солью, нормальной. Может, это вообще не соль, а какая-то другая приправа?

— Я такой никогда не видела. Здешняя? Ладно. Забудь. Нам пока и этой хватит.

И промолчала, что брат её своими догадками, что вещество находится среди продуктов, успокоил её, потому что постепенно начинала психовать: мало ли что она в рот положила. А если это был яд? А она так легкомысленно решила попробовать его?!

Она сбегала в кухню, нашла большую глубокую чашку и зачерпнула светлую соль, чтобы её надолго хватило на рабочем, кухонном столе. К почти готовому супу Витька, закончивший уборку в коридоре, принёс спрятанный в спальне Алисы дорожный хлеб, немного. И объяснил:

— Грибы можно не экономить, а вот хлеб...

— А то не знаю, — улыбнулась старшая сестра и кивнула: — Витёк, как насчёт после обеда взять с собой мешки из-под одежды и набрать грибов побольше?

— Согласен на все сто! — заявил тот, а потом задумался. Так, задумчивым, но с удовольствием поел горячего супу, ещё и добавку попросил, после чего сам предложил: —

Лиска, я вот думаю... Может, грибы подождут? Нас ведь сюда привезли. Из ворот дорога одна. Значит, эта дорога — тупик. Может, пройдём по ней немного? — и, не дожидаясь вопроса, объяснил: — Если наша тупиковая дорога выходит на более... наезженную, может, где-то рядом деревня или город есть?

— Только ты мне посуду поможешь вымыть, — хмыкнула девушка, оглянувшись на плиту, где восседала большая кастрюля, в которой грелась вода для посуды.

— Помогу, — пообещал тот и тут же снова предложил: — А давай в следующий раз в тарелки наливать не будем? Прямо из кастрюли же есть можно!

— Не, Витёк, я брезгливая, — усмехнулась Алиса. — Да и... мало ли как ситуация повернётся? Вдруг у нас кто-то появится? Увидит, как ты прямо из кастрюли ешь — пойдёт про нас слава, что мы тут дикие совсем.

Брат вздохнул, но пререкаться не стал. Только задумчиво сказал:

— А один чайник можно переделать под умывальник. Подвесить его над какой-нибудь посудиною огромной, типа — под тазиком. И умывайся, сколько влезет. Помнишь, у бабушки такой был? Только с носиком...

Прежде чем выйти во двор, Витька убежал к себе в спальню и вернулся не просто одетый в те же штаны и рубашку, что и утром... Алиса подняла брови, но спрашивать не стала. Возможно, это она виновата, напугав брата у ручья, но Витька, как и хотел, снова нацепил свой подростковый учебный меч на бедро. Кроме того, он ещё, наверное, с кухни взял парочку ножей, который заткнул за широкий ремень. На пирата стал похож — посмеялась про себя девушка...

Но чуть позже сообразила, что таких громадных ножей она на кухне не видела. Более того: один из ножей оказался в ножнах, а другой — без. Витька добрался до какой-нибудь оружейной комнаты? Поэтому подметал в коридоре так долго? Зато и называть его теперь хотелось не Витькой, а Виктором... Вышли к дороге-тупику, и Алиса пару минут серьёзно размышляла, стоит ли напоминать брату, что так — с открытым лезвием — нож носить нельзя. Упадёт, неправильно повернётся — ладно хоть, если сам себя только поранит... Но опять-таки промолчала, решив поговорить с ним уже дома.

Сама не стала переодеваться. Пошла в том же, в чём была вчера, разве что корсет сняла (после вчерашней голодовки он уже не жал, так что она про него и забыла) и накинула поверх рубашечной блузы штуку вроде жилета, только очень короткую. И волосы подправила чуть-чуть: утром бегала с распущенными, а перед тем как варить суп, собрала волосы в косу и закрепила на затылке, благо не болел. И, на всякий случай, если кто-то из местных встретится, уже для прогулки сверху накинула тонкий шарф. А вдруг здесь замужние дамы волосы укрывают?

А ещё... Ещё при виде Виктора, «вооружённого до зубов», выходя на дорогу, со двора она прихватила какую-то толстую палку, вроде дубинки, и чуть не расхохоталась, поймав одобрительный взгляд младшего брата.

После первых шагов по заросшей дороге от дома Витька задумчиво сказал:

— А потом ходим по течению ручья. На грибах прожить можно, но ведь надоест. А вдруг ручей впадает в речку? Можно будет рыбы наловить.

— Но у нас нет рыболовных снастей, — напомнила Алиса.

— И чё? Зато я у тебя видел такую штуку прозрачную — можно сачок сделать.

Некоторое время она помалкивала, вспоминая, что за прозрачную штуку видел младший брат. А потом снова закусила губу, чтобы не расхохотаться: кажется, он имел в виду вуаль!

...Сначала она пыталась считать шаги, чтобы узнать, какое расстояние у дороги-тупика, потом, сбившись со счёта, плюнула и начала думать, сколько времени прошло с момента выхода из дома. Показалось, шли где-то полтора часа. Интересно, двенадцать есть? Кажется, уже и в самом деле наступил обед. Или время послеобеденное? Солнце-то пригревало так, что их головы (Алиса потрогала свою, укрытую шарфом) стали горячими.

— Мне кажется, здесь август, — предположила она, раздумывая о том, получится ли во дворе, там, где травы поменьше, устроить что-то вроде солнечных часов, очень примитивных: воткнуть в землю колышек и расчертить вокруг него круг циферблата.

— Почему август?

— А ты посмотри на дорогу — на ней маленькие листочки есть, жёлтые. А деревья всё ещё зелёные. Да и птицы поют тихонько — не так, как в начале лета.

— Может быть...

Витька казался рассеянным, но на деле он так внимательно присматривался к лесу, к высоченным деревьям, среди которых убегала дорога, что иной раз спотыкался, забывая смотреть под ноги. Волей-неволей Алисе пришлось взять его за руку и вести дальше. Шли молча, и девушка только улыбалась, когда и её глаза шарили — только по земле, опять-таки в поисках грибов. Но порой она вскидывала глаза, чтобы убедиться: дорога-тупик пока не вливается в ту, которая должна была вывезти их к... ой, мамочки... к мужу.

— Стой! — шёпотом скомандовал Виктор, и Алиса послушно и даже испуганно замерла на месте. — Слышишь?

Алиса ничего подозрительного не слышала, зато видела, что до просвета недалеко и что этот просвет, кажется, и есть встреча тупиковой дороги с той самой наезженной. Или это всего лишь просека?.. Но брат даже голову склонил, прислушиваясь. И девушка, затаила дыхание...

И услышала! Кто-то неподалёку от их дороги скулил так жалобно, что у Алисы сердце заныло. Они переглянулись и медленно пошли к высоким цветам и травам, в которых пряталось скулящее существо. Причём Виктор неожиданно для Алисы (но она немедленно сказала про себя: «Одобрям-с!») вынул из ножен свой меч, а другой рукой взялся за рукоять ножа.

Наконец они остановились в паре метров от места, и скулёр превратился в нитьё. Человеческое. Снова переглянулись, и Виктор, сглотнув, сказал негромко, но звучно:

— Кто там?

В траве икнули так громко, что подавились и раскашлялись.

Алиса быстро прошагала нужное расстояние и развела в стороны травы.

Опаньки! Здесь сидела одна из трёх девушек, которых ей определили в прислуги!

Вылупила мокрые глазища на Алису, рот открыла — и как кинется к Алисе на шею! Чуть с ног не свалила, хорошо ещё — Алиса успела крепче ноги расставить.

— Ничё се... — ошалев, выговорил Виктор.

А первое впечатление от встречи с девицей у Алисы было страшным: на несколько карет, которые её должны были довести к мужу, напали разбойники?! И вот эта девица осталась единственной выжившей?! А та стискивала тощие ручонки вокруг её шеи и тоненько подвывала, словно бы подтверждая нападение грабителей.

Но вскоре девица успокоилась и сумела по наводящим вопросам рассказать, почему она вдруг очутилась в одиночестве. Всё оказалось до глупого просто. Когда кареты достигли перекрёстка, дан Бартлей велел устроить краткую «зелёную остановку». Дамы с пискom

разбежались по кустикам, а вот конкретная эта, будучи весьма стеснительной, мало того что убежала в самые дальние от дороги кусты, так ещё и провозилась там слишком долго, приводя себя в порядок. Когда вышла на дорогу, с ужасом выяснила, что уехали без неё. А потом выяснила, что не помнит, какой дорогой надо возвращаться к цивилизации, и потопаала по той, что ей показалась подходящей... Алиса сочувственно спросила:

— И ты эту ночь ночевала в лесу?!

Лучше бы не спрашивала: девица вновь обрыдалась на её груди. Пришлось успокаивать, а потом брат с сестрой, переглянувшись, пожали плечами.

— Придётся возвращаться в дом.

— Нет!!

Новый вопль девицы оглушил их.

— Чё ты орёшь? — поразился Виктор.

Но девица не расцепляла рук вокруг шеи Алисы и продолжала орать, как оглашенная. Правда, ручонки у неё не слишком сильные оказались. Алиса быстро сняла дамочку со своей шеи и рывкнула:

— Как звать?!

— Лула! — чётко ответила дамочка, которую Алиса удерживала за руки на небольшом расстоянии от себя. И снова, потянувшись к Алисе, заскулила: — Я не хочу в тот дом, леди Алиссия! Там страшно!

— Мы там спали всю ночь — и ничего страшного не было, да и с нами ничего не случилось, — быстро вставила в паузу Алиса. — Хочешь суп? Я суп сварила — грибной! — похвасталась она. — И учти: мы ведь тоже дорогу не знаем, а в доме всё же лучше.

Неизвестно, что больше изумило эту самую Лулу: проведённая ими безопасно ночь или суп, сваренный потенциальной хозяйкой, но плакать она постепенно перестала. И скоро покорно поплелась следом за своей то ли настоящей, то ли всё-таки отменённой хозяйкой и её братом.

По дороге назад, благо Лула плелась между ними, Виктор вполголоса спросил её:

— А ты сама... как думаешь, прочему они тебя не дождались?

— Так ночь скоро, дан Виктор, — судорожно вздыхая, ответила несчастная девушка. — Совсем стемнело. Страшно же в лесу-то этом... Конечно, они и уехали.

Алиса и Виктор переглянулись. Кажется, что-то тут сильно не так, как они себе представляли. И старшая сестра вдруг подумала: «Лучше бы Виктор спрашивал её уже в доме. Или сообразит сам, что по дороге не стоит спрашивать о деталях? Господи, как представляю, что она эту ночь в лесу... одна...» И непроизвольно сжала дубинку, о которой вроде и подзабыла.

Может, Виктор сообразил насчёт расспросов, а может, слова девушки заставили его задуматься о чём-то другом, но брат молчал весь путь до дома. Только насторожённо оглядывался, жёстко сжимая так и не всунутый в ножны меч. А пока дошли, и Лула успокоилась. В конце концов, в доме она уже была. И Алиса за время дороги продумала, куда её разместить.

А потому, пройдя узкие «сени», в холле она сказала понурившейся («Делайте со мной, что хотите!») девице, которая остановилась в ожидании распоряжений:

— Наверху есть несколько спален. Я отдам тебе одну из них. Но спать ты будешь в моей спальне. — И добавила жёстче, чтобы та сразу поняла главное: — Вдруг мне понадобятся твои услуги.

Заметила в изумлении взметнувшиеся брови брата, но тон не сменила, а развернулась к лестнице и бросила, не глядя:

— Иди за мной!

Спальню девице Алиса определила с левой стороны от своей. Но Лула только осмотрела «свою» комнату и вопросительно уставилась на хозяйку.

— А где я буду спать? — пролепетала она.

Алиса кивнула ей и открыла дверь своей спальни. Вторая кровать здесь уже стояла — напротив той, которая уже была ранее в комнате. Вторую брат с сестрой поставили сюда сразу, как только Виктор решил, что ночевать будет у сестры.

Его кровать выглядела довольно скудно, по сравнению с первой. На кровати Алисы валялись «шмотки», вываленные из походных мешков и пока ещё не разобранные... Неудивительно, что Лула справедливо решила: кровать, где на матрасе, кроме пары гобеленов, вместо одеяла и подушки, ничего не было, и предназначена ей. Девица оставила на ней свою поклажу: торбочку и увесистую котомку — и вновь вопросительно воззрилась на хозяйку.

— Идём на кухню, — велела Алиса. — Там ты умоешься и поешь.

И развернулась к выходу, чуть не столкнувшись нос к носу с братом. Сначала Алиса предположила, что Виктор будет громко возражать против присвоения его спального места, но брат молча посторонился, уступая дамам дорогу, и пошёл за ними.

Тёплая вода ещё оставалась в громадном чайнике, так что Алиса полила её на подставленные ладошки Лулы, которая даже обрадовалась умыванию. Вытираться более или менее чистой тряпкой (Алиса подозревала в этом лоскуте часть старого гобелена) девица не стала, а только аккуратно промокнула ею лицо.

Пока проводились эти процедуры, кастрюля поменьше, куда Алиса долила своё варево для Лулы, нагрелась... Чтобы не мешать голодной девице уплетать горячий грибной суп, Алиса вышла из кухни и вновь наткнулась на брата. Тот сунулся посмотреть на белобрысую девицу, с наслаждением поглощавшую суп, а потом вышел в коридор.

— Слушай, а чё ты на неё орёшь? — с недоумением спросил он.

— Я ору? — поразилась Алиса.

— Ты.

Поразмыслив, девушка сообразила, что имеет в виду брат.

— Я не ору, — сказала она. — Просто говорю с ней жёстче, чем с тобой.

— Зачем?

— Она испугана и, вообще, кажется, очень пугливая по жизни. А я своим жёстким тоном успокаиваю её, не даю реветь зря. Ну, как в стае — я вожак, а она подчинённая.

Виктор надолго задумался, поглядывая в полуоткрытую дверь кухни, где уже повеселевшая Лула доедала суп и поднимала голову посмотреть, много ли в кастрюле ещё... Пожал плечами, а потом спросил:

— А почему со мной не орёшь? В смысле, на меня?

— А мы с тобой почти на равных. Ты не боишься — и я не боюсь. А если будем бояться, то... — она усмехнулась и пальцем показала на приткнувшуюся к стене дубинку.

— Не совсем понял, — признался он. — Ты хочешь сказать, её успокаивает, что ты на неё орёшь? Ну, говоришь с ней жёстче?

— Да. Она думает, я очень уверенный человек, который знает, что нужно делать в экстремальной ситуации, и потому перестаёт бояться.

— Ну-ну... — сказал брат и шмыгнул носом.

Через пять минут они сидели возле Лулы, поспешно поедающей добавку. Девушка вроде как освоилась, после того как Алиса без вопросов и пожеланий налила ей эту добавку, и теперь можно было поговорить с ней. Поэтому новая хозяйка дома, каковой себя считала Алиса, и начала решительно, не давая опомниться:

— Лула, я ничего не знаю про этот дом и лес. Расскажи всё, что знаешь. Кратко!

Виктор с новым недоумением взглянул на неё. Смutilo слово «кратко»? Но опять промолчал, что Алиса ну очень одобрила. А эта белобрысая пигалица поспешно заглотала последнюю ложку супа и глазами, заблестевшими любопытством, обвела обоих господ.

— Этот лес заняли измигуны. — И, наверное, посчитав, что она высказалась точно по требовательному вопросу хозяйки (или госпожи?), приподнялась на месте, чтобы оглянуться на плиту, на которой стояла кастрюлька с порцией нагретого супа для неё.

Алиса чуть не зарычала, уловив насмешливый взгляд младшего брата: «Ты же хотела, чтобы она объяснила кратко! Ну и получи!» Ладно, фиг с ним.

— И чего их бояться? — пренебрежительно спросила она. — Тоже мне — нашла, чего бояться. Измигуны — так измигуны. Ничего особенного!

Скрытое поддразнивание помогло.

Лула уставилась на них уже вылупленными от ужаса глазами:

— Господа не боятся измигунов?!

И речь вновь перепуганной девушки излилась на внимательных слушателей так, что к её концу они стали весьма серьёзными.

Итак, по словам Лулы, измигуны — это страшные лесные твари, близкие к демонам. Они приходят к людским жилищам и выкликают своих жертв, используя голоса, знакомые и

даже родные. Услышав такие голоса, заворожённые адским звуком, люди, даже зная о измигунах, выходят из своих жилищ, и измигуны набрасываются на них всей стаей, рвут их, раздирают в клочья...

— И всё? — холодно перебила белобрысую Алиса, стороной отметив застывшего в какой-то прострации Виктора. Впечатлился? Не надо бы... — Мы будем спать на втором этаже, так что нам...

— Они по стенам бегают!.. — с придыханием выпалила Лула. — В окна стучат, а если им ответить, лезут в дома!

— А если не отвечать?

— Вокруг дома всю ночь будут бегать!

— Ну и пусть бегают, — уже рассеянно сказала Алиса, и Лула замолчала, возмущённо глядя на госпожу: пугала, пугала, а напугать не сумела! Алиса тем временем определилась со следующим фактом, нужным ей и спросила: — Лула, когда они приходят?

— После заката, — поёжившись, ответила белобрысая.

— А почему они тогда не приходили в эту ночь, в прошедшую?

— Так они пока не знали, — простодушно объяснила Лула. — Что дом уже не пустой.

Вот теперь Алиса метнула укоризненный взгляд на брата: «Это ты орал, когда грибы нашёл! Значит, в эту ночь они точно припрутся!» Виктор виновато потупился.

— Ладно. Займёмся нужным в нашей ситуации, — решила Алиса. — Мы не знаем когда сюда приедут и приедут ли вообще. Дороги в нужную сторону мы тоже не знаем. Зато знаем, что все дороги проложены в лесу. Значит, нам надо подготовиться к жизни здесь, какой бы она ни была. Начнём же вот с чего. Виктор, ты ещё не отказался от мысли побольше набрать грибов? Место тамошнее, грибное, недалеко от дома, так что за тебя переживать не буду.

— Не отказался! — обрадовался брат. — Только ты мне тару выдай.

— Тару тебе ещё, — проворчала сестра. — Возьми вон мешок, как ты раньше и хотел. Их здесь полно. Он в любом случае легче, чем ведро или кастрюля.

— Два возьму! — возликовал Виктор, машинально дотрагиваясь до меча на боку.

Этот жест успокоил Алису: брат начинает привыкать к здешней жизни.

— Только не увлекайся, — напомнила она. — Вернись домой до заката. А мы с тобой, — сурово взглянула она на Лулу, внимательно — открыв рот, слушавшую их, — будем солить те грибы, которые уже собраны. Начнём с белых — сварим их и прямо в кастрюлях, снесём в подпол — крышку от подпола я уже видела. Наша бабушка грибы на зиму заготавливала именно так. Да и удобней: взяли такую заготовку — и можно сразу в суп. А потом, если времени хватит до вечера, можно будет груздями заняться. Они мытые, так что только засолить и остаётся. Посудин здесь полно — может, успеем и то, что дан Виктор чуть позже принесёт, обработать.

Судя по помалкиванию белобрысой, названия грибов не вызывали у неё удивления. И грибами она тоже ранее занималась. И Алиса подумала, что неплохо бы во время заготовки разговорить девицу, чтобы рассказала о себе. Слушая историю её жизни, можно будет узнать и об этом мире побольше.

Велев Луле найти подходящие для засолки кастрюли из тех, что вымыты, она пошла проводить брата — с целью дать ценные указания, то есть ещё раз напомнить, что Виктор должен вернуться до заката. А то и раньше — намекнула она. Чтобы помочь с той грудой грибов, которые появятся с его приходом.

А когда они вышли на крыльцо, Алиса оглянулась на закрытую ею дверь, убедилась, что она закрыта плотно, и спросила:

— Вить, а откуда у тебя такие ножи?

— Ну... я, когда полы в коридоре подметал... — замялся брат и выпалил: — Я на чердак залез, а там столько добра!

— В смысле — оружия? — изумилась Алиса.

— Да нет, не только. Там и тряпки всякие есть, и утварь разная. А что?

— Ты видел в сенях, ну, за этой дверью, какие-то ящики стоят? Мне кажется, это стенды для холодного оружия. Может, оружие с чердака перетаскать сюда?

Подумав, Виктор покачал головой.

— Лучше эти ящики втащить, наоборот, в холл. И уже там их наполнить. А то эти сени... хлипкие какие-то.

— Подумаем. Смотри, не пропадай дотемна.

— Да не бойся. Всё хоккей будет.

И брат, волоча за собой пустые мешки, побежал со ступеней крыльца, чтобы через десяток шагов исчезнуть за углом дома. Глядя ему вслед, Алиса взяла себе на заметку: надо бы и самой порыскать по чердаку. Неизвестно, как долго они здесь будут жить, но пора обзаводиться хозяйством, как следует. Пусть утварь и будет старой.

Вернулась к Луле, которая уже вооружилась самым маленьким кухонным ножом и резала белые грибы, бросая затем их в кастрюлю. Алиса присоединилась к ней и принялась исподволь расспрашивать белобрысую о жите-бытье до той поры, пока Лула не стала входить в число трёх девиц в услужении невесте дана Маркаса. К сожалению, её рассказ мало в чём просветил. Алиса выяснила, что Лула происходит из не очень богатой, пусть и знатной семьи. Небольшое поместье этой семьи, как и многие из небогатых, лепилось к более богатому, которое и принадлежало матери Алисы (у неё аж скулы свело, едва она поняла, что Лула говорит о той её матери, которая была и в покинутом мире), так что слугам дана Маркаса недолго пришлось бегать, чтобы набрать приличествующее невесте-жене своего господина сопровождение. Насколько поняла Алиса, поместье «её» матери находится в порядочной глуши... Попытка выяснить, что представляет собой дан Маркас, не увенчалась успехом. Лула просто не знала его в лицо, а по слухам не могла сказать, что он за человек.

Как ни странно, за оживлённой болтовнёй белобрысой они довольно быстро справились с принесёнными ранее грибами. Присматриваясь к Луле, Алиса заметила, что девица, которой, как и брату, оказалось шестнадцать лет, слегка покашливает. Пока спала в лесу, простыла?.. Прикинув обстоятельства, она предложила белобрысой отдохнуть от грибов и прогуляться к ручью, посмотреть, как там дела у дана Виктора. Прихватив опустевший чайник, который она решила использовать вместо ведёрка (а что? Заодно и воду принести надо), Алиса поспешила из дома. Лула, мгновенно насторожившаяся и вновь оробевшая, неохотно поплелась следом.

Вскоре, поняв, что они будут недалеко от дома, белобрысая с удовольствием посидела возле ручья, слушая его струйный звон, пока Алиса обходила овражек и проверяла, далеко ли Виктор. Брата не нашла, зато наткнулась на мешок, набитый груздями и белыми грибами вперемешку. Отсутствие второго мешка подсказало, что Виктор скоро появится, так что Алиса со спокойной душой вернулась к ручью, зелень возле которого внимательно обследовала. Из нужных для чаёв трав нашла мать-и-мачеху, кипрей (вспомнилось, что

растёт Иван-чай рядом с пожарищами или на них самих, но не стала зацикливаться на том) и красный клевер, возликовала при виде подорожника и чистотела с мелкой ромашкой (лекарств-то нет, а тут такое богатство!), с огромным воодушевлением выдрала крутые кустики цикория с корнями (кофейным напитком обеспечены!). Ошалевшая от счастья, Алиса, таща настоящий сноп из цветов и трав, присоединилась к Луле. Букетище пришлось передать белобрысой: та выглядела слишком хлипкой для семилитрового, как подозревала Алиса, чайника с водой.

Возвращались домой молчаливые: Алиса немного необоснованно злилась на себя, что не изучала травознание в своём мире. Вон сколько вокруг разнообразных трав! Наверняка что-то ещё могло пригодиться для жизни посреди леса. И только у самого дома, у крыльца, догадалась спросить Лулу, которая чуть-чуть запыхалась:

— А ты знаешь травы, кроме тех, что я собрала?

И сама открыла рот, слушая то, что начала перечислять белобрысая из виденного возле ручья!

Не останавливаясь в холле, сразу пошли на кухню, где Алиса тут же поставила самый маленький чайник на огонь, который могла вызвать и сама. Чему, кстати, Лула несколько не удивилась — тому, что хозяйка умеет колдовать. Только смотреть начала уважительней... На ту же плиту Алиса поставила кастрюлю с нарезанными белыми грибами и посыпала воду светлой солью. Вспомнив, небрежно спросила, чувствуя себя шпионкой, выпытывающей стратегические секреты у обывателя, ничего не подозревающего:

— Лула, мы тут, в доме, нашли странную соль. Она почему-то чёрная. Ты знаешь, в чём дело? Почему она такая?

Белобрысая только пожала плечами, разбирая букет на травы лекарственные и чайные. И так, Лула тоже не знала, почему в доме хранится чёрная соль. Если это соль — напомнила себе Алиса.

Наконец вода в чайнике закипела, и в отдельной чашке Алиса для Лулы заварила чай от простуды. Узнав, что хозяйка проявила о ней заботу, белобрысая, укладывая грузди в следующей кастрюле — за неимением банок, тихонько засияла. Кажется, она даже забыла о своём страхе перед неведомыми измигунами.

Зато Алиса мгновенно вспомнила об опасности, выглянув в окно, выходящее к овражку с ручьём. Тени от деревьев, ближайших к ручью, стали такими длинными, что уже укрыли тот маленький бассейн, или запруду, в котором она и Виктор мыли грибы.

Где брат?

Древесные тени заворожили. Алиса всматривалась в них, отмечая, что они гораздо плотней, чем видела утром. И вскоре она поняла, что уже и чудиться что-то стало. Несмотря на уверения Лулы, что измигуны — твари вполне себе телесные, Алиса поняла, что в этих тенях кто-то копошится. Глаз замылился и видит фиг знает что? Или она так настроилась на этих измигунов, что они уже мерещатся ей?.. В любом случае, девушка поняла, что руки начинают дрожать отнюдь не от усталости, пока она перебирала грибы, засыпая их солью.

В конце концов, не выдержала. Встала из-за стола, стараясь выглядеть недовольной и деловитой. Взглянула на Лулу, которая принялась за предложенный ей травяной чай, и скомандовала:

— Как только закончишь с груздями — просто закрой кастрюлю крышкой, ладно? Я пока сбегую к дану Виктору, отругаю его за излишний азарт!

Кажется, девица поверила её наигранной злости на брата, поверила, что хозяйка уйдёт

ненадолго, потому что безбоязненно кивнула и заглянула в очередную кастрюлю с резаными грибами. За эту кастрюлю Алиса была спокойна. Та наполнена грибами меньше, чем наполовину, так что белобрысая могла заниматься ими ещё долго.

Твёрдым шагом настоящей хозяйки Алиса прошла по коридору из кухни в холл, но в «сенях» уже заторопилась, а с крыльца так вообще скатилась и во весь дух помчалась к ручью. Здесь вновь замедлила шаг, но это было нормально: надо взобраться на край овражка и осмотреться. Ближе к деревьям она уже психанула: от леса, от первых деревьев на опушке, солнца уже не видно! Где этот дурак?! Неужели ушёл за грибами вглубь леса, да и заблудился там?!

«Чёртов мальчишка! — свирепела Алиса со слезами на глазах. — Куда ты делся?! А я, дура, ещё поверила, что здесь ты резко повзрослел! Что тебе доверять можно! Витька, блин, куда ты ушёл?! И кричать нельзя в полный голос! Мало ли тут...»

Она вдруг замерла на месте, тревожно прислушиваясь. Да, ещё в полдень они заметили, что птицы поют в этом местечке не слишком активно. Но всё же было слышно, как они пересвистываются. А сейчас?.. Постояв немного, Алиса поняла, что, кроме шорохов листьев на ветру, она ничего не слышит. Лес, будто на ходу получив подножку, окаменел: ни одной птичьей трели или простенького посвиста... А ведь над домом (обернулась Алиса) всё ещё хорошо видны с опушки солнечные лучи.

Так почему перестали петь лесные птицы?

До звона в собственных напряжённых ушах вслушиваясь в лиственный шелест, Алиса уже с отчаянием думала, стоит ли хоть немного углубиться в лес, чтобы там тихонько звать Витьку — Виктором она уже не могла называть сумасшедшего мальчишку!

Странное тоненькое: «И-и! И-и-и!» заставило её оглянуться.

Вот чёрт!.. К ней бежала Лула, на ходу испуганно попискивая.

Алиса мгновенно взбеленилась:

— Зачем ты вышла из дома?! Я же велела тебе ждать там!

— Одной страшно-о! — всхлипнула добежавшая белобрысая и беспомощно осмотрелась: — А где дан Виктор?

— Это и мне хотелось бы знать, — сквозь зубы пробормотала Алиса, вновь разворачиваясь к лесу. — Небось, грибы в чашу заманили. Тот мешок-то, первый, всё ещё здесь. Отнесём его, что ли, в дом?

— Отнесём! — торопливо согласилась Лула.

Покосившись на девицу: «Надеется, что я потом не выйду?», Алиса снова мельком мазнула взглядом по дому и прикусила губу. Только справа его крыша всё ещё желтела отсветом заходящего солнца.

— Кричит... — прошептала белобрысая.

Сердце Алисы оборвалось от её шёпота, и лишь секунды спустя она догадалась, о чём ей говорит Лула

— Я не слышу, — уже сама испуганная, ответила она.

— Это недалеко. — Встав рядом, Лула смотрела в чашобу, которая медленно и угрожающе наливалась уже не тенями, а самой настоящей сумеречной тьмой.

— Ты... сможешь нас туда довести?

— Бежать бы надо, — с сомнением посмотрела белобрысая на темнеющие деревья. — Бежим, леди Алиссия?

— Бежим! Показывай дорогу!

Несмотря на subtilность, бегать Лула умела. Но при этом постоянно держала такую скорость, чтобы и Алиса поспевала за ней.

Прутья кустов трещали и свистели, стегая вынужденных бегуний. Под ногами уже трав, тёмных, а то и чёрно-зелёных, почти не видать. Ладно хоть глаза всё-таки приноровились — и видно было, куда ставить ногу даже в беге... На тропу Алиса уже и не надеялась, но здорово злилась, потому что бежать во весь опор мешали юбки, которые ещё и приподнимать приходилось, чтобы не зацепились за ветки.

И промелькнула мгновенная паника, когда Алиса додумалась: а если не Витька их зовёт, а те самые измигуны?! И теперь две глупые девицы добровольно мчатся прямо в пасти неведомых страшилищ?! А-а! Не всё ли равно теперь, когда убежали от дома на неумолимо безвыходное расстояние?!

Пару раз останавливались, чтобы в очередной раз определиться с направлением, туда ли они бегут. А когда остановились в третий, уже и Алиса расслышала неуверенное:

— Ли-иска-а!

И только сейчас начала гадать о другом: да что с ним самим могло случиться, что он не выходит на опушку? Права же Лула: здесь недалеко! Заблудился, а потому растерялся? Побоялся шаг ступить снова не в ту сторону? Или, что хуже, ранен? Упал в какую-нибудь яму? Хотя нет. Из ямы зова не услышала бы и Лула.

Даже не крик, а возглас вполголоса раздался так близко, что девушки одновременно повернули к высокому кусту. Только было Алиса собиралась поднять руки, чтобы обнять брата и спросить, всё ли с ним в порядке, как едва не споткнулась.

Полянкой это место не назовёшь, но деревья здесь не так кучно росли. Так что, чуть шагнув вперёд, обе замерли на месте, ничего не понимая: Виктор сидел на коленях — перед собакой, которая лежала на боку и, кажется, уже не дышала. Мурашки по телу, но Алиса поняла брата, когда увидела, что собака попала в капкан и что Виктор пытается раздвинуть его железные челюсти, сомкнувшиеся на задней лапе.

— Она не... — начала Алиса и закрыла рот, не желая договаривать.

— Живая! — буркнул Виктор. — Поможешь?

Сестра только хотела осведомиться, понимает ли он, что до заката совсем чуть-чуть, но вовремя увидела: брат то и дело поднимает голову, чтобы встревоженно посмотреть на верхушки деревьев. Ладно, вопросов нет. И быстро присела рядом с ним.

— Покажи, как тут?

Капкан и впрямь оказался мощным. Как ни старались, тугие челюсти было трудно разомкнуть. Мало того — счастье, что псина лежала без сознания, видимо, обескровленная: когда челюсти капканьи слегка отодвигались, было ясно, что в следующий раз они вновь воткнутся в кость. И Алиса просто кривилась от боли, которую должна была бы почувствовать собака, будь она в сознании.

И тут склонилась сбоку Лула.

— Сбоку на капкане есть такая пружина... — И быстро объяснила, как надо действовать, чтобы дуги капкана освободили лапу псины.

Повозившись немного (Алиса с нарастающим ужасом на душе: в лесу темнело на глазах!), они сумели вызволить зверя. Но что дальше? Виктор с мольбой смотрел на сестру, и та, наконец, сообразила:

— Ломайте ветки, да подлиннее! Сделаем волокушу, отвезём к себе! Быстро! — лихорадочно проговорила она, нервно оглядываясь.

Треск стоял такой, что при каждом Алиса (видно было — и Лула) умирала от страха. Виктор же не обращал внимания, что треск разносится по всему лесу. И сестра в какой-то мере понимала его: если уж что-то делать, то немедленно — всё равно ведь они в лесу.

Собаку перенесли с земли на волокушу и потащили её, держась за сучья, — сначала брат с Лулой, а потом, когда белобрысая устала, ей сменила Алиса.

К крыльцу дома добежали почти в сумерках. Какое там солнце! Ступени крыльца с трудом разглядели! Лула снова взялась за волокушу: Алиса, как более сильная, пробежала назад и схватила ветви волокуши, чтобы приподнять собаку и не свалить её на лестнице.

Втащили в «сени», затем в холл. Опустили волокушу на пол, и Виктор сразу кинулся закрывать входную дверь. Алиса услышала грохот, бросилась к нему на помощь. Металлическая кочерга вновь опустилась в пазы засова. Её ещё проверили, плотно ли сидит. Уверившись, что она не выскользнет, разом опустили плечи.

— Свет зажигать не будем, — слегка задыхаясь, предупредила Алиса.

— А собака как? — расстроился Виктор.

— Легко. Втащим в коридор второго этажа. Там только одно окно. Его закроем гобеленами и накидками с кресел. Свечи я нашла, так что зажжём и хотя бы промоем ей рану. Только, Вить... А вдруг она очнётся и начнёт бросаться на нас? Всё же в знакомом для себя месте окажется. И люди для неё знакомые...

— У меня есть ремень для одного из ножей, — вздохнул брат. — Сделаю петлю — будет ошейник. А уж верёвок на кухне видел полно. Вот и поводок. Привяжем к любой двери и пусть сидит или лежит. А потом...

Пронзительный тоненький вопль, словно током продравший их до самых пяток, прервал переговоры. Едва не столкнувшись в дверном проёме, они бросились в холл. И снова оторопели. Чужой мир проявлялся для них новыми гранями, до сих пор вроде бы даже и непостижимыми. Забившись в угол, Лула уже только скулила и таранилась на лежавшего на полу обнажённого человека.

Виктор глотнул и сипло выдавил:

— Это чё? Ой, нет... кто? Оборотень, что ли?

Алиса же подняла руку, чтобы поставить свою челюсть на место, и дрожащим голосом слабо скомандовала:

— Идём на кухню и тащим сюда... нет, на второй этаж тёплую воду. Иначе он ногу потеряет. А так... хоть промоем получше...

И вспомнила молитвенно: подорожники-то успели собрать!

Нет, зря Алиса обозлилась на брата и решила, что имя ему Витька, а не гордое Виктор! После косноязычных слов сестры о тёплой воде, которой хоть рану странному существу, попавшему в жуткий капкан, промыть надо бы, он побежал в кухню. Пока Лула похныкивала, издав далеко в ужасе глядя на молодого мужика, валявшего на полу, брат притащил тот самый чайник, с которым удобно бегать за водой, тот кусок гобелена, который они использовали как полотенце, и... верёвки!

Только было Алиса открыла рот спросить, а они-то к чему, как сама сообразила: Виктор прав! На все сто! Если это существо раньше было собакой... ой, волком, то оно не помнит, кто к нему подходил и помог избавиться из страшного плена. А значит, оборотень может кинуться на них. Ещё неизвестно, как он вообще относится к людям. А вдруг в штыки воспринимает?.. Новая реальность, блин... Лучше связать его — хоть немного, чтобы в первые минуты пришёл в себя, уяснил обстановку, а потом...

— Потом развяжем, — сквозь зубы процедил Виктор.

Оглянувшись на попискивающую девицу, еле видную в темноте, он разорвал недавнее «полотенце» и бросил на неподвижное тело его часть побольше, закрыв «стыдное» место. Затем брат подтолкнул тело оборотня лечь чуть боком, отвёл ему руки назад и начал наматывать на его запястья верёвки.

Алиса же устроилась у ног молодого мужчины, подвинула к себе ту, пораненную, и принялась отмывать её: потихоньку лила воду прямо на пол (ничего ему, полу-то, до утра не сделается!) и сразу вытирала или промакивала уменьшившимся куском «полотенца» всё, что намокало в ране. Лула дикими глазами посмотрела на неё (типа: госпожа — и чем занимается?!), а потом... присоседилась: тоже присела и стала эту ногу держать, чтобы удобней было над нею колдовать. А Алиса про себя хмыкнула: Лула, вообще-то, из так называемой мелкопоместной семьи, — значит, с детства по хозяйству работала и многие дела по нему должна знать очень хорошо...

А брат тем временем смотался куда-то вверх.

Легко сказать — отмывать грязь с ноги. Вокруг темнотица. Предметы еле виднеются, и что-то подсказывает, что эта тьма ещё не предел, что будет ещё кромешней. И Алиса постепенно начала проникаться небольшой паникой. Где она оставила подорожник? И был ли он чистым, когда она собирала его? Ещё смущало окно в холле. Пусть узкое, но оно по цвету отличалось от той тьмы, которая медленно воцарялась в помещении. А если кто-то заглянет в это окно? Неизвестно, как Лула... хотя чего неизвестно — опять визжать начнёт. Так вот... Алиса немного побаивалась, что она сама орать не тише будет, если неожиданно за окном узреет какое-нибудь страшилище.

Куда так надолго отлучился брат? Что он там делает, наверху-то? Надо было ему сказать, чтобы он... Руки замерли. В темноте Алиса разглядела, что и Лула быстро подняла голову, прислушиваясь к тому, что происходит наверху. Впрочем, прислушивалась белобрысенькая недолго: только замерла — и тут же шмыгнула к Алисе поближе, чтобы чуть не прижаться к хозяйке, да ещё за руку — ладно, за плечо, — схватила.

А сверху отчётливо донеслись стук, едва слышный и краткий грохот, а потом даже скрежет. Спину обдало ледяным холодом: не дерётся ли Виктор с прорвавшимся в дом измигуном?! Аж рот открыла, напряжённо вслушиваясь. И, как будто в насмешку, долгая

беззвучная пауза, после чего внезапно раздалась целая череда необъяснимых звуков: что-то, очень тяжёлое по всем впечатлениям, резко шлёпалось, а потом слегка шипело — и тишина. Потом всё повторялось... Три или четыре раза... Да чем он там занимается?! Хоть бы предупредил сначала!..

Чтобы не психовать в ожидании, пока брат спустится (или не спустится!!) и не объяснит, что он там делает, Алиса прошептала:

— Лула, ты помнишь, куда положила травы?

Тёплый шёпот торкнулся в ухо:

— Помню...

— Сумеешь дойти и взять подорожник? Надо облепить рану листьями, а потом завязать её. Сумеешь найти?

— Искать не надо — я помню, но... идти на кухню — сейчас?!

— Тихо-тихо, успокойся, — вздохнула Алиса.

Она злилась на себя, что не прихватила с собой никакого прутика, чтобы поджечь его и быстренько сбежать на кухню при махоньком свете — не привлекающем внимания уличных страшилищ, как надеялась она. Но тут же, обернувшись к окну, поёжилась. Ну нет. Лучше пока не надо зажигать даже искорку... Вот утром надо бы обсудить ситуацию и продумать всё на время следующих вечера и ночи.

— Тогда скажи, где ты их оставила.

— На том столе, где много посуды.

Хм. Кажется, Лула говорит о мощном и высоченном буфете, состоящем из нижнего закрытого шкафа и открытых полок на нём. Именно на столешнице (на полке закрытого) того шкафа и стояла основная посуда, которую Алиса надеялась вымыть после похода по тупиковой дороге из дома.

— Девчонки... — прошептали сверху, а потом слегка ругнулись. — Э... Дамы, это я.

— Хорошо, хоть так предупредил, — проворчала сестра и, прислушавшись и сообразив, что он подходит ближе, уже не шёпотом, а тихо спросила: — Виктор, чем ты гремел в том коридоре?

— В той части дома, в коридоре, всего одно окно, — объяснил брат, садясь рядом с ними на корточки и, кажется, пытаясь разглядеть оборотня. — Я закрыл его ставнем, а потом, на всякий случай, повесил на него же покрывало, чтобы уж совсем плотно прилегало и чтобы с улицы не было видно ни малейшего проблеска света.

— А что там такое шлёпало?

— Я на нас всех матрасы вытащил из спален. Четыре штуки. Две оставил возле твоей спальни. Другие — около лестницы, для меня и этого... Будем спать в том коридоре, чтобы не бояться, что к нам в окно заглянут. А уж завтра я перед закатом везде по спальням все окна закрою. И будем так всегда перед сном делать.

— Четыре? Для этого тоже?

— Конечно. Не выгонять же из дома к этим в ночь, да ещё раненого.

— Кстати, о раненом, — вспомнила Алиса. — Лула одна идти боится. Проводи её в кухню, пусть возьмёт для оборотня подорожник для перевязки. А ещё... даже не знаю, — засомневалась она. — Я сама-то сейчас не вспомню, но...

— Кончай болтать, — велел Виктор. — Говори конкретно.

— Тебе хорошо придирается! — вполголоса возмутилась Алиса. — А как такое сказать, если... ну, ладно. Надо найти для оборотня одежду. Замёрзнет гольшмя — все наши травы

впустую будут. Да и ему, небось, самому неудобно будет перед нами, когда в себе придёт. — Договорив, она услышала короткое хихиканье смущённой Лулы.

— Могу своей поделиться, — предложил брат. — У меня там тоже сумка нехилая такая. Может, и найдём что-нибудь на него.

— Ага, сейчас, — с сарказмом ответила сестра. — Ты как будто не видел его плечи! Не влезет он ни в одну твою одежду!

— А что тогда искать?

— Ну... какой-нибудь кусок ткани, который он сумеет обернуть вокруг себя и подвязать на поясе.

— Это ты «Приключения Геракла», что ли, вспомнила? — подозрительно спросил Виктор. — С другой стороны... — проворчал он, поднимаясь с корточек и помогая встать Луле, нащупав её руку.

Они ушли, а девушка вдруг задумалась.

В прошлую ночь они спали, спрятавшись за камином и боясь только гипотетических разбойников. Но ведь и правда ничего не было. Но сейчас... А что, если Лула про измигунов всего лишь придумала? Точней, если её рассказ — это сплошные здешние байки про нечисть? А на деле никого нет? Напугала своим страхом, а они поверили... А они тут трясутся, психуют, готовятся к страшному...

Она машинально выжала тряпку в сторону и вновь положила её на рану оборотня — промокнуть её. Тоже дурацкая ситуация: не видя самого рассечения, пытаться излечить его или хотя бы не допустить инфекции. И оцепенела — от чуть слышного хрипловатого шёпота снизу:

— Госпожа... благодарствую за помощь...

Пришлось посидеть немного, чтобы успокоить затрясшиеся руки, да и с голосом совладать, чтобы предательски не дрожал.

— Ты... очнулся? Давно?

— Не... знаю... Вы заговорили... о травах с той девицей...

Наверное, ему было тяжело говорить, так что оборотень прервался, а Алиса стала лихорадочно вспоминать, не сказали ли при нём чего лишнего. Нет. Потому что рядом всегда была Лула, а при ней брат с сестрой помалкивали о своём... происхождении в этом мире. Поэтому она прошептала:

— Ты знаешь, как зовут всех нас. А как звать тебя?

— Кун, госпожа.

— Кун, та девушка, Лула, сказала, что в этом лесу есть чудовища.

— Измигуны...

Алиса озадаченно примолкла. Значит, это не фольклорные байки и легенды?

— Мы с братом здесь со вчерашнего дня и многого не знаем. Измигуны и правда опасны, как про них говорят?

— Они хуже того, что вы о них слышали, — прошептал Кун. — Поэтому я и благодарен вам. Я попал в охотничий капкан. Попал очень неудобно. Мог бы сам открыть его челюсти, но лежал так, что извернуться и держать их не получалось. Я распрощался с жизнью, приготовился к боли от медленной смерти. И вдруг оказался в лесном доме... Это чудо... Госпожа, если в этом доме есть оружие, я готов стать вашей охраной.

Слушая его, Алиса всё больше и больше недоумевала. Неужели он не понимает? Пришлось объяснить:

— Кун, это хорошо, что ты хочешь помочь нам. Но... Пока мы тебе не доверяем, о каком оружии для тебя может идти речь?

Секундная пауза, а потом послышался странный звук, словно оборотень пытался бесшумно шипеть, но получался у него лишь прерывистый шелест. И, только когда непонятное шипение закончилось, Алиса догадалась, что Кун беззвучно смеялся.

— Госпожа, но вы уже доверяете мне, — вновь раздался шёпот с пола. — А если и не доверяете, то придётся довериться. — И добавил нечто совсем обескураживающее: — Не бойтесь, госпожа.

И снова тишина.

И в этой тишине жёсткие пальцы осторожно обхватили запястье Алисы, легонько пожали его и снова пропали.

Чего девушка о себе не знала от слова «совсем», так это то, что она обладает железной выдержкой. Не заорала. Не вскрикнула. Не дёрнулась... Только ошеломлённо сидела в кромешной тьме и страшилась пошевелинуться. Но ведь Виктор связал ему руки! Голос рассудка с бесконечным терпением напомнил, что брат не умеет вязать узлы по-настоящему. Городской пацан. Время его воспитания и жизни — двадцать первый век. Зачем ему это умение на улицах современного им города?

Так что Кун прав: будь он им врагом, он давно бы мог сделать с ними что угодно. Даже несмотря на травмированную ногу

— Алиса!

При чужих Виктор звал сестру именно Алисой... Не вставая с пола, она откликнулась:

— Я здесь! Идите на голос. — И непринуждённо добавила, предупреждая: — Мы с Куном ждём вас.

— Чё-о?! С кем?! — изумился брат, а Лула простецки охнула.

Но чуть позже выяснилось, что в их ситуации миролюбивый оборотень — это здорово. Едва только утихли страсти, из-за того что Кун играючи освободил свои руки от верёвки, как оборотень сообщил, что замечательно видит в темноте и может сам заняться раной, если ему дадут тот самый дорожник и сухие и чистые тряпицы. Но в первую очередь он оделся: Виктор и Лула в самом деле нашли довольно большой лоскут жёсткой ткани (Алиса подозревала простыню или что-то в том же роде), и Кун сумел воплотить в жизнь предложение Алисы одеться в нечто вроде древнегреческой туники, прорезав в середине лоскута отверстие для головы, а затем подпоясавшись той же верёвкой, которой его связывали. И лишь потом обработал и перевязал рану. С пола встал сам, не дожидаясь и не прося помощи.

— Не надо бы тебе сейчас много двигаться, — с тревогой сказала Алиса, слушая неровную походку Куна, который пробовал шагать. — Нога у тебя хоть и не сломана, но кость-то задета очень сильно.

— Госпожа, я благодарен вам за участие ко мне. Но всё, что вы сказали, относится к человеку. Обратни, напротив, исцеляются быстрее в движении.

И тут же попросил выпустить его во двор. Алиса решила, что по нужде. Но Кун сказал, что хочет убедиться, что свет из коридора, в котором Виктор закрыл окно ставней, не виден с улицы. А потому молодой господин пусть идёт в тот коридор и ненадолго зажигает в нём хоть свечу, хоть факел.

— Я вижу две причины отказать тебе, — проговорила Алиса во тьму. — И первая: ты сам говорил, что измигуны...

— Они всё ещё идут сюда, — нетерпеливо прервал её оборотень. — А когда впервые появляются близко к дому, где есть для них добыча, лесная прорицательница начинает петь сторожевую песню для живых. Но ведь вы ещё не слышали её?

— Ой, и правда, — прошептала Лула. — Прорицательница пока ещё молчит.

— Но тогда измигуны, может, ещё и не придут? — растерянно высказал Виктор.

— Запах живых они чувят издалека... — Судя по странно пропадающему и вновь возникающему звуку реплики, оборотень покачал головой. — Поэтому выпустите меня побыстрей, пока есть время. И неплохо бы найти для меня хотя бы топор...

— Но факелы... — в замешательстве начал было Виктор и замолк. Алиса услышала с того места, где он только что стоял, неуверенные, шаркающие шаги мимо них. Потом раздался какой-то множественный шелест и тихий треск. — Будет вам факел, — проворчал брат, явно повернувшись к ним спиной.

Припомнив, что там такое, Алиса улыбнулась: Виктор, не зная, где взять свечи или факел, воспользовался волокушей, от которой и отломал несколько веток. Или он сломал утренние веники для уборки, которые они оставили возле двери? Не всё ли равно... Только бы он был осторожен в коридоре с огнём!

— Кун! — позвал Виктор. — Подай голос, чтобы я подошёл к тебе!

— Лучше я сам подойду, — предложил оборотень и спустя секунды хмыкнул: — Хорошее оружие, дан Виктор. Спасибо.

О чём это они? Виктор отдал ему топор? Но откуда он его взял?

Вскоре шаги брата затихли, когда он ушёл на второй этаж.

— Госпожа, закройте за мной дверь, — тихо напомнил оборотень и захромал к входной двери.

Вытянув руки, прислушиваясь к его шагам, Алиса неуверенно пошла за ним. Когда наткнулась на дверной косяк, стало легче, потому что появилось примерное представление, какое пространство ей надо проходить.

— А почему ты думаешь... — начала она и сбилась. Нашлась. — Почему ты хочешь, чтобы я закрыла за тобой дверь?

И поняла, что вопрос глупый. Но Кун смеяться не стал. Наверное, вспомнил, что она ему говорила о второй ночи в этом доме.

— Ходить мне пока трудно. Если прорицательница запоёт рано, сюда могу не дойти.

И после этих жутких слов он, кажется, переступил порог.

На ощупь Алиса снова закрыла входную дверь и, всё так же медленно шаркая, вернулась в холл. Прислушалась к боязливой тишине и негромко позвала:

— Лула?

Темнота откликнулась робким:

— Госпожа?

— Я сейчас дойду до тебя и возьму за руку. И мы вместе сходим на кухню. Этот оборотень сильно хромает, а значит — идёт не так быстро. Пока он дойдёт до торца дома и обратно... Лула, скажи хоть слово. Мне кажется, я иду мимо тебя.

— Я здесь, госпожа. Иду к вам навстречу.

— Умница. Ага, встретились. Идём. Хочу перенести их кухни на второй этаж чайник с кипячёной водой и кастрюлю с супом. А пока я ищу их, ищу посуду, возьми ведро под грязную воду — помнишь, мы грибы резали, бросали ненужную часть? И сходи с ним в чулан. Поняла меня, Лула?

— Поняла, госпожа, — с отчётливым облегчением откликнулась девица, шагая рядом и спотыкаясь точно так же, как и Алиса.

Потом они вышли из кухни, нагруженные водой, едой и посудой: ложками, чашками и тарелками — последнее, как предполагала Алиса, нужно будет только для Куна. Успели дошаркать до второго этажа. Здесь Алиса чуть не заплакала при виде света — горящих веток в руках Виктора. А он обрадовался другому. Бросился к ним, помог поставить принесённое на вытащенный из спальни стул. После чего вручил горящие ветки Луле и велел поджигать одну за другой, а сожжённые класть на странный металлический квадрат — размерами близким к противню. Удивлённая Алиса немедленно спросила:

— Что это?

— Фиг знает, — безмятежно ответил брат. — Я подумал: Кун хромой — пока доплетётся до торца, успею сбегать на чердак.

Алиса промолчала, но сообразила, что оружие, переданное оборотню, наверное, тоже с чердака. Но не удержалась от нового любопытства, глядя, как Лула держит ветки, стоя у окна, а Виктор решительно шагает к лестнице:

— А почему ты отдал ей огонь?

— Пока есть время, хочу закрыть два окна в холле.

«То есть через десять минут у нас будет освещён и холл? Ура!!» Вслух она этого говорить не стала, а ещё быстрее побежала за братом — в свете, пусть и лихорадочно дёргающемся: руки у Лулы всё-таки дрожали.

Здесь, внизу, снова задвигались еле-еле, пока брат шёл к первому, ближайшему окну, невидимому сейчас: на улице стояла безлунная ночь. А Алиса направилась к входной двери, которую сразу открыла. Если было сказано, что какая-то лесная прорицательница должна предупредить о появлении измигунов, то какое-то время держать дверь открытой для Куна можно без опаски. Честно говоря, хоть и была девушка напугана, но до сих пор слабо верила, что им угрожает чуть ли не сказочная опасность. Потому-то сейчас и стояла, вслушиваясь в темноту двора и в потрескивание и погромыхивание в холле.

Шагов Куна она не слышала. Он же босой. Это в доме можно услышать, как он хромает, а здесь...

— Госпожа, я иду... — прошептала темнота.

Даже по походке — по звукам шагов было ясно, что оборотень устал. Да и раненая нога, наверное, болит. Он же хоть и бережёт её, но постоянно опирается на неё.

Сказать, виден ли свет на втором этаже с улицы, он не успел. Только перешагнул порог (Алиса теперь слышала шлёпанье босых ног по деревянному полу), только Алиса приготовилась закрывать-запирать дверь, как оба обернулись ко двору. Неизвестно, как оборотень, но на девушку словно накинули ледяную паутину, сковавшую её: совсем близко, в лесу, который начинался дорогой к перекрёстку, пронзительно закричала женщина. Её крик был таким надрывным, что Алиса стояла, забыв дышать.

Женщина замолчала.

Из холла раздались поспешные шаги — они были слышны, потому что «сени» Алиса не закрыла. Кажется, именно в дверном проёме «сеней» и остановился Виктор, чьё тяжёлое дыхание сестра слышала так, словно он стоял за спиной.

— Кто... это? — наконец выдохнул он.

А женщина снова закричала.

Но теперь Алиса, ожидавшая этот крик, слышала в нём совсем не те интонации, какие

должны звучать в крике того, кого убивают. Эта женщина кричала так злобно, как будто её обидели, но у неё есть силы отомстить обидчикам. И она не просто злилась, она взывала к кому-то или чему-то, что могло... нет, не помочь ей, а опять-таки отомстить за неё. Но постепенно её крик обрёл другой тон. По громкости он оставался прежним, но теперь неизвестная словно оплакивала... и не себя.

— Прорицательница... — выдохнул Кун и втолкнул Алису в «сени», захлопнул за собой дверь в дом.

— Дальше я сама, — дрожащим голосом пообещала Алиса. — Я знаю, как закрыть...

— Я второе не успел, — негромко сказал Виктор.

— Что — второе? — быстро спросил оборотень.

Узнав, чем занимается в холле младший брат госпожи, Кун тут же захромал вместе с ним ко второму окну.

Алиса схватила кочергу и вставила её в пазы засова. Подёргала, убеждаясь, что кочерга сидит крепко, и осторожно в темноте вернулась в холл, закрыв за собой двери и в «сени». Прислушавшись, она поняла, что мужчины уже занимаются окном, и, снова вытянув руки, чтобы не наткнуться на что-то невидимое, пошла к лестнице.

Крика прорицательницы она больше не слышала. Может, запертые двери не позволяли. Может, прорицательница замолчала. «Что за прорицательница? Я сначала думала, что это птица какая-нибудь, но ведь я точно слышала, что кричала женщина... Почему Кун так рьяно, несмотря на раненую ногу, помогает нам? Дура ты, Лиска... Он не нам помогает, а себе, если учесть, что он поневоле теперь будет ночевать в этом доме...»

Добравшись до второго этажа, пошла на свет — очень быстро: помнила, что веток брат оставил Луле очень мало. Белобрысая обрадовалась появлению госпожи так, будто и не чаяла её уже увидеть.

— Можешь положить ветки на эту железку, — скомандовала Алиса. И огляделась. — Интересно, где здесь могут быть факелы или свечи?

— В конце коридора, около лестницы, есть навесной шкафчик, — несмело сказала Лула, присаживаясь с последними ветками возле железки. — Может, там хранятся?

Алиса не стала скрывать, что ей так же страшно в темноте, как и белобрысой, что именно потому она помчалась к этому шкафчику. Лула оказалась права, и поднявшихся на второй этаж мужчин встретили небольшим, но освещением из двух свечей на столе из того же оставленного на полу железного квадрата, вокруг которого все четверо и уселись.

— Кун, ты, наверное, голоден? — спросила Алиса. — У нас есть немного мяса и грибной суп. Суп ты будешь вряд ли, а вот...

— Начну с супа, — спокойно сказал оборотень. — И, если вам не жаль мяса, с благодарностью приму и его.

Пока Кун торопливо пожирал предложенное, он говорил, но так, что у Алисы, например, не было отторжения, не хотелось отсесть от оборотня подальше: если он и говорил, то только проглотив то, что ел. Она раздала Луле и брату по небольшому бутерброду, налила им чаю. Ужин получился сытным, пусть не слишком роскошным.

— Не бойтесь за мясо, — сказал оборотень. — Завтра, перед уходом, мы с вашим братом ходим на охоту. Я научу дана Виктора охотиться на дичь. Насколько я понял, молодой господин охотиться не умеет.

— Не то чтобы не умеет, — замаялась Алиса, пока Виктор, прикусив губу, дулся на слова оборотня. — Просто не было повода. Мы долгое время жили в городе, — осторожно

закончила она, косясь на Лулу: а вдруг удивится «городу» во весь голос? Но девица была занята бутербродиком и промолчала. Или она не знала о жизни своей госпожи?

Оборотень съел суп и принялся резать кусок мяса, поглядывая на лепёшку, разломленную на несколько частей.

— А почему вы не хотите покинуть это страшное место? Я могу вывести вас на перекрёсток и указать ту дорогу, которая вам нужна. Если выйдем утром, к вечеру вы доберётесь до своего поселения.

Брат с сестрой переглянулись. Алиса снова посмотрела на Куна. Медленно сказала:

— У нас такое положение, что мы... Нас здесь оставили...

— Да скажи ты ему чётко! — с досадой сказал Виктор и обратился к оборотню: — Сестру оклеветали перед её мужем, которого она ещё и не видела никогда. А потом оставили здесь. Без помощи. Лулу мы нашли только потому, что она потерялась.

Некоторое время Кун не мог даже к еде притронуться, изумлённо глядя на Алису, которая занялась уборкой, перенося уже ненужные предметы со стола в сторону, ближе к стене, где они никому не помешают. Но сказал только одно:

— Над этим надо подумать.

Что он имел в виду, Алиса переспрашивать не стала. Главным пока оставалось, что Кун мог и в самом деле обучить Виктора охоте. Для самой Алисы это означало только одно: брат научится держать в руках оружие. Ходить она с мужчинами не станет, но, когда Кун уйдёт, она заставит брата показать, как держать меч или ножи. Обучиться бы магии, но кто будет помогать, объяснять? А с бухты-барахты не хотелось бы пользоваться магическими силами, хоть и знала теперь, что у неё и брата они есть. Или... пока Кун ходит с братом по лесу, попробовать самой придумать такие заклинания, которые потом можно использовать напрапалую? Если они остаются в этом доме, сделать надо будет много чего. Особенно помня об угрозе измигунов... Посмотрела на Лулу. Отправить бы её с Куном, чтобы проводил до дома, но ведь белобрысенькая испугается в одиночку идти с оборотнем. И ведь у неё не спросишь... «Хм, — удивилась Алиса. — А почему не спросить, не маг ли она? Так пусть научит хоть простеньким заклинаниям. А если спросит, почему я их не знаю, можно будет отбрехаться... — она задумалась и фыркнула про себя: — А болела я!.. И мне не разрешали магией заниматься. Кстати, а почему я решила, что это магия — то, что мы с Витькой можем вызывать огонь? А если это колдовство?..»

Додумать не успела.

Будто призрачный стук донёсся с первого этажа. В конце коридора-то двери нет. И всё, что происходит на первом этаже, довольно отчётливо слышно в коридоре второго.

Оборотень тоже насторожился, глядя в конец коридора. Прошептал так, что слово словно зависло в воздухе:

— Началось...

К входной двери Лула отказалась подходить. Наотрез. Смотрела на всех так затравленно, что казалось: они все хотят принести её чуть ли не в жертву.

Кун же смотрел на них двоих, как... скажем так, как на ненормальных. Вроде как: «Ну, если любопытно, так почему бы вам и не посмотреть...» Сам даже вставать не думал с пола. Вообще-то — оправданно: нога-то, прокушенная челюстями капкана, да ещё много раз потревоженная движением, болела наверняка ужасающе.

А в головы Алисы и Виктора втемяшилось твёрдое убеждение, что с ними ничего особенного не произойдёт. А потому им до зарезу хотелось если не увидеть, то услышать ночных тварей, которые постепенно брали дом в кольцо — по уверениям оборотня.

Что ж... Вооружившись подростковым мечом и уже привычными двумя ножами, брат первым пошёл к лестнице на первый этаж. Алиса за ним — на всякий случай сжав кулачок и заранее вытянув указательный палец. Рассудок напоминал, что против любого врага драться огнём нельзя — дом сторит, и перед лицом ночных тварей они все станут беззащитными. Но сложенные определённым образом пальцы придавали уверенности, что и она, Алиса, небеспоможна.

Шагая за Виктором, который прихватил одну свечу, она суматошно уговаривала себя: «Мы только послушаем и сразу поднимемся назад. — И одновременно злилась: — Получается, из-за измигунов здесь люди жить не могут? И оборотни до кучи? Чёртов муж, который так легко обрёк якобы неверную ему жену на страшную жизнь! Беззащитную женщину наказать легко, причём даже не доказав её вины! А вот справиться с какими-то тварями, которых все боятся, даже не подумал! Или... — задумалась она, — они тут все привыкли к такой жизни, что днём для них весь мир открыт, но с закатом солнца надо отсиживаться за стенами дома? Но это не жизнь!.. Хотя... люди ко всему привыкают. Но, чёрт... Получается, мой несостоявшийся муж и его дядюшка решили от меня и брата таким образом избавиться? А что — неплохо устроились: и, типа неверной, жены нет, и её угоды остались во владении вдовца... Лучше бы эти у измигуна отбил! Ненавижу гада».

Брат остановился. В подрагивающем пламени свечи нарисовалась дверь в «сени».

Здесь стук во входную дверь стал более отчётливым. И даже характеристики для него нашлись: там, на улице, стучит человек, который страшно боится остаться вне дома и который знает, чем ему, его жизни грозит глухая тёмная ночь. Поэтому он, наверняка суматошно оглядываясь, стучит часто, но при этом негромко, чтобы не услышали враждебные ночные существа.

Алиса и Виктор переглянулись. Был период в их жизни, когда они взахлёб смотрели только ужастики. Насмотрелись таких ужасов, что, возможно, и эта ночь померкнет перед накалом киношных страстей. Так чего бояться? Алиса нетерпеливо протянула руку открыть дверь в «сени».

Стук стал чётче, а потом вдруг пропал. А пламя свечи внезапно уменьшилось.

А следом внезапно Алиса почувствовала необычное и мурашечное впечатление: её обнюхали! Сразу несколько, чуть ли не десяток существ! Как такое может быть, если пламя свечи померкло вот только что?! А ещё Алиса твёрдо помнила, что в «сенях» только она и брат! И всё же она даже сильно вздрогнула, то ли услышав, то ли придумав резкое сопение, с которым невидимки ещё раз нюхнули её.

А затем в дверь вновь заколотили, и раздался такой пронзительно знакомый голос, что Виктор от ужаса застонал:

— Дети, открывайте быстрее! Мне страшно! Не оставляйте свою мать за порогом! В этой страшной темноте! Здесь какие-то существа бегают! Алиса! Витенька! Пожалуйста, впустите свою мамочку! Она так боится темноты и тех, кто в ней!

Алиса открыла рот, чувствуя, что глаза болезненно напряжены, вперившись в едва видную входную дверь... Что... Мама? За дверью?! Как она там оказалась?! А рассудок мгновенно подкинул логичный ответ: до неё тоже дошли слухи о якобы неверности дочери и о том, что муж, который дочери муж только по доверенности, велел оставить жену в лесном доме — в том лесу, который выбрали своим местом обитания измигуны! И она наверняка сразу помчалась на выручку к своим детям! И не успела! Стоит за дверью, испуганно оглядываясь по сторонам, а оттуда на неё медленно, с угрозой наступают из тьмы уродливые фигуры со светящимися глазами!

Алиса так ярко все предшествующие события этому неожиданному появлению мамы представила, что несколько не удивилась, когда свободная рука брата дёрнулась к дверной ручке — к каминной кочерге, чтобы вынуть её из пазов и открыть матери дверь.

— Деточки, неужели вы мне не откроете?! — изумилась мать со слезами. — Я вас растила, ночей не спала! Кормила, поила, одевала — себя забывала! — Она захлёбывалась уже от рыданий. — И вот она, ваша благодарность!.. Неужели вы оставите меня, свою родную мать, здесь, за порогом дома, в котором вы сами укрылись?! Оставьте меня среди чудовищ?! Подумайте обо мне хоть раз в жизни! За что-о?! Что я вам такого сделала, что вы так легко меня здесь оставляете-е?! Алиса-а, Ви-итенька! Откройте! Пожалуйста, дети! Мне страшно здесь!

Заскрежетала кочерга, которую Виктор пытался вытащить одной рукой. Другая была занята свечой с огнём, который продолжал медленно умирать.

Алиса решительно собралась ввинтиться сбоку между стеной и братом к двери, чтобы помочь ему убрать кочергу...

Тяжёлые ладони, по впечатлениям, грохнулись на её плечо и сжали его так, что девушка ахнула от страха, а потом и от боли: железные пальцы словно впились в плечо, а затем рванули Алису назад так, что она, не успевая перебирать ногами, чуть не упала. Рядом возмущённо мыкнул брат, когда его секундой позже тоже жёстко оттащили назад.

Посланная локтем (Алиса успела заметить), дверь в «сени» захлопнулась, а Кун молча впихнул брата и сестру подальше назад, в холл. Виктор отскочил от него, уронив свечу на пол, и, потирая плечо, недвусмысленно взялся за меч.

— Там наша мама... — сквозь зубы процедил он. — И ты сейчас сам пустишь её в дом, ясно тебе, оборотень?

— За дверью дома нет ни одного человека, — спокойно сказал Кун. — И, если ты мне не поверишь, я побью тебя так, чтобы ты даже доползти не сумел к двери. Ты спас меня, и я отплачу тебе спасением твоей жизни. Пусть это и будет больно. Но к входной двери до первых лучей солнца никто не подойдёт. А если хочешь слушать, как вроде твоя мать там стонет до тех же первых лучей солнца, а потом пропадает, то сиди здесь — эту дверь я тебе открою. Это я могу сделать. Но к входной никого не пущу!

Будто подтверждая его слова, в закрытое ставнем окно глухо постучали, а потом... Алиса замерла, как замер и Виктор: там, за окном, кто-то уже не постучал, а взобрался на карниз и попытался поскрести между ним и рамой, словно стараясь снизу открыть окно. Но

не этот скрежет и опасность, логично следующая за ним, поразили их обоих. Поразило, что вскоре, в наступившей тишине, за окном послышался торопливый бег небольших, но явно шустрых существ. Суховатый бег по стене.

А потом Кун схватился за голову, а за ставнем изумлённые Алиса с Виктором услышали жалобное поскуливание и умоляющее взлаивание.

— Что это? — прошептала девушка в наступившей полной тьме: выпавшая из руки брата свеча потухла.

— Они залезли мне в голову!.. — пяясь и скривившись, как от боли, прорычал оборотень. — И вынуждают открыть дверь, подражая голосам моей семьи! Идёмте наверх! Там они нас не достанут...

— Но ты... — начал Виктор.

— Быстрее уходим! Они давят! Ещё немного — и я поверю, что там моя жена и дети! Быстрее наверх! Меня вы остановить не сможете, если я пойду открывать им!

Алиса нашарила свечу под ногами и ткнула пальцем в нащупанный фитилёк. И первой кинулась к лестнице. Голоса матери она больше не слышала и начала подозревать, что Кун не совсем прав: те страшные существа, что бегают по всему дому извне, не давят — они вкладывают в их мозги иллюзию, слуховую или ещё какую, и тем самым заставляют повиноваться им и послушно выходить наружу покорными жертвами. Или что-то в том же смысле. В общем, Кун даже прав: это давление на сознание... дичи.

Она чуть не споткнулась на последних, верхних ступенях лестницы. Думать о себе, как о дичи. А ещё... думать о себе, как о современном (когда-то и где-то в другом месте) человеке, который слаб перед явлением мистических (или они реальные?!) существ, которые так легко могут шантажировать, манипулируя сознанием... Это даже больно.

Она ворвалась в коридор второго этажа и бросилась к Луле, сидевшей, сутулясь возле другой горящей свечи, оставленной ей. Бросилась так, словно только эта пугливая девочка могла её спасти... И за пару-другую последних шагов сумела-таки догадаться, что своим резким движением может перепугать белобрысенькую. А нужно ей это сейчас — самой ужаснувшейся перед происходящим, наткнуться на такую же испуганную? А потому последние шаги прошла, заставляя себя не спешить.

А когда добралась до Лулы, прикусила до крови губу, обернувшись к коридорной лестнице: а она? Не эгоистичней матери? Ведь она схватила горящую свечу и убежала вперёд, оставив брата и оборотня без света! Пусть Кун предупредил, что он видит в темноте, но ведь свет для него, живого, особенно сейчас — это надежда... И осеклась в своих беспорядочных мыслях. Что она сейчас мысленно сказала?

Алиса кивнула Луле, вскинувшей голову при её приближении, и быстро пошла обратно: там брат согнулся под тяжестью Куна, втаскивая его в коридор, а затем и к матрасам, брошенным по обе стороны коридора, к стенам. Мужчины немного замешкались: опираясь на Виктора и на стену, оборотень пытался сесть на матрас, но у него не получалось — трудно было опираться на одну здоровую ногу. Алиса подбежала к ним и помогла уложить Куна. Тот, очутившись на полу и сумев вытянуть пораненную ногу, с облегчением прислонился к стене.

— Кун, — присела на корточки перед ним Алиса, — Кажется, я кое-что вспомнила об этих измигунах. Почему я думаю о них, как о... неживых?

— Потому что они не порождения земных богов, как все те, кто состоит из плоти и крови. Но, леди Алиссия, об их происхождении лучше спросить знающих людей, — устало

сказал оборотень. — Это не наши... сказки.

— Спасибо и на этом, — пробормотала она и, кивнув брату и оставив ему свою свечу, пошла снова к Луле.

Рядом с девицей, едва дышавшей от страха, она уселась на свой матрас и задумалась. Но все мысли взрывала в клочья одна-единственная: по всему дому, по его стенам и крыше, бегают некие сущности. Они не похожи на обычных живых существ, но они могут убивать. Почему она не спросила у Куна, не могут ли измигуны проникнуть в дом через дымоходы? Или, например, через чердачные окошки, которые наверняка имеются — те окошки вспомнила Алиса, о которых не подумал ни Виктор, ни она сама...

— Леди Алиссия... — прошептали со стороны, и она открыла глаза, с трудом удерживая отяжелевшие веки.

— Что, Лула...

— Пусть эта свеча догорит сама, — прошептала белобрысенькая. — Не тушите её, леди, пожалуйста... Лучше уснуть при свете...

— Не буду, Лула, спи, — отшепталась Алиса в ответ и вздохнула: судя по скорости сгорания, свеча может погаснуть за следующие два-три часа. Что делать? Или ничего не надо делать? Они уснут, и им будет всё равно, освещён ли яркой тёплой капелькой коридор, нет ли?..

Белобрысая тоже вздохнула и, закутавшись в одеяло, легла так, чтобы смотреть на горящую свечу. Дремлющая на ходу, Алиса даже проснулась от этого её упрямства и встала. На подрагивающих от переживаний ногах дошла до брата с оборотнем. Брат, уткнувшийся носом в тощую подушку, на звук её шагов не шевельнулся. Кун — тоже, но его глаза, до сих пор закрытые, немедленно блеснули прозрачной зеленью. Алиса прошептала ему:

— Я вам оставлю свечу на всякий случай.

И положила свечу между оборотнем и братом, ближе к последнему. Сомневалась она, что Кун сумеет вызвать огонь... Разогнуться не успела — получила тому подтверждение, когда оборотень прошептал:

— Вы с братом — маги огня, леди Алиссия?

Помедлив, она кивнула и пошла на место, раздумывая на ходу. Он сказал конкретно — маг огня. Значит, в этом мире у магов есть специализации? А они-то с Виктором думали, что умеют всё подряд, если получилось сотворить огонь. Хм, даже слово «умеют» для них многовато. Слишком уж самонадеянное слово, если говорить о них с братом.

Устраиваясь на своём матрасе, заметила, что Лула спит: глаза закрыты расслабленно, сопения почти не слышно — согрелась под одеялом. Алиса взглянула на свечу, поставленную в чашку (подсвечников не нашли. А, впрочем, и не искали — не до того было), и положила рядом с чашкой ещё две свечи, которые собиралась зажечь, если проснётся или разбудят. Уплывала в сон со смутной мечтой об изолированной комнате — о помещении, где комфортно переживать такую ночь, как эта...

...Коридор, защищённый двумя стенами с обеих сторон, не пропускал давления измигунов на прячущихся в нём. И всё же Алиса время от времени вздрагивала и открывала глаза, слыша далёкие знакомые голоса, умолявшие её впустить в дом, спасти от чудовищ... Когда от кошмаров во сне и наяву приходилось совсем туго, она просыпалась настолько, чтобы встать и на ощупь найти свечу, после чего ткнуть в неё пальцем. И в свете живого огня вновь засыпала, уже совершенно успокоенная, как и Лула, невидимая в темноте и что-то жалобно бормотавшая во сне, а при свете замолкавшая...

...Вздрыгнув так, что сердце болезненно затрепыхалось, Алиса резко села и огляделась. Очередная, последняя, свеча догорела. Но коридор был виден от и до. Присмотревшись к его концу — туда, где спали мужчины, Алиса заметила лишь постельные принадлежности. Зато Лула спала, и удивлённая улыбка блуждала по губам белобрысенькой. Будить? Или не стоит — после этой ночи-то?

Но Лула вдруг охнула и скрючилась под одеялом, из которого вскоре высунулась, быстро и с тревогой огляделась. Завидя хозяйку, вылезла и сипло спросила:

— А что? Ночь-то прошла?

— Доброе утро, Лула, — насмешливо поприветствовала её Алиса. — Кажется, наши мужчины вышли во двор. Не пора ли и нам приводить себя в порядок, чтобы показаться им на глаза?

Спали, не раздеваясь. Так что просто обдёрнули на себе блузы и юбки, оставили постели в коридоре: смысл их убирать, если следующая ночь будет такой же? — разве что взбили подушки и слегка помахали одеялами, чтобы потом сложить их, и заторопились к лестнице... Убедившись, что на улице солнечное утро, обе, прихватив грязную посуду, поспешили на кухню, где Алиса довольно ухмыльнулась: Виктор уже наполнил печурку растопкой! — и поставила на плиту кастрюлю с чистой водой — для умывания. Лула тем временем рассортировала посуду и вопросительно взглянула на Алису. Та кивнула.

— Да, мы не только умоемся тёплой водой, но и посуду ею помоем.

Приготовив завтрак, обе наконец решились выйти из дома и посмотреть, где и что делают мужчины. Прямо на крыльце Алиса чуть не споткнулась, обнаружив под ногами запись, не очень отчётливую, так как сделана она была явно строительным камнем: «Лиска, мы в лесу!»

— Понятно, — пробормотала она, покосившись на Лулу, которая таращилась на запись огромными глазами. Почему? Смутило имя Лиска?

Они спустились с лестницы, чтобы хорошенько осмотреться. Лула тихонько хныкнула, глядя на дом, а Алиса леденяще поджала губы. Все стены каменного дома были в странных следах, напоминающих о вчерашнем впечатлении, что по зданию бегали.

Подошла ближе и даже осторожно потрогала один: одна кривая линия, а по бокам от неё две короткие и тоже кривоватые. Неужели такие странные пальцы с когтями? Алиса запрокинула голову, следя за линией этого следа: он пропадал под самой крышей. Залезли ли измигуны на чердак? Или пока ограничились лишь обследованием дома?

За спиной Кун негромко сказал:

— В первую ночь они пытаются сделать так, чтобы люди сами вышли из дома.

— А что будет во вторую? — не оглядываясь, спросила она.

— Будут стараться проникнуть через все двери и окна, какие только найдут.

— И через подвальные тоже?

— Да.

Она наконец обернулась.

Брат тоже стоял рядом.

Впервые разглядев Куна, Алиса поняла, что он очень симпатичный. Даже удивилась: она представляла его по смутным очертаниям в постоянной тьме или в полумраке довольно грубым по внешности. Но у оборотня под копной русых волос оказалось слегка округлое лицо, с намертво сжатыми (пока молчит) губами, часто прищуренными глазами. И даже нос, который должен быть, по впечатлениям, большим, был всего лишь небольшим, прямым.

Если смотреть как на человека — лет, наверное, под тридцать. Вспомнив ночь, Алиса слабо улыбнулась: у него уже семья и дети!

— Что вы делали в лесу? — спросила она.

— Хотели поохотиться на кроликов, — проворчал Кун.

Забыв о следующем вопросе, Алиса подняла брови. Интересно, откуда он взял слишком свободную (сам он невысок, хоть и широкоплеч) рубаху и, видно, старые, но крепкие штаны? Неужели Виктор искал, во что бы одеться оборотню?

— Вы сказали об этом желании очень недовольно, — заметила она. — Ничего не получается? Или это только начало?

Кун что-то невнятно пробормотал, Виктор насупился и отвернулся, и Алиса со вздохом пригласила:

— Идёмте в кухню — завтракать. Мы с Лулой уже приготовили всё, что нашли.

Кун внезапно поклонился Алисе и поднял руку — со связкой каких-то пушных зверьков. Ошалевшая, девушка не сразу поняла, что он отдаёт ей настрелянных кроликов.

— Я обещал леди, что возьму съеденное вчера мясо, — церемонно сказал оборотень.

От неожиданности Алиса растерялась и приняла мясо, боковым зрением отметив, что Лула, помалкивавшая рядышком, явно обрадовалась. Любопытно, умеет ли белобрысенькая разделявать крольчатину? А то её хозяйка имеет всего лишь примерное представление об этой работе...

За столом, покончив полностью со вчерашними, оставленными им припасами, Алиса начала храбриться, что всё-таки лес рядом, что есть грибы, в конце концов! — так что они с братом и белобрысенькой не пропадут.

Именно в тот момент, когда искусственное подбадривание всё-таки начинало перерастать в пессимистичное угрюмство, Кун спокойно сказал — как ни в чём ни бывало:

— Останусь с вами ещё на одну ночь.

— Почему? — Про себя Алиса обрадовалась, но причину его решения узнать всё-таки захотела.

— Я... боюсь вас оставлять здесь, — раздражённо сказал оборотень. — Вы слишком наивны, когда думаете о себе, что можете сделать то, чего не может сделать другой.

Ха, что он имеет в виду? Их вчерашнее упрямство, когда они решили подойти к входной двери? Или их положение со скудными припасами? Кажется, Виктор решил, что последнее, потому что обиделся и даже не стал скрывать этого. Правда, Кун не обратил внимания на его обиду, потому что сказал:

— Мясо у вас теперь есть. Мне же надо бы, чтобы моя нога зажила настолько, чтобы я мог уверенней на неё опираться. Иначе мне не дойти до своих.

— А давай мы тебе костыли сделаем? — предложил мгновенно проникнувшийся его горестью Виктор. — Тогда сможешь ходить, не опираясь на раненую ногу. А то и правда, хромаешь сильно.

Снисходительная улыбка оборотня подсказала, что он, вообще-то, говорит несколько о другом. Но он быстро смял эту улыбку и спросил:

— Вы всё ещё собираетесь оставаться в этом доме, леди Алиссия?

— Да, — твёрдо сказала она. Виктор кивнул, и только Лула вздохнула.

— Значит, сегодня вечером мы готовим дом к защите от измигунов, — жёстко сказал Кун, — а днём я собираюсь снова учить вашего брата охоте.

И после завтрака хромающий Кун вместе с Виктором ушли в лес. Лула вызвалась

помыть посуду. Алиса побродила по дому, размышляя обо всём подряд, пока не сообразила, что кое-что из её специализации может пригодиться, не только для того чтобы греть воду. Но для начала она решила убедиться, что маг может иметь только одну особенность. Для чего взяла опустевший чайник и побежала с ним к ручью, чтобы уж не слишком выглядеть пустословной на кухне.

Принеся воды, она водрузила чайник на кухонный стол, куда уже привычно ставили принесённую воду, и поинтересовалась:

— Лула, а ты маг?

— Нет, что вы, леди Алиссия! У меня только задатки наши, но не настолько они были хороши, чтобы развивать их дальше! — удивилась девица, расставлявшая тарелки по местам. И почти как Виктор любопытствовала: — А что?

— Жалею, что маги имеют только одно свойство, — вздохнула Алиса.

— Да, — мечтательно поддакнула белобрысенькая. — Универсальным может быть только очень сильным маг.

И потянулась взять чашки, чтобы сполоснуть и их.

— Лула, тебе ещё много посуды мыть?

— Нет, леди Алиссия. Скоро закончу.

— Если что, я во дворе.

— Да, леди Алиссия, — машинально откликнулась Лула.

Из кухни Алиса снова выходила спокойно, как подобает хозяйке, но, пройдя коридор, ринулась к выходу не хуже спринтера. Вылетев во двор, она помчалась к той дороге, которую они с братом хотели пройти и на которой наши Лулу. Здесь было довольно свободно, так что, погуляв на обочине дороги, Алиса быстро надрала высоких трав, стараясь в основном дёргать те, что посуше. Наконец сделала два снопика, перевязанных намятыми стеблями травы же, чтобы не развалились. Поставила сначала один на середину дороги. Другой валялся пока сбоку. Глядя на поставленный на дороге травяной сноп, Алиса вновь продумала: «Если поджечь измигуна, то будет сожжён и дом. Не будет ни защиты, ни места нашего с Витькой обитания. Значит, надо тренироваться поджигать предметы так, чтобы они загорелись... изнутри. Итак, начали!»

Травяной сноп, хоть и высокий — её самой по пояс, увы, оказался слишком хлипким. Сконцентрировавшись на его внутренностях, Алиса резко вызвала огонь. А секунды спустя чесала затылок, пытаясь понять: вспыхнул ли вызванный огонь внутри снопа, как она хотела, или пламя обхватило сноп со всех сторон, что было невыносимо для защиты дома?

Пришлось пожертвовать вторым снопом.

— Дура, — произнесла вслух девушка, глядя, как радостно догорает второй. — Это же трава. Сухая. Конечно, не разглядишь, как она сгорает. Что же придумать-то?

— Леди Алиссия! — позвала со двора Лула. — Вы где?

Пришлось возвращаться. И тут, при взгляде на белобрысенькую, Алиса и придумала:

— Лула, а давай-ка мы с тобой обследуем чердак? Посмотрим, что там есть. Может, найдём что-нибудь полезное для хозяйства? Ну, что сгодится нам, пока мы здесь?

Ух, каким любопытством вспыхнули глаза белобрысенькой!

— А там не страшно? — затем встревоженно уточнила она.

— Не знаю, — честно ответила Алиса. — Но дан Виктор там был вчера и нашёл оружие. Мне бы хотелось посмотреть, нет ли там чего из тряпок. Или из посуды. А может, и вообще что-то такое там есть, что можно будет использовать.

И обе девушки решительно направились на второй этаж, а потом в конец коридора, где, как Виктор говорил, и была небольшая лесенка на чердак.

Чердак оправдал ожидания Алисы только в том смысле, что был полон вещей, которые ни на что не годились. Была мягкая мебель, чья обивка рассыпалась прямо в руках. Были несколько открытых (наверняка братом) сундуков с оружием, при виде которого Алиса, немного посомневавшись, всё же вытащила кое-что, например, дубинку с петлёй, в которую ладонь просовывают. Неизвестно, какого размера эти жуткие измигуны, но просто так даваться им Алиса не собиралась.

— Ой, какое! — счастливо защebetала Лула в одном из углов.

Заинтригованная Алиса немедленно помчалась... ой нет, побрела к ней, стараясь не свалиться, наткнувшись на всё, что угодно.

Оказывается, белобрысенькая нашла довольно-таки большое настольное зеркало. Правда, когда хозяйка подошла к ней, Лула вдруг съёжилась, жалобно поглядывая исподлобья. Сообразив, о чём она подумала, Алиса погладила верхнюю раму зеркала и одобрительно кивнула:

— Вещь! Тащим вниз!

И две девушки, взявшись за довольно тяжёлый предмет, энергично понесли его в коридор — как минимум. «Пока не придумаем, где его поставить», — решила Алиса. А потом подумала и поняла: без Лулы не обойтись в задумках с огнём.

Доставив зеркало в коридор, она объяснила белобрысенькой, зачем ищет старые тряпки, и Лула вновь решительно полезла на чердак, чтобы помочь хозяйке научиться уничтожать измигунов.

Благо двор был мощённым только для подъездной дороги к дому, но не полностью, Алиса и Лула сумели воткнуть на одной из лужаек три шеста со вздетыми на них старыми (или старинными) камзолами. Шесты пришлось немного обстругать на одном конце, чтобы можно было хорошенько пропихнуть их в землю. Алиса подозревала, что эти шесты не совсем шесты, в скорее — предназначались в качестве черенов для вил или лопат — очень уж гладкие и толстые. Предположение, что Лула из семьи, где мало слуг, а значит, и сельским хозяйством занималась, подтвердилось. При виде хозяйки, которая топором стругает шест, белобрысенькая взяла ещё один топор (странный немного, с узким лезвием — возможно, боевой?) и принялась усердно стёсывать конец своего шеста.

А потом Алиса встала перед первым чучелом и раздражённо прикусила губу. Нет, но ведь и сейчас неясно будет — поджигает она камзол изнутри или снаружи! Позлилась немного, да и поделилась с Лулой проблемой. Та насупилась, озадаченно глядя на шесты, а потом предложила:

— А если камзол распахнуть? И посылать огонь напрямую внутрь него, на шест? Поучиться так, а потом и в измигунов так огнём стрелять?

Алиса хмыкнула. А ведь и у неё, и у брата получалось стрелять огнём из указательного пальца! А ночью они дозированным лучом из пальца зажигали свечи!

В конце концов, задачу усложнили: с одного шеста вообще тряпку убрали — и некоторое время Алиса училась посылать огонь в шест — в определённую точку.

Потом напялили на шест распахнутый камзол — и вот тут Алисе пришлось постараться, чтобы приноровиться бить огнём в ту же точку на шесте, но при том, что камзол беспорядочно размахивал рукавами. Как специально, ещё и ветер поднялся.

Едва он стал посильней, тренировки пришлось свернуть. Мало ли какая искра может долететь до дома.

— Лула, а куда деваются измигуны днём? — спросила Алиса и даже испугалась своего вопроса: а вдруг белобрысенькая скажет, что они где-нибудь в доме прячутся? Или на доме? Под стрехой или под краем крыши, например?

Но Лула сказала:

— Обычно они на кладбище уходят.

— На кладбище?! — удивилась Алиса, шагая к шестам и выбирая их из земли. Пospешившая за ней Лула затоптала дымившийся камзол, свалившийся с одного из них.

— Да, на кладбище, — не оборачиваясь, сказала Лула. А потом посмотрела на крышу дома и пожалала плечами: — Дом достаточно старинный, чтобы обзавестись либо склепами, либо собственным кладбищем. Возможно, места упокоения устроены где-то за домом, но подальше от него.

Вспомнив заднюю чёрную стену дома, Алиса поневоле вспомнила и те деревья, подошедшие близко к дому везде, кроме той, «пожарищной» стены. Значит, где-то за теми деревьями и прячется кладбище? Ладно, это подождёт. Главное они с Лулой сегодня сделали: Алиса научилась поджигать шест внутри камзола. Что значит, уловила нужную точку внутри. А потому сумеет стрелять в измигунов огненным лучом так, чтобы поджарить их изнутри... А раз сделали это главное, значит — пора приступать и к другим не менее важным делам по дому.

Поскольку некоторые часы дневного времени девушки собирались проводить в спальном комнате Алисы, то туда и отволокли настольное зеркало, которое сначала оставили в коридоре, под полкой со свечами. Свечи напомнили ещё кое о чём — и с чердака были принесены факелы, в которых тряпки были всё ещё влажными от масла. Пригодятся! И сложили их на ту же полку.

Затем Алиса твёрдо призналась Луле, что в жизни не потрошила охотничью дичь, и попросила научить её этому хозяйственному умению. Лула приняла признание как должное. Через полтора часа кролики были освежёваны, причём этот процесс сопровождался объяснениями Лулы, и ждали возвращения Куна и Виктора, которые должны были устроить во дворе костёр и закоптить их. Во всяком случае Алиса надеялась, что Кун коптит мясо умеет, а Виктор — научится.

Шкурки Лула уверенно принялась отбивать, закутав молоток тряпьем и таким образом готовя их на материал для будущей одежды. Так Алиса узнала, что в поместье белобрысенькой разводили кроликов и что выделкой меха дети (у Лулы три сестры и три брата) занимались с малолетства.

Затем девушки сбегали снова к опушке леса, где Лула прочитала Алисе маленькую лекцию о травах, которые одновременно они дружно собирали как ради лечения, так и ради вкусных и ароматных чаёв.

Потом засели на кухне, и Алисе пришлось варить суп с крольчатинной. Как выяснилось, Лула варить супы не умела: оказалась, по её словам, абсолютным антиталантом в этом деле. «Зато кролики! — радостно подумала Алиса. — И у нас разделение труда, в конце концов: она умеет разбираться с дичью — я с готовкой!»

Ориентируясь на подсказки Лулы, какие травы можно использовать в мясном бульоне, Алиса с началом кипения потихоньку положила в кастрюлю всё, что нужно, одновременно размышляя о том, чтобы составить гербарий с записью подле каждого засушенного растения: «Это такая-то травка, её пускают в суп, а это — такая-то, заваривают вместо чёрного чая». Гербарий очень нужен. А вдруг однажды сюда приедут именно за Лулой? Хотя бы проверить, жива ли та, кого нечаянно оставили во время «зелёной остановки» на дороге? Ведь насколько помнила Алиса, лишение прислуги тоже входит в наказание «неверной» жены, как объяснил дан Бартлей. А без Лулы разбираться с травами, чтобы заготовить их на зиму, будет сложно.

Крольчатина варится недолго. За время варки девушки успели несколько раз нагреть воду и для других дел. И, пока Лула заканчивала сортировать съедобные травы, упрямая Алиса отмыла всю найденную вчера посуду, после чего протёрла открытые полки буфета, куда ту посуду и поставили. Полюбовались, и Лула вздохнула:

— Красота! Салфеточку бы ещё под ними!

— А ты как — на спицах или крючком? — поинтересовалась хозяйка.

— На спицах.

— Здорово! — с таким же вздохом оценила Алиса. — Я на спицах только шапочки умею и один раз... — она осеклась (чуть не сказала: «Джемпер связала») и выкрутилась: — Ладно. Ни спиц, ни крючка здесь нет, так что жалеть не будем ни о чём.

— У меня есть! — обрадовалась Лула. — У меня есть спицы!

Алиса оторопела, а потом спохватилась: белобрысенькая же ни сном ни духом, на каком слове споткнулась хозяйка. А спицы — это всего лишь новая тема для разговора.

Под конец варки обе ещё успели вытащить во двор тот ларь, с заплесневелой мукой. А

когда суп, точнее — бульон на травах (или лучше сказать — с зеленью?) был готов, они тот ларь освободили от его ядовитого содержимого, а потом Лула забежала в дом за тряпками, Алиса же за это время дотащила ларь до ручья, где его и выдраили изо всех силёнок.

После мытья Алиса немного психанула: длинное платье в несколько юбок не только мешало в работе! Юбки намокли! Стали тяжёлыми и неприятно мотались и шлёпали по ногам.

— Жаль, в штаны нельзя переодеться! — вырвалось у неё.

— С собой не взяли? — сочувственно кивнула Лула, тяжело дыша, и, как и хозяйка, мокрая не только из-за воды, но и от пота.

Взглянув на белобрысенькую с недоумением, Алиса чуть не подавилась вопросом: «А что? У вас женщины и в штанах ходить могут? В смысле им разрешается?» Но вовремя спохватилась и якобы задумчиво произнесла:

— Даже не знаю. Вещи-то я досконально ещё не разбирала, так — по мелочи кое-что вытащила. Лула, оттащим ларь в дом, а потом обсушимся. А пока сушимся, посмотрим, что за одежду мне положили.

Что и успели сделать до прихода мужчин. Осторожными, вроде как напрямую не касающимися предмета вопросами Алиса выведала из простодушной девицы, что по последней здешней моде дамы, которые себе это могут позволить по причине хорошей фигуры, носят бархатные штаны слегка в обтяг. Правда, при одном условии: среди своих, домашних, они могут бегать в удобном прикиде — в штанах и в блузке. Но стоит поблизости появиться кому-то одного круга с такой дамой, та надевает поверх штанов юбку, которая представляет собой прямоугольное полотнище с ремнём на поясе, который дама и застёгивает на талии. Получается открытый разрез впереди. На счастье Алисы, именно такой комплект выудили из одного из мешков, пока развешивали в шкафу всё, что нашлось из одежды.

— А зимнего нет, — с новым сочувствием заметила Лула.

— Не рассчитывали на неверную жену. Обещали позже прислать, — сначала с сарказмом, а потом уже легкомысленно откликнулась Алиса. И фыркнула: — Вот станет мой брат великим охотником, я себе на зиму шубу сошью! Иголки с нитками мы с тобой нашли — и в большом количестве! Сбцаем что-нибудь!

Последнее она проговорила так задорно, что обе рассмеялись. А когда в том же шкафу развешивали вещи Лулы, Алиса мрачно подумала: «Если муж решил, что легко избавился от меня, я ему назло здесь выживу!» А вслух, хихикнув, спросила:

— Лула, а из кроличьей шерсти вязать можно?

— Не знаю, — растерялась та. — Хотя... Слышала, что кролики должны быть... пуховыми, кажется. Но дикие?

— Значит — попробуем, — смеясь, решила Алиса.

А когда закончили с барахлом: уложили шкатулки с украшениями и предметами для штопки на верхнюю полку того же шкафа, Лула осмелилась и Алисе вопрос задать:

— Леди Алиссия, а вы правда не боитесь остаться здесь? Может, попробуем вернуться? В наши края?

— Во-первых, называй меня Алисой, то есть по имени, и на «ты». Во-вторых, будет возможность — мы с братом отведём тебя к твоим родным. Это я тебе твёрдо обещаю. — И добавила, понимающе кивнув: — Зимы испугалась?

Белобрысенькая не сразу и как-то неопределённо пожала плечами. И Алиса подумала,

что задала глупый вопрос. Она знает, чего боится Лула. Измигунов. А ещё... Мельком вспомнилось, что у Лулы трое братьев и три сестры. Здесь, в лесном доме, страшно. Но дома... Если Лула в семье среди детей старшая, то её сомнение, стоит ли возвращаться, понятно.

— Дан Виктор, — негромко сказала Лула, и Алиса обернулась к входной двери.

Вообще-то сначала вошёл Кун, а уж за ним Виктор. Удивлённая Алиса посмотрела на белобрысенькую. Почему же она назвала только Виктора? Но мысль была не из самых важных, поэтому быстро забылась.

— Как ваши охотничьи успехи? — полубопытствовала она, наконец поняв, каким образом они охотились: у обоих за плечами висели, кажется, арбалеты. В прошлый раз, утром, они, видимо, оставили оружие во дворе.

На этот раз Виктор поднял, будто в победном жесте, связку кроликов.

— Куда их?

— Отнесу на кухню. Мы потом их разделаем, — отозвалась Алиса, принимая внушительную тяжесть и чувствуя себя... настоящей хозяйкой именно лесного дома. — Мужчины, вы умылись? Тогда садитесь за стол — обедать.

— Как много-о... — почтительно протянула Лула, спеша за ней. — Дан Виктор, неужели это всё вы сами? Вы такой молодец!

Младший брат хозяйки смущённо кашлянул и промычал что-то не вполне внятное. Алиса оглянулась на Куна: тот пытался спрятать улыбку.

Уже за столом, выждав, пока мужчины насытятся, Алиса спросила:

— После обеда вы тоже идёте охотиться?

— Думаю, пора заняться домом, прежде чем наступят сумерки, — ответил Кун, а Виктор покивал, подтверждая. Наверное, они договорились о том, возвращаясь.

— Я думала — домом будем заниматься под вечер.

— Нет, леди Алиссия. Надо будет проверить чердак, нет ли там дыр. Надо пройтись по подвалу, чтобы закрыть все подвальные окна. И надо будет укрепить все окна в доме: сразу ставнями — все те, что нам не нужны, а в последнюю очередь — те, которыми пользуемся до вечера.

— Мы нашли факелы, — сообщила Алиса. — И связку свечей. Кун, а вы до укрепления дома не могли бы помочь нам с кроликами и научить Виктора коптить мясо?

Брат недовольно поморщился, а потом внезапно распахнул глаза, глядя на Куна, и успокоился. Чего это он?

Подумав немного, оборотень согласился:

— Сделаем небольшую конструкцию для копчения, разложим тушки, а остальное время, пока мясо коптится (а это несколько часов), как раз и займёт подготовка дома к следующей ночи.

После обеда мужчины ушли во двор, а Алиса снова потащила Лулу на чердак.

— Пока мы вдвоём, надо вытащить то, что понадобится. Насколько я поняла Куна, чердак на время ночи будет закрыт. А если там вещи, которые нам будут нужны этой же ночью? Нет, хочу сразу взять всё необходимое.

Белобрысенькая даже рот открыла, возможно припоминая, что там, на чердаке, было интересного и завлекательного, а потом с жаром сказала:

— А что будем брать?

— Всё, что нужно для кухни и для нормального житья в доме, закрытом по ночам, —

деловито ответила Алиса. — Хорошо бы в первую очередь найти мешки, чтобы складывать в них всё, что найдём. Или хотя бы корзины — они нам вообще пригодятся, когда будем бегать в лес по грибы, пока они есть. И — оружие. Лула, чем владеешь?

Алиса этот вопрос задала уверенно: видела, как девица работала топором. И надежды оправдались. Белобрысенькая чуть не горделиво выпрямилась, чтобы выдать:

— Арбалетом. — И странно-таки опять добавила: — Как дан Виктор!

Придираться к этой добавке Алиса не стала.

— Ищем оружие и бытовые предметы, — обобщила она и кивнула в сторону второго этажа: — Идём, Лула! И быстро ищем, пока они там свои конструкции устанавливают!

После утреннего и дневного похода, показалось, чердак посветлел, потому что вещей в нём поубавилось. Но Алиса хмурилась, отмечая: это не из-за отсутствия бывших в нём вещей, а из-за того, что солнце теперь слегка сбоку — и видны все трещины и даже дыры в деревянных деталях чердака, сквозь которые солнце и просвечивает. Работы мужчинам предстоит много, в общем... Алиса не отказывалась от совместной работы, просто понимала, что все они при Куне будут на подхвате — не более. Он лучше разбирается в способах защитить этот дом.

Девушки использовали время, пока мужчины во дворе, достаточно результативно: мешки почти не пригодились, хотя в один плотно упихали всю найденную одежду (теперь Алиса сообразила, откуда подошедшие впору мужские вещички на Куне). Сейчас, когда начали приглядываться к вещам на чердаке с определённой точки зрения, выяснили, что основной хлам создают устаревшие предметы мебели. Всё остальное — хоть сейчас в печку. Ведь даже одежду приходилось сортировать, потому что некоторые вещи разъезжались от ветхости прямо в руках.

Вскоре пришли мужчины — с топорами в руках. И старая мебель пошла на доски, для того чтобы закрыть все щели, видные на солнце, но в первую очередь — крепко-накрепко забили два чердачных окошка.

Ломать мебель начали мужчины, а когда они получили довольно материала для укрепления, застучали топоры в руках девушек. И тут Алиса решила использовать паузы тишины, чтобы узнать побольше. Пока Кун не рассердится из-за болтовни.

— Кун, а какого размера эти измигуны? Очень большие?

Замерли все, глядя на оборотня. А тот оглянулся от окошка, которое проверял, жёстко ли приколочены к нему доски, задумался ненадолго, а потом пожал плечами.

— Представьте себе тот табурет, на котором мы сидим в кухне. Наполните его плотью и оденьте его косматой седой шерстью — вот вам измигун.

— Вы... встречались с ними? — не выдержал Виктор.

— Одно из наших поместий несколько лет назад подверглось нашествию этих тварей. Тогда погибли многие оборотни.

— А как вы с ними справились?

— Заманили в дом, в отдельное помещение внутри него, и сожгли.

Что-то странное послышалось в голосе Куна, вроде слегка равнодушного. Почему он, этот голос стал ещё безразличней, когда он сказал: «Заманили»? Алиса побоялась спрашивать, кто стал приманкой. Даже если обычная домашняя скотина... И то жалко. А если... Нет, лучше об этом не думать.

— А можно их убить обычным оружием?

— Можно. Но у измигунов... — он задумчиво прикусил губу, чтобы пропустить её

сквозь зубы. — Они двигаются невероятно быстро.

Алиса переглянулась с Лулой. Значит, зря она тренировалась бить огненным лучом по цели? Сама того не замечая, Алиса покачала головой. Мало ли какая ситуация может быть. А если будет... ближний бой? Не может быть такого, чтобы тренировки негодились от слова «совсем».

— Лула сказала, что днём они прячутся в склепах или на кладбищах. Это так?

— Подтвердить не могу, — ответил Кун. — Слышать — слышал о том, но не знаю точно. Вы... хотите посмотреть, нет ли здесь кладбища?

— Мне кажется, лесной дом... — начала Алиса и замолчала, размышляя, как сформулировать мысль. Начала заново: — Мне кажется, у лесного дома нет кладбища, а есть только... склепы. Наверное.

— И что вы хотите, леди Алиссия? — Кун не дал ответить хозяйке, а кивнул, словно сообразив: — Понял. Вы хотите застать их врасплох в склепе, пока они там?

— Так. Ведь, если они прячутся там в дневное время...

— Увы, леди Алиссия, — вздохнул оборотень. — Он прячутся лишь от солнечного света, но не спят. Так что днём их врасплох застать не получится.

— А если разрушить склепы? — медленно спросила Алиса. — Что будет, когда они окажутся на солнечном свете?

Кун тихо рассмеялся.

— У вас очень пытливый ум, леди Алиссия!.. Но на этот вопрос я не отвечу. Потому как ответа никто не знает.

Виктор, в ожидании ответа оборотня стоявший напряжённым солдатиком, опустил плечи и повернулся к следующей прорехе, сквозь которую просвечивали лучи солнца.

«Но они сожгли измигунов! — думала Алиса, в очередной раз опуская топор на уже сломанную кровать. — А что, если... В склепе-то только один выход...»

И только полчаса спустя она заметила, что белобрысенькая посматривает на неё встревоженно и даже старается держаться от неё подальше. Алису это так рассмешило, что она с трудом удерживалась даже от фырканья: «Терпи, Лула. Хозяйка тебе досталась не только драчливая, но и кровожадная!»

Сделав всё, что необходимо для защиты на чердаке, спустились по небольшой лестничке и оказались в коридоре со спальнями. Последним вышедший Кун задрал голову и внимательно осмотрел маленькую дверь на чердак.

— Как вы думаете, леди Алиссия, стоит ли заколачивать и эту дверь?

Не сразу поняв, секунды спустя Алиса почувствовала озноб: оборотень считает, что забитые окна и дыры на чердаке не помогут против вторжения измигунов?.. В полумраке коридорного тупика всё равно заметно побледнел Виктор. Лула пока не поняла.

— Знаете, Кун... — Пришлось остановиться на полуслове, чтобы голос дрожал не с такой силой. Стало страшно, когда она поняла, что без Куна в следующую ночь им так не управиться с защитой. — А давайте! На всякий случай. Чтобы не думать об этой двери.

Лула опять ничего не поняла, зато Виктор без слов остался с оборотнем, чтобы закончить дела на чердаке.

Потом мужчины стучали топорами и молотками в подвале. Девушек сразу выгнали, дав им конкретное задание: если мужчины собирались навесить ставни на окна по всему дому, то Алиса и Лула должны были набрать на те же окна достаточно покрывал, а если тех не хватит — то каких-нибудь плотных тряпок. Девушки переглянулись: вот и пошло в ход всё то

тряпьё, которое они собрали на чердаке!

Посчитав окна, они принялись перебирать тряпки, одежные и из спальных принадлежностей, откладывая в сторону подходящие. Сидели на полу, и здесь, как почудилось Алисе, Лула почувствовала определённую степень доверительности. Выразилось это в её вопросе:

— Леди... Алиса, а что, если нам, всем троим, пойти с этим оборотнем в его поместье, а потом выйти в какое-нибудь человеческое поселение? Я видела, вам там положили несколько монет в приданое. Мне мои родители тоже немного дали. Если вы не хотите возвращаться к своей матери, можно ведь устроиться где-нибудь, например — в городе?

Алиса опустила руки, в которых держала кусок когда-то плотной ткани, разглядывая, много ли в нём дыр. Помолчала, пытаясь вообразить, что они втроем будут делать в городе. Воображение отказывало из-за слишком скудной информации о мире. Поэтому она не стала отвечать, а спросила сама:

— Предположим, мы найдём в городе дом, на который нам хватит монет на первое время. Но ведь за дом надо платить и дальше. Чем мы будем заниматься в городе, за что нам будут платить деньги? Не думаю, что и дан Виктор сможет найти себе работу, за которую давали бы сумму, нужную для жизни нас всех.

Белобрысенькая горестно насупилась, уставившись в пол. Кажется, дальше побега из лесного дома она не думала о будущей жизни вне его. И тогда Алиса добавила, хоть и чувствуя, что говорит напрасно:

— Лула, а если нам попросить Куна отвести тебя к родным?

Быстрое мотание головой объяснило, что девица категорически против.

Ближе к закату солнца все окна были закрыты ставнями и занавешены по бокам этих ставен, чтобы не пропускать свет домашних светильников.

Ужин устроили в такое время, чтобы успеть посидеть за столом при солнце, а до ужина Алиса потребовала, чтобы Кун показал свою рану. Тот улыбнулся и сел на табурет. Снятые тряпки — и вот рана на виду. Присев перед оборотнем, девушка тщательно изучила её и удостоверилась, что оборотень лишь слегка прихрамывает не потому, что скрывает — ему больно, а потому что рана и впрямь становится суховатой на вид, постепенно подтягиваясь краями к центру. Гнили Алиса нигде не рассмотрела. Виктор, присевший рядом, сказал, что они ещё в лесу сумели заново перевязать тряпки, убрав истраченные травы и добавив новые.

— Под грязные и влажные?! — возмутилась Алиса.

— Ваш брат — маг огня, — напомнил Кун. — Мы просушили тряпки возле небольшого костра, а перед тем промыли их в ручье.

— А, ну тогда ладно, — проворчала она, успокаивая сердце, трепыхнувшееся было при внутренней картинке — раны, на которую накладывают сплошную инфекцию.

После ужина, при последних лучах солнца, девушки вымыли посуду, пока мужчины во дворе собирали свою коптильную конструкцию и таскали в кухню копчёные кроличьи тушки. В чулан поставили ведро для нужд, если ночью захочется сходить. Везде приготовили свечи — пока в плосках и в единственном подсвечнике, и в настенные скобы вставили факелы. И каждый жилец лесного дома оставил рядом с собой оружие — по руке.

Тени внутри дома постепенно плотнели. Матрасы, на день отодвинутые к стенам, пока не раскладывали для сна. Сидели ближе к лестнице. Если и говорили, то вполголоса.

Наконец, последние пятна света, смутные и раздражающие зрение, увяли.

Затаив дыхание, все ждали... Алиса криво усмехнулась: она хотела задать ещё один

вопрос Куну об измигунах, но теперь как-то было не то чтобы неудобно... не вовремя.

Мужчины сидели на самом верху лестницы, девушки — чуть поодаль по коридору. Все четверо сжимали в руках оружие, мужчины — преимущественно арбалеты, но рядом с ними лежали и топоры.

Первые шорохи раздались на крыше. Теперь, примерно зная, как выглядят эти твари, Алиса напряжённо прислушивалась к звукам, быстро перетекающим с одного конца крыши на другой. Даже пыталась сосчитать, сколько существ бегают наверху...

И внезапно... Кун вскочил, постоял-постоял немного на верхней ступени лестницы — и быстро начал спускаться. Не побежал, а именно спускался, временами застывая на месте и явно прислушиваясь.

Перепуганная Алиса: неужели он услышал, что измигуны где-то прорвались?! — немедленно побежала следом, оставив за спиной пискнувшую от ужаса Лулу.

Виктор тоже последовал за Куном, морщась изо всех сил (видела Алиса, пробегая рядом) и стараясь расслышать то, что слышал оборотень.

Когда тот подбежал к двери в «сени» и остановился возле неё, услышали звук, встревоживший Куна, и брат с сестрой. И переглянулись, не зная, радоваться или пугаться ещё больше: по мощёной дороге к дому мчались лошади?! Или... всадники?!

А потом Алиса и Виктор услышали бормотание оборотня:

— Не может быть... не может быть... Они не могут так...

Чисто интуитивно Алиса поняла его незаконченные фразы: измигуны не умеют имитировать лошадиный топот! То есть это значит...

А затем грохот копыт увеличился так мощно, что они, все трое, поневоле начали отступать от входной двери: полное впечатление, что лошади вот-вот прорвут преграду в виде двух дверей и...

Грохот превратился в нетерпеливое перетаптывание (по-другому Алиса не могла бы назвать этот звук) возле крыльца, после чего во входную дверь нетерпеливо застучали, и мужской голос злобно закричал:

— Открывайте! Открывайте дверь во имя всего, что вам дорого!!

Они отшатнулись от звука первых слов. И Кун среагировал первым. Он обернулся ко всем троем за своей спиной (Лула тоже спустилась) и крикнул:

— Кто знает этот голос?!

И все отрицательно замотали головами, в ужасе прислушиваясь к звону мечей, мучительному лошадиному ржанию и их же болезненному визгу и мужским воплям за дверью.

— Открываю?!

— Открывай! — разрешила его сомнения взволнованная Алиса, поднимая топор к груди и готовая защищаться, если что, хотя понимала... Мельком оглянувшись, увидела, что Виктор прицелился в дверь из арбалета, — и шальная мысль пришла ей в голову. Мысль настолько шальная, что Алиса снова крикнула всё ещё сомневавшемуся оборотню: — Открывай!!

Широченная и высоченная входная дверь, как и дверь между «сенями» и холлом, всегда казалась Алисе логичным элементом общей архитектуры большого дома. Но, когда Кун распахнул до предела одну дверь, а затем — стремительно, словно боясь передумать, вторую, когда в дом, почудилось, хлынул целый эскадрон всадников, несущих на лошадях и на себе рычащих тварей, размеры двери объяснили другое. Правда, подумать над этим другим было некогда.

Кун стоял навытяжку за входной дверью и чуть не обезумевшими глазами глядел на Алису, которую едва высматривал за мельтешением фигур, появившихся словно из сумасшедшего сна. Но последний всадник крикнул то, о чём не успели договориться оборотень и хозяйка лесного дома. Да и как договориться, если они не знали, сколько тех было и все ли успели влететь в дом?! Но тот всадник крикнул:

— Закрыть дверь!

И вот тогда Виктор и Алиса бросились на помощь Куну. Ведь надо было не только закрыть входную дверь, но и уничтожить измигунов, при виде распяленных пастей которых Алиса воинственно завизжала и принялась метать огненные стрелы прямо в эти раскрытые пасти. Увидев, что делает сестра, Виктор лишь раз выстрелил из арбалета, а потом бросил его в сторону и начал обстреливать тварей огнём.

— В пасть, Виктор! Бей в пасть! — не выпуская топора из левой руки, вопила Алиса.

Пасть — удобная метка на слишком вёртких мишенях. Особенно если учитывать, что измигуны и не думали в вопле захлопывать свои пасти. Кун сравнил их размеры с размерами табуретки? Развёрстые пасти у них были в половину сиденья!.. В холле (слышала Алиса) тоже продолжалась битва: кажется, всадники спешили и убивали адских тварей, невольно занесённых на лошадях. Алисе даже показалось — она слышит среди лошадиного ржания визг Лулы. Догадалась бы белобрысенькая заскочить в любую спальню и закрыться там! Но не до неё пока. Не до неё... Лишь бы эти уроды не разбежались по дому, лишь бы не разбежались!!

Кажется, входную дверь перед измигунами захлопнули вовремя. Но уже в начале битвы в «сенях» Алиса сообразила почти сразу захлопнуть дверь и в холл: а вдруг и те, кто сюда проник, разбегутся по всему дому? Всадники-то не собираются оставлять в живых притащенных с собой тварей, а те не собираются отказываться от потенциальной добычи, но эти...

Приготовленное убежище вмиг превратится в мышеловку для живых! Но пока хорошо действовали и личные выплески огня — измигуны уже побаивались напролом бросаться на двоих, один из которых беспорядочным мельканием огня удерживал их на месте, а другая, успев натренироваться во дворе, успешно уничтожала их.

Единственное плохо: она и брат видели происходящее только в свете личных огненных стрел. Факелы и свечи остались за дверью. И в «сенях» нечего поджечь такого, чтобы потом не переросло в пожар.

В какой-то момент, подстрелив очередного измигуна, который старался под прикрытием темноты добраться до их ног, Алису торкнуло.

— Где Кун?! — закричала она брату.

Виктор не отозвался, жёстко сосредоточенный на трёх тварях, пытавшихся уйти от его

огня. Но, выкрикнув вопрос, Алиса бросилась к входной двери, возле которой в последний раз видела оборотня. По дороге — всего три-четыре шага — чуть не споткнулась о топор. Повезло, что пальцы ног, в мягких туфлях, ударило по обуху вкосу. Зашипев от боли, но сообразив, что произошло, девушка кинулась к куче чего-то тёмного, сваленного на пол у входной двери, — к куче, которая виднелась лишь во вспышках огня. На этой куче суетились, время от времени сваливаясь в стороны, серые пятна, и Алиса на ходу подхватила топор и снова ринулась к измигунам, кажется свалившим оборотня на пол.

Топор-то взяла, а как его использовать, если не видишь, на кого замахиваешься?! В азарте боя Алиса не «постеснялась» схватить ближайшего к ней измигуна то ли за шкуру, то ли просто за шкуру. Тяжеленный-то! Фиг поднимешь! Но вроде подняла — или отодрала от кого-то?! Тварь обернулась к ней — Алиса мгновенно уловила её движение броситься на неё. Резко разжала пальцы — и закричала от боли, когда только что уроненный измигун без секунды промедления прыгнул на «обидевшую» его руку. Выпустить огненный луч она успела, но рука вспыхнула жаром: зубища твари разодрали кожу вместе с рукавом ниже локтя, пока измигун падал.

«Мы ненормальные! Мы ненормальные! — бешено застучала в висок мысль, когда Алиса поняла, что «рабоче-боевая» рука онемела. — Зачем мы с Витькой влезли в это?! А мы влезали?! По-моему, это нас сюда впихнули! Без нашего ведома и разрешения!!»

Перед самым её носом прошипел огненный луч, и она опомнилась. Есть кое-кто, кому сейчас хуже всех! Брат-то успевает и ей, сестре, помочь! Так чего она встала чучелом гороховым?!

Кун!

Только подумала развернуться к нему, как с кучи, в которой она предполагала оборотня, быстро съехало нечто серое, а за её спиной — почти одновременно — почудилось, открылась дверь в холл. Они что — совсем того?! Открывать дверь в дом?!

Съехавший с кучи задом кверху измигун не успел оглянуться, как девушка дала ему такой пинок, что развернула мордой к себе. Логично распахнул пасть, куда и залетела огненная стрела брата... Ещё трое измигунов спрыгнули с кучи и встали перед людьми, рыча так, что дрожь пробирала каждого изнутри.

Но дверь-то в холл и правда открыли. Хотя, честно говоря, оставшихся в «сенях» трёх измигунов появление новых лиц абсолютно не впечатлило.

Дальнейшее Алиса помнила плохо. Слишком много событий втиснулось буквально в несколько секунд. Особенно отчётливо в памяти осталась лишь боль, когда из руки у неё вырвали топор, тут же пущенный в дело. Потом — её силой выводят из «сеней». А она рвётся к Куну, потому что не понимает, почему он не выходит из небольшого закутка между дверным косяком и тем ящиком, который она когда-то определила стендом для оружия. И в росчерках огненных стрел, выпускаемых братом, Алиса видела и опять-таки не понимала, почему Кун, по-дурацки расставив ноги, стоит так неудобно, словно вот-вот свалится назад, и всё равно не хочет прижиматься в тот угол для опоры.

Пришла в себя, стоя в холле и глядя на дверь в «сени», откуда двое мужчин выволакивали кого-то раненого, а один таскал в «сени» окровавленные туши измигунов. Алиса уставилась на эти туши, проезжавшие мимо неё: судя по происхождению, твари мистические. А выглядят реально... Следом за теми, кто тащил раненого, вышли Кун и Виктор. Едва Кун последним переступил порог в холл, он немедленно развернулся, выждал, пока войдёт мужчина, носивший в «сени» мёртвых измигунов, и плотно закрыл за ним и

собой дверь. И завершил это закрытие, всунув в крючья, которые с помощью Виктора сегодня приколачивал к косяку, вытесанный шест.

Лошади, рядом с которыми стояла Алиса, заволновались, и оборотень отошёл к стене, где тишком-молчком присел в кресло. Брат, который не понял связи между появлением в холле оборотня и тревогой лошадей, последовал за ним. Только сел рядом — Кун склонился к нему и что-то коротко сказал. Брат оглянулся на Алису и немедленно встал, подошёл к ней.

Где Лула?

Секунду спустя Алиса забыла о ней. От группы мужчин, подтащивших своего раненого ближе к камину, отделился и зашагал к ней высокий широкоплечий мужчина — настоящий богатырь.

Но совершенно не воспитанный!

— Кто ты такая?! — рявкнул он, и от группы всадников отделился ещё один — в сравнении с богатырём-невежей, всего лишь хлюпик. Правда, когда он подошёл ближе, выяснилось, что фигура у него чуть ли не спортивная. Двигался он уверенно и сильно, и даже в полутьме было видно, что внешностью довольно симпатичен.

После бесцеремонного вопроса, бесцеремонно же брошенного ей в лицо, Алиса вскипела до холодной ярости.

— Я леди Алиссия! Хозяйка лесного дома! — процедила она сквозь зубы. — А вы что за бродяги, если не гнушаетесь кричать на женщину, которая спасла ваши жизни?!

В холле стихло. Все разом обернулись к ней, словно чего-то ожидая. Но чего?.. Если честно, Алисе было страшно. Вон какому дядьке нагрубила. А если он в ответ... А если они в ответ?.. А если... если они разбойники?! Душегубы какие-нибудь?!

Наверху и по стене пробежали измигуны. Бег их был не просто едва слышен, но почти неуловим ухом. Однако в застоявшейся тишине расслышали все. Даже обозлившийся было, богатырь чуть приподнял плечи и скосился на окно, закрытое ставнем. Может, именно шумок тварей во дворе заставил его поуменьшить пыл и уже спокойно объяснить:

— Моё имя — дан Герхард. Мы добирались до одного поместья, но сбились в пути. Наткнулись на дорогу к этому дому (хозяин мне знаком) и решили napроситься на ночлег. Эти твари подпустили нас к самому дому и накинулись только тогда, когда мы оказались у крыльца. — И добавил после небольшого молчания: — Я знал про лесной дом. Но не ожидал, что в нём кто-то может жить, кроме сторожа. Но теперь... Я не ожидал, леди, что у него появилась хозяйка.

Последнее предложение он произнёс с чуть заметной вопросительной интонацией.

— Долгая история, — твёрдо ответила Алиса. — Лесной дом — дар мне. А пока... Это мой младший брат — дан Виктор. В кресле сидит дан Кун. Он попал в наш дом примерно так же, как вы. У него ранена нога, так что простите ему эту невежливость, что вас знакомлю с ним я. Наверху лестницы — леди Лула. Девушку забрали отсюда, решив лишить меня прислуги, но потеряли её во время дороги, и ей пришлось вернуться сюда.

Она тоже вопросительно взглянула на второго «разбойника», и тот торопливо сказал:

— Моё имя — дан Мичил, леди Алиссия.

Остальных он, как и Герхард, не назвал, а Алиса, оглянувшись, поразилась, что их, оказывается, всего-то шестеро — вместе с этими двумя: двое заботились о раненом, защищённом от измигунов, а один стоял, тихонько уговаривая нервничающих лошадей не бояться. А пока всадников впускали, всё чудилось, что их не менее двадцати.

Она слегка склонила голову и вновь обратилась к Герхарду:

— Итак, господа. На время ночи мы закрыли дом от измигунов. Надеюсь, вы сумеете спокойно пережить здесь тёмные часы. Пойдёмте на кухню. Я покажу вам, где находится питьевая вода, а заодно дам тряпки, чтобы вы могли протереть ваших лошадей.

Она покосилась на лошадей со вздохом, думая: «Как бы утром заставить этих мужиков убраться в холле, в котором вскоре наверняка «ароматно» запахнут лошадиные «лепёшки», и это ещё счастье, если вспомнить, что лужи... Ой, не надо об этом!.. Ну их... Пусть ничего не убирают — сама уберу, лишь бы нас не тронули!»

Шагая к кухне и машинально прижимая к боку ободранную зубами измигуна руку, Алиса наконец сумела восстановить обрывки того, что вроде прошло не только мимо её внимания, но и сознания. Когда всадники хлынули в дом, спасаясь от ринувшихся на них тварей, один из них упал на входе. На него навалилось слишком много измигунов, и всей массой они просто-напросто сбросили человека с коня. А Кун, прятаясь за открытой входной дверью, втащил его в свой тесный закуток. Потому оборотень не мог защищаться так, как надо, но к раненому тварей так и не подпустил. «Кун, наверное, опять весь разодранный, — сочувственно подумала Алиса, входя в кухню. — Не везёт ему. Сначала капкан. Потом нас пожалел — остался. И — на тебе из-за твоей жалости... Надо бы потом подойти к нему с чистыми тряпками и перевязать...»

Её собственную порезанную руку саднило и даже жгло так, что Алиса радовалась: никто в полумраке не видит, как она морщится от боли. Но разорвана кожа не на самой ладони, а потому девушка чуть не заплакала от счастья, когда попробовала зажечь прихваченную свечу. И чудо — получилось! Наверное, хватило того, что сама ладонь оказалась целой. Хватило и помогло.

Объяснив мужчинам, где что находится, Алиса повернулась идти в холл.

— Алиса, что с рукой? — прошептал Виктор, который старался незаметно быть рядом, а когда она повернулась, оказался со стороны раненой руки.

— Измигун задел.

— Лиска... смотреть страшно. Давай я тебе полью немного, а потом перевяжем.

Дан Герхард в это время, громко глотая, жадно пил воду, черпая её ковшом из огромного горшка, куда весь день сливали принесённую для питья воду. А вот дан Мичил стоял между ним и хозяйкой лесного дома. Наверное, услышал первый вопрос Виктора, потому что немедленно подошёл и переспросил:

— А что у вас с рукой? — Поскольку брат с сестрой удивлённо уставились на него, он, видимо, счёл необходимым объяснить: — Я обладаю небольшими целительскими способностями. Если вы покажете мне, что вас тревожит, помогу с заживлением.

— Ничего страшного, — ответила девушка. — Дан Виктор сейчас промоет мне руку, и всё заживёт само. Это царапины и не слишком глубокие.

— Покажите, — повторил дан Мичил, и внезапно в его голосе прозвенел металл: — Нельзя оставлять раны без присмотра за ними.

Прозвучавший чуть громче обычного, голос мужчины даже привлёк внимание дана Герхарда, но, пожав плечами, богатырь вернулся к утолению жажды.

Усадив Алису, скептически настроенную, на стул (Виктор остался рядом, явно твёрдо решив проконтролировать обещанное излечение), Мичил, на удивление, и в самом деле не только быстро промыл «царапины», но и сумел обсушить их, прежде чем осторожно перевязать их чистыми тряпицами. Закончив, он тихо сказал:

— У вас красивые руки, леди Алиссия... — И мягко провёл пальцами не по перевязке, а по коже ближе к локтю.

У Алисы мурашки по телу, но нежное прикосновение мужчины почему-то запустило в ней иную реакцию — не ту, которой, наверное, ожидал дан Мичил: она вырвала руку из его ладоней («Какого чёрта! Если ты целитель, почему не помог тому раненому бедолаге?!») и довольно чопорно сказала:

— Я замужняя женщина, дан Мичил, и постороннему мужчине не пристало вести себя со мной... неподобающе моему положению.

Дан Мичил не успел ничего сказать, потому что ему в его завуалированных ухаживаниях тут же, не подозревая о том, подгадил ещё и дан Герхард. Тот громогласно, кажется, попытался выразить личный сарказм, хоть и приглушённый внешней уважительностью тона:

— Дом огромен и весьма прочен. Любопытно, каким образом можно получить столь солидный дар? Ведь я правильно понял: этот дом вам подарили, леди Алиссия?

Дан Мичил замер, будто желая оглянуться на вопросившего.

Но Алиса своей усмешкой привлекла его внимание. Ей почудилось: дан Герхард похож на клуш из её отдела, ведь им тоже нравилось ядовито клевать её, зная, что она промолчит в ответ. Но Алиса давно научилась не только молчать, но и спокойно переживать колкости, не отвечая на них: ещё не хватало — спускаться на их уровень! Да и работе мешает... Так что язвительная реплика богатыря не смутила её:

— Легко отдавать в дар то, что потом легко и быстро можно забрать обратно. Всего лишь нужно оклеветать человека, сунуть его в жилище, вокруг которого кишат измигуны. И дело сделано: дар есть, но он снова собственность дарителя.

Не совсем прямой ответ на вопрос, но почему бы не ответить и так?

— Ну и язычок у вас, леди Алиссия, — проворчал недовольный дан Герхард.

— С кем поведёшься, — в тон ему ответила девушка, — от того и наберёшься.

Дан Мичил не удержался — фыркнул. Правда — тихо, чтобы дан Герхард не расслышал. Зато богатырь всего лишь вздохнул, хотя Алиса опасалась, что он взорвётся. Выражения его лица в кухонных сумерках и качающемся пламени двух свеч Алиса не видела, но ей показалось — дан Герхард смутился.

Впрочем, через минуту мужчины ушли посмотреть, что с их раненым.

Алиса же с Виктором тихонько порасспросили Куна, как он себя чувствует, и увели его на кухню — клеить на его раны намоченный подорожник. Пока шли через холл, видели, как дан Герхард принялся обихаживать лошадей, а дан Мичил хлопотал над раненым. Все разговаривали вполголоса, время от времени замолкая, чтобы прислушаться к скрежету и рычанию бегавших вокруг дома измигунов.

На кухне Кун и Виктор сказали, что сами справятся, без неё. Алиса кивнула и, выйдя из кухни, приблизилась к дану Мичилу, который всё не отходил от раненого, в то время как остальные трое давно слушали приказы дана Герхарда, обихаживавшего лошадей.

— Вам помочь?

Дан Мичил стремительно разогнулся и скрыл всем телом раненого от глаз девушки.

— Лучше вам, леди Алиссия, не видеть его увечий. Не каждая леди может перенести зрелище столь страшных рассечений.

— Спасибо за заботу, дан Мичил, — только и нашлась с ответом Алиса и побежала к лестнице, где её ждала замученная событиями Лула.

Вот уж кого пришлось утешать чуть ли не от истерики!.. Но утешила-успокоила

белобрысенькую вовремя. Прибежал в коридор второго этажа Виктор, попросил помочь ему поднять и привести сюда же Куна, чтобы тот сразу лёг на матрас. Всё бы хорошо, раны у него поверхностные, но крови оборотень опять потерял много, оттого и ослаб... А когда Куна осторожно уложили на пол и даже укрыли одеялом (Алиса настояла — от холода раны будут плохо заживать), вот тогда хозяйка лесного дома и сообразила. Как только оборотень перестал нуждаться в их помощи, она велела брату и Луле вытащить из спален шесть матрасов и подушек. Незваные гости раздеваться не будут, так что им будет комфортно спать и таким образом, без постельного белья. И предложила складывать спальные вещи наверху лестницы. Сама спустилась к дану Герхарду, который наблюдал за работой своих подчинённых (а кем ещё они могли быть?) и порой делал им замечания.

— Дан Герхард, — обратилась к нему Алиса, — когда ваши люди закончат с лошадьми, пусть они поднимутся по лестнице. Мы там оставим вам матрасы и подушки. Думаю, вам будет спать на них гораздо удобней, чем просто на полу.

— Матрасы и подушки? — ухмыльнулся тот. — А почему вы не предложите кровати?

— Хм, вы хотите спать в комнатах, по стенам которых, пусть и снаружи, но довольно шумно бегают измигуны? — сама усмехнулась Алиса, а потом спокойней сказала: — В первую ночь здесь мы с братом спали вообще на мешках, возле камина.

Как ни странно, дан Герхард смягчился и согласился, что матрасы и подушки, разложенные в холле на старых коврах, — мысль здравая. Он даже учтиво поклонился хозяйке лесного дома и, вместе с подчинёнными, съёс из коридора приготовленные для них вещи. Лишь заметил раз:

— Дану Виктору и леди Луле не страшно было заходить в спальни?

— Окна в спальнях крепко закрыты ставнями. Мы же спим в коридоре второго этажа, чтобы не слышать этих тварей.

Разложив в холле, на старых коврах, «постели», мужчины между собой договорились о караульных, чтобы их не застали врасплох посреди сна и чтобы к утру, к началу новой дороги, они все сумели бы отдохнуть.

Поднявшись в коридор второго этажа и готовя свой матрас для сна, Алиса вдруг почувствовала острую обиду, не вполне уяснённую для себя. Только факты... Шестеро мужчин, крепких, сильных, умеющих не только держать оружие в руках, переночуют в доме, а утром уедут. И всё. Будут ли они вспоминать о лесном доме, как о некоем приключении? Будут ли посмеиваться над его хозяйкой, вляпавшейся в дурную ситуацию с измигунами? В любом случае, через недели-месяцы ночь в этом доме им вспомнится как отдельный казус в их обыденной жизни... Ну, подумаешь — встретились и разошлись... На что обижаться-то? Но ирреальная обида поджигала глаза — и Алиса понимала, что вот-вот заплачет, захнычет не хуже Лулы, но и зная про то, продолжала себя накручивать.

— ...Лис-ска... — донёсся шёпот брата.

Она подняла глаза и поразилась. Когда это он успел пройти до её и Лулы матрасов?

Вставать полностью не стала. Села и похлопала по своему одеялу, покосившись на задремавшую белобрысенькую. Виктор присел на колени — поближе к ней и шепнул:

— Там тебя этот, Мичил, спрашивает.

— Есть, что ли, хотят? — пробормотала она, вставая и застёгивая на поясе ремень юбки-распашонки. До сих пор она бегала в штанах и как-то мимоходом думала: не потому ли дан Герхард пытается её поддеть, что она в обществе мужчин бегают не так, как следует по их моде, а в одних штанах?

Когда спустилась, придерживая подол юбки, чтобы не слишком распахивался, дан Мичил кивнул ей и прошептал:

— Можно с вами поговорить где-нибудь отдельно?

— На кухне? — неуверенно предположила Алиса.

— Я согласен.

— Алиссия, — встревоженно позвал брат. — Я с вами?

Оглядев критическим взглядом терпеливо выжидающего дана Мичила, она покачала головой.

— У нас только разговор. Думаю — недолгий.

Ну вот. И со временем определилась, и Мичила предупредила как бы невзначай.

Они осторожно прошли мимо спящих. Насколько поняла Алиса, первым караульным вызвался быть дан Мичил — именно потому, что хотел с ней переговорить.

Любопытство зашкаливало, но Алиса твёрдо решила молчать, пока ей не объяснят, зачем её вызвали.

Когда дан Мичил уселся за обеденный стол, она села напротив, подумав про себя насмешливо, что здесь то ли этикет такой, то ли дан Мичил продолжает демонстрировать ту же невоспитанность, которой щегольнул Герхард, но ведь он должен был сначала усадить Алису, выдвинув для неё табуретку из-под стола? И только потом самому садиться?.. Впрочем, ладно. Это всё мелочи.

— Я вас слушаю, дан Мичил, — подбодрила она его, когда он слишком заметно замаялся, прежде чем начать говорить.

— Беседа у нас будет весьма деликатного свойства, — наконец решился тот. — Есть ли у вас деньги, леди Алиссия?

— Не знаю.

— Что? — оторопел дан Мичил. — Как это — «не знаю»?

— Когда я впервые появилась в этом доме, я споткнулась на пороге и упала. — Она повернула голову к нему затылком и подняла шарф, которым пользовалась, как обычным платком. — Видите? Это след от падения. А поэтому я кое-что забыла. Вещи мы ещё не все разобрали — больше старались устроиться в этом доме. А зачем нужны деньги?

— Завтра мы уедем, — сказал дан Мичил.

— Я поняла вас, — вздохнула Алиса. — И что?

— Мы с даном Герхардом не хотим оставлять вас в такой ситуации. Если бы у вас были деньги, можно было бы нанять боевых магов, которые легко справятся с измигунами.

Алиса задумалась. Вспоминая те вещи из мешков, которые успела просмотреть, она приценивалась к ним с точки зрения продажи и признавалась себе, что много монет за них не раздобудет. А услуги неизвестных ей боевых магов наверняка весьма высоко ценятся.

— Простите за откровенность, дан Мичил, — спокойно сказала она. — Но я бы больше желала отправить из этого опасного места подальше леди Лулу и своего брата. На боевых магов денег у меня нет. Сама бы я одна здесь, как мне кажется, прожила какое-то время. Возможно, я о себе слишком хорошо думаю, но... — И она развела руками.

— Вы не понимаете, о чём говорите, — тоже спокойно сказал дан Мичил. — Я знаю, что у вас была первая ночь с измигунами, когда они пытались прельстить вас голосами ваших родных. Знаю, потому что сейчас эти твари бегают поверху дома в попытках найти щель, чтобы в неё прошмыгнуть. Но знаете ли вы, леди Алиссия, что вас ожидает в третью ночь? Они будут ломать всё, что им покажется уязвимым, лишь бы влезть в дом.

Алиса молчала, глядя на него напряжённо. А потом нерешительно спросила:

— Мне податься некуда... Вы сумеете завтра забрать отсюда моего брата и леди Лулу? У нас есть мать. А у леди Лулы — семья. А я... попробую сделать крепость из одной комнаты, куда измигуны не доберутся. И буду проводить ночи в ней.

— Это даже не смешно. Зная, что в доме остался хоть один человек, твари не угмонятся, пока не доберутся до вас, леди Алиссия.

Она снова замолчала, не зная, что делать. Но ведь этот дан Мичил пришёл не просто так. Может, у него есть какое-то разрешение проблемы? Ведь не зря он её вызвал?

— Дан Мичил, — неуверенно сказала она, — а что вы можете предложить?

Он внимательно посмотрел ей в глаза и кивнул.

— Да, у меня есть предложение. Леди Алиссия, я богат. Проведите со мной эту ночь, и я дам вам денег на вызов боевых магов, которые освободят местность от измигунов.

Какая надежда вспыхнула, когда он сразу не сказал: «Нет. Никаких предложений!» И ушатом воды — его ответ. Значит, придётся вернуться к матери, так и не доиграв в самостоятельность?.. Первое, что она подумала.

Потом дошло. Шестеро мужчин целенаправленно поехали по малоезженной дороге, когда поняли, что слегка заплутали. И с самого начала дан Герхард знал, кому лесной дом принадлежит. Не знал лишь, что здесь новая хозяйка. Но догадался, откуда она взялась. Поэтому этот богатырь весь вечер зло посмеивался над Алисой. Слухи о неверности жены дана Маркаса разошлись по краю мгновенно.

Алиса подняла глаза на дана Мичила. Симпатичный. Она бы, наверное, к нему что-то и почувствовала, если бы не... Если бы не его оценивающий взгляд и уверенная усмешка, с какой он ждал от неё ответа. От неё — падшей женщины, какой он её считает... Не дрогнув ни единым движением, Алиса вдруг испугалась: «А если та женщина, Алиссия, и в самом деле?..» Но это тело было собственностью Алисы! Мельком, размышляя, чьё место заняла, она на всякий случай пересчитывала родинки на правой руке — и их всегда, неизменно оставалось семь штук: одна — большая, шесть — маленьких. И сегодня она пару раз заглянула в зеркало с чердака, притащенное вместе с Лулой. Она, Алиса, из другого мира. А в жизни той Алисы мужчин не было — в определённом смысле. И слово «гулять» для неё имело лишь прямое значение, не уничижительное. Она гуляла в компании парней из своего дома, с одноклассниками, с однокурсниками, но именно гуляла — по улицам города, в кино, в городские библиотеки!.. До постели дело никогда не доходило, потому что не думала о ней — некогда было. Смутно мечталось о том времени, когда она станет кому-то хорошему хорошей женой...

Если она уступит этому... может, он и пригласит сюда, в лесной дом, боевых магов. Но кто даст гарантию, что потом по этому государству, о котором она совсем ничего не знает, не разнесётся слух, что она... Придётся возвращаться в имение матери...

Она не встала, а с трудом выбралась из-за стола. Чуть откашлялась, потому что в горле вдруг вспух ком, мешавший и говорить, и дышать. Хотелось закричать в лицо мужчине, который ждал её решения, причём ничуть не сомневаясь в нём: «Мне очень хочется ударить вас по лицу! И не сделаю это только по одной причине: я знаю, что вы сильнее и ловчее. Вы перехватите мою руку, обозлитесь. И эта злость уже позволит вам не ждать моего согласия на...»

Нет, она выбралась и, глядя этому в глаза, безжизненным голосом, который сама прочувствовала, сказала:

— Вы такой же, как измигун. Не оставляете надежды на милосердие. Спокойной ночи.

И поспешно выскочила из кухни, страхась, что он её догонит. А кухонная дверь закрывалась очень плотно — Алиса это уже знала. Если что — никто не услышит.

Успокоилась, только оказавшись у лестницы, где и застыла ненадолго. Там, где устроились спать мужчины, было так темно, что разглядеть человеческие фигуры довольно сложно. Лошади вздыхали и всхрапывали, едва намеченными силуэтами вырисовываясь во тьме: горевшая свеча стояла только на цоколе камина. И со всех сторон — шуршание и скрежет... Как только мужчины спят под эти жутковатые звуки...

Подхватив передние полы юбки-распашонки, Алиса побежала по лестнице. Верхние

ступени, совсем скрытые от свечного огня, прятались во мраке. Именно здесь, в самом тёмном месте лестницы, Алиса и присела. И выплакалась — беззвучно, но с такой горечью, какой от себя не ожидала.

Сначала переживала разговор с Мичилом и думала о человеческой гнусности. Слёзы хлынули с новой силой, как только Алиса вспомнила о возвращении в имение матери. Пока представлялось, что они, втроём, избегнут страшной смерти, уйдя из лесного дома, было ещё ничего. Но только сейчас девушка поняла и увидела во всей красе, что ждёт её дома. Ведь к матери она вернётся оболганной. Если мать здесь та, что была в том мире, Алисе либо ходить по улицам с гордо поднятой головой, но ёжась от шепотков за спиной, либо свету белого не видеть, спрятавшись в доме...

Если бы не Виктор и Лула...

Она осталась бы в лесном доме, несмотря на угрозу измигунов. Он не потерял своего очарования даже сейчас, когда обнаружилось, что его стены — слишком хлипкая защита от кошмарных тварей. И он же — единственное пристанище для человека, который в этом не познанном им мире пребывает лишь трети сутки. Он убежище — единственное понятное и «обретённое» на законных основаниях.

Она всё сидела на лестнице и даже не дрогнула ни единой чёрточкой лица, когда слёзы хлынули новым потоком. Дом придётся оставить и вернуться к матери. Оставить место, где целые сутки чувствовала себя свободной и счастливой, несмотря на неустроенность... Ради брата и ни в чём неповинной девочки из многодетного семейства она это сделает. Вернётся в материнский дом, которого никогда в жизни не видела и который даже сейчас вызывает отторжение, потому что там не будет свободы.

«Хватит! — сердито велела себе Алиса, вытирая слёзы. — Значит, судьба такая. И иди спать. А то доведёшь себя всеми этими мыслями — заревёшь в голос и всех перебудуешь... И вообще... Думай о возвращении позитивно. Если там мама наша, та же, не желающая заниматься хозяйством, то здесь ей понадобится помощь, а потому мы с Витькой будем ей кстати. В любом случае, вместе мы легче... проживём неприятное время... — Она встала и тихонько прошла последние ступени лестницы. Неожиданная мысль кольнула её, когда она крадась мимо матрасов с Виктором и Куном. Присела на корточки возле Виктора. Нет, она и раньше знала, но мысль не обретала такой формы: — А ведь Бартлей понимал, что жить нам в этом доме еле-еле трое суток. Каким же надо быть гадом, если он даже Витьку не пожалел! Брат ведь совсем мальчишка ещё!»

А когда укладывалась спать напротив Лулы, хмуро подумала: «И девочка тоже... Она ведь не хочет возвращаться к своей семье...»

Проснулась рано утром. Подумала, с чего бы начать день, как хозяйке. И вздохнула: с неприятного, но необходимого дела.

Последним дежурил дан Герхард. Проходя мимо него, сидевшего в кресле, Алиса чуть улыбнулась ему, типа: «Доброго утра!», и заторопилась на крыльцо.

Пришлось проходить «сени», куда мужчины побросали мёртвых измигунов из холла. Алиса как-то предполагала, что дохлые твари, будучи мистическими существами, пропадут, едва солнце затеплится на горизонте. И шла в «сени» только проверить своё предположение. Увы, несмотря на уверения, что измигуны — пришельцы прямиком из ада, она шагнула в такое зловонное помещение, что едва не задохнулась, лишь раз вдохнув жуткие миазмы именно здесь.

Руки тряслись, пока она, придерживая дыхание, выдирала каминную кочергу из пазов засова. А открыв входную дверь, быстро опомнилась и закрыла дверь из холла в «сени», чтобы в дом эта гнилостная вонь со сквозняком не проникла.

Отдышавшись на крыльце, вернулась в холл, из него на цыпочках, чтобы не будить, прошла на кухню, откуда появилась с самыми ветхими тряпками. И, не дожидаясь пробуждения мужчин (ещё неизвестно — помогут ли), обмотала руки тряпками и начала выволакивать дохлятину из «сеней».

Вроде и не надо бы — если учесть, что скоро они все покинут дом, но, как представила, что ночные гости будут всё утро бегать из дома и обратно, как представила, что весь дом наполнится смрадом, так брезгливо стало. Так что хватала дохлого зверя за что попало — лишь бы тащить удобно было! — и волокла на крыльцо, бросая затем слева от лестницы. И старалась при том не смотреть на безвольно обвисшие челюсти и на чудовищные лапы.

— Зачем вы это делаете, леди Алиссия? — с недоумением спросил дан Герхард, внезапно появившийся на крыльце.

— Дом жалко, — отозвалась она, разгибаясь после броска очередной туши в дворовые травы, а затем проходя мимо мужчины. — Он такой красивый, а его все обрекают на одиночество, да ещё и вонью унижают.

Дан Герхард внимательно понаблюдал, как она работает, и, пожав плечами, присоединился. У него нашлись кожаные рукавицы, и таскал он, как и положено богатырю, сразу по две меховые твари.

А потом они вдвоём стояли на крыльце дома и смотрели, как солнце поднимается над лесом, как верхушки деревьев сначала чернеют, а потом золотисто пушатся... Алиса, как ей показалось очень тихо вздохнула. Но Герхард услышал.

— Что будете делать, леди Алиссия?

— Вернусь домой, — ответила она, немного помедлив, потому что не сразу догадалась, о чём его вопрос.

— Жизнь несправедлива, да? — ухмыльнулся он.

— Что жизнь несправедлива — это можно пережить. Но что несправедлива она беспричинно — понять трудней.

— Так уж и беспричинно? — хмыкнул богатырь.

— Дан Герхард, попробуйте убрать из моей задачи одно условие — придуманную кем-то мою неверность. И скажите мне: кому выгодна моя смерть — смерть жены дана Маркаса, который меня ещё и в глаза не видел? Не обессудьте и не злитесь на меня, но подозреваю, что самому дану Маркасу.

На этот раз он помедлил с ответом, хотя она в душе аж пригнулась, ожидая гневной отповеди за «поклёп на мужа». А потом вдруг заглянул ей в глаза:

— Вы недавно плакали, леди Алиссия?

— Больше не буду, — снова невольно улыбнувшись, пообещала она и кивнула на лес: — Дан Герхард, а ведь здесь правда красиво, да?

Он развернулся и пошёл в «сени», на ходу что-то невнятно, но беспокойно бубня.

Алиса же постояла ещё немного, пока не продрогла в утренней прохладе, остыв после глупой, по сути, работы.

...Уезжали, напившись чаю, предложенного хозяйкой, и не поделившись своими припасами. От супа с крольчатинной отказались... Кун не спустился, хотя его помощи Алиса

и не ожидала. Почему-то показалось после вчерашнего, что и всадники Герхарда, и Кун, в котором оборотня сразу признали, соблюдали между собой насторожённый нейтралитет.

Всадники торопились. Возможно, спешка была оправдана тем, что их раненый слишком плохо себя чувствовал. Его буквально уложили на лошадь и чуть не связали, чтобы на ходу не упал. И уехали... А, нет. Алиса ещё заметила, что Мичил, смеясь, что-то рассказывал Герхарду, а тот оборвал его весёлый рассказ, вдруг рывкнув на него. Но что?

Постояла, постояла на крыльце. Не провожая, а просто как-то неудобно было не выйти. Мельком отметила, что после рывканья Герхарда Мичил стегнул свою лошадь, посылая её в начало маленькой группы.

Минуты спустя дорога от лесного дома опустела, благо что неподалёку был поворот... Алиса постояла ещё немного. Все мысли равнодушно кружили вокруг одного: «Даже не предложили помочь с нашим возвращением домой. Могли бы до перекрёстка довезти — не такие уж мы тяжёлые...» И зашла в дом.

Виктор и Лула как раз заканчивали уборку в холле. Счастье, что ни одна лошадь не намочила временный приют, а две лепёшки — это не страшно. Алиса помогла Луле домыть пол, пока Виктор сдвигал на место мебель. А когда они оглядели холл, чтобы убедиться, что больше нет беспорядка, Виктор сказал:

— Лиска, ты бы поднялась к Куну. Что-то с ним не то.

— Поднимусь, — согласилась сестра. — А вы пока идите на кухню и готовьте завтрак.

— Лула! — позвал Виктор. — Идём на кухню!

Белобрысенькая охотно помчалась на его зов. С отъездом всадников Герхарда она вообще оживилась, несмотря на будущие печальные события.

Алиса же поднялась в коридор второго этажа. От его начала она сразу заметила, что три матраса, в том числе и её, убраны. Наверное, брат с Лулой постарались. А вот матрас Куна на месте. И... Кун не успел «спрятаться». Он сидел на своём матрасе, прислонившись к стене и подняв правую штанину до колена. Сюда, в начало коридора, солнце не попадало, но утро было в разгаре, так что девушка ахнула при виде чёрной раны чуть ниже колена оборотня и красных пятен вокруг неё.

— Ты ранен, Кун?

Сразу вспомнилось, как он стоял в уголке, защищая одного из всадников от измигунов. Оборотень шустро опустил штанину. Но изумление Алисы переросло в страх.

— Я думала, вы только потеряли много крови, а у вас...

Она представила дальнейшее, и стало трудно дышать. К Куну она привязалась как к хорошему знакомому или даже — к другу. И... что теперь делать?.. Эти красные пятна вокруг раны... Инфекция начала распространяться?.. Перед глазами сразу: Кун обещал вывести их до перекрёстка, а что получается? Впрочем, до перекрёстка и сами дойдут. Уж увидеть, как дорога от лесного дома вливается в иную дорогу, нетрудно. Но как оставить Куна в доме, куда после заката припрутся измигуны?!

— Если вы поможете мне дойти до трав, — прошептал Кун, снова откидываясь к стене, — я смогу найти то, что мне нужно. — И сумел криво улыбнуться. — Одним подорожником сейчас мне не обойтись.

— А что потом? — настаивала девушка, садясь перед ним на колени и уже с ужасом глядя на него. — Потом вы вас втащим в дом... и...

— И уходите, — беспрекословно велел оборотень. — Вы должны уйти ближе к обеду.

— А вы?!

Кун слабо пожал плечами, но твёрдо сказал:

— Останусь!

— Мы сумеем пережить здесь ещё одну ночь и отбиться от этих тварей, — жёстко сказала Алиса, которая быстро пришла в себя и немедленно начала думать, как исправить ситуацию, — а завтра вы придёте в себя и сможете покинуть этот дом вместе с нами.

Он покачал головой.

— Дом каменный, но внутри большинство переборок деревянные. Если измигуны сумеют расширить хоть одну прореху в стенах или в печных трубах, они легко достанут нас. — Он замолчал, опустив голову, но Алиса успела заметить, что он хмурится, как будто... Как будто он что-то знает, но не верит, что это нечто они сделают.

— Рассказывайте, — скомандовала девушка. — И побыстрей. Иначе позже будет не до того. Вы явно знаете об измигунах что-то такое, что...

И оборотень рассказал.

Измигуны — в определённой степени каннибалы. Им абсолютно всё равно, что и кого есть. И в каком состоянии. Если к месту, где прячутся эти твари, отнести трупы их сородичей, следующей ночью они у лесного дома не появятся.

— Вот как, — задумчиво сказала Алиса. — Значит, на сегодня у нас несколько небольших дел. Отвести или отнести вас к травам, где вы найдёте то, что вам нужно. Затем поиски измигунов. Затем — переноска трупов к тому месту. Восемнадцать штук. Пока они их доедят... Интересно, а сколько их вообще осталось.

Оборотень вновь приподнял плечи.

Алиса встала. Подумала немного.

— От мяса вы в любом случае не откажетесь, — заключила она. — Сейчас принесу вам завтрак. Рану не трогайте. Перед тем как вас отвести на поляну, мы перевяжем её чистыми тряпками. Всё, я побежала.

На кухне она быстро объяснила ситуацию с Куном. Если за Виктора она была спокойна, то от Лулы с тревогой ожидала возражения.

Но белобрысенькая чашки с крольчатинной быстро поставила на поднос и вопросительно взглянула на хозяйку. Алиса добавила к завтраку оборотня свою чашку — ели сплошное мясо, потому что вчера наварили много — и жаль оставлять в доме, который вот-вот покинут. И побежала снова наверх, где собиралась устроить совместную трапезу с оборотнем.

— Самая трудная из задач, — сказала она, прожевав первый кусок, — это найти местечко, где прячутся измигуны.

И оглянувшись: к ним поднимались Виктор с Лулой — оба с подносами.

— Мы тоже хотим поговорить, — сказал брат, усаживаясь на краешек матраса.

Странно, но оборотень предпочёл выпить бульон, а уж потом заняться мясом.

— Найти легко, — сказал он негромко, стараясь беречь дыхание. — Если сегодня была роса, а она должна быть: ночь была холодной, а вчерашний день довольно жаркий, как и сегодняшней... Если роса есть, надо обойти дом и посмотреть, нет ли где довольно большой полосы на травах — там, где бежали эти твари. И будете знать, где они проводят светлый день. Был бы я здоров, я бы обернулся и нашёл их по следам, но сейчас оборот для меня тяжёл.

— Значит, мы начинаем с того, что выводим вас в лес, а потом ищем следы, — решила Алиса и обратилась к брату и Луле. — Посуду не моем. Сразу принимаемся за работу.

Закончив завтрак, посидели ещё немного, обсуждая появляющиеся одну за другой проблемы: на чём вывозить Куна, если довести его до крыльца с опорой на собственные плечи, и на чём вывозить трупы измигунов, чтобы не бегать в лес и обратно слишком много раз. Лула предложила покрывала, но Алиса покачала головой.

— Порвутся быстро.

— Лиска, а как назывались те сани, которые без этих, как его... — попытался вспомнить Виктор. — Вот забыл, а?

— Волокуши ты имеешь в виду? — Девушка прикусила губу и вздохнула. — Ладно, давайте с измигунами разберёмся потом. А сейчас в первую очередь надо вывести на травы Куна. Тянуть не будем.

Но Алиса видела, что Виктор не просто задумался, а морщит лоб, что-то вспоминая. Прекрасно. Если он что-то придумал и будет обдумывать эту идею дальше — значит, хоть что-то у них получится.

Собрав всю посуду, Лула убежала на кухню и тут же примчалась назад. За это время брат с сестрой подняли оборотня, который и сам, обнадёженный, что ему помогают, старался удержаться на ногах, благо одна была здоровой. Ну, не считая порезов. И теперь Алиса и Виктор осторожно шагали по лестнице, втихаря переругиваясь, что у неё нет перил, а потому оборотню приходится цепляться за стену. Когда вышли на улицу, Алиса вспомнила про свою дубинку и предложила Куну опираться на неё. Стало чуть легче. Но всё же потратили времени довольно много.

Впрочем, как оказалось, не зря. Когда оборотня спросили, куда лучше его отвести, он попросился ближе к ручью. Алиса согласилась, что он прав: вдруг пить захочется?

На обрыв его тащить не стали, а чуть обошли ручей. Здесь была небольшая, но очень пёстрая полянка. И, только Куна опустили на травы и цветы, он неожиданно задёргал носом, принюхиваясь, а потом взглянул на лес и уверенно сказал:

— Они пришли оттуда!

Примятая трава чуть дальше, как и отсутствие росы на ней, доказывала его слова.

Оборотня оставили искать нужные для излечения травы, а сами, втроём, побежали по плохо различимым следам измигунов. Бежать долго не пришлось. Остановились перед каменным склепом-усыпальницей, который прятался среди густых кустов. Дверь в склеп была неплотно закрыта, и некоторое время Алиса чувствовала, как мурашки сжимают ей кожу и заставляют напрягаться.

— Любопытно, — внезапно сказал Виктор. — Что будет, если распахнуть дверь нараспашку? Эти измигуны помрут? Или переживут такое?

Лула, на которую он смотрел в момент вопроса, покачала головой:

— Я не знаю.

— Интересно, а знает ли Кун?

Алиса ответить не успела, потому что, задумчиво глядя на этот склеп, полный смертоносных тварей, Виктор всё так же задумчиво продолжил:

— А что будет, если забросить туда, к ним... ну, взрывчатку, конечно, здесь не найти, а вот что-то такое, очень сильно горящее? Интересно, они дышат? Какую-нибудь дымовую шашку — ну, или связать сухую траву и поджечь? Она ведь много дыма даст? И дверь припереть! И вообще, чего мелочиться? Всунуть в склеп трав столько, сколько сумеем — и поджечь? Что будет? Получится?

Белобрысенькая смотрела на Виктора, открыв рот — с благоговением и ужасом.

Алиса спокойно ответила:

— Сумеешь про всё это не забыть, пока дойдём назад, к Куну? Может, он знает ответы на твои вопросы?

Сама она тоже задумалась: Мичил говорил о боевых магах. И правда, любопытно: как расправлялись с тварями эти боевые маги? И добавила:

— Пора домой, тащить сюда дохлятину. Пусть жрут.

Лула побежала охотно и впереди, поэтому на свободе Алиса сумела вполголоса спросить брата:

— Помнишь — фильмца смотрели про комнату спасения, спрятанную в доме? Как ты думаешь, сумеем сегодня на всякий случай такую оборудовать? Вдруг измигуны сожрут своих — и им всё-таки мало покажется?

— Чтобы такую комнату оборудовать, надо знать, как измигуны узнают, где их добыча, — вздохнул Виктор. И усмехнулся. — Кун замучается нам всё объяснять.

— Пусть замучается! — фыркнула девушка. — Главное, что живым останется — в результате-то наших расспросов. Но спрашивать будем, только после того как мы притащим трупы туда.

— Это само собой, — вновь впадая в задумчивость, сказал брат, а потом хмыкнул. — Лиска... Тебе не кажется, что мы сейчас тоже как те выживальщики?

— Кажется, — подтвердила сестра его впечатление.

Вернувшись в дом, Виктор, который, судя по всему, вдруг стал главнокомандующим среди дам, велел всем отправляться на кухню, а потом и в чулан.

— Девчонки... ой, дамы! — позвал он из самого дальнего угла. — Посмотрите: нам такое понадобится?

«Девчонки» были в восхищении: оказывается, Виктор вспомнил, что видел в чулане невесть каким образом занесённую туда... Алиса даже не знала, как это назвать: два тележных, наверное, колеса, соединённых между собой, но без самой телеги.

— Смотрите, — радовался Виктор, изо всех сил стараясь выглядеть солидным и спокойным. — Вот сюда положим две любые жерди, прикрутим их, а на них то самое покрывало. Придётся потом, конечно, выбросить — покрывало-то, но только потому, что потом оно будет вонять. А за те же жерди будем направлять эту штуку, куда нам надо. Кое-где приподнимать придётся, но, думаю, не часто. Лиска, что думаешь?

— Думаю, что ты гений, — решительно отозвалась сестра, а Лула радостно закивала.

«Девчонки» вместе с Виктором взялись за колёса и выкатили «штуку» сначала в кухню, а потом в холл. Трудновато в первый раз пришлось, когда скатили с лестницы. На ступенях колёса так подпрыгивали, что Алиса боялась, как бы они не налетели им на ноги — очень уж громоздкие. Потом Виктор бросился искать, где он видел жерди. А дамы бросились в дом, договариваясь взять самое старое покрывало, но сложить его вдвое для прочности.

Вскоре довольно странная тачка была готова.

В неё по одному наложили сразу пять штук измигунов. Шестого класть не стали, потому что заметили, что груз и под пятью так прогнул покрывало, что его дно начало провисать в паре сантиметров над землёй. Представили, как будет груз вести себя во время движения, и отказались добавлять ещё одного. И так получается, вместо трёх дохлятин — везут сразу пять. Впрочем, Алиса посмотрела, посмотрела и кивнула:

— Тащите тачку вместе. А шестого я возьму на себя.

И начали работу.

Поскольку нашли несколько старых покрывал, то Алиса взялась за следующее и тоже сложила его вдвое. Туда же перекатали того самого шестого измигуна, и девушка взялась за кончики своей ноши. А что? Неплохая волокуша!

И поехали!

Несколько раз Алисе приходилось бросать «своего» монстра, чтобы добежать до брата и Лулы и помочь им выкатить тяжеленную тачку, колёсами застревавшую то среди кочек, то в какой-нибудь мелкой, но коварной ямке. Злились, ругались, спорили — брат с сестрой, в основном, разумеется. Пока доехали — устали, как черти! Но Алиса была рада: если учесть что они притащили к склепу вдвое больше дохлых тварей, чем ранее думалось притащить за один раз, то всё замечательно. Им предстоит сделать ещё две поездки к склепу — не шесть, как было бы, тащи они тварей по одной. И ещё. Лула очень старалась, хоть брат на неё частенько срывался и покрикивал. А что было бы, возмись она тащить измигуна в одиночку?

Куна решили вопросами своими пока не трогать. Проезжая мимо него, поглядывали порой и видели, как он то сидит, то лежит, то ползёт, наверное, в поисках нужной травы в нужных количествах. И Алиса твёрдо поклялась себе, что, закончив с переносом измигунных трупов, она обязательно посмотрит, что за травы использует оборотень. И поможет ему искать их, пока есть время. А втихомолку радовалась, что ещё сутки проведёт в этом доме, который так странно притягивал её.

Под конец работы они уже даже не боялись свалиться на траву перед склепом — лишь бы не воняло в их сторону. Свалиться и отдохнуть — даже хотя бы перед тем, как вернуться. Смотрели на высокие деревья, на шелестящие листья и не то дышали, не то вздыхали... Не оборачиваясь, Виктор спросил, благо валялся ближе, чем Лула:

— А чего тебя Мичил-то вызывал? Ночью?

— Ничего, что бы нам пригодилось, — ровно сказала Алиса. — Он рассказал, что есть боевые маги, которые могут за плату освободить местность от измигунов.

— Ты не спросила, как они это делают?

— Нет. Сразу сказала, что у нас денег нет, и он больше не стал со мной говорить.

— Гад...

— Похоже, что так, — вздохнула Алиса. И снова замолкла, глядя на светло-голубые кусочки неба в ветвях, время от времени перемежаемые лениво плывущими белыми облаками. Но про себя подумала: «Мы справимся сами. У нас есть на кого положиться. На нас самих. Пусть, уезжая, он думал, что оставляет нас на смерть. Отобьёмся!»

Пока солнце ласково гладит по лицу, нежно пригревая, пока травы вокруг мягко веют сладкими запахами, а близкие птицы старательно нащёлкивают и присвистывают что-то легкомысленное, всегда остаётся отрадное и глупое чувство: «Всех победу!» И кажется, что тёплый, светлый день будет бесконечным, а ночь с её... измигунами — всего лишь чья-то страшная байка, которая, возможно, уже закончилась.

Проговорив про себя смешное слово «победу», не поддающееся нормальному формообразованию, Алиса плаксиво подумала, что вставать с травы не хочется. А надо. Надо шагать до лесного дома, проверять, как там во всех окнах закреплённые вчера ставни и стоит ли их заново переустанавливать. А потом идти на кухню и немного злиться, что соль прошлые неведомые жильцы оставили, а вот крупу — не догадались.

И резко села. Соль! Вот о чём Алиса уже некоторое время пыталась спросить у Куна — и забывала!

— Чё вскочила? — недовольно спросил брат, лежавший рядом, покусывая травинку.

— Век бы лежать так... — мечтательно протянула Лула.

— Ну и лежите, отдыхайте, — пожала плечами Алиса. — А я к Куно. Посмотрю, как он там.

— Ой, леди Алиса! — После предложения хозяйки звать её только коротким именем белобрысенькая часто путалась, как называть её. Сейчас выпалила нечто среднее и вскочила следом. — Ежели вы к оборотню — и я с вами! Так хочется поглядеть, какие он травки себе нашёл!

Вспомнив, как много Лула перечислила названий целой кучи трав, росших возле ручья, Алиса несколько не удивилась её желанию: кажется, девица тяготела к травничеству.

Виктор с травы поднимался с недовольным ворчанием и так тяжело, что Лула подбежала к нему помочь. Алиса, приглядываясь, даже испугалась немного, не гавкнул бы брат на белобрысенькую, не обидел бы... Но, укоризненно глядя той в лицо, вставший на ноги Виктор попенял ей:

— А я думал — тебе со мной интересно! А ты — к оборотню.

— Это что ещё за разговорчики?! — поразила Алиса.

Брат насупился и отвернулся. А Лула покраснела и чуть склонила голову, чтобы спрятать улыбку.

Обратно шли — белобрысенькая несла отяжелевшие от крови и гнили, аккуратно и плотно сложенные, чтобы не запачкаться, покрывала (не оставлять же их мусором в лесу — собирались сжечь во дворе); Алиса тащила жерди с тачки, а Виктор... Он сначала попытался взвалить парные колёса на плечо, но сумел признать, что ноша неподъёмная, и снова покати их, благо они теперь были без груза. Правда, останавливаться, чтобы вытащить то одно, то другое колесо, попадавшие в природные западни, всё равно приходилось. Правда и то, что и на этот раз посматривавшая на него Алиса понимала, что лучше свою помощь не предлагать: брат легко вытаскивал застрявшее колесо сам. Ну а поскольку колёса скрипели и потрескивали на ходу, то Кун слышал их издали.

Штанина у оборотня опять засучена до колена. Рана несколько не изменилась за время, проведённое им на поляне. И красные пятна остались. Зато лицо выглядело каким-то здоровым и успокоенным, словно он добился того, что ему необходимо. Сидел Кун,

прислонившись к тому же маленькому пригорку, вокруг которого ползал недавно. И Лула, бросив покрывала, немедленно устроилась на корточках рядом с ним, с интересом разглядывая растительную добычу оборотня. И сделала это так по-детски, что Кун усмехнулся, а Виктор, кажется, заразился наивным любопытством белобрысенькой и тоже присел поглазеть на травы. Обрадовавшись этому движению, Лула немедленно, хоть и негромко начала объяснять ему, какая травка как называется.

Алиса улыбку приглушила. Она ещё вчера заметила, что Лула быстро сходится с... ой, существами, которые ведут себя так, что она в их обществе чувствует себя комфортно. А с Куном ей точно комфортно, несмотря на недавнюю насторожённость к нему, как к оборотню. А вот что у неё с Виктором, кроме дружеских отношений? Или показалось?

Опережая хозяйку лесного дома, оборотень сказал:

— Вам придётся-таки сделать так, как я говорил ранее. В обед покинете дом и уйдёте отсюда. Мне одному будет легче. Я хоть для них тоже мясо, но не настолько предпочтительное. И то — они появятся только в случае, если им своих не хватит.

Не обращая внимания на его слова, Алиса спросила:

— Кун, мы нашли в чулане чёрную соль. Знаете ли вы, что это такое?

Оборотень недоверчиво взглянул на него и не сразу уточнил:

— Чёрная соль? Вы не смотрели на неё в темноте? Она... светится?

Услышав его вопросы, Виктор и Лула мгновенно подняли головы. Алиса ещё подумала, что в их глазах оборотень впервые настолько взволнован, а потому они не могли не откликнуться на его интонации. Привыкли, что он чаще обеспокоен, чем взволнован, вот и... И тут она сама уставилась на Куна.

— Что ты сказал?!

— Светится ли та чёрная соль во тьме? — терпеливо повторил он.

— Мы не знаем, — ответил Виктор. — Мы разглядывали её при свете... лучины.

И тут они, все четверо, заторопились, когда поняли, что оборотень не зря заволновался из-за упоминания о чёрной соли... Брат с сестрой не стали спрашивать Куна о подробностях по дороге в лесной дом. Теперь всех занимало получить ответ на главный вопрос Куна. Но и друг друга не забыли: до обеда далеко, так что Алиса велела хозяйственную утварь (или пожитки?): покрывала, жерди, колёса — оставить здесь, благо сидели неподалёку от ручья — и чуть позже можно будет отдельно забрать их. Поэтому Лула захватила «травки» оборотня, а Виктор и Алиса подставили ему плечи для опоры. И заспешили, захромали к дому.

Неизвестно, как брат, но Алиса именно из какого-то суеверия побоялась спрашивать Куна, почему его так взволновала чёрная соль. Сначала надо уточнить, что это за свечение над ней, а уж потом... Алиса уже не сомневалась, что чёрная соль — это оружие против измигунов. Ну а вдруг найденная ими не светится?..

Они втащили Куна на крыльцо, помогли пройти «сени» в холле и сразу повернули к кухне. Оставили оборотня сидеть за столом. Лула пристроилась рядом, и в её глазах тлело беспокойство: она тоже поняла.

Виктор распахнул дверь в чулан. Вместе брат и сестра вошли во тьму, правда — неполную, из-за дневного света на кухне. Брат оглянулся и плотно прикрыл дверь.

— Я взял с собой свечу, — тихо сказал он. — Закрой глаза, чтобы по ним не ударило светом. Всё. Зажёг. Где здесь были ящики с солью?

— Нашла. Иди сюда.

— Гашу огонь.

Невидимые друг для друга, они встали у двух открытых ящиков-ларей с чёрной солью и склонились над ними. Тишина. Только потрескивание, едва слышное для напряжённого уха. Наверное, в доме лесные мыши бегают. Уж точно не крысы... И перед глазами — всё та же крошечная тьма. Алиса сразу догадалась, почему молчит Виктор: не хочет признаваться, что не видит.

— Я не вижу, — прошептала она.

— Ты тоже, — с облегчением откликнулся брат. А потом помешкал и негромко, но смущённо спросил: — И что теперь? Соль не та, о чём подумал Кун?

На этот раз Алиса отозвалась не сразу, поскольку заподозрила кое-что личное неладное. Она помедлила, прикусывая губу и не зная, как бы высказать помягче неприятную для них обоих мысль.

— Вить, боюсь... Боюсь, что это мы не те, а не соль не та.

— Если ты поняла, так говори прямо! — рассердился брат.

Она слышала, как он набрал воздуха, чтобы грубовато сказануть что-то ещё. И вдруг затих. Так, что почудилось — дышать перестал.

— Вить...

— Лиска, это мы не учёные, да? Ну, этой — магии. Умеем только творить огонь. Это ты хотела сказать? А поскольку, как маги, смотреть не можем, то и не видим?

— Вить... Что делать?

— До вечера время есть. Подумаем.

— А что Куну скажем?

— Правду. Что над солью не видим свечения. А почему не видим — не скажем.

— Почему?

— Он же не маг. Подсказать, как смотреть магически, не сумеет. А тут... надежда.

Снова замолчав, Алиса пригорюнилась. А потом, прикинув, вздохнула:

— Глупо.

— Что? Давать надежду? А что предлагаешь ты? У нас ведь дурацкая ситуация: оружие вроде есть — оружия вроде нет. А если и есть, то нет инструкции, как его использовать. Лис... Давай выйдем. Что-то на меня эта темнота нехорошо действует.

Они вышли и с безнадёгой объяснили Куну и Луле, которые с тревогой ждали их, что соль, кажется, не магическая. Не светится.

— И что дальше? — тоненько спросила белобрысенькая.

Алиса нерешительно посмотрела на оборотня.

— Кун, давайте мы вас снова вытащим, только не за пределы двора, а в сам двор? День солнечный. А я слышала, что солнце придаёт энергии, силы. Туда же мы вам отнесём одеяло, чтобы вам удобней было. И — мяса, чтобы заживление шло быстрее.

— Одеяла не надо, — улыбнулся Кун. — Хватит и мяса. И, леди Алиссия, не переживайте из-за чёрной соли. Эту ночь переживём — я сумею завтра довести вас до нужного перекрёстка и показать, куда надо двигаться дальше.

Алиса благодарно кивнула, но сама подумала: «Ты бы сам сумел дойти до своего дома! А то ведь дойдёшь до того перекрёстка, а дальше?..»

Вскоре оборотень был устроен на дворовой траве, снабжён мясом, а Лула вызвалась помыть посуду, до которой никому дела не было до сих пор. Похвалив её за аккуратность (Лула расцвела от добрых слов), Алиса вдруг обнаружила, что Виктора нигде нет. Поэтому

спокойно сказала белобрысенькой:

— Лула, я тебе сейчас зажгу печурку согреть воду, а потом пойду вокруг дома — посмотреть, что есть ещё полезного здесь для нас.

Печурка с утра была наполнена сухими ветками, так что запылила сразу, и белобрысенькая принялась наполнять водой кастрюлю, заранее поставленную на плиту. Убедившись, что на кухне не потребуется её помощи, Алиса поспешила выйти из дома.

Виктора нашла на заднем дворе — там, где стена дома была чёрной от сажи. И застала брата за странной то ли игрой, то ли развлечением: он поставил на принесённый сюда старый стул со сломанной спинкой несколько предметов — и пытался сбить их целенаправленно пущенным в них огнём. Услышав шаги, Виктор резко обернулся, а потом неохотно опустил руки, дожидаясь, пока сестра подойдёт.

— Объяснишь? — предложила Алиса.

— Судя по словам всех, кто видел мой огонь, я маг огня, — медленно, словно сам прицениваясь к собственным словам, сказал Виктор. — Но единственный приём, который я знаю, — это... ну, скажем, выстрелы из пальца. Значит, этот единственный приём я должен разработать так, чтобы... — он пожал плечами, ища нужное слово для объяснения. — В общем, я хочу научиться усиливать огненную стрелу — или сужать её.

— Последнее не поняла.

— Ну... стрелять той же стрелой, что обычно, но тоньше, — развёл руками брат. — Но при этом сила огня будет той же.

— Не поняла, в чём разница, — помотала головой Алиса.

— Ну, смотри... Обычно стреляем — просто поджигаем. А если тоненькая стрела, но с той же силой — мне кажется, она должна пробивать мишень. Смотри! Видишь — деревянная дощечка поставлена? Вот обычная стрела.

И Виктор прицелился указательным пальцем — и плохо видная в дневном свете, полупрозрачная жёлтая стрела ударила в дощечку, опрокинув её в траву.

— Это первое, — сказал брат, а потом дошёл до стула и поставил дощечку так, чтобы она стояла вертикально, с опорой. — Это второе.

Он даже прищурился от старания. Алиса следила внимательно — и ахнула, когда узкий огненный луч ударил в мишень: та свалилась, как и в первый раз, но даже в её падении было видно, что почти в центре что-то появилось.

Теперь добежали до неё оба, и Виктор поднял дощечку, повертел в руках, а потом продемонстрировал сестре. Алиса покачала головой: да, в центре, дымясь, зияла махонькая, но настоящая дырка.

— Что даёт второе? — серьёзно спросила она. — Кроме дырки?

— Вторая стрела не растягивается надолго, как первая, а потому её не видно. В смысле — не видно, откуда её запускают. Она как настоящая стрела — слетает с пальца за раз, не оставляет следа. Пригодится.

Алиса вновь посмотрела очень внимательно. Что-то ей не очень понравился взгляд брата. Был он каким-то очень сосредоточенным. Как будто Виктор что-то придумал и собирается проделать это нечто, не говоря о том не только сестре, но и вообще никому.

— Вить, ты же понимаешь, что я теперь с тебя глаз не спущу, — ледяным тоном сказала она. — Я же поняла, что ты собираешься сделать что-то... опасное. Так что... Или ничего не сделаешь. Или сделаешь задуманное вместе со мной, чтобы я не психовала. Колись, что задумал.

Оглянувшись на чёрную стену, брат уселся, прислонившись к ней. Алиса устроилась рядом. Помолчав и явно собравшись с мыслями, Виктор сказал:

— Помнишь, я сказал — у нас вроде как есть оружие, а вроде как его нет? А ведь это проверить — легче лёгкого. В смысле — проверить, оружие ли та чёрная соль. И даже без магического взгляда. — И взглянул испытующе на сестру. — Лиска, не бойся. Я уже всё обдумал. Ничего страшного. Честно.

— Рассказывай.

— Мы отнесли дохлых измигунов к склепу. Надо снова туда сходить. Одного измигуна оттащить подальше от склепа и от остальных трупов. И посыпать чёрную соль вокруг него. Вот прямо-таки заключить его в круг из соли. А ближе к закату подобраться ближе к склепу и посмотреть, накинутся ли эти твари на него. Если не накинутся — соль работает, и мы можем, например, рассыпать её вокруг дома.

— А если они за нами побегут? — начала искать дыры в его предложении Алиса. — Мы ведь бежать по ночному лесу не сумеем — без огня. А уж по огню они нас точно догонят. И что тогда?

— А мы на всякий случай ещё соли с собой возьмём, — пожал плечами Виктор. — Если что — отстреливаться ею начнём.

— Это как?

— Да просто рассыпем! — рассердился брат. — Бросать на них будем!

— Не видя — куда?.. — задумчиво сказала Алиса. — Ладно, надо обдумать ещё раз эту идею. Честно — она мне нравится, но вот последние шаги как-то не продуманы.

И вот тут Виктор заметно растерялся. Он взглянул на сестру как-то очень уж обескураженно. А потом осторожно спросил:

— Лиска, а ты серьёзно, что вместе хочешь?

— Серьёзно, — решительно сказала она. — Сам посуди. Теперь, когда я знаю, куда ты и с чем собрался, я психану ночью так, что... Ладно, пойду возьму горсточку той соли и скажу Луле, что мы за грибами — тут, неподалёку. А сами быстренько туда, к склепу, сбегаете, оттащим одну тушу и... посолим её.

Брат невольно рассмеялся.

Дорогу оба знали. Как только Алиса добыла чёрную соль, они зашагали к склепу, уже другими глазами присматриваясь к дороге.

— Начинается от этого дуба, — бормотал Виктор. — Смотри-ка, трава уже поднялась. А ведь они тут такую полосу устроили — чуть не дорогу. Так, а теперь вон те кустарники тоже надо запомнить.

Они, то один, то другая, проговаривали вслух все приметы будущей ночной дороги туда и обратно, и Алиса всё думала: а захочет ли брат пойти в темноте сюда же, в лес? Несмотря на приметы — в ночи лес будет совсем иным. А дорога ими мало пройдена туда и обратно.

Выглянули из кустов, когда до склепа оставалось совсем чуть-чуть, и посоветовались, где лучше оставить одну из туш. И тут Алису и осенило:

— Вить, а зачем нам ночью сюда приходиться?! Нарываться на этих гадилов?! В тёмном лесу плутать?! Мы оставим им тушу с солью вокруг неё, а завтра утром придём и проверим, что тут и как! Давай, а?

— Ну, так, конечно, лучше, но... — засомневался Виктор.

И тогда Алиса нашла нужный аргумент.

— Вить, ты подумай. Если они быстро сожрут своих, они ведь к нам побегут. Помнишь,

как быстро они лазили по дому? А если бегают ещё быстрее? И они видят. А мы — нет! Если домой не успеем, погибнем не только сами — в доме Кун, у которого нога до сих пор плохая. И бедная Лула.

— И что ты... — начал брат и заткнулся, задумавшись и глядя на склеп.

— Я предлагаю оттащить тварь, обсыпать её солью и на всякий случай начать дома подготовку к новому нашествию измигунов, — твёрдо сказала девушка. — И ещё кое-что...

— Что? — недовольно спросил Виктор.

— Ты должен научить меня стрелять узким лучом. Ведь сжигать этих тварей, как делали ночью, — это у нас неплохо получается. Но прожигать насквозь, как будто стрелять из пистолета, мне больше нравится.

Как и надеялась Алиса, брат клюнул именно на это предложение сестры. Ещё бы — учить старшую тому, что умеешь сам!

— Ну ладно, — всё ещё недовольно протянул он. — Идём, что ль, тащить?

Руки обмотали прихваченными тряпками и принялись за вонючую работу.

А когда посыпали вокруг смрадного трупа измигуна солью, Алиса фыркнула:

— А если ещё и наши следы потом посыпать?

— Зачем? — удивился Виктор. — Они же всё равно знают, где мы живём!

— Если соль действует, мы не знаем, как она действует! — засмеялась сестра. — Так пусть их! Вдруг нанюхаются — и либо станут медлительными, либо помрут в жутких мучениях?

— Но мы же не узнаем! — настаивал брат, удивлённый странным легкомыслием сестры.

— Почему — не узнаем? — спокойно спросила сестра. — Если прибегут к нам ближе к утру за добавкой, услышим — как минимум, бегают ли они, как вчера, или будут ползать, как сонные мухи.

— А соли хватит? — забеспокоился он, заглядывая в мешочек, куда сестра отсыпала чёрной соли из чулана. И кивнул: — Хватит. Дай мне. Экспериментируем дальше.

И до памятного дуба пятились, бережно рассыпая перед собой возможное оружие против измигунов. Когда остановились возле могучего дерева, Виктор с досадой сказал:

— И всё-таки жаль, что мы не видим магически.

— Почему? Вроде придумали, как обойтись без него — без магического взгляда.

— Понимаешь, если бы мы там в засаде сидели, следили, будут ли они жрать своих и того, в соли, можно было бы посчитать, сколько их осталось.

— Если бы магически видели, я бы не подумала тебя отговаривать.

— Знаю. Лиска, мы столько сейчас придумали. Придумай, как видеть магически.

— Обалдел, да? Как я это придумаю? Знать бы, как его, этот магический взгляд, разрабатывать, тогда бы...

— Ну, придумали же всё остальное.

— Теперь даже у Лулы не спросишь, — вздохнула Алиса. — Мы же уже сказали, что... Хотя... мы не сказали, что видим или не видим. Витька, кажется, я придумала! Только надо успеть поговорить с Лулой, пока дома нет Куна. Он сразу поймёт.

— Хочешь сказать — Лула глупая? — вдруг обиделся Виктор.

— Нет. Не хочу, — улыбнулась Алиса. — Девочка она умненькая, просто не заморачивается всякими частностями. Так что... Быстро домой! Сначала я поговорю с ней, потом ты покажешь мне, как делаешь огненную стрелу тоньше.

Увлекательные дела и цели, поставленные перед ними, раззадорили обоих, так что к лесному дому мчались наперегонки. Влетели в «сени», и тут брат просипел — дыхание спёрло после сумасшедшего бега:

— Я тоже послушаю, что ты ей скажешь! Зайду на кухню, как будто водички захотелось, и послушаю. Можно, что ли?

Утомив дыхание, Алиса взглянула на него, насторожённого: «А если откажет?», и легко сказала:

— Штирлицы оглядели себя с ног до головы. Форма была отглажена и не вызвала подозрений. Ботинки сияли чистотой и ваксой. Вперёд, разведка!

Забыв о своей недавней солидности, Виктор чуть не подавился смешком и поспешил на кухню следом за сестрой.

— Лула, тебе помочь?

— Нет, леди Алиса, — отозвалась белобрысенькая. — Были бы чистые полотенца, посушили бы посуду. А так я всё вымыла и расставила на полке. Осталось протереть со стола — и закончу.

— Где у нас горячая вода для питья? — ворчливо спросил Виктор, приближаясь к плите. — Или хотя бы холодная, но кипячёная?

— В чайнике ещё осталась, — засуетилась Лула. — Вы посидите — я вам налью!

Едва только Виктор приник к краю чашки с кипячёной водой, и в самом деле очень жадно, чуть не захлёбываясь, надуваясь ею, Алиса начала ставить подсохшую посуду друг в дружку — стопками. И словно между прочим спросила:

— Лула, помнится, ты говорила, что у тебя вроде как способности маленькие? Как тебе их проверили?

— Велели сделать всякие магические дела, — простодушно ответила белобрысенькая.

— А магическое зрение проверяли?

— Конечно. Иногда и способности не нужны, а хорошее магическое зрение бывает очень востребованным.

— И что — тоже нет? А какие приёмы использовали, чтобы ты пробовала это зрение?

Взглянула на Виктора. Тот исподтишка показал большой палец: «Штирлиц, ты на высоте!» А Лула помолчала, насупившись — вспоминая.

— Ну сказали — сбоку смотреть на яблоко. Спросили, вижу ли вокруг него силу. Я не увидела. Потом сказали — на камень смотреть. У них там подвеска была магическая, а в ней прозрачный камень — наверное, тоже магический. Вот я на него посмотрела, а ничего не увидела. — И внезапно улыбнулась. — Только сам камень посмотрела. Такой красивый!

— То есть, если смотреть на магический предмет, то...

— А разве у вас не так было, леди Алиссия?

Штирлиц как никогда был близок к провалу!.. Спас брат, который сказал:

— А у нас по-другому было. — И снова припал к чашке, всем видом показывая, что некогда ему отвечать, если будут задавать дополнительные вопросы.

Но Лула и не подумала о том. Она просто вздохнула, а потом снова улыбнулась.

— Ну, у вас-то маги, небось, сразу увидели, как играет магия огня. Вот и не проверяли так дотошно, как меня.

— Пошли за грибами! — неожиданно скомандовал брат, поднимаясь от стола.

— Тебе тех мало?! — изумилась Алиса.

— Мы эти уже засолили, — объяснил Виктор. — А мне хочется жареных. Ну, пока у нас

масло ещё остаётся.

А когда Лула побежала одеваться в лес — в те же штаны, что и Алиса, брат буквально зашипел на Алису:

— Быстро в чулан! Быстро — смотреть на соль!

— Зачем?!

— Дура! Это единственный, возможно, магический предмет! Лула-то на камень смотрела, а мы будем на соль! Тем более — её много!

— Но она не сказала — как смотреть!

— Сбоку, блин! — рявкнул Виктор, вталкивая сестру в тёмный чулан. — Смотри сбоку! И смотри быстро, а то скоро Лула вернётся. А я пока буду мешки искать — для грибов!

— Наоборот! — опомнилась Алиса. — Я буду сторожить, ждать, когда она появится, а ты смотри на соль. А как появится, ищи мешки, а я как будто их в чулане буду искать! И, Вить, ты правда грибов хочешь?!

— Хочу! — шёпотом рявкнул брат. — А ещё у нас нет яблок!

— А, вот теперь... Поняла... — пробормотала она, приникая к дверному косяку кухни, вперившись в лестницу на второй этаж и тут же вспоминая ночь и то, как она доверчиво пошла на зов Мичила, который сподлячил так, что на душе до сих пор будто... дохлые измигуны пляшут. Ну и фиг с ними со всеми — даже с Герхардом, который под конец их знакомства вроде как даже посочувствовал ей, а всё равно уехал, не оставив надежды.

На лестнице застучали ботиночки Лулы, и Алиса метнулась к двери чулана.

— Атас! Лула!

Брат выскочил из чулана не сразу. Лула уже приближалась к кухне, когда он появился на пороге, так запыхавшись, будто по всему чулану бегом наворачивал круги.

— Ты что? — шёпотом спросила сестра.

— Лиска... кажется, получилось, — тяжело дыша, ответил Виктор.

И только тут Алиса, присмотревшись, сообразила, что дышит он тяжело от возбуждения, что то и дело поворачивается к чуланной двери с таким восторгом и сожалением, что ясно: отмени он придуманный поход по грибы — прилипнет к ящикам с чёрной солью надолго.

— Не нашёл? — громко спросила Алиса и прошла мимо него в чулан. — Давай сама поищу, а ты посмотри, можно ли взять те мешки, которые брали вчера.

— А я знаю, где они лежат! — обрадовалась помочь Лула и вместе с Виктором вышла из кухни.

Алиса немедленно кинулась к ларям. Посмотрела на чёрную соль сбоку, и так, и этак. Темно, не видно ни зги. Вспомнилось прочитанное однажды насчёт бокового зрения. Попробовала, хотя мало себе представляла, что это такое. Увы и ах. Вздохнув: времени маловато для экспериментов! — вышла из чулана и, улучив момент, когда Лула отвернулась, покачала головой взглянувшему на неё брату. Он кивнул, но не так, чтобы спрашивая, а скорей — сочувственно. И они втроём, предупредив Куна о грибной охоте, пошли в лес.

Направления к склепу инстинктивно сторонились. А ещё старались собирать грибы ближе к опушке — так, чтобы видеть дом. Впрочем, и на самой опушке грибов до сих пор было видимо-невидимо. Алиса даже начала капризничать: если раньше жадно хватала гриб и восторгалась его упругостью и величиной, то сейчас придирчиво осматривала каждый найденный, нет ли на нём трещинок, не слишком ли старый, хоть он и крепкий на вид. И только после скрупулёзного анализа гриб отправлялся в мешок.

А потом, вспомнив, для чего ей и брату нужна эта тихая охота, начала вообще любоваться грибами — чуть ли не как произведением искусства. Перед каждым перспективным на жарёху или в суп чуть не валилась на землю и упорно его разглядывала, прежде чем срезать. Хорошо — народу в этой местности маловато: за ненормальную не сочтут... Но с каждой добычей, падавшей в мешок, падало и настроение: никакой силы она не видела вокруг грибов!

«Жаль, нельзя спросить Лулу, любой ли маг обладает магическим зрением», — рассеянно размышляла она, уставившись на очередной гриб так пристально, что он начал двоиться перед глазами. И внезапно застыла: тот гриб, который отдвоился, привычно для раздвоенного, был слегка прозрачным. А вот настоящий мягко засветился блёклой дымкой. Алиса даже испугалась: «Я... вижу?!» И начала таращиться на гриб, страшась, что дымка пропадёт, если она моргнёт. Потом она поняла, что почти не дышит. И начала лихорадочно вспоминать, что помогло ей увидеть эту дымку. От облегчения чуть не рассмеялась: что — что, а настроить зрение так, чтобы видеть раздвоенные предметы, она умеет! Так что можно моргать, сколько вздумается!.. Сразу захотелось вернуться домой и со всех ног — в чулан! Но заставила себя лечь на траву и успокоиться, чтобы дурацкая счастливая улыбка превратилась в обычную.

И секундой позже, едва легла, чуть не подпрыгнула от двух испуганных воплей:

— Лиска!! Ты где?!

— Леди Алиссия!!

С досадой встав, Алиса недовольно осведомилась, глядя, как они мечутся среди деревьев и кустов:

— Эй! Я здесь! Ну и что вы орёте?

— Где ты была?! — рассвирепел подбежавший брат. Рука его дёрнулась. Стукнуть?

— Да легла я здесь! Травы такие мягкие — хотелось поваляться немного, а тут вы воплём устроили!

— Мы так испугались! — укоризненно сказала Лула, глядя на хозяйку несчастными глазами, в которых и впрямь плескался страх.

Эти глаза Алису устыдили. Она вздохнула и сказала:

— Пошли-ка домой. Грибов мы набрали, я вижу, довольно много. Хватит, чтобы до вечера с ними провозиться. А нам ведь ещё дом надо осмотреть, нет ли где лазеек для измигунов. Если они прибегут.

— Согласен, — неожиданно солидным голосом ответил брат, резко успокоенный.

Он сказал настолько неожиданно и настолько солидным голосом, что удивлённая Лула посмотрела на него так, что он смутился и забрал её мешок — типа, даме помогает. А Алиса отвернулась со своим мешком и заторопилась впереди них, чтобы скрыть собственную

улыбку: ох, и хочется же Виктору казаться важней, чем он есть. И тут же задумалась. А если она не права? Если ему не хочется, а он на самом деле чувствует себя солидным, узнав, что он не просто маг, а ещё и видит?.. Глупости, вообще-то.

Или он так перед Лулой повыпендриваться решил? С чего бы это? Что белобрысенькая брату симпатична, причём взаимно, — Алиса уже догадалась. Но вот конкретно этого выпендрёжа не понимала.

Грибы они решили в лесной воде не мыть. Родник — он и есть родник. Холодрыга же. Ещё в первый раз, помнится, пальцы после мытья судорогой сводило.

Проходя двором, Куна приветствовали так, словно он здесь вдруг оказался после длительной разлуки, а не лежал на солнышке где-то уже час-полтора, если не больше. Виктор с Лулой участливо пораспрашивали оборотня, как дела с его раной; Алиса с облегчением заметила, что красных пятен на ноге Куна стало гораздо меньше, и пообещала вскоре принести ему мясной бульон. Слегка удивлённый их радостью, Кун благосклонно принял их горячее сочувствие к нему, и Алиса, шагая к крыльцу, фыркнула: оборотень, небось, в полном недоумении, с чего это вдруг они, все трое, начали вести себя поребячески.

Поветрие легкомыслия занесло и на кухню. Они мыли и чистили грибы, одновременно хохоча над мало-мальски смешным словом или воспоминанием. Вспыхивали смехом и от одного взгляда. Возможно, причиной смешинке, попавшей им всем в рот, стала эйфория брата и сестры... Пока Лула бегала в комнату хозяйки переодеться (у ручья умудрилась, моя руки, намочить штанины), Алиса и Виктор стояли перед ларями с чёрной солью и едва удерживались от восторженного и даже победного крика: соль светилась! Да ещё как! Над нею аж призрачные оранжево-алые волны ходили! Можно и впрямь не бегать к склепу и проверять обсыпанного солью дохлого измигуна!

Алиса первой пришла в себя и вытолкала брата из кухни — вроде как отсылая его с кастрюлей, полной обрезков и грязи от грибов, на импровизированную помойку, устроенную ближе к чёрной стене.

— Беги к Куну! Скажи, что сначала неправильно смотрели на соль, а потому свечение увидели только сейчас! И спроси, что нужно делать с солью!

— Но теперь мы же знаем — что надо! — вполголоса возражал Виктор, косясь на часть кухни, видную в проёме между открытой дверью и косяком. — Даже в нашем мире всякие колдуньи рассыпают соль там, где надо!

— Балда! К Куну надо идти, чтобы он потом не удивлялся, как мы узнали, что соль светится! Он хороший, и я не хочу, чтобы он на нас... с подозрением глядел!

— А, ну, это... Понял. Иду.

Перед обедом, когда Алиса вынесла Куну чашку с мясным бульоном и рассеянно посмотрела на дом, она внезапно сощурила глаза.

Странная неправильность черепичной крыши заставила её приглядеться к тёмному пятну на фоне однообразного покрытия, а потом попятиться в попытках лучше рассмотреть, что же там такое необычное.

— Что случилось? — забеспокоился Кун, который только было взялся за ложку.

— Мне кажется, прошлой ночью измигуны сорвали черепицу с крыши, — ответила она. — А если они сумели устроить там... может, не лаз, но часть будущей дыры?

— Ничего страшного. Теперь мы используем магическую соль, — успокоенно сказал оборотень. — И сумеем защитить дом.

Но заноза в душе Алисы осталась.

Она вернулась в дом, где Лула уже расставила чашки для супа, готовясь наливать варево, томившееся под крышкой, а Виктор сидел за столом, бренчал ложками и вилками, рассуждая, можно ли двузубые вилки использовать в качестве колющего оружия против измигунов. Слушая его, Лула, словно смешливая актриса, изображала преувеличенный, но жеманный испуг и чопорно говорила:

— Ах, какие страсти, дан Виктор! Что за ужасы вы рассказываете!

Убедившись, что оба продолжают игру «Я такой умный и сильный, а я такая нежная и чувствительная! Но главное — мы оба знаем, что всё эта смешная и глупая игра!», Алиса промолчала о том, что её встревожило.

Но, когда за стол сели все, Виктор мазнул по её лицу сначала беглым взглядом, потом насторожился, глянул другой раз — и, наконец, спросил:

— Лис, что случилось? Расстроилась из-за чего-то?

Наверное, и глупо, но девушка рассказала-таки о разобранной измигунами крыше.

— Мы же собираемся сыпать соль вокруг дома! — обескураженно напомнил брат. — Думаешь — они через чёрную соль перепрыгнут и полезут на крышу? Слишком нереально.

— Да понимаю я всё! — с досадой ответила она. — Но вот свербит что-то на душе...

Лула взглянула на Алису чуть не обиженно: так хорошо без хозяйки было! Так смеялись и вели едва ли не куртуазную беседу!..

Посидели, обедая молча, хотя и без поболтушек было как-то отрадно сидеть — за столом, на который уютно легли солнечные лучи. Поели немного... Подняв следующую ложку ко рту, Виктор склонил голову набок, явно обдумывая внезапно пришедшую на ум мысль, а потом поднял брови: «Ага! Придумал!»

— Алиса, сейчас пообедаем и поднимемся на чердак. Если, как ты говоришь, там пытались дыру в крыше сделать, значит — из самого чердака будет видно, где именно.

— Замечательно! — искренне воскликнула белобрысенькая. Кажется, тревожные раздумья Алисы заставили и её забеспокоиться.

А Алиса благодарно кивнула брату.

— Спасибо, Виктор. Неплохо придумал.

А сама со вздохом мысленно пожала плечами: «А если черепица уложена на плотный настил — или как там его называют? Разве через него будет понятно, что там? Впрочем, если настил будет целёхонек, это уже хорошо».

Сразу после обеда Лула вызвалась помыть посуду, пока хозяйка собирает её со стола. Хотя чего уж там собирать? Три суповые чашки да три ложки. Всё.

Зато Виктор приковал к себе внимание обеих девушек, чуть только встал из-за стола. Сначала он огляделся, а потом подошёл к гвоздю и потрогал моток верёвки, которым пытались связать неведомого тогда им оборотня. Причём не только потрогал, но даже как-то так подёргал, что стало ясно: он пробует верёвку на прочность. И что-то ему не понравилось. Обернулся к Алисе.

— Пока Лула тут с посудой возится, сбегает на чердак?

— Возится... — проворчала Алиса, заметив, как по лицу белобрысенькой промелькнула тень обиды. И подошла к ней. — Вдвоём быстрее вымоем, да, Лула? Тут и работы-то на пару минут, если не меньше.

Засиявшая белобрысенькая так лихо задвигала руками, что вскоре чашки и ложки, которые Алиса, забирая их у неё, отряхивала от лишней воды, устроились в ряд на

столешнице буфета. Потом обе быстро вытерли руки тряпкой, назначенной быть полотенцем, и подошли к Виктору. Всё получилось и в самом деле очень быстро, так что выражение скептицизма на лице брата не успело перерасти в недовольство.

— Веди нас на чердак, о наш любимый непобедимый полководец! — засмеялась Алиса, а следом и Лула.

Виктор снисходительно оглядел готовых к новым приключениям дам и кивнул.

На чердаке, показалось, Виктор начал искать определённый предмет. Зато дамы, переглянувшись, кинулись к каким-то кучам, чтобы поближе разглядеть их — в счастливом ожидании необычных вещичек, которые можно использовать в быту или хотя бы полюбоваться на них. Оглянувшись, брат со справедливой претензией пробурчал:

— Сама сказала, что боишься той дыры, а сама...

— А что ты ищешь? — поинтересовалась Алиса, со вздохом вставая от кучи посуды, которой энергично звякала Лула, выбирая то, что пригодится для кухни. — Я думала — ты сразу дыру начнёшь искать.

— А почему я? — возмутился Виктор. — Ты сказала про дыру, а искать должен я?!

Пришлось обойти середину чердака, чтобы поискать искомую дыру.

— А где вообще ты её видела?

— Слева от трубы. — Алиса огляделась. Искать не хотелось. Здесь было тепло, сухо и даже уютно.

— Какой трубы?

— Каминной, конечно. Здесь других нет, — объяснила она брату и снова вдохнула запахи то ли сухих трав, то ли засушенных цветов — очень уж ароматные. Она видела, что и Лула не слишком сосредоточенно вдыхала запахи чердака, ковыряясь в вещах. Наверное, белобрысенькая улавливала их машинально и наслаждалась ими.

— Как нет?! А с кухни?!

— Там труба маленькая и выводится над окном. Когда в первую ночь от измигунов затыкали всё подряд, я посмотрела.

— А мне не сказала, — пробормотал брат, тщетно пытаясь определить, какая сторона от каминной трубы левая. — Окошки-то мы все здесь закрыли — оба. Я даже не представляю, где здесь сторона дороги от дома, а где — лесная.

— Откроем одно? — предложила девушка.

Открыли и выяснили, что из этих окошек, установленных в противоположных сторонах от каминной трубы, видны только крыша и её край. Других примет, куда они выходят, нет, потому что верхушки деревьев одинаково виднелись с обеих сторон.

— Лула, сбегай на улицу, посмотри оттуда, где что.

— На улицу — это куда?

— К Куну. Встанешь там и скажешь или крикнешь, чтобы мы в окошко услышали. Как только твой крик услышим — значит, окно на стороне дороги.

Белобрысенькая с сожалением посмотрела на кучу вещей, возле которых сидела, сгребла всё, что успела поставить на какие-то тряпки, и не спеша — из-за груза — принялась спускаться на второй этаж.

— Она так долго проходит, — вновь скептически сказал Виктор.

— Ну и что. Говори, что искал.

— Верёвку, только потолще. Если что — придётся к твоей дыре спускаться.

— А, вон что. — И лишь спустя минуты Алиса отвернулась, скрывая улыбку. Каждый

день — приключения! Ну и жизнь. И спросила: — Вить, а ты не злишься, что сюда попал?

Брат серьёзно задумался, а потом пожал плечами.

— Знаний не хватает, а так — прикольно. Столько всего: и магия, и целый дом наш, а ещё грибы и оружие... Если б можно было, я бы здесь навсегда остался.

— Компьютера здесь нет, — заметила Алиса. — А вдруг тебе общения не хватит?

— Ну, пока не до общения — столько дел, — хмыкнул Виктор. — А если что — с вами поболтать можно. Вы же не молчите — постоянно болтаете о чём-нибудь. И эта магия...

— Что ты к ней пристал? К магии?

— Как что? — поразился брат. — Ты только подумай, сколько интересного с ней можно сделать! Экспериментировать — как хочешь и сколько хочешь! И мы ведь только-только начинаем узнавать про неё!

Оба вздрогнули, когда на чердаке глухо прозвучал чей-то тоненький вопль.

— Лула! — определил Виктор и встал к своему окошечку, а Алиса бросилась к своему. — У меня кричит! Жаль, ей в ответ крикнуть нельзя — не услышит.

— Я сбегая, — предложила девушка, — скажу ей, чтобы больше не кричала. А ты пока посмотри. Встань перед трубой камина так, чтобы за спиной твоё окошко было. И посмотри — слева от неё.

Назад прибежали обе, запыхавшись, но радостные.

— Кун ругается! — доложила Лула. — Он сказал — нечего там, на чердаке, делать, потому что измигуны туда добраться не сумеют!

— А если дождь? Ливень? — сурово спросил Виктор. — А у нас здесь дыра?

— Ой, точно! — всплеснула руками белобрысенькая и побежала назад.

Брат с сестрой переглянулись: утешать оборотня, что хозяева лесного дома весьма рачительные? И радуют о доме? А не занимаются напрасно всякими глупостями?

Дыры изнутри не нашли. Но решили, что место с разобранным черепичным покрытием надо обязательно осмотреть и подумать, могут ли измигуны в следующий раз пробить его. А заодно надо обязательно собрать упавшие черепицы, чтобы поставить их на место. Глиной примазать, например. Ну, на первый случай.

— Лиска, а ты не думала, что хозяева потому и не уничтожают измигунов, что у них чёрная соль есть?

— Не поняла.

— Ну, им самим-то дом нужен только на время — например, на время охоты. На один день или на сутки. Днём охотятся, а ночью спокойно спят, потому что соль не даёт пройти в дом тем тварям. А потом ещё удобно, чтобы сторожа здесь не оставлять. Ведь этот дом, если так подумать, охраняют измигуны. И, если лес частный, то измигуны отпугивают браконьеров.

— Хм. Может быть. Но... — Алиса задумалась, оценивая положение в доме с новой точки зрения. — Значит, тогда и нам так сделать? В смысле, оставить измигунов? Опасно.

— Зато все про них знают и боятся заходить в лес.

— А если соли не хватит? Мы же не знаем, как она создаётся.

— Хорошо бы в нашем лесу заблудиться какому-нибудь магу, — задумчиво сказал Виктор, выдирая из дверной ручки железяку, всунутую им туда, когда дверь с чердака на крышу блокировали от измигунов.

— А теперь расшифруй для непонятливой сестры.

— Учитель нам нужен. По магии.

— Ага. Ты ещё выйди на перекрёсток — с дубиной, да при виде какого-нибудь бродячего мага врежь ему по башке, а потом — за ногу его и тащи в наше логово!

Виктор хохотал так, что изумлённая Лула, вновь забравшаяся на чердак, совершенно искренне рассмеялась, вторя смеху, хоть и не понимая, с чего он возник.

Дверь с чердака на крышу сумели открыть с трудом. Измигуны ночью её так сильно дёргали, что её заклинило. Но открыть сумели. Вылезли на крышу все. Восхищённо обозрели окрестности. Затем Виктор вытащил всё тот же моток верёвки и только хотел обмотать её вокруг пояса, как удивлённая Лула наивно спросила:

— Дан Виктор прям вот так хочет обвязаться? Свалитесь — перерубит же!

Вникнув в её слова, брат с сестрой признали справедливость высказанного. Виктору пришлось спуститься и поискать что-то, что сначала надо бы намотать на себя, прежде чем обвязаться верёвкой. Что-то вроде широкого ремня. Лула спустилась вместе с ним, а Алиса осталась сидеть на порожке открытой дверцы на крыше. Она даже помахала рукой Куну, который встал и отошёл подальше от дома, чтобы видеть её. Поднял руку и крикнул:

— Собираю черепицы!

— Не надо! — откликнулась Алиса. — Это нагрузка на раненую ногу! Сами соберём!

Вылезли из чердака Виктор и Лула, сели рядом. Потом брат встал, а белобрысенькая принялась закреплять на нём большую кожаную шпуковину. Алиса от любопытства не удержалась:

— А что это?

— Под лошадиную попону кладут, — объяснила Лула.

Оснастив Виктора, Лула подала ему верёвку. Он сделал петлю на пояс, а потом надел другую петлю на трубу и обмотал основную часть вокруг неё же.

— Лула удержать не сможет, — сказал он, держась за конец своей верёвки. — Лиска, ты спускай меня потихоньку, ладно? Если слишком быстро — могу заскользить.

И оглянувшись на тёмный участок крыши. Алиса возражать не стала, когда заметила, что Лула готова вцепиться в верёвку, чтобы помочь ей.

— Поехали, — велел брат.

К сожалению, выяснилось, что брат плохо переносит движение еле закреплённых предметов под ногами. Как только черепица под его ногами чуть не поплыла, Алиса первой заметила, как дрогнули его ноги, сделав буквально пару шагов, и немедленно скомандовала:

— Возвращайся!

— Почему? — строптиво огрызнулся Виктор. Кажется, признаваться в том, что ему, мягко говоря, некомфортно спускаться по ненадёжному покрытию, он не желал.

— Не удержим, — спокойно приняла удар на себя сестра.

Помедлив немного, он недовольно фыркнул и вернулся — причём назад шёл гораздо уверенней и даже поспешно. Потому что закончилось впечатление, что вот-вот свалится? Алиса не стала ни утешать его (Лула-то, наоборот, обрадовалась, что он останется на крыше!), ни ругать для виду. Просто молча размотала верёвку с его пояса, сняла ту шпуковину и снарядилась в «дорогу» сама.

Да, ступать по черепице — это сложно. Под ногой и потрескивает довольно слышно, и ощущается, как очень сомнительная кладка. Но Алиса знала, что оставляет за собой двоих, на которых можно положиться — вытянут, если что. Так что осторожно, но уверенно ставила ногу за ногой, нащупывая путь к тёмному пятну, которое теперь становилось всё видней. Наконец, добралась до него и села на черепицы, чтобы разглядеть, как тут всё

устроено.

— Что там? — спросил Виктор.

— Нормально всё, — отмахнулась Алиса. — Глина около ручья есть — сумеем залепить. Ничего особенного. Только вот... Долго ли эта глина будет держать черепицу — сказать не могу. Наверное, надо будет найти ещё что-то клеящее и положить в неё. Иначе опять всё полетит. А так — мне кажется, даже дождь не прольётся вовнутрь.

— Вытягивать тебя?

— Сейчас! Ещё немного посмотрю... Ой...

— Что там?

— Да не тут! Посмотри на дорогу!

По дороге к дому медленно, как будто прогуливаясь, ехали семеро всадников.

Алиса на небольшое натяжение верёвки оглянулась. Виктор, забывшись, привстал, стараясь разглядеть тех всадников. Ничего, зато Алиса сидела. Поэтому она тоже уставилась на новых пришельцев, пытаясь угадать, не вернулись ли Герхард и Мичил со своими. Но тех было шестеро, а этих на одного больше...

— Что случилось?! — крикнул со двора Кун.

— Кун, на всякий случай зайдите в дом! — завопила в ответ Алиса. — К нам приближаются какие-то люди на лошадях!

— Леди Алиссия, и вы возвращайтесь!

— Ага!

Она снова обернулась к Виктору скомандовать подъём и неожиданно почувствовала, что жёстко натянутая верёвка, за которую она цеплялась, ослабела. Ещё не поняв, что именно произошло, она вскрикнула, когда поначалу медленно, а затем со всё возрастающей скоростью поехала к краю крыши.

— Витька!!

Что они там, наверху, вопили — она не услышала, целиком и полностью занятая собственным то ли полётом, то ли стремительным сползанием, которое явно было намерено закончиться падением с крыши двухэтажного дома! Причём двухэтажного — по старинным меркам, когда потолки высоки, а расстояние между этажами — не в пример современным городским зданиям — солидное!

— Лиска, держись!! — отчаянно орал брат, когда девушка повисла на верёвке, чисто символически держась за край крыши — то есть за те же черепицы, которые вот-вот, под её весом, должны будут отламываться.

Внизу, кажется, выругался Кун, подбежавший к месту потенциального падения хозяйки лесного дома...

А на дороге (заметила-таки краем глаза помертвевшая от ужаса Алиса) всадники, которые до сих пор ехали и в самом деле словно на прогулке, стегнули своих лошадей и помчались вперёд — кажется, это называется во весь опор! Увидели, что на крыше лесного дома происходит нечто экстраординарное? Сама же она только и могла, что испуганно попискивать, бессмысленно глядя на такую далёкую и близкую землю...

Голова кружилась, перед глазами от страха всё плыло, и она вскоре уже не понимала, что происходит и будет ли спасение...

Почему Виктор отпустил верёвку?! Почему Лула не заметила, что верёвка начала распутываться? Почему они не посмотрели, хватит ли длины верёвки до земли, — спустил бы брат её на траву и всё бы хорошо... Почему... Почему она сама не сидела, укрепившись

на том же месте, где разглядывала голую, без черепицы, крышу?

Оглядываться на дорогу она больше не могла, потому что держалась за черепицы из последних сил, а верёвка на поясе всё так же была слабой, и уже начала появляться ненормальная мысль, что высота придумана, что надо только разжать уставшие пальцы — и ничего страшного: она ведь просто прыгнет на землю...

А потом стало ещё страшней: черепицы задрожали так, что показалось, они сами посыплются с крыши — одна за другой, всё быстрее и быстрее, увлекая этим движением и её, ту, которая так легкомысленно полезла на...

Чьи-то сильные ладони крепко сжали её за запястья, кто-то глухо — кажется, обернувшись наверх, скомандовал:

— Тяните!

Этот кто-то даже не обратил внимания на то, что Алиса держится за черепицу, что её занемевшие пальцы просто не могут отлепиться от неё. Он поднял её к себе, крепко прижал и выждал, чтобы она обняла его (и как только она поняла это — что обняла его? Или она вцепилась в него, почувствовав ту опору, которой так не хватало и которой не могла дожидаться?). И только после этого её движения спокойно зашагал по шаткой крыше наверх, к открытой чердачной дверце.

Алиса дрожала, всё никак не могла остановиться и всё норовила уткнуться носом в чьё-то плечо, в чью-то жёсткую одежду, чтобы не видеть ничего и никого. Хотя бы до тех пор, пока не ощутит под ногами твёрдой земли. Хотя сознавала всё: и что её спаситель добрался до открытого проёма на чердак, что вместе с нею начал спускаться в сам чердак, который прошёл под гудение незнакомых мужских голосов и начал спускаться уже в коридор второго этажа.

Привёл её в себя резкий женский голос.

— Это и есть леди Алиссия?

Затем возле уха низкий мужской голос тихо спросил:

— Ну что? Откроешь глаза? Или постоим ещё немного, пока успокоишься?

Она попыталась отдернуть руки от плеч неизвестного, но не смогла. Пальцы всё ещё плохо повиновались ей. Рывком сумела чуть ли не разодрать их в стороны и отступить назад. Но не слишком далеко. Так что лицом к лицу встретила с человеком, который её вытащил с крыши. Был он смугл, спокоен и смотрел внимательно. Но поднял голову на какое-то движение за спиной уже смущённой Алисы и кивнул:

— Леди Эйслин, девушка пришла в себя.

И отступил от Алисы, которой поневоле пришлось повернуться. Виноватый Виктор, привычно испуганная Лула. Чуть за ними — тоже уже привычно затаившийся Кун.

И эта женщина, за спиной которой встали пятеро мужчин. Нет — уже шестеро, потому что к ним присоединился тот, который помог Алисе.

— Да, я леди Алиссия, — чуть дрожащим голосом сказала она.

— Я леди Эйслин, — надменно сказала молодая женщина, гордо подняв голову. — Я сестра дана Маркаса. Дан Герхард (мах рукой в сторону, и довольный Герхард поклонился Алисе) рассказал о ваших затруднениях, и я решила лично посмотреть, что здесь происходит!

Первое, что подумала Алиса: «Блин, у неё юбка шикарней моей!»

Мысль вторая: «Ой, а ведь если и они останутся, лошадей опять в холл загонят? — И прозрела: — Конюшен-то нигде нет. Значит, это нормально для здешних мест? Или... нормально для лесного дома?»

Забота о доме взбудорила, ещё и за шиворот тряхнула: «Ты хозяйка! Не пора ли вспомнить о своих обязанностях?» И собраться с силами, чтобы приветливо принять этих невнятных... гостей? Или кто они?

Только поэтому Алиса, глядя в глаза надменной леди Эйслин, светски предложила:

— Вы, наверное, устали с дороги. Если вы подождёте в комнате с камином, мы принесём вам чай. Прошу вас!

И, не спуская глаз с леди Эйслин, простёрла руку к каминной, приглашая войти туда. Помедлив, сестра Алисиного мужа («Обалдеть! Я и забыла про него!») снисходительно кивнула и развернулась в указанном направлении. Двое мужчин, в том числе и спаситель Алисы, последовали за ней. Дан Герхард же остался среди тех четверых, кто развернулся выйти во двор.

Алиса подняла бровь, мельком глянув на Лулу. Белобрысенькая намёк поняла и с облегчением кинулась к кухне. Виктор — за ней. Кун улыбнулся Алисе уголками губ и захромал к лестнице на второй этаж.

Успокоившись первым делом за него, Алиса бросилась к входной двери, шипя от старания говорить шёпотом:

— Дан Герхард! Дан Герхард!

— Леди Алиссия? — оглянулся тот, благо выходил последним.

— С тем вашим раненым всё хорошо? — с тревогой спросила она, встав на пороге в «сени» и не давая двери закрыться.

— Не знаю, леди Алиссия, — повинился здоровяк. — Но до нашей встречи с леди Эйслин он всё ещё был жив.

— Спасибо хоть за эту весточку, — пробормотала Алиса и, улыбнувшись Герхарду, закрыла, наконец, дверь.

Постояла немного. В голове сумбур. Пространство перед глазами то и дело слегка едет, будто она до сих пор висит, вцепившись в черепицы, точно зная, что вот-во свалится. Хуже, что ноги подрагивают, даже когда она просто стоит... Но этот сумбур...

Зачем они приехали? Или ехали в другую сторону, но встретили всадников Герхарда и решили полюбоваться на... На кого? На жену брата, которая наказана недолгим житьём в лесном доме, где её подстерегают опасности? А что, если леди Эйслин не знает... Нет, если даже не знала, Герхард наверняка сообщил ей... Алиса поморщилась. Если знала, чего припёрлась ближе к вечеру? Хочет полюбоваться на измигунов?.. Или захотела на прощание увидеть ту, которая досталась её брату... бракованной?

В холле пусто. Алиса побежала проверить, что там, на кухне. Чайник для кипячения воды на чай был приготовлен ещё тогда, когда Лула мыла посуду. Так что сейчас под чайником гудел огонь, а белобрысенькая ставила на поднос чашки, куда и намеревалась налить будущий чай. Травы для заварки Лула собиралась бросать в сам чайник, как только закипит вода. Жаль, подать к чаю нечего. И всё равно! Ни капельки не стыдно из-за нищенского чаепития!

— Лула, чашек на всех хватает?

— Хватает, леди Алиса, — тоненько от переживаний ответила Лула и вдруг осеклась, глядя мимо хозяйки.

Алиса развернулась.

На пороге стояла леди Эйслин, всё так же надменно обзирая кухонные владения. За спиной — те двое мужчин, что сопровождали её в каминную комнату. Глаза дамы наткнулись на пучок трав, предназначенных для заварки. Ноздри тонкого носа слегка раздулись, прежде чем она брезгливо сказала:

— Надеюсь, вы нас не отравите.

Лула жалобно выпятила губы, кажется готовясь защищать свой травяной сбор, а вот Алиса ждать не стала. Адреналин всё ещё заставлял гореть кровь и дрожать всё тело. Поэтому обдумать не успела, как с её упрямого языка слетело:

— Зачем же вас травить? У вас и своего яда в достатке!

Леди Эйслин захлопала глазами, явно не сразу вникнув в смысл реплики. Зато спаситель Алисы, стоявший позади дамы, вдруг кашлянул, словно прочищая горло, а потом, наверное испугавшись, что леди разозлится, — ссутулился, прячась. Но Алиса успела заметить хулиганскую улыбку, которую её спаситель попытался скрыть, прикусывая губу. Неужели, несмотря на несуразность фразы, он сумел понять её? Или просто такой смешливый?

Было бы смешно и Алисе, если бы этот эпизод не подсказал, что леди Эйслин и впрямь думает о ней, как о... В общем, клевету о неверности Алисы мужу эта дама признала как данность.

Это понимание надавило так, что Алиса зачем-то (сама не поняла) машинально присела перед разозлённой леди Эйслин в подобии книксена и спокойно сказала:

— Если вы обладаете достаточным терпением, то сумеете насладиться горячим чаем, который вам необходим после такой долгой дороги.

Леди Эйслин зловеще просвистела сквозь зубы нечто вроде: «Благодарю!» и удалилась с гордо поднятой головой. А следом — её телохранители, если Алиса правильно поняла их положение при даме. Правда, тот, спаситель, прежде чем уйти, взглянул на нынешнюю хозяйку лесного дома с улыбкой заговорщика. Но ответная улыбка Алисы (она отчётливо почувствовала) больше была явно похожа на оскал забитой собаки. Так что мужчина даже слегка пожал плечами и отвернулся.

А когда закрылась дверь в кухню, хотя её новые жильцы дома почти никогда не закрывали, Алиса с трудом сказала:

— Вить, проследи, чтобы в чулан никто не зашёл... — И шёпотом добавила, зная, что может положиться на него: — Что-то плохо мне... Хоть чуть побыть одной...

И на подгибающихся ногах пошла к названному помещению. Она не знала, что с ней происходит, только это нечто нарастало всё быстрее и быстрее, заставляя задыхаться от нехватки воздуха. Только чуть не упала, перешагивая низкий порог. А потом, когда дверь в чулан стала закрываться за ней, оставляя в крошечной тьме, Алиса сумела повернуться к стене, встать перед ней, ладонями упираясь в неё...

И — нахлынуло! То, как она съезжала с крыши без надежды уцепиться за плотно пригнанные черепицы (и как только их измигуны отодрали?!)... То, как она разговаривала с этой дамой, которая так уверена в своей правоте и смотрит на неё, как на падшую. Вроде всё равно, вроде Алиса знает, что всё не так, но ноги подгибаются... А твари заметались вокруг,

в темноте, стараясь добраться до неё, обессиленной всеми этими ужасами, потому что она в момент стала беспомощной. И чем дальше — тем выразительней становились их внешне мешковатые, но тем не менее стремительные фигуры. Ноги подломились, и девушка упала возле стены, дрожа в жутком ознобе и хрипло дыша. И продолжая съезжать по крыше... Вот только теперь рядом не было никого, кто мог бы поймать её за руки и вытащить из разъявленной пасти двухэтажной высоты... И снова — тот же полёт-падение, и снова дух захватывает от мысли, что вот-вот она...

— ...Не пуцу! — ясно услышала она голос Виктора.

— Не надо! — жалобно умоляла белобрысенькая. — Не заходите туда, пожалуйста!

— Отойдите, дан Виктор! — рычала леди Эйслин. — Немедленно!

— Подождите, пока она выйдет сама! — рычал в ответ брат.

— Малец, ты понимаешь, что достаточно удара — и ты отлетишь в сторону? — вдруг раздался ещё один, уже мужской голос, невероятно раздражённый.

— Понимаю! — уже вскрикнул Виктор. — Только поймите и вы! Она устала! Она устала, потому что её оболгали — и ей приходится это терпеть! Она устала от измигунов! Она устала от страха! Неужели вам трудно это понять?! Дайте ей минутку побыть одной! Дайте ей время, хоть минутку отдохнуть!

Судя по голосам, они ещё долго собирались препираться. Так что Алиса сумела вновь собраться с силами и встать. Попереминавшись немного на месте, держась за стену, поняла, что ноги больше не подрагивают, и открыла дверь.

— Вы хотели меня видеть? Я вас внимательно слушаю, — сухо сказала она, шагнув в сторону от брата, чтобы видеть сразу всех и сразу же взять Виктора за руку.

Леди Эйслин мгновенно открыла рот — и внезапно закрыла его, глядя на Алису слегка ошалелыми глазами. И так же внезапно суетливо заговорила:

— Мы пришли узнать, почему до сих пор нам не подали чаю.

Стоявший рядом с ней недавний спаситель («Это он грозился ударить брата?!») неприлично уставился на девушку, которая бесстрастно сказала:

— Вы же понимаете (она сумела усмехнуться: опять понимаете!), что чаю надо настояться. Подождите немного — и я сама принесу вам его.

— Да-да-да! — снова засуетилась леди Эйслин, глядя на неё со странным выражением жалости и даже участия. — Мы подождём, леди Алиссия!.. Идём, Реган!

Алиса только стояла и смотрела. Она выдохлась — так себя чувствовала. Эти странные люди, в отличие от всадников Герхарда, вызывали в ней больше опасения. И в то же время изматывали своим присутствием в лесном доме — потому что она не понимала цели их пребывания здесь. Но сейчас они ушли как-то очень спокойно, не стараясь вновь скандалить, из-за того что она закрылась в чулане. Глупости какие-то...

— Что это они всё время пытаются сюда лезть? — процедила она сквозь зубы. — Как будто стараются не оставлять нас без присмотра. Правда, что ли, решили, что мы тут яд им готовим? И почему они так посмотрели на меня?

Брат заглянул ей в лицо и с сочувствием покачал головой.

— Лиска...

Только сейчас она заметила, что и Лула глядит на неё с каким-то состраданием. А когда белобрысенькая увидела, что хозяйка смотрит на неё, она быстро вынула из кармашка юбки небольшое зеркальце и протянула его Алисе.

— Это я на чердаке нашла, — объяснила Лула.

На всякий случай Алиса отошла к единственному окну и только здесь посмотрела в зеркальце. Пришлось сначала протереть его поверхность, слишком сильно измазанную, а потом заглянуть в него. Брови взлетели сами. Ну и ну... У Алисы с детства частенько появлялись мешки под глазами, если она переживала. Но сейчас эти мешки были не просто тёмными, а почти чёрными. Мда... Допереживалась. Аж новые гости испугались её вида.

Дверь на кухню на этот раз не была закрыта. Стук в неё не напугал никого. На пороге появился тот самый дан Реган. Он кивнул всем, словно приветствуя. Не успела Алиса вздохнуть, что их снова не оставляют в покое, как он виновато сказал:

— Мы не учли некоторых обстоятельств, леди Алиссия. Простите, за наше бесцеремонное вторжение. Леди Эйслин прислала меня, чтобы я мог вам в чём-то помочь.

Она переглянулась с братом. Пожалели при виде впавших глаз? Лула тоже посмотрела на дана Регана с недоумением. И чем он может помочь?

Кажется сообразив и сам, в чём их замешательство, дан Реган объяснил:

— Кроме вопроса о чае, я бы хотел узнать о том, как вы собирались ночевать в этом доме, если знаете об измигунах.

— Мы не только знаем... — буркнул Виктор.

— Дан Кун подсказал нам, что чёрная соль в этом чулане предназначена против измигунов, — насторожённо сказала Алиса. — А вы? Знаете, как именно её нужно использовать? Вы... маг?

— Да, я маг, — согласился дан Реган. — И я участвовал в создании чёрной соли, отгоняющей измигунов от жилища.

Они втроём уставились на него с такой надеждой, что он снова улыбнулся.

И Алиса не стала говорить ему, что он самый распрекрасный человек на свете, потому что может пролить полновесный свет хоть на что-то в этой жизни.

Но, до того как обрушить на него все свои вопросы, пришлось выполнить обещание и отнести поднос с чашками в комнату с камином. Когда дан Реган понял, что она хочет взять поднос, он опередил её. И тут Алиса виновато сказала ему:

— Простите, но чай придётся пить без чего-либо. Всё, что у нас было с собой, всё, что нам оставил дан Бартлей, мы, к сожалению, съели в первые два дня. Правда, у нас есть довольно сытные блюда — такие, как жареные грибы и суп из крольчатины. Если вы и леди Эйслин голодны, можем согреть вам эти блюда.

— Не беспокойтесь об этом, леди Алиссия, — отозвался дан Реган. — У нас найдётся, чем перекусить.

Алиса чуть склонила голову, скрывая усмешку. «Ну и пусть едят то, что у них есть. Обойдёмся и без их подачек. Не голодные. Что у них там есть? Небось, сладкое что-то. Ну и ладно».

— Я открою вам дверь, — спокойно сказала она. — И помогу расставить чашки.

И тут дан Реган сумел удивить их.

— А разве вы не будете пить чай с нами? — озадаченно спросил он, поняв, что на подносе три чашки, а дан Виктор и леди Лула не сдвинулись с места, чтобы идти следом.

Алиса хотела ответить обидным: «Где уж нам уж? Падшим и недостойным?» Потом её взяло за живое: хотели бы вместе чаёвничать — принесли бы привезённое в кухню, как привезённое для всех, а не прятали бы при себе! И вообще. Ей — садиться за стол с теми, кто считает её чуть ли не шлюхой?.. Но сумела взять себя в руки и более или менее спокойно ответить:

— Простите, дан Реган, но, мне кажется, сейчас это будет слишком навязчивым с нашей стороны. Мы подождём вас здесь, чтобы вы объяснили нам, как использовать чёрную соль к ночи.

Она боялась — он будет уговаривать их, потому что ни о какой навязчивости, конечно же, и речи нет. Но дан Реган то ли понял, то ли принял ситуацию, при которой хозяева не желают присоединиться к гостям (хотя Алиса понимала, что это против всех правил), поэтому кивнул и пошёл к комнате с камином. Дверь в помещение она ему открыла, но не стала даже заглядывать в комнату. Дождавшись, когда он войдёт, она мягко прикрыла дверь, не желая вслушиваться в горячий спор между леди Эйслин и вторым мужчиной, которого Алиса тоже посчитала её телохранителем. Правда, голоса в этом споре звучали как-то на равных, но мало ли какие отношения могут быть у телохранителей со своей подопечной.

— Лиска, они там на нас не обозлятся? — осторожно спросил Виктор, который уселся на широком подоконнике и потихоньку отпивал из чашки свою порцию чая.

— Лула, пожалуйста, приготовь ещё тарелку с мясом для Куна, — попросила Алиса, а потом ответила брату: — Вить, если честно, мне уже никакого дела нет до их злости или снисхождения. Как хотят, так и пусть ведут себя. Лишь бы завтра уехали, но уже сегодня показали бы, как пользоваться чёрной солью.

Она взяла тарелку с мясом и побежала к Куну.

Отдав ему мясо, она присела рядом.

— Время к вечеру, — вздохнула она. — Тебе бы ещё немного посидеть на солнышке, а тут эти явились.

— Не страшно, — улыбнулся оборотень. — Завтра я уйду отсюда, лишь слегка прихрамывая. Солнце и мясо сотворили со мной чудо. Не беспокойтесь обо мне, леди Алиссия. Счастье — вообще, что дан Виктор наткнулся на меня. И это главное, что я должен помнить. А уж хромота... Время есть — заживёт всё.

Как ни странно, Алиса рядом с Куном успокоилась гораздо больше, чем тогда, когда была рядом с братом и Лулой. Оборотень всегда был близок к тому, что называется безмятежностью или умиротворённостью. Эмоции выказывал лишь в тех случаях, когда бы и никто не остался спокойным. И веяло от него той уверенностью, которой Алисе постоянно не хватало здесь. Особенно сейчас... Поэтому она ещё немного посидела с ним, жалея лишь об одном: «Надо было не в чулан, а сразу сюда бежать!»

Когда вернулась на кухню, там уже притихли Виктор и Лула, а дан Реган с ними пытался беседовать. Обернувшись на звук шагов Алисы, он резковато спросил:

— Это правда, что вы отнесли оборотню мясо?

— Вы тоже хотите? — спросила она, будто не замечая агрессивных ноток в его голосе. — Будете его холодным или разогреть?

— Вы уходите от ответа.

— Да. Потому что мне кажется, вы лезете не в своё дело! — отрезала Алиса. — Да, я отнесла дану Куну мясо, которое поможет ему быстрее восстановиться. И что из этого моего поступка? Я совершила новое преступление, которое вы присовокупите к той клевете, которую я уже переживаю? И что дальше? Меня всё равно бросили на растерзание измигунам — из-за того, что я не совершала! Одним проступком меньше, одним — больше. Вам-то какое дело до всего этого?

— Но почему? — настаивал дан Реган. — Почему вы сами отнесли этому Куну еду?

— Потому что рядом с ним я чувствую, как возвращаются ко мне силы и

спокойствие, — пожалала плечами Алиса. — Он вселяет в меня уверенность, что всё будет хорошо, в то время как ваш приезд заставляет меня чувствовать себя преступницей. И это меня ослабляет — особенно в преддверии ночи с измигунами. Я... устаю от общения с вами. И зачем только дан Герхард вас встретил!

Крик души вырвался-таки, и Алиса, злая, ругаясь с собой из-за этого вопля, отвернулась, задрав подбородок, чтобы не разреветься. И хорошо, что они здесь — помогут разобраться с солью. И плохо — не расслабишься. Полный раздрай.

После нескольких секунд молчания дан Реган тихо сказал:

— Он нас встретил, потому что мы ехали сюда. В лесной дом. И мы тогда ещё не знали, что вы здесь.

— Как это? — не выдержал Виктор. — Разве дан Бартлей ничего не сказал вам?

— Мы не видели дана Бартлея. Наши дороги слегка... разошлись, — немногослабно сказал дан Реган. — Мы ехали сюда, чтобы поохотиться на кроликов.

— И встретили дана Герхарда, — поняла Алиса. — Именно он рассказал вам, что дан Бартлей оставил нас здесь — из-за моей мнимой неверности мужу, которого я никогда не видела. А вот любопытно... Сказал ли вам дан Герхард, что леди Лулу бросили на дороге, да ещё ближе к ночи? Бедной девочке пришлось ночевать в лесу, полном опасностей, прежде чем мы с братом нашли её.

Изумление дана Регана можно было черпать ложками — такое впечатление появилось у Алисы. Когда он бросил взгляд на белобрысенькую, та кротко кивнула, подтверждая рассказ своей хозяйки. И Алиса добавила:

— В общем-то, нам здесь нравится. И я бы была согласна остаться в этом доме, если бы не измигуны.

— Я тоже, — негромко добавил Виктор. И тут же напомнил: — Вы обещали нам объяснить, как использовать против этих тварей чёрную соль. Примерно мы представляем. Надо рассыпать её вокруг дома, да?

Оказалось, рассыпать соль не надо. Если рассыпать, то это будет слишком расточительно. Дан Реган, вместе с Виктором и Алисой, вошёл в чулан и показал полку над ларями с солью. Они видели её и раньше, но думали, что она служит для каких-то посуды. И были правы, но не совсем. Надо было только посветить свечой чуть дальше, чтобы увидеть, что на ней, ближе к стене, стоит множество небольших плоских, поставленных рядами кверху и прислонённых, чтобы не упали к самой стене. Дан Реган взял плоску, которая была в единственном числе поставлена ближе к краю полки, и показал её Алисе и Виктору. Не совсем пустая. В неё болталась небольшая деревянная ложка.

— Объём этой ложки — чёрная соль насыпается в плоски. Затем эти плоски ставят вокруг дома — на расстоянии семи шагов друг от друга. Всего их, плоских, должно быть девяносто шесть. Ставить их надо на закате солнца, чтобы последние солнечные лучи попали на соль. То есть каждую чашку показать солнцу.

Алисе это понравилось: чашку с солью показать солнцу! Поэтому она спросила:

— А вы будете нам помогать с чашками, дан Реган?

— Почему вы назвали только меня? — удивился тот. — Помогать будут все.

Она не стала объяснять, что не доверяет той же леди Эйслин. Слишком высокомерной видится дама — так захочет ли она заниматься таким неблагородным делом, как обнесение дома защитными плосками? Наверное, будет сидеть в одной из спален и только командовать своими телохранителями.

— А почему дан Герхард не подсказал нам, как можно хотя бы на время избавиться от измигунов? — спросил Виктор.

— Дан Герхард отнюдь не маг. Он воин.

— И приехал сюда, чтобы только убедиться, что измигуны нас сожрали, — мрачно пошутила Алиса.

— У вас настолько плохое мнение о дане Герхарде? — улыбнулся дан Реган.

— В свете происходящего с нами — да. Правда, под конец общения с ним я поняла, что он всё же порядочный человек, но подпал под влияние... слухов обо мне.

Они вышли из чулана, и дан Реган внимательно взглянул на Алису. Покачал головой и, будто извиняясь, сказал:

— Леди Алиссия, вы очень болезненно выглядите.

— У всех бывает минута слабости, — огрызнулась она, а потом виновато сказала: — Простите, я ведь ещё не поблагодарила вас за моё спасение.

— Я рад, что сумел помочь вам, — несколько официально, по впечатлениям Алисы, ответил он. И снова улыбнулся, глядя на неё.

Сейчас, когда они поняли, что дан Реган и правда готов помогать им, он стал выглядеть гораздо симпатичней. Но Алиса, хотя он явно относился к ней с той же симпатией, всё ещё была настороже. Дан Мичил тоже казался симпатягой, блин...

Но дан Реган не стал останавливаться на простом замечании, которое, как понимала Алиса, вообще-то неприлично делать даме. Или его отношение к ней теперь тоже просматривается через слова Герхарда, который наверняка рассказал леди Эйслин о дане Бартлее, получившем известие о недостойной жене дана Маркаса.

Нет, как ни странно, дан Реган засучил рукав своей бархатной куртки (или как они тут называются?) и снял с руки браслет из светло-зелёных бусин. После чего протянул браслет Алисе. Она вздёрнула брови. Но не успела спросить, потому что дан Реган сразу же объяснил:

— Это магический артефакт, который помогает человеку собирать силы. Тёмные пятна под вашими глазами, леди Алиссия, подсказывают, что вы ещё не совсем оправились от страха перед падением с крыши. Пожалуйста, наденьте его на руку. Или... давайте я вам помогу его надеть правильно.

Алиса шарахнулась от него так, что всем телом ударилась о дверь в чулан. Ошарашенный её реакцией, он изумлённо спросил:

— Что я такого сказал, что вы так испугались, леди Алиссия?! Магическая помощь не может входить в число тех действий, которые порочат девушку!

— Ну да, всё правильно, — звенящим от напряжения голосом отозвалась она. — Сначала вы наденете мне браслет на руку. Потом ласково погладите мне руку, сделав комплимент, какая нежная у меня кожа. Ну а потом окажется, что я... — она проглотила всухую вновь комом вставшие в горле слова. — Благодарю вас, дан Реган, за ваше желание помочь мне, но... лучше не надо. Я хорошо о вас думаю. Не надо менять моего мнения о вас, как о хорошем человеке.

Некоторое время дан Реган смотрел на неё с недоумением, а потом отвернулся к столу и положил браслет рядом с пустой тарелкой.

— Я не вполне понимаю, леди Алиссия...

— И не надо... — Алиса уже начинала чувствовать, как её снова трясёт, а к глазам подступают горячие слёзы.

— ...Но мне кажется, что за короткое время вашего пребывания здесь вы успели испытать много негативных впечатлений. Простите, если теперь и я вхожу в их число.

И быстро, словно боясь, что она ещё что-то скажет — и, возможно, непоправимое, вышел из кухни. Как только он скрылся из виду, Лула бросилась к Алисе и обняла её.

— Пожалуйста, леди Алиса, пожалуйста...

Неизвестно, что белобрысенькая хотела сказать, но её сопереживание заставило девушку приходить в себя. И она сумела усмехнуться.

— Ничего, мы ещё повоюем!

— Лиска... — низким голосом позвал её Виктор. — Так вот почему... Дан Мичил, да? Он тебе сказал какую-то гадость, да?

— Забудь. — Алиса уже взяла себя в руки и, схватив за руку Лулу, вместе с ней подошла к столу. — Как вы думаете, стоит надевать браслет? Или я буду должна этому дану Регану?

— Мне кажется, этот дан не из таких, — неуверенно сказала белобрысенькая. И глубоко вздохнула.

— Надевай, — велел Виктор. — У тебя ещё и тот порез не прошёл. Может, получится её залечить с этим браслетом. А если этот дан Реган приставать будет, скажи мне, ясно?

Алиса отвела взгляд. Ничего она ему говорить не будет, случись что-нибудь похожее на то, что было ночью. По здешним временам — Мичил наверняка бы вызвал её брата на дуэль, оскорби его Виктор, защищая сестру. А Витька и меч-то учебный держать в руках не умеет как надо. Какая уж тут дуэль... Помешкала ещё немного и надела оставленный браслет выше той повязки, что ей сделал дан Мичил. И поклялась себе постоянно быть рядом либо с Лулой, либо с Виктором, чтобы никто больше не мог сделать ей непристойное предложение.

Пока суд да дело, Алиса сбегала на крыльцо, к дану Герхарду. Нашла его и троих других мужчин ухаживающими за лошадьми. Подобралась ближе к Герхарду и спросила:

— Вы с дороги, небось, голодные? У нас есть крольчатина.

— Благослови господь вашу добрую душу, леди Алиссия! — неожиданно обрадовался здоровяк. — Меня ведь с дороги завернули, а по пути не было случая присесть и хоть чем-то червячка заморить.

Прикинув, что он со своими всадниками ушёл рано утром, Алиса хмыкнула про себя: ну да, а сейчас время-то наверняка послеобеденное. Значит, Герхард уже девять часов, как минимум, голодный.

— Вот только куда принести вам? — задумалась девушка. — Каминная комната занята. В холле или на кухне неудобно.

— Сюда, — решительно сказал Герхард, кивая на крыльцо.

И состоялась бартерная сделка! Когда Алиса, памятуя о богатырском виде всех четверых мужчин, не без помощи Виктора вынесла им кастрюлю с крольчатинной (поедят руками, а если что — ножи у всех есть) и чайник с чашками, выяснилось, что у троих мужчин, кроме Герхарда, в походных сумках прячется хлеб!

А возвращаясь с добычей в дом, Алиса и Виктор чуть не споткнулись, расслышав в холле разговор на повышенных тонах, доносивший из каминной комнаты. Брат с сестрой переглянулись и, не сговариваясь, отпрянули в коридор напротив коридора в кухню. Он ближе к «сеням» и пустой. Алиса вздохнула: весь дом пока облазить-изучить не успели. Только и прибежали сюда вчера разок, чтобы и здешние окна закрыть от измигунов... Хотелось обсудить кое-что без Лулы, а здесь единственное место, где это возможно — одновременно исключив появление чужих ушей.

— Лиска, а почему ты... то кормишь, то чаем всех поишь? — прошептал Виктор.

— Потому что у меня болит голова и она же ещё и кругом идёт. Полный капец! Поэтому мне легче вспомнить, что я хозяйка дома, а значит — надо принять хоть как-то гостей! — буркнула она.

— Хозяйка... — вздохнула брат. — Это вон она хозяйка. Приехала тут, распоряжается.

— Вить, ты мне лучше о другом скажи, — подпустив угрожающих ноток в голос, предложила Алиса и сразу почувствовала, как от резкого напоминания о крыше учащается собственное дыхание. — Почему я вдруг... с крыши-то сверзилась?

На вопрос сестры Виктор ответил не сразу. Он досадливо покривился, а потом с надеждой спросил:

— А разве ты не слышала, пока тебя несли вниз, что случилось?

— Нет. Говори, не тяни, а то вдруг кому-то выйти надо будет!

— Петля, которую я на трубу накинул... Узел сделал второпях, и он оказался слишком... слабым. Развязался он, в общем, а я сразу не заметил. Лиск, прости меня... Пожалуйста...

— Ладно, — передёрнув плечами, пробормотала она и приготовилась пойти в холл.

И осталась на месте. Голова потихоньку приходила в норму, хотя её владелица не отказалась бы от ещё получаса тишины и безлюдья... Виктор тоже не тронулся с места. Стояли и «слушали» мягкий аромат чёрствого хлеба в своих руках — райский, потрясающе

сытнЫЙ...

Они помолчали немного, то ли не решаясь выйти из коридора, то ли не желая того.

— Алиса... Тебе этот браслет, который дал дан Реган, реально помогает? Или ты пока ничего не чувствуешь?

— Не знаю, лечит он или нет, но я будто наполняюсь спокойствием, — прислушиваясь к себе, ответила она. — Психовать вроде больше не тянет, — кривовато ухмыльнулась она. — Хотя сейчас вроде и повода нет. Хотя... может, это я сама успокаиваюсь, а не браслет помогает. А что? Тебе тоже хочется поносить его? Попробовать, как он работает?

— Нет. Я хочу тебя предупредить. Будь осторожней с этим Реганом. Я слышал, как эта Эйслин говорит ему так, будто он ей жених или любовник («А то ты разбираешься в этом...» — проворчала Алиса), то есть без приставки «дан». Может, и не разбираюсь, но всё равно — опасайся его. — И секунду спустя сам осторожно спросил: — Так и не скажешь, что тебе сказал Мичил?

— Нет. Это дело нас двоих, — резко ответила Алиса. — И третьему встречать не надо.

Новое подозрение, высказанное Виктором как предостережение, мгновенно заняло все её мысли. Получается... Нет, сначала она думала, что дан Реган был добр к ней... нет, здесь надо бы другое слово подобрать. Не столько добр, сколько... Наверное, это жалость? Жалость человека, который спас другого, беспомощного человека? А потом, после жалости, идёт забота о спасённом. Если не опека. Отсюда — браслет... Она посмотрела на руку с браслетом. А ведь помогает — артефакт-то. Она больше не чувствует той дрожи, из-за которой было трудно держать на весу руки, занемевшие, вцепившись в край крыши... Но теперь всё извратилось. Если этот тип и правда имеет личное (или личностное?) отношение к леди Эйслин, значит, его участие в судьбе Алисы может быть... Она мрачно сопнула носом. Может быть поддельным? Больше слова она подобрать не сумела. И что дальше? «По-моему, пора выбираться из этого коридора, — решила она. — Ещё немного, и я стану психопатом или невротиком, который во всех поступках будет искать подложенную свинью!»

И только хотела предложить брату перейти в кухню, где их наверняка с тревогой дожидается Лула, как в холле знакомо треснула дверь из комнаты с камином. Было у неё такое: когда открывали, она издавала краткий, но отчётливый треск, из-за которого сейчас Алиса с Виктором немедленно прижались к стене, надеясь, что в темноте коридора их не разглядеть. Вместе с этим звуком в холл вылилось несколько голосов. Два из них оказались не вполне внятными, поскольку доносились из глубины открытого помещения, и брат с сестрой не расслышали их слов, но несли оттенок увещательный. Однако чёткий голос дана Регана, быстро вышедшего из каминной, а потому говорившего в сторону входной двери, был отлично воспринимаем:

— ... не о чем гадать! Есть Герхард! Вот он и...

Хлопнула дверь в «сени». А дверь в каминную комнату медленно поехала к косяку и закрылась.

Мгновения тишины... Только Алиса хотела шепнуть брату: «Бежим!», как Виктор, стоявший впереди, сам выскочил из коридора и кинулся... к той же входной двери в «сени». Зачем?! Он что — совсем с катушек?!

Эта дверь сама по себе не закрывалась. Выскочившая было следом за братом, Алиса обмерла, заметив, что Виктор в «сенях» прижался ухом к другой двери — на крыльцо. С ума сошёл?! А если кто-нибудь выйдет из каминной?! Или войдёт с улицы?!

Но Виктор подслушивал недолго. Он будто только коснулся головой двери — вот еле-еле пара секунд (или так в горячке событий показалось?). И тут же рванул назад, в холл, да не останавливаясь, а напрямик к кухне. Алиса — за ним! И так стремительно, что он не успел схватиться за дверную ручку — она сцапала его за воротник камзола. Новый треск — ткани. Но брат был остановлен.

— Ты чё?.. — зашипел он на неё.

— Что он сказал? — прошипела она в ответ.

— Ничего... пусти... горло пережала, блин...

— Я сейчас тебя вообще придушу! Говори!

— Этот спросил Герхарда, кто тебя напугал! А он сказал при Мичила! А он потом ещё спросил, а тот ему про дана Бартлея... А дальше я не слышал... Пусти!

Разжала пальцы, и Виктор принялся обдёргивать камзол, угрожающе и обиженно сопя. Алиса посмотрела на него, чуть видного в темноте коридора.

— И что? Значит, он не будет меня провоцировать?

— Чё?!

— Ты сказал — быть с ним осторожней.

— А, это... Откуда мне знать, — проворчал Виктор. — А ты про Мичила точно мне не скажешь? Ну, что именно он тебе сказал?

— Вить... Забудь ты про этого Мичила. Не до него сейчас. Идём. А то оставили Лулу надолго — она, небось, совсем до кондиции дошла.

И снова замерли, так и не открыв двери: в холле снова резко стукнула дверь из «сеней» и раздались торопливые, но решительные шаги. Реган? Точно — он. Идёт, как бежит, но так целеустремлённо, что Алиса несколько не удивилась бы, если бы он на ходу вынул из ножен свой меч, а потом... На Мичила чем-то похож. Только выше, и волосы темней — вдруг подумалось. Такой же симпатичный, но чуть резче. И его глаза... Секунду спустя Алиса чуть не дёрнула брата за руку — бежать в кухню. Чего застыли на месте?! А вдруг Реган сюда пойдёт?! И раздражённо поморщилась. Ну и фиг. Пусть идёт.

Нет, прошёл холл — и снова в каминную комнату.

— Лиска, — задумчиво сказал Виктор. — Интересно, а использованную соль можно будет по второму разу использовать?

Она дико посмотрела на него: так резко сменить тему?.. И фыркнула. Реалист. Да, соль в большей степени приоритетна, чем то, что их могут увидеть.

— Не уверена, — наконец отозвалась она. — Но что-то мне кажется, что нас здесь не оставят, так что переживать надо о другом.

— Как не оставят?! — шёпотом ужаснулся Виктор. — Я уже привык к мысли, что мы здесь останемся. Мне тут нравится, а ты говоришь...

— Кончай впустую болтать! — обозлилась Алиса. — Открывай дверь!

Очувтившись в кухне, обнаружили, что помещение пустует. Изумлённый Виктор даже чулан проверил. Вернувшись, бросился к окну:

— Может, она на улицу отсюда вылезла?

— Леди Алиса-а... — тоненько позвали из-под кухонного стола, рядом с плитой.

Брат с сестрой бросились к столу и помогли вылезти Луле, которая скорчилась ближе к стене, чтобы не видно было.

— Что случилось, Лула?!

— Страшно стало, — пожаловалась белобрысенькая. — Вы ушли — обещали ненадолго,

а сами пропали...

— Зато мы хлеб принесли, — невпопад утешил её Виктор. — У тебя ведь ещё чай остался? Наливай по чашкам! Какой-никакой, а полдник теперь у нас есть!

— А ведь обещали привозить продовольствие, — задумчиво вспомнила Алиса. И содрогнулась. Да так, что Виктор спросил:

— Ты о чём?

— До меня только сейчас дошло, что дан Бартлей мог обещать что угодно нам привезти и в каком угодно количестве. Если учесть измигунов.

Пили чай стоя, глядя в открытое окно — на лето в лесном местечке, на радостный солнечный день, который потихоньку словно бы густел к вечеру, наполняя плотностью тени, которые ранее не были заметны, и с бездумными улыбками слушали птиц, напрочь отказываясь думать о том, что впереди страшная ночь.

Стук в кухонную дверь заставил всех троих опустить чашки с чаем.

— Открыто! — крикнул брат и тут же смутился.

Алиса встрепенулась: Реган? И тут же покраснела — чувствительно настолько, что учуяла жар от лица, даже не прикасаясь к нему.

Но вошла леди Эйслин. Алиса тут же забыла о Регане, присматриваясь к ней: «Снежная королева оттаяла?» А недавно надменная, дама искренне улыбнулась и сказала:

— Господа, нам надо обсудить то, как мы будем готовиться к ночи. Хочу пригласить вас за стол в каминную. Будет удобней, если вы сразу узнаете, как использовать артефакт из магической чёрной соли. И заодно распределим обязанности, что кому делать перед закатом. Леди Алиссия?

— Да, согласна, — кивнула девушка и оглянулась на брата с белобрысенькой. — Идём.

Показалось — или нет, что леди Эйслин выдохнула с облегчением? Побайвалась, что Алиса встанет в позу и заявит, что они, все трое, останутся опять-таки на кухне?

Виктор взял сразу весь чайник, Лула — поставила на поднос тарелку с нарезанным ломтиками белым хлебом (печально посмотрев при этом на хлеб) и две чашки. Выйдя из кухни, Алиса вспомнила кое-что и, отдав свою чашку Виктору, предупредила, что должна сбежать на второй этаж. Точной причины не сказала, так что леди Эйслин пока не поняла, в чём дело, но Виктор с Лулой немедленно остановились, выжидая, пока девушка навестит Куна.

Взбегая по лестнице, Алиса решала, пригласить Куна в каминную комнату на общее обсуждение важного дела или не стоит? Пришла к выводу, что легче спросить его самого... Ну и спросила. Оборотень, сидевший, прислонившись к стене (Алиса так поняла, что разбудила его от лёгкой дремоты), только улыбнулся и покачал головой.

— Вы-то там будете кстати. Но не я. Не забудьте потом рассказать, что надо делать. Возможно, и я пригожусь.

— Обязательно расскажу, — пообещала Алиса, торопливо скатываясь по лестнице.

Как ни странно, леди Эйслин не стала осуждающе разглядывать её, не стала брезгливо морщиться, сообразив, что девушка бегала к оборотню, а сразу направилась к двери в каминную комнату.

Здесь их встретили так радушно, что все трое даже растерялись. Чайник в руках Виктора радостно приветствовали. Девушек усадили за стол, отодвинув для них стулья — правда, свой стул Лула быстро подвинула ближе к стулу хозяйки, боязливо поглядывая на остальных. А Виктор, ничего не говоря, перенёс свой стул так, чтобы сидеть с другой стороны от

сестры. Никто и слова не сказал в осуждение. Восприняли все перемещения как должное.

Здесь же, наконец, молодёжи представили второго телохранителя леди Эйслин — дана Ристерда, совсем не похожего на темноволосых леди и первого телохранителя, потому что был он довольно светловолосым, близко к Луле. Для начала снова пришлось всем разлить чай — кто-то свой уже выпил, кто-то захотел свежего. Лула как села, так и открыла рот на выставленные гостями лакомства. А Виктор с Алисой переглянулись. Выставленные сладости были настолько не похожи на всё то, что обычно они видели в своём мире, что они, не сговариваясь, выждали, когда гости предложили Луле, как самой нетерпеливой, отведать вкуснятины, и только потом брат с сестрой осторожно распробовали их сами. Неизвестно, как Виктор, но Алиса невольно улыбнулась, когда поняла, что по сладкому она за три дня здорово соскучилась. Так что ела хоть и с нескрываемым удовольствием, но не спеша — и поймала на себе взгляд дана Регана. Он тоже улыбался, глядя именно на неё. В душе она насторожилась, но внешне постаралась выглядеть благодарной...

Но то, что произошло далее, для неё стало неожиданностью.

Вместо того чтобы начать разговор о ночи с измигунами, леди Эйслин внезапно самоустранилась от разговора. Как и дан Реган. И исподволь главную роль за столом начал исполнять дан Ристерд. Всё началось очень как-то логично. Сначала просто пили чай, обмениваясь ну очень светскими репликами о погоде, а потом постепенно замолкли и дан Реган, и леди Эйслин, а Алиса, неожиданно испугавшаяся, заметила, что дан Ристерд продолжает разговор, ловко обходя её персону, с Виктором и Лулой. Соскучившиеся по вниманию и общению, брат и белобрысенькая легко пошли на контакт, и вскоре, несмотря на все попытки Алисы остановить их и воззвать к благоразумию, Виктор и Лула наперебой рассказывали во всех подробностях, что же с ними со всеми произошло с того момента, как дан Бартлей оставил их в лесном доме...

Умоляющие взгляды Алисы на леди Эйслин, которая старательно отводила глаза, и на абсолютно бесстрастного дана Регана не дали никакой реакции: дан Ристерд, как внимательный и участливый слушатель, легко и просто выудил всю подноготную их пребывания в лесном доме. Лула даже рассказала о последнем подозрении Алисы, что оставшихся здесь дан Бартлей и не собирался снабжать обещанным продовольствием, потому что знал об измигунах и, возможно, надеялся, что леди Алиссию и её младшего брата эти твари сожрут за пару ночей.

С каждым новым ответом Виктора и Лулы — заметила поугрюмевшая Алиса — дан Реган тоже всё больше мрачнел, забывая о явно привычной ему маске беспристрастности. Он вообще слушал наивно откровенные ответы Виктора и белобрысенькой так, словно до сих пор даже не представлял, насколько плоха ситуация. А леди Эйслин своих чувств не скрывала: она то ужасалась, раскрывая до предела и так большущие глаза, то пригорюнивалась, поставив руки локтями на стол и опираясь на них подбородком. Когда Алиса впервые увидела эту позу, не характерную, как она понимала, для людей здешнего светского общества, она подумала, что, возможно, сестра её не виденного до сих пор мужа встанет на её сторону, если придётся... Какого чёрта! Почему они, оболганные, должны защищаться? Эта мысль вновь застучала в виски, а потом Алиса безнадежно усмехнулась: Виктор прав. Хотелось остаться в этом доме, где страшно только по ночам. Но остаться так, чтобы никаких гостей — пусть и со сладкой выпечкой!

А потом дан Ристерд иссяк на вопросы. Спокойно глядя на леди Эйслин и дана Регана, дан, откинувшись на спинку своего стула, тем самым показал, что закончил допрос (а это

был настоящий допрос — уверилась, глядя на него, совершенно опустошённая Алиса). И только тогда изумлённый Виктор вдруг оглянулся на старшую сестру, будто лишь сейчас понял, что его излишне подробно расспрашивали, а он почему-то отвечал. А Лула так вообще захлопала глазами, будто только что проснулась.

И этот растерянный взгляд белобрысенькой подсказал Алисе, что с даном Ристердом тоже что-то не так. А не маг ли он, воздействующий на человека — на его откровенность? Если так, тогда ни брат, ни Лула просто не могли противостоять ему... Но... Это же всё равно нечестно!

Между тем леди Эйслин и дан Реган переглянулись. Но взгляды... какие-то пустые. Шифруются — поняла Алиса. Не хотят показать, что именно их больше всего заинтересовало в результатах допроса.

И тут внутри вновь что-то вспыхнуло — безнадёжно, но с противоречивой же надеждой: а если они, разобравшись во всём, помогут им, троим, снять клевету, а потом остаться здесь, в лесном доме, который неизвестный муж подарил, по словам дана Бартлея, никогда не узнанной им жене?

Но спустя секунды Алиса опустила плечи. Нет. Не получится. Если дан Бартлей врал и главным — следовательно, муж не дарил им этого дома. Надо бы, когда она останется наедине с Виктором и Лулой, объяснить им ситуацию, в которой они все застряли. Чтобы не надеялись. Когда надеяться не на что, изменения в жизни становятся легче принимаемыми. Хоть и обидно...

А пока... Она привычно взглянула на окно. С этой стороны дома — тень. И она почти чёрная. Солнце ещё видно, но оно, судя по всему, собирается на покой.

— Мы неплохо поговорили, — даже не стараясь быть саркастичной, с небольшой хрипотцой произнесла она и, сглотнув, встала из-за стола. — Но, как мне кажется, пора за работу. Вы обещали показать, как использовать чёрную соль.

В холл дан Реган созвал и других четверых всадников, сопровождавших их в поездке к лесному дому. Именно он провёл «совещание» для всех. Даже для Куна, который тихонько и даже скромно засел на верхней ступени лестницы на второй этаж.

— Все знают, что до встречи с даном Герхардом мы ехали сюда поохотиться на кроликов, — начал дан Реган. — Думали переночевать одну ночь и уехать наутро. Но встреча с даном Герхардом объяснила, что просто так переночевать здесь не получится. Потому как уже четвертую ночь здесь ночевали леди Алиссия со своим спутниками. А что это значит для лесного дома, думаю, не нужно объяснять всем тем, кто знает его историю. Поэтому сейчас мы будем насыпать чёрную соль в плоски и выносить их на улицу, окружая дом магической защитой. В этом ритуале будут задействованы все.

Он вдруг взглянул на лестницу, ведущую на второй этаж, и добавил:

— Кроме раненых.

На сердце Алисы потеплело: пусть так, не называя имён, но дан Реган проявил сочувствие Куну!..

А потом разделились на микрогруппы — так поняла Алиса. Дан Реган приставил себя к Алисе. Леди Эйслин и дан Ристерд были прикреплены к Виктору и Луле. Остальные четверо разделились между собой. Итого — получилось четыре группы. Затем каждая группа получила свою сторону дома, напротив которой надо было расставить плоски с чёрной солью.

Сначала Алиса немного побаивалась дана Регана: а вдруг всё же начнёт, как и Мичил,

провоцировать её, доказывая, что она?.. Но тот быстро рассеял все сомнения по поводу собственной личности, первым поведя её в чулан. Так что, оборачиваясь посмотреть на заглядывающие в чулан команды, Алиса расслабилась и принялась за работу. Та шла довольно споро: одна группа заполняла своё количество площадок — выходила, в чулан заходила следующая группа.

Первыми, естественно, расставили площадки возле дома дан Реган и Алиса. Работа так себе, честно говоря: ходи только, наклоняйся. Но даже так поясница заныла. Дом-то почти квадратный, так что расставь-ка двадцать четыре площадки — да так, чтобы не рассыпать чёрную соль. Приходилось приминать траву, которая вокруг росла достаточно густо. Пока траву примнёшь, а кое-где и ботинком приткнёшь к земле, накланялись.

А когда встали, дан Реган задумчиво сказал, глядя на горизонт, где постепенно оседало солнце:

— Переночуем, а завтра вас отвезём к дану Маркасу.

— А здесь остаться нельзя? — обречённо, хоть заранее и предполагала, спросила Алиса. И тут же насупилась: — А почему от измигунов только защита? Почему нельзя от них избавиться раз и навсегда? Или вы специально их оставляете, чтобы они сторожили лесной дом — от разграбления, например?

— А что? — вернул ей вопрос дан Реган. — Вам здесь нравится?

— Очень.

— Подождите-ка... — чуть замедленной обычного произнёс мужчина, нагибаясь к одной из площадок с чёрной солью. — Что вы здесь сделали? Почему под площадкой сажа?

— Трава сгибаться не хотела, — объяснила Алиса. — Я прижгла огнём. Не беспокойтесь: я аккуратно обращаюсь с огнём.

— Вы маг огня? — удивился дан Реган. — Леди Алиссия, покажите, как вы пользуетесь своим даром.

Оглядевшись, Алиса смущённо попросила:

— Дан Реган, лучше вы сами покажите, на чём продемонстрировать дар.

Он тоже огляделся и поднял с земли плоскую полуметровую деревяшку — похоже на часть расколотого древесного ствола. Алиса предупредила:

— У меня не получается так, как у младшего брата, который умеет сужать огненный луч. Так что вы увидите только обычный выплеск пламени.

И ткнула указательным пальцем в воздух, будто показывая на тот конец деревяшки в руках дана Регана, который тот направил в сторону. Кончик вспыхнул от тонкого луча — и Алиса обрадовалась: она всё-таки попыталась сузить свой луч, как показал ей брат. И, кажется, получилось!

С заполыхавшей деревяшки она перевела взгляд на дана Регана. Тот, словно ничего не понимая, в полном замешательстве смотрел на неё. И Алиса испугалась: а если та Алиссия, на чьё место она попала ни с того ни с сего, не была магом огня?! И тут же успокоилась: до желания дана Регана увидеть её огненный луч он не знал, что она маг огня. Это могло значить только одно: он — или все остальные — не видят, кто маг, а кто обычный человек. Значит, леди Алиссия могла до определённого момента скрывать, что она маг. Как и её брат. Больше того. Та леди Алиссия, которую она заменила в этом мире, могла и сама не знать, что она маг. Наверное.

Но почему дан Реган смотрит на неё так, словно не ожидал... Алиса из-за его взгляда не могла собраться с мыслями.

— Вы так смотрите, как будто мне нельзя быть магом огня! — выпалила она в надежде, что он тут же объяснит, что его так ошеломило.

— Нет, что вы, леди Алиссия, — наконец медленно заговорил он после небольшой паузы, во время которой, судя по всему, приходил в себя. — Это замечательно, что у вас и вашего брата есть такие магические способности.

Притворяясь наивной, хотя и предполагая, что притворство может не пройти, девушка спросила:

— А что вас удивило?

— Вот это, — ответил он и чуть приподнял деревяшку, чтобы и Алиса увидела: на конце древесного обрубка зияла, дымясь, открытая дыра, будто кто-то нажал пальцем на этот кончик — и древесина поддалась, как мокрая глина.

— У Виктора получилось бы лучше, — с сожалением сказала она. — Он тренировался, чтобы луч был направленным и плотным. А я всего лишь прожгла там, где получилось. Мне бы ещё немного потренироваться, тогда бы, может быть...

— Думаю, дан Виктор тоже успел закончить свою часть защиты дома, — заявил дан Реган и чуть отвернулся от Алисы, согнув руку. — Идёмте, леди Алиссия.

Она посмотрела на эту приглашающе согнутую руку с сомнением: «Провоцирует? Но ведь там будут и остальные, не дадут ему, если что, поиздеваться надо мной!» Но, помедлив, осмелилась-таки и взяла дана Регана под руку, чтобы вместе пойти к брату.

Пуганая ворона и куста боится. А дважды пуганая... угла дома! Чем ближе к этому углу вёл Алису дан Реган, тем чаще от тревоги начинала дышать насторожённая девушка. Пусть пока она ещё не понимала, что же её пугает в этой краткой прогулке под руку с симпатичным и умным мужчиной, который, кажется, благоволит ей, но...

Дошло вовремя! Они не успели зайти за угол! Их никто не успел увидеть — как пару!. Решительных действий от Алисы дан Реган не ожидал. Поэтому попросту даже не сообразил, что происходит, когда она резко выдернула свою ладошку, которая так уютно устроилась поначалу в его мягком изгибе локтя.

Чтобы пока ещё только удивлённый мужчина не заставил её силой идти рядом, Алиса отбежала от него подальше. А потом даже пожалела, что не бросилась от него вперёд. Выскочила бы из-за угла лесного дома, её бы сразу увидели и поняли, что она независимо шагает первой, а за ней следует дан Реган.

— И что всё это значит? — спокойно спросил дан Реган.

— Ничего! — выпалила она. — Это ничего не значит! Разве что я не собираюсь гулять под руку с человеком, которого почти не знаю!

Он некоторое время разглядывал её. А в памяти Алисы за эти краткие мгновения пронеслось столько обидного! Например, подлый дан Мичил, который, смеясь, рассказывал дану Герхарду, как он предложил жене-изменнице дана Маркаса ночь любви в обмен на деньги — те самые, которые помогли бы найти боевых магов для защиты дома от измигунов. Потом в памяти всплыли слова брата, который оказался гораздо прозорливей и умней своей старшей сестры. Слова Виктора о том, что дан Реган — либо жених леди Эйслин, либо её любовник, но в любом случае — с ним лучше не связываться. А она, как наивная девица, прохлопала, что леди Эйслин совершенно не отреагировала на желание дана Регана быть в паре с Алисой! «Ну ты и дура, Лиска, — огорошенно думала девушка, насторожённо следя за тем, что делает дан Реган. — Сама устроила ор на весь белый свет о провокациях с их стороны! И сама же в одну из них вляпалась! Причём в самую примитивную!»

Дан Реган взглянул на небо и, неясно чему, улыбнулся. Затем бросил взгляд на девушку, в ожидании замершую сбоку от него, и кивнул:

— Потом разберёмся. Пока же продолжаем искать вашего брата.

И первым пошёл к углу дома. Алисе даже почудилось, что до слов дана Регана угол дома усиленно раскачивался, сигналивая-предупреждая: «Тре-вога! Тре-вога!» А после реплики дана Регана угол угомонился и застыл.

Как бы там ни было, но вышли они из-за угла дома порознь. На этой стороне оказались два всадника. Они, видимо, давно закончили расставлять площадки с чёрной солью, а потому с чувством отлично выполненного долга расположились отдохнуть на густой траве. При виде дана Регана вскочили, но он махнул рукой на них, продолжая идти далее, и они вновь осели на траве. А Алису, спешившую за даном Реганом, внезапно озарило: почему бы не спросить дана Герхарда, кто такой дан Реган? Только спрашивать надо не самой, которая всё ещё под подозрением, а подослать Виктора или даже Лулу. Они самые младшие в здешней компании. Им любопытство простительно.

К следующей группе, которая как раз и оказалась под командованием леди Эйслин, так и вышли: впереди — целеустремлённый дан Реган, за ним — торопливо семеня мелким

шажком (только бы не догнать!), Алиса, нацепив на мордель выразительную маску: «Ни-ни! Никаких шашней на рабочем месте и вообще везде! Всё строго по делу!»

Группа леди Эйслин заканчивала свою работу. Судя по тому, как тесно, плечом к плечу, трудились Виктор и Лула, брат быстро справился со своим заданием и сейчас помогал белобрысенкой. Леди Эйслин и дан Ристерд медленно шли вдоль ряда с площадками и о чём-то вполголоса переговаривались. Завидя дана Регана, оба направились к нему. Алиса догнала его в тот момент, когда он кивнул подошедшим и спросил:

— Дан Ристерд, вы спрашивали дана Виктора о том, какой он магией владеет?

— Дан Виктор — маг? — изумилась леди Эйслин, оглядываясь на юношу.

Светловолосый дан пожал плечами и тоже с интересом всмотрелся в Виктора.

— Кружить вокруг да около не буду, — сказал дан Реган. — Леди Алиса и её брат — маги огня. Насколько я понял, оба необученные (он посмотрел на девушку, и Алиса после недолгого колебания кивнула), но оба имеют талант к манипуляциям со своим огнём. В частности, к сужению творимого ими пламени. Вот наглядный пример выстрела огненным лучом от леди Алиссии. — Он передал дану Ристерду и сестре ту самую деревяшку. — Леди же говорит, что сама она мало тренировалась, а вот её брат более точен в огненных выстрелах и умеет более концентрировать свой луч.

Алиса про себя очень удивилась: леди Эйслин немедленно сверху протиснула палец в ту самую круглую деревянную расщелину, которая была пробита огненным лучом. А потом и вовсе схватила деревяшку, чтобы разглядеть её со всех сторон.

Но разглядеть в подробностях «наглядный пример» не успела. За её спиной раздался робкий голосок Лулы, которая, тем не менее гордо высказалась:

— А ещё леди Алиссия научилась стрелять огненным лучом в измигунов так, чтобы не спалить дом. Правда, у дана Виктора это лучше получается, — почти шёпотом и виновато глядя на хозяйку (заговорила среди «старших» без разрешения), добавила она.

— Вы... использовали свой дар для уничтожения измигунов? — медленно, словно проверяя себя, все ли слова он говорит правильно, спросил дан Реган.

Алиса даже испугалась: а что? Нельзя было? Но тут по-простецки заговорил Виктор. Он пожал плечами и сказал:

— Дан Ристерд спрашивал о многом, но не о том, что было вчера ближе к ночи. Но дан Герхард знает, что мы дрались, используя огонь, когда они оказались среди измигунов. Можете спросить у него, если что.

— Подтверждаю, — поднял руку дан Герхард, только что подошедший к господам вместе с остальными всадниками. — Мы на конях прорвались в холл дома и уже в помещении убивали измигунов, которые вцепились в нас и лошадей. А леди и её брат дрались с измигунами, которые пытались прорваться в дом. Но там, где мы рубили и били мечами и ножами (арбалеты здесь, к сожалению, не то оружие), они действовали огненными лучами.

— И как вы тренировали свои огненные лучи? — спросил дан Реган и покачал головой в изумлении: — В этом доме кипела настолько насыщенная жизнь, что я просто преклоняюсь перед вами — теми, кто сумел противостоять измигунам.

Алиса покосилась на леди Эйслин. Вдруг заревнует, что не о ней говорят в превосходных комплиментах. Но, кажется, и леди Эйслин слишком хорошо знала, что собой представляют ночные твари. Она с нескрываемым восхищением смотрела то на Виктора, то на Алису. А затем спохватилась.

— Ещё немного — и солнце зайдёт. Пора возвращаться в дом.

— Будем укреплять его от измигунов? — насторожился Виктор.

— Нет, — ответил дан Ристерд. — Укреплять дом не понадобится. Сегодня вы даже сможете посмотреть в окна, чтобы увидеть, что делается на ночной улице.

— Но вы нам расскажете, почему измигуны до сих пор здесь? — не выдержала Алиса. — У вас же есть возможность вызвать боевых магов, чтобы они освободили лес от этих тварей! Или вы специально их оставляете здесь? В прошлый раз вы нам так и не ответили на этот вопрос!

— Кто вам сказал эту глупость про боевых магов? — удивился дан Реган, поворачиваясь идти к крыльцу, но остановившись, чтобы взглянуть на Алису.

Девушка немедленно сжала губы. Слезы подступили к глазам мгновенно. Виктор, побледневший, быстро шагнул к ней и взял за руку. Кажется, он тоже сообразил всю степень обиды сестры. Лула, ничего не понимая, просто встала рядом, с сочувствием глядя на хозяйку. И тогда, почувствовав поддержку, Алиса сумела поднять глаза на дана Герхарда.

А дан Реган, не заметив сразу, какое впечатление произвели его слова на недолгих жильцов лесного дома, продолжил:

— Боевые маги существуют, но на то они и боевые, что их используют в войнах или в стычках с наиболее наглыми соседями нашего королевства.

— Что с вами, леди Алиссия? — спросила леди Эйслин, подходя к девушке, кусающей губы, чтобы не разреветься при всех.

Вдохнула побольше воздуха и вскинула голову.

— Ничего. Просто подумала, что вскоре и впрямь прибегут измигуны.

Но дан Герхард, виновато склонивший голову, уже привлёк внимание дана Регана. Он щёлкнул пальцами, глядя на него, и воин послушно подошёл к нему. Мужчины остались на улице, тогда как все остальные вошли в дом.

Заставив себя двигаться, Алиса более или менее утхомирила желание расплакаться. В холле она остановилась и осмотрелась. Чем заняться, лишь бы не думать о Мичиле и его подянке? Леди Эйслин так уверенно пошла в каминную комнату, будто была уверена, что девушка с братом и Лулой последует за ней. Или эта дама ждала, что с ней пойдёт дан Ристерд?

Трое всадников остались при входе в дом, постепенно вводя в холл лошадей. И тут Алиса и Виктор выяснили, что они и правда плохо изучили лесной дом. Если вчера группа всадников напрямую ввела лошадей прямо в холл, то это было отчасти из-за спешки. Сегодня же семь лошадей воины уводили в тот коридор, в котором прятались брат с сестрой, невольно подслушивая разговор дана Регана (точней — обрывок разговора) с даном Герхардом. Слегка ошеломлённая, Алиса, перестав дрожать, противостоя плачу, двинулась за последней лошастью. Оказывается, в лесном доме третья комната от начала коридора являлась помещением для лошадей. Алиса стояла в дверном проёме этой комнаты, без окон, и хлопала глазами на то, как сноровисто мужчины вводят лошадей в небольшие стойла — отдельно для каждой лошади, а потом закрывают невысокие калитки, чтобы животные не выбежали из своих мест.

Когда мужчины внимательно осмотрели эти калитки и удостоверились, что лошади устроены приемлемо, каждой из семи открыли небольшие ясли с зерном. Алиса покачала головой. Здорово придумано, если учесть, что охотники сюда и в самом деле приезжают лишь на одну ночь, когда измигуны ещё не подозревают о появлении своих потенциальных

жертв.

А потом она спохватилась и побежала к леди Эйслин. Вдруг она начала рассказывать об измигунах без неё? По дороге резко свернула на лестницу ко второму этажу — проведать Куна. Тот как раз снял повязки с ноги и с удовольствием смотрел на затянувшуюся рану. Алиса скептически сказала:

— Ну, да, всё правильно. Но... Кожа-то появилась. А кость как? Болит, небось? Сумеете завтра не хромать, если придётся преодолевать долгий путь?

Но оборотень с удовольствием потянулся, а потом снова с улыбкой засмотрелся на недавнюю рану.

— Кости и не чувствуется. Те травы, что я нашёл, и мясо, которого было вдоволь, сделали своё целительское дело.

— И что дальше? Я поняла так что нас завтра отсюда заберут. А вы? Поедете с нами до перекрёстка? Вы же обещали нас проводить к нему, а значит...

— Ничего не значит, — возразил Кун, не переставая улыбаться. Даже в полумраке коридора (свечи возле него не было, свет доходил только из холла). — Я хотел проводить вас до перекрёстка, потому что вам было легче идти дальше от него. Мне же придётся пересекать лес. Но вы не беспокойтесь, леди Алиссия. Нога не болит. Эту дорогу, тем более — домой, я пройду легко.

— А если снова капкан?! — вырвалось у Алисы.

— Нет. На этот раз нет, — категорически откликнулся Кун. — В тот раз я даже не представлял, что в этом лесу есть капканы. Да и ветер дул с другой стороны, почему я и не учуял запаха железа. Но теперь я буду более внимателен.

Они посидели немного в молчании, и Алиса снова заметила, как легко ей рядом с оборотнем. Из-за чего? Она предполагала — он с самого начала был вместе с ними со всеми. И против измигунов. И в деле выживания здесь. Нет никакого лукавства в любых его словах. Разве только в тех, что касались его самого. Когда он уверял их, что здоров и обойдётся без их помощи. А среди людей, с которыми пришлось встретиться, Алиса пока не нашла никого, с кем бы можно было себя вести откровенно, без насторожённости, не хватая себя постоянно за язык. И не доверяя... Мичила хватило. И дана Бартлея.

— Идите, леди Алиссия, — негромко напомнил оборотень. — Будут вас искать...

Недоговорённость Куна она поняла: искать будут её, а потревожат его.

Но уходить не хотелось.

— Кун, может, вам ещё мяса принести? — с надеждой спросила она, изо всех сил желая заниматься раненым оборотнем, а не открывать всё новые лживые слова тех, кому она могла бы доверять. А ещё страшно было другое: она отчётливо видела, что вновь прибывшие: леди Эйслин, дан Ристерд и дан Реган — вроде постепенно начинают проникаться ситуацией, в которую попали они трое, считая брата с Лулой. Но а вдруг и эти «гости» в чём-то врут и глазом не моргнут?

Оборотень погладил её по руке.

— Идите, леди Алиссия, идите. Мясо у меня есть — и с запасом, благодаря вам. Всё будет хорошо. Эти люди вас вывезут из лесного дома. И ночами вам больше не надо будет бояться за жизни всех тех, кто живёт рядом с вами.

— Спасибо, Кун, — прошептала она. Его жест, в отличие от жеста Мичила, не вызывал подозрений. Кун сделал то, что хотел: успокаивал — а не что-то иное.

Но по лестнице она спускалась медленно: так не хотелось вновь встречаться с людьми.

Идеально: взяли бы, да уехали, оставив их, троих, в защищённом доме. Но идти к «гостям» надо. Пора узнать из первых уст, что такое измигуны и почему от них до сих пор не избавились, если есть возможность. Хотя... она замерла на последних ступенях. Вроде о возможности речи пока не было? Или она что-то забыла?

Оглянулась на коридор с внутренней конюшней, прислушалась. Нет, тихо. Лошади спокойны. Но стояла ещё долго, давя на своё нежелание идти в каминную комнату.

— Леди Алиссия?

Она обернулась и озадаченно поджала губы: как давно здесь стоит дан Реган? И почему он здесь стоит? Караулит её? Она тихонько вздохнула и сошла с последних ступеней лестницы, направляясь к нему. Сейчас будет ругаться из-за Куна? Кстати, надо бы решить один вопрос, пока дан Реган здесь и один.

— Это правда, что вы нас увезёте отсюда?

— А это правда, что вы хотите остаться? — кажется, попытался поддеть её дан Реган.

Алиса невольно улыбнулась.

— Мы уже говорили об этом. Да. Нам здесь очень нравится.

— Тогда вынужден разочаровать. Да, вы завтра покинете этот дом.

— А... куда вы нас отвезёте? — насторожилась Алиса. До сих пор она сама и не думала о том. Но... есть два пути: домой, к матери, — и к мужу, который для неё пока только впустую сказанное слово.

— А куда хотели бы вы? — усмехнулся дан Реган.

— Домой, — решительно сказала Алиса. — Если здесь остаться не получится.

Договорила — и вдруг вспыхнула надеждой: а если их увезут домой по их просьбе, а они запомнят путь сюда? Ведь это легко — запомнить, пока едут, тот участок пути с маленьким перекрёстком! И сбежать от матери, если что, сюда, где теперь они будут знать, как убережётся от измигунов. Зря Кун говорил о том, что здесь страшно, потому что страшно за жизни тех, кто рядом. А там... Там можно будет устроить пожар внутри того склепа, в котором прячутся те твари... А ещё Витька говорил, что придумал несколько способов уничтожить их... И тут она внимательно взглянула на терпеливо ждавшего её дана Регана. А ведь именно сейчас появилась возможность узнать всё, что можно, об этих измигунах. Ведь дан Реган сказал, что он тоже участвовал в ритуале, который создаёт чёрную соль. Вот бы выведать, что надо сделать! Белой-то соли в чулане ещё много — кроме той чёрной, которой осталось полтора ларя!

— Нас, наверное, заждались, — постаралась она светски спокойно напомнить дану Регану о главном, чувствуя себя при этом весьма коварной интриганкой. В душе она пожалала плечами: «Хорошие учителя были! Что дан Мичил, что дан Бартлей! Последний так вообще соловьём, помнится, разливался, говоря о продовольствии. Сам же, небось, руки потирал, что обещания можно не выполнять...»

— Почему вы отказались от моей руки? — неожиданно спросил дан Реган. — Там, за домом? Что вас смутило?

Кажется, он тоже решил использовать минутку обособленности для выяснения некоторых моментов. Алиса растерялась: ну и как ответить на такой вопрос? Впрочем...

— Мы жили в глуши, — старательно передразнивая возможное наивное объяснение невоспитанной деревенщины, сказала она. — У нас не принято ходить с плохо знакомым мужчиной под ручку.

— То есть это не из-за дана Мичила? — спокойно принял её ответ дан Реган.

Алиса посопела немного, мрачно размышляя, что бы сказать на это, а потом решительно пошла к двери в каминную комнату, бросив по пути:

— Да. И это тоже.

— Вы всегда так недоверчивы, леди Алиссия? — спросил он ей в спину.

— Моя недоверчивость обоснована, — отрезала она, невольно ускоряя шаг: он начинал пугать её.

Не только леди Эйслин и дан Ристерд сидели за столом, но и все четверо всадников вместе с даном Герхардом. Виктор с Лулой как-то жалко мялись на их фоне, «заняв» противоположный конец стола. Именно их приниженность заставила Алису выпрямиться и, расправив плечи, приблизиться к ним, чтобы спокойно присесть на оставленный для неё стул. Дан Реган, как ни странно, сел за стол напротив неё.

Виктор и Алиса переглянулись. Будет следить, не врут ли они, если что? Или... он на их стороне? «Было бы здорово...» — вздохнула Алиса, не глядя, но отчётливо ощущая его браслет на своей руке.

— Я думаю, разговор начнём с вопросов леди Алиссии, — не совсем уверенно сказала леди Эйслин. — Я думаю... — она споткнулась на повторе, но упрямо продолжила: — Про этот лесной дом мало кто знает. Поэтому, леди Алиссия, спрашивайте. А мы ответим.

— Почему измигунов не уничтожили, а придумали против них только защиту?! — вместо замешкавшейся сестры выпалил Виктор и сердито взглянул на Лулу, которая испуганно затрясла его за рукав камзола, кажется увещевая помалкивать.

— В каком-то смысле измигуны похожи на диких пчёл или ос, — помолчав и убедившись, что никто не собирается отвечать, сказал дан Ристерд. — В то или иное место может залететь один измигун. Если ему в этом месте понравится, через какое-то время появляется целая колония этих тварей. Эти, что подселились возле лесного дома, устроили себе гнездо в старинном склепе. Они рождаются из яиц, которым не страшен никакой огонь, настолько крепка их скорлупа. Поэтому все попытки просто сжечь их проваливаются. Сжечь можно взрослую особь, но вскоре появляется ещё одна — из яйца. И есть матка, которую уничтожить нельзя, потому что на ней целых семь уязвимых мест, в которые надо стрелять одновременно. Если арбалетчики не сумеют одновременно выпустить семь болтов, матка ускользнёт. Да ещё по дороге может убить арбалетчиков. Магическая чёрная соль, к сожалению, только сдерживает измигунов. Её действие таково, что измигуны, подойдя к дому, внезапно понимают, что человеческое жилище пусто. Так что соль — это только обманка для тварей, которые верят ей.

— Но проверять дом они будут каждый вечер, — добавил дан Реган, — чтобы убедиться, что в нём не пахнет человеческим.

— Не понял, — признался Виктор. — То есть они нюхают дом, чувствуют человеческий запах, но из-за соли верят, что дом пуст?

«Соль действует как наркотик, пудря мозги измигунам?» — удивилась и Алиса.

— Именно так, — подтвердил дан Ристерд, и она даже вздрогнула, настолько его ответ был логичен для её мысли.

— Я не понимаю, как могут семь арбалетчиков убить матку, — проговорил Виктор.

— Это сложно, — снова отозвался дан Реган. — Они должны войти в склеп днём. Матка днём очень вялая, но проблема в другом. Склеп очень тесен и тёмнен. То есть арбалетчиков сопровождают воины, которые защищают их от измигунов, которые в темноте склепа тоже активны.

Алиса начала подозревать, почему дан Реган и леди Эйслин вдруг взволновались, когда узнали, что она и Виктор — маги огня, причём умеющие бить огненным лучом, пробивая некоторые предметы... Взглянув на брата, она сообразила, что он собирается с мыслями, чтобы задать следующий вопрос. И сказала сама:

— И теперь вы хотите, чтобы вместо арбалетчиков к склепу подошли маги огня.

В каминной комнате застыла тишина. Все смотрели на Алису с тяжёлым вниманием, только Виктор — с откровенной радостью. Ещё бы! Принять участие в такой страшной боевой операции!

— При одном условии, — наконец заговорил дан Реган. — Это должны быть маги, умеющие манипулировать своим огнём — и отлично видеть магически. Ибо только магическое зрение даёт возможность разглядеть тварь сквозь стены склепа и увидеть места поражения цели.

Виктор с разочарованием откинулся к высокой спинке стула.

Но Алиса разочаровываться не спешила. Если эти обрадовались, узнав, что они магиманипуляторы, значит, у них в заачке есть и ещё какое-то преимущество. Поэтому она не стала тянуть кота за хвост и спросила:

— Получается, мы можем вам пригодиться?

Ссутулившийся было от разочарования, Виктор немедленно выпрямился, вопросительно уставившись на сестру, мол: как это так? Мы же не умеем хорошо видеть магически, если только...

— Да, можете, — подтвердил дан Ристерд. — После того как научитесь смотреть магически и видеть сквозь стены — пусть даже с напряжением.

— И я тоже? — уточнила Алиса и, поёживаясь от удивлённых взглядов в упор, тем не менее жёстко сказала: — Я бы очень хотела знать своё положение здесь и сейчас! Кто я такая? Леди Маркас? Или просто леди Алиссия? Это простой вопрос. Может мне кто-нибудь ответить на него?

И сама заглянула в глаза леди Эйслин. Как и остальные. Ага... значит, всё-таки леди Эйслин здесь главная!.. Но, смутившись, та нехотя сказала:

— Что бы ни объяснила, всё придётся поверять словами дана Маркаса. Поэтому, думаю, надо доехать до его замка, где всё объяснится по-настоящему, безо всяких экивоков, как бы вы и хотели, леди Алиса.

— Почему не сейчас? — наставила девушка. — Я постоянно в напряжении, потому что не знаю своего места в жизни. Мне не хватает уверенности. А вы говорите, что истина зависит не от вас!

Она с трудом удерживалась, чтобы не перейти на крик. Повезло, что одна рука опущена, и Виктор крепко сжал её ладонь, утешая и напоминая, что он-то рядом. Что он единственная в этом зыбком мире уверенность для неё.

— Хорошо, — процедила она сквозь зубы. — Давайте так. Скажите нам — мне, дану Виктору и леди Луле: что нас ожидает завтра с утра? Каких событий мы должны ждать? Хотя бы это! Потому что мы устали от неведения.

— С этим легко, — задумчиво сказал дан Реган. — Мы отвезём вас в поместье вашей матери. Оставим вас там, а затем вернёмся к дану Маркасу за дальнейшими инструкциями. Если он согласится с нами, что ваш магический дар ценен и что вы можете присоединиться к тем магам, которые готовы вступить в схватку с маткой измигунов, тогда мы приедем за вами. В замке дана Маркаса вы будете тренировать ваше магическое зрение. И после боевой

подготовки мы вернёмся уже сюда, чтобы уничтожить проклятое гнездо измигунов.

— Вы очень легко пропустили один момент, — хмуро напомнила Алиса. — С этими-то действиями понятно. Но остаётся туманным одно: кто я такая? Или дану Маркасу будет всё равно, кто вступит в ряды боевых магов-огневигов? А некий дан Мичил (она заметила, как мрачно опустил голову дан Герхард) снова будет издеваться надо мной, по сути — домогаясь меня из-за моего неопределённого положения? И чего мне тогда ждать от дана Бартлея? Который меня, вместе с братом, оставил здесь умирать под зубами измигунов?

Теперь напрягся дан Реган. Но ответил:

— Как только мы оставим вас в поместье вашей матери, во второй раз мы вернёмся за вами с ответами на все ваши вопросы.

— Спасибо и на этом, — буркнула Алиса.

«Если вы вернётесь, — спокойно подумала она. — Может, дану Маркасу не нужна жена, на которую кинули тень клеветы. А лесной дом может простоять века, даже окружённый измигунами... Посмотрим, как развернутся события. Но учиться магии огня и магическому зрению мы начнём сразу, по приезде!»

Посоветовавшись, Алиса и Виктор (Лула полагалась на их решение) отказались устраиваться со всеми в каминной комнате. Объяснили так: привыкли, что в коридоре двойные стены, — всё, кажется, защищённой. Лула принялась устраивать постели для обеих, хотя что там устраивать: стянули матрасы, поставленные торчком, от стены, положили на них подушки и одеяла — вся недолга. Но, судя по всему, Луле очень хотелось заняться хоть чем-то... Алиса же отошла к окну в конце коридора. Встала сбоку, глядя на тёмную траву и ещё более чёрный лес. Встал рядом брат

— Лиска... не бойся, что нас к маме отправят. Мы же там ещё не были. Интересно же, что там да как. Да и на маму посмотреть любопытно. Каково ей быть главной в целом поместье? В общем... найдём, чем заняться.

Алиса промолчала... Скоро солнце зашло. И они спустились к «своим гостям»... Чтобы не пропустить мгновения, когда вокруг стемнеет, на обеденном столе в каминной комнате поставили зажжённую свечу и время от времени посматривали на неё. Поначалу бледно-жёлтое, её пламя вскоре обрело тёплый оранжевый цвет.

Входную дверь снова заперли на ту же каминную железку, и по какой-то прихоти память подсунула картинку с тем раненым, которого увезли всадники дана Герхарда. Жив ли он? Сумели ли помочь ему?.. Стоя рядом с братом, который объяснял присутствовавшему тут же дану Регану, как они закрывали эту дверь на ночь, девушка невольно скашивалась на угол, образованный частью стены и оружейным стендом.

— Вы что-то увидели? — внезапно спросил дан Реган, поймавший пару раз её движение оглянуться на угол.

— Нет. Сейчас здесь никого нет.

— А вчера ночью здесь лежал всадник дана Герхарда, а Кун отбивался от измигунов, — задумчиво добавил Виктор и на приподнятые брови дана Регана добавил: — Один из всадников упал, когда они мчались через порог в дом. Измигуны сразу набросились на него, а Кун оттащил его в этот угол и защищал его, пока ему не помогли... Ну всё. Дверь закрыта. Дан Реган, а правда, что можно снять с окон ставни и посмотреть на них?

«На них» — надо полагать, на измигунов?

— Правда.

— Тогда мы с Лулой пойдём на кухню. Они приходят как раз с той стороны дома.

Брат обернулся посмотреть на Алису, и та качнула головой: идите, мол. И вдруг вспомнила:

— Ой, Виктор! Мы забыли, что измигуны могут не прийти или придут ближе к утру!

— Точно! — вспомнил и брат.

— Почему к утру?! — изумился дан Реган.

— Дан Кун посоветовал нам отнести мёртвых измигунов к склепу, — объяснил Виктор. — Сказал, если они нажрутся мертвечины, дом их может и не заинтересовать.

— Хороший совет, — пробормотал дан Реган. — А я всё удивляюсь, почему их до сих пор нет.

Он ушёл передать информацию о том, что сделали временные жильцы лесного дома, и народ по всем помещениям принялся готовиться ко сну. И опять дежурство с начала вечера и части ночи взялись вести только взрослые мужчины. Правда, Виктора заверили, что и его

разбудят — ближе к рассвету, и тот, успокоенный обещанием, взяв за руку Лулу, повёл её наверх, в коридор со спальными принадлежностями. Несмотря на защиту дома и уговоры вновь прибывших, спать в комнатах, с окнами на улицу, как-то всё ещё не очень хотелось.

Уснула Алиса, как ни странно, чуть только закрыла глаза. Может, повлияло то, что её уверили: дом безоговорочно защищён. Может — то, что рядом находились те, кто твёрдо знал, что именно нужно делать при ЧП... Сначала сон закружил девушку событиями, людьми, измигунами... А вынырнула уже из сонной пропасти — тихой-тихой и наполненной чистейшей тьмой, глухой и молчаливой.

...Резко открыла глаза — тоже в темноту, но не такую чёрную, как во сне, а в ту смутную, в которой из-за далёкого или приглушённого света так же смутно были видны предметы и очертания коридора. И — сна ни в одном глазу. Поневоле начала вслушиваться. Но, если звуки в ночи и были, она ни одного не расслышала.

И тут вспомнилось: из-за того что измигуны попиrowали (если, конечно, попиrowали) на трупах сородичей, они должны прийти утром. Что сейчас? В эту ночь в коридоре свечи не зажигали... Сообразив, о чём она думает, Алиса улыбнулась. Мысль об освещении появилась из-за привычки смотреть ночью на часы. Здесь же часов нет. Интересно, в этом мире до них додумались? Вспомнились слова Лулы. Так что — да. Додумались.

Что ж... Если здесь часов нет, примерное время может подсказать цвет неба. Алиса помнила, что с окна в конце коридора ставни сняли... Она украдкой вылезла из-под одеяла и накинула на плечи плащ — тот, найденный среди приданого и всегда лежавший рядом, если вдруг среди ночи станет холодно. Затем на цыпочках пошла к окну. Пол на скрип она опробовала вечером, перед сном. Не скрипнет. Так что если шума и опасаться, то только из-за собственных шагов. Поэтому она и шла, стараясь ступать очень мягко, благо была в вязаных носках.

Вертикальный оконный проём довольно сильно отличался от чёрных стен размытой тёмной синевой. И звёзд уже не видно. Значит, до рассвета недалеко.

К самому окну подходить не стала. Мало ли что — измигуны из-за плошек с солью считают, что дом пуст. Предосторожность не повредит. Прямоком направилась к стене и к окну встала боком. Тая дыхание, выглянула на улицу.

Пока зрение не приноровилось к темноте, скрадывающей линии, ничего не замечала. А потом глаз вдруг зацепился за неясное движение: будто где-то далеко проехала машина, а с нею и тень скосбочилась. Алиса замерла, когда из темноты внезапно и отчётливо словно вылепилась туповато-прямоугольная фигурка. За ней — вторая, третья... Кун прав: величиной измигуны чуть больше табуретки — до сиденья. Это в пылу боя Алиса не замечала, что они небольшие. Дохлые тоже не в счёт... Наверное, сантиметров шестьдесят-семьдесят. Но какие они... шустрые...

Смутные серые тени перемещались так быстро — за рядом невидимых отсюда плошек, что вскоре Алиса почувствовала, как заболели напряжённые глаза. Она уже начала подумывать, что пора бы вернуться к постели, разложенной на полу, как застыла на месте, глядя уже не в окно, а в конец коридора и вжимаясь спиной в стену.

«Магическое зрение плохо развито, — вздохнулось. — Настраивай — не настраивай, перед глазами всё равно только тени какие-то...»

Но секунды спустя смешавшиеся в кучу тени разделились, и из них начала вырисовываться фигура человека, который осторожно пробирался между спящими на полу. Судя по вкрадчивым движениям, это был дан Реган. «Что ему здесь понадобилось? —

сумрачно подумала Алиса. — Спал бы себе, а он идёт... Куна, небось, разбудил, а оборотню хороший сон нужен, чтобы совсем выздороветь. И разве выскажешь упрёк этому Регану в лицо?»

Дан Реган тоже не стал подходить к окну напрямую. Тоже затаился сбоку от него и некоторое время разглядывал измигунов.

— Почему вы не спите? — негромко спросил он, не глядя на девушку.

Она не ответила, но задала вопрос о другом:

— Как вы узнали, что я не сплю?

— Часть этого коридора проходит над комнатой с камином, — объяснил он. — Имеющему магическое зрение легко увидеть движение наверху.

— А если бы это был кто-то другой, а не я?

Но ответ ей был неинтересен, хотя дан Реган пробормотал, что он запомнил цвета её магии. Не отрываясь от зрелища разгуливавших вокруг лесного дома измигунов, Алиса прошептала:

— Они как будто пьяные — шатаются, движения замедленные. Это из-за действия чёрной соли?

— Да. Вам, неопытной, отсюда не видно, но от расставленных там плашек поднимаются магические эманации. Они не только идут вверх, но и расползаются от дома к тварям... — Помолчав, он отвернулся от окна и, в упор глядя на девушку (Алиса покраснела, вспомнив свои взъерошенные со сна волосы), спросил: — Леди Алиссия, почему вы не развивали раньше свой магический талант?

Девушка замерла, лихорадочно продумывая свой ответ. А потом сообразила: надо говорить логичное по тем фактам, которые есть. А факты такие: никто за время их с братом попадания в этот мир не упомянул об отце, зато было сказано о том, что мать владеет огромными землями. Если учитывать примерное состояние мира, то...

— Нам с братом было не до учёбы, — вздохнула она. — Приходилось много помогать матери. Сами понимаете... — и с небольшим злорадством замолкла: если дан Реган хоть что-то знает о женитьбе дана Маркаса, он должен сам придумать объяснение заминке то ли настоящей, то ли уже бывшей жены того же дана Маркаса.

И, к огромному облегчению Алисы, дан Реган задумчиво кивнул.

— Понимаю. А когда вы узнали, что обладает магическими способностями?

— Три дня назад, — легко ответила она, скрестив пальцы, чтобы не забыть рассказать Виктору об этом разговоре. — Когда нас оставили здесь. Хотелось есть. Продуктов, оставленных нам даном Бартлеем, было маловато. Но здесь нашлись грибы. Чтобы зажечь огонь в плите, мы в шутку решили использовать магическое заклинание — и вдруг получилось. Брату так понравилось, что он и начал экспериментировать со своим даром.

— Обычно, узнав о даре, боятся его использовать без старших магов, страшась необратимых последствий, — со вздохом сказал дан Реган.

— Во-первых, мы были осторожны. Это же огонь, — сухо ответила Алиса. — Во-вторых, мы были загнаны в угол измигунами. Если бы не они, неизвестно, захотелось бы нам развивать магию огня далее. Ведь бытовых проблем в лесном доме было много. Хотя тогда ещё не понимали, что дан Бартлей обрёк нас на откровенную смерть. Ну а потом поняли: либо мы оттачиваем свои способности, либо нас... сожрут.

Выпалив всё это вполголоса, она с печалью усмехнулась: жаль, забыла подослать к дану Герхарду Виктора или Лулу, чтобы те спросили у него, кто же такой дан Реган. Уж самой-то

себе Алиса могла признаться, что этот молодой мужчина ей очень нравится. И не только потому, что сумел спасти её от падения с крыши. Знать бы, кто он. Тогда легче было бы принять, что он постоянно, что называется, возвращается к леди Эйслин. Иногда Алисе казалось — он командует всадниками и телохранителями при леди Эйслин. Может, зря Виктор предположил, что он либо жених, либо любовник леди? Впрочем, что ей, Алисе, до всего этого? Она-то вообще провисла в пространстве: то ли замужем, то ли свободна — в связи с отказом от неё дана Маркаса, выбранного ей в мужа королём. Ладно хоть — пообещали вернуть её с братом домой, к матери...

— Вы задумались — и очень грустно, — тихо заметил дан Реган.

— Скоро утро... — невпопад ответила она. — Все проснутся, и надо будет собираться в дорогу. Вы ведь теперь не останетесь здесь для охоты?

— Какая уж тут охота, — проворчал он, отворачиваясь к окну.

И застыл, глядя на улицу. Да так надолго, что Алиса, на всякий случай прошептав: «Извините», отошла к своей постели.

Лечь не легла, но села, прислонившись к стене и прижав к себе подушку, чтобы поразмыслить, с чего начать утро. Пока были поставлены главные задачи: приготовить завтрак для всех, причём, наверное, придётся использовать всю ранее заготовленную крольчатину, потому что её могут не взять в дорогу, а значит — мясо пропадёт. А Алиса в этом мире уже побаивалась не делать запасы: а если приедут домой, а там что-то вроде разорённого имения? Хоть на первый случай что-то основательное будет на стол. Вторым делом она продумала, что именно, кроме мяса, возьмёт с собой. У леди Эйслин кареты нет. Все на лошадях. Значит, надо будет все узлы и торбы освободить от лишних вещей, которые затем хотя бы можно было припрятать в лесном доме. А вдруг однажды получится снова заехать сюда? И Лула. Что делать с девочкой, когда они вернутся в поместье матери? Брат к ней привязался. Белобрысенькая не хочет возвращаться в родительский дом. Две составляющие... Каково положение в доме матери? Сумеет ли Алиса отстоять Лулу при себе в качестве своей... компаньонки?

И очень интересный вопрос: в самом ли деле маги огня в этом мире имеют высокую цену? Одно дело — человек, его место в обществе. Но другое — маг. Спросить дана Регана о том? Не покажется ли ему этот вопрос слишком странным для жительницы этого мира? Сослаться на глушь, в которой живёт семья Алисы?

Она посмотрела на постель Лулы. Белобрысенькая спала крепко, и, казалось, её не волновало будущее. Хотя почему оно должно её волновать? Поместье её родителей, по её же словам, недалеко от поместья их матери. Если она подружилась с Виктором, встречаться они могут и там...

Уловив глазом движение от окна, за которым уже начал заниматься рассвет, Алиса подняла голову. Дан Реган подошёл почти бесшумно. Постоял немного у изголовья постели, а потом простежки присел на корточки, тоже слегка опершись спиной на стену.

— Не хотите возвращаться? — прошептал он.

— Нет. Мне здесь нравится, — неуверенно ответила она на вопрос, который однажды уже прозвучал.

— Если бы здесь не было измигунов... — прошептал он, глядя в противоположную стену.

— Если бы здесь не было измигунов, — почти губами повторила Алиса, забывшая обо всех деловых вопросах подготовки к отъезду.

...Более чем энергичное, утро закончилось. Алиса, Виктор и даже Лула распрощались с Куном, горячо поблагодарив его за всё, чем он им помог в лесном доме, и оснастив в дорогу продовольствием — той же крольчатиной...

Всадники уже разобрали необходимые вещи, собранные в дорогу Алисой и Лулой, и приторочили их, а затем распределились, кто из невольных жильцов лесного дома будет у них в седле. Дан Реган потребовал, чтобы Алиса села к нему — и почему-то леди Эйслин возражать не стала. Хотя и подошла к нему, когда Алису уже посадили на его лошадь. Подошла и спросила его с каким-то — для Алисы таинственным — намёком:

— Ты уверен, Реган?

— Имя не вписано. Забыла? — недовольно откликнулся дан Реган, прибирая одной рукой поводья уздечки, другой — прижимая к себе девушку, которая страшно боялась ехать верхом, но пыталась не показать своего страха.

Леди Эйслин взяла на седло Лулу, проворчав, что мужчинам нельзя брать её к себе из принципов приличия. Алиса ещё грустно усмехнулась: а её, значит, можно? Но смирилась... Белобрысенькая ездить верхом не боялась — явно не впервые... Виктора забрал к себе дан Ристерд. Алиса видела, что брат сильно напряжён, но надеялась, что он всё-таки выдержит дорогу.

Наконец кавалькада двинулась со двора.

На небольшом повороте дороги Алиса оглянулась, насколько сумела в этой непривычной для себя позе. Макушкой нечаянно задела подбородок дана Регана и услышала его вздох. Чего это он? Тоже сожалеет о лесном доме? Об охоте, которая сорвалась из-за неё, Алисы? Опустила голову и решила больше вообще не двигаться.

Лесной дом скрылся с глаз.

Дорога стала предсказуемой настолько, что захотелось дремать. Но, едва только Алиса начала клевать носом, засыпая, как дан Реган остановил свою лошадь и резко поднял руку, останавливая остальных. Сон слетел мгновенно, когда Алиса увидела далеко впереди, на дороге, чуть ли не пыльное облако.

Испугалась. А вдруг, кроме измигунов, здесь ещё какие-то чудовища имеются?

Четверо всадников под предводительством дана Герхарда немедленно выехали вперёд — наверняка, чтобы защитить, если что, тройку господ с недавними юными жильцами лесного дома у них на сёдлах.

А потом пыльная буря начала приближаться, и в ней обнаружилось множество всадников, которые постепенно замедляли бешеный бег своих лошадей, завидя едущих им навстречу. Леди Эйслин, чья лошадь подошла и встала бок о бок с лошадью дана Регана, звонко и с недоумением проговорила:

— Кажется, я различаю воинские знаки... Реган, это сотня Маркаса!

— Что они тут забыли?! — пробормотал тот. После чего звучно приказал всем спешиться и отвести лошадей на обочину.

Перепуганная до мурашек, Алиса встала возле его лошади, пока он сам выходил на середину дорогу. Подбежали спешившиеся Виктор и Лула. Сначала брат взволнованно смотрел на дорогу, а потом, бросив мельком взгляд на сестру, прикипел глазами к её рукам, которые от крупной дрожи ходуном ходили.

— Ты что?

— Как что... Не слышал, что ли... Это дан Маркас... Значит, сейчас всё решится.

— Что — всё?! — запсиховал Виктор. — Ты о чём?!

— А ты не понимаешь?! Он скачет сюда! И тут я! — бессвязно заговорила Алиса, не умея объяснить всё, что за эти мгновения передумала о встрече — с мужем?! Или нет?!

Брат просто крепко сжал её ладошку.

— Если что — я драться за тебя буду! — сурово пообещал он. — Ты ни в чём не виновата! Не забудь про это, Лиска!

— Мы ему всё скажем! — внезапно пообещала и Лула, и Алиса чуть не расплакалась: эта белобрысенькая, худущая и махонькая, и та готова что-то сказать в её защиту!

Целое войско остановилось на дороге, как показалось с первого взгляда! И Алиса вскоре испугалась уже не за себя, а за дана Регана и леди Эйслин, потому что именно к ним на высоком вороном коне подъехал высокий широкоплечий всадник, весь в чёрном, как и его подчинённые. Он немедленно спешил. Говорить он, внешне чуть ли не взбешённый, не мог — неожиданно для всех просто-напросто обнял сначала леди Эйслин, а потом и дана Регана. Несмело удивлённая Алиса приблизилась к дороге и услышала:

— Я же вас уже похоронил!! — рывкнул он. — Вы же встретили Герхарда! Почему вы всё равно поехали в лесной дом?! Там ведь уже никого не осталось в живых!

Вот после этих его слов Алиса и сама мгновенно пришла в бешенство.

Она протиснулась между леди Эйслин и даном Реганом и буквально зарычала:

— Никого — да?! Бессовестные вы все!! И вам не стыдно?! Бросили нас на съедение измигунам! Чтобы вам самому пережить все те ночи, что пережили мы!

Она выкрикивала эти сумасбродные слова в лицо высокому «мужу», который аж отшатнулся от первых её воплей, с изумлением вглядываясь в девушку и поначалу даже явно не понимая, что происходит и почему эта пигалица имеет такое нахальство, как орать на него. Но Алисе уже было всё равно. Она твёрдо знала, что теперь-то Виктора и Лулу никто не тронет, а на себя уже было наплевать.

Правда, поорать вдоволь не пришлось. Напряжение, пережитое ею за все трое суток в лесном доме, вылилось в истерику... Кто-то жёстко повернул её и заставил уткнуться лицом в чей-то камзол. Она тряслась от злости и порывалась снова развернуться, чтобы хорошенько дать пощёчину хотя бы словами по этой самодовольной морде «то ли мужа, то ли нет»! Слёзы лились градом, но, заикаясь и глотая их, она приговаривала в чей-то пыльный камзол:

— Ненавижу! Ненавижу!

Потом её повели куда-то в сторону, где было тихо, где не слышно было лошадиного ржания и перестука копыт и человеческого говора... А только шумел лес, шелестя листьями и травами. Когда она начала успокаиваться, голос дана Регана сказал:

— Постоим тут, ладно?

— Угу... — только и сумела выдавить из себя. А что ещё скажешь, если он крепко прижимал её к себе, не давая рвануть обратно... И только когда она в самом деле начала успокаиваться, вдруг вспомнила, почему он её схватил и прижал к себе: она попыталась наброситься на «то ли мужа, то ли нет» с кулаками!

Простояли так недолго. Алиса ещё слабо удивилась, что дан Маркас не стал требовать, чтобы она снова подошла к нему. Шмыгая носом и сердито вытирая слёзы, она чувствовала тёплого дана Регана и уже с опаской думала о том, что подойти к дану Маркасу всё же придётся... Совершенно успокоилась от странной мысли: ничего себе — дан Маркас поехал выручать сестру с её всадниками, прихватив целую сотню людей! Или это только так говорится — сотня? Типа, воинская единица?

Начав рассуждать слегка отстранённо, а главное не о себе, она и успокоилась. Дан Реган подал ей платок, обвязанный узким кружевом. Алиса покачала головой.

— Мы были в дороге. Я вам его весь запачкаю.

— Тогда я подарю вам его, — спокойно ответил дан Реган.

А потом ей пришла в голову ещё одна странная мысль, и Алиса вытаращила на дана Регана глаза, благо тот отвернулся, глядя, как разговаривают дан Маркас и его сестра. А какого чёрта... Какого чёрта он прижимал её к себе на глазах «то ли мужа, то ли нет»?! И почему «то ли муж, то ли нет» никак не отреагировал на это интимное, вообще-то, движение? Или у них здесь так принято, что утешать жену дана может всякий?

— Успокоились, леди Алиссия? — оглянулся дан Реган. — Пора подойти к дану Маркасу, узнать, почему он за нами приехал.

Ему пришлось слегка тянуть её за собой: теперь наступила следующая фаза душевного состояния Алисы, то есть она откровенно побаивалась дана Маркаса.

Но подошла-таки. А тот продолжал что-то горячо рассказывать своей сестре. Леди Эйслин выглядела разъярённой. А вслушавшись, Алиса открыла рот. Нет, такого на свете не может... не могло быть! Но нет. Произошло!

Итак, насколько она поняла, дан Бартлей решил, что такой воитель, как обласканный вниманием короля дан Маркас, должен жениться не на нищей наследнице, в приданом которой лишь земли, а на одной из его племянниц. Та тоже не из богатых, зато рода старинного. Хитроумный план дана Бартлея включал в себя оговор Алисы, после чего он наврал как ей, так и всем остальным, что получил распоряжение от дана Маркаса, якобы ознакомленного с неверностью невесты, оставить девушку и её брата в лесном доме. После чего, уехав из лесного дома, дан Бартлей не только остановился для «зелёной остановки» в лесу, но и две ночи переночевал в небольшом городке — всё для того, чтобы быть уверенным: за это время леди Алиссия точно погибла, разорванная в клочья измигунами. Дану Маркасу он намеревался сказать, что о неверности не виденной им ранее жены и её наказании ему сообщили так называемые «компетентные источники», которым он поверил. А потом, узнав, что, типа, его, дана Бартлея, обманули, он вроде как и хотел вернуться в лесной дом, но посчитал, что уже поздно...

Алиса поёжилась... Ничего себе — интриги...

— Но как вы остались в живых? — с изумлением спросил дан Маркас девушку.

— В первую ночь измигуны не знали, что дом заселён, — мрачно сказал дан Реган. — Во время второй ночи в доме находился раненый оборотень, которого леди Алиссия и её брат принесли из леса и выхаживали. Он и подсказал им, что нельзя откликаться на зов ночных тварей. В третью ночь в дом примчались всадники дана Герхарда. Они хотели приехать до ночного времени, но не успели. Причём приехали тоже с целью — узнать, в самом ли деле мертвы ли эти трое. Но за эти дни леди Алиссия и дан Виктор обнаружили в себе дар к магии огня, а ещё попытались укрепить дом, чтобы измигуны не пробрались вовнутрь. От тварей отбились общими силами. — Он взглянул на Алису и попросил: — Леди Алиссия, пожалуйста, не принимайте близко к сердцу то, что я сейчас скажу. — И снова обернулся к дану Маркасу: — Всадники Герхарда были посланы даном Бартлеем. И, обнаружив, что трое жителей лесного дома всё ещё живы, один из них решил скомпрометировать леди Алиссию. Он предложил леди... ночь любви взамен на деньги. И не простые деньги. Он уверил леди, что на эти деньги она сможет нанять боевых магов, чтобы защитить лесной дом от измигунов...

Он не договорил — теперь зарычал дан Маркас.

— Кто?!

— А мне плевать! — внезапно выкрикнула ему прямо в лицо Алиса, и «то ли муж, то ли нет» снова замолчал, ошарашенно глядя на неё. — Мне плевать на всё, что было в лесном доме. Всё, что я хочу, это вернуть всё, что было. Я хочу домой, к матери! Я хочу быть дочерью женщины, которая управляет поместьем, а не чьей-то женой! Можно ли сделать так, чтобы всё стало по-прежнему?! Пожалуйста! Я так устала от всех этих... интриг, в которых мне приходится защищаться самой, а не надеяться на кого-то!

Дан Маркас взглянул на неё со вздохом, а потом почему-то посмотрел на дана Регана. Тот помолчал, а потом, как ни странно, высказал то, чего ждала Алиса от дана Маркаса:

— Мы отвезём вас к матери, леди Алиссия. Но один вопрос: остаётся ли в силе ваше желание помочь уничтожить измигунов? Готовы ли вы учиться магии огня, если мы направим вам учителя магии?

— Конечно! — чуть не возмущённо ответила она.

— Хорошо. — Дан Реган бросил странный взгляд на дана Маркаса. — Идёмте к моей лошади, леди Алиссия. Вы возвращаетесь домой.

Часть вторая

Глава шестнадцатая

Звякнула металлическая защёлка на поясе, и затем Алиса обдёрнула на бёдрах юбку-распашонку. Выпрямилась и огляделась.

Как они с Виктором и предполагали (хотя сомнения тоже были), в этот мир попала и их мать. Причём её появление получилось таким же не похожим, как и появление здесь детей. Если Виктор очутился в карете, если Алиса пришла в себя в лесном доме, то мать готовилась выйти в магазин. Переступила порог из квартиры на лестничную площадку — и ахнула, оказавшись во дворе огромного частного дома. Огромного — не преувеличение. Основная часть дома — это двухэтажное здание, похожее на здание лесного дома. Только тот был весь каменным, а второй этаж этого сделан из дерева. А двор получился, потому что от основного здания был построен довольно солидный коридор-переход в одноэтажное здание поуже.

Привезли Алису и Виктора с Лулой в «родительский дом» ближе к обеду. Мать, леди Хелен, встретила их радостно, чуть не со слезами на глазах.

Дан Реган распрощался с привезёнными подопечными и пообещал уже через два дня прислать учителей для Алисы и Виктора.

Леди Хелен как-то слишком спокойно приняла новость, что её «замужнюю» дочь вернули. Алиса даже втихаря удивилась, но спрашивать не стала, почему так.

Едва группа всадников под предводительством дана Регана уехала со двора, мать нетерпеливо скомандовала:

— Идите умываться с дороги! Потом обедаем, и нам надо поговорить!

Маму поняли, и на всякий случай Алиса успела представить ей свою компаньонку Лулу — дочь ближайших соседей, на что леди Хелен лишь благосклонно кивнула. Обедали поэтому вчетвером, приняв во внимание, что белобрысенькая — тоже дочь благородных.

Через полтора часа леди Хелен собрала детей в своей спальне. Лула осталась в комнате Алисы «распаковывать» узлы и сумки. Мать плотно закрыла дверь и выдохнула:

— Фу-у... Здесь нас не подслушают! Деточки мои! Как мы сюда попали?!

Алиса с трудом удержалась, чтобы не передёрнуть плечами от её «деточки». Жутко пахло второй ночью с измигунами, которые, подражая голосу матери, пытались выманить людей из дома. Виктор (заметила Алиса) тоже чуть не скривился. Но взяли себя в руки и рассказали матери, как могли, о своём пребывании в лесном доме и о том, какие интриги вокруг Алисы плелись. Мать, к их глубокому изумлению, ни разу не перебила их повествование, лишь уточнила некоторые детали этой страшной жизни. Алиса даже улыбнулась этому её вниманию и готовности слушать: «По телевизору соскучилась? По своим сериалам? За четыре-то дня?»

А в конце, когда дети замолкли, мать задумчиво проронила:

— Значит, этот дан Маркас весьма уважаем? Теперь-то мне стало ясно, что тут с ними было...

И этот раздумчивый, но непонятный вывод так заинтересовал Алису и Виктора, что оба забыли об усталости от многочасового конного пути и упростили мать объяснить конкретней

свои слова. Например, с кем это — с ними? И что — было?

...По инерции сделав пару шагов по незнакомому двору, леди Хелен бездумно кинулась назад, в квартиру. И — испытала новое потрясение: вместо того чтобы очутиться в просторной прихожей своей квартиры, она влетела в громадный, как ей с перепугу показалось, зал, в котором незнакомые люди вдруг подобострастно принялись кланяться ей. А когда мать обвела ошалелым взглядом ближайшее пространство, то обнаружила неподалёку вертикальное напольное зеркало. Она поспешно подошла к нему и заглянула в его поверхность. Нет, в стекле, не самом качественном, отразилась уж точно она сама. Но в таком одеянии, что... ей понравилось!

— Эти люди меня ещё раз поздравили со счастливым замужеством дочери, — задумчиво сказала леди Хелен, когда сумела побороть ту неудержимую улыбку, что появилась после воспоминания о зеркале и своём отражении в нём. — И я так поняла, что прошло буквально несколько минут, как вы, Алиса и Витенька, покинули этот дом. А потом я пошла разглядывать то, что мне досталось от судьбы...

Брат с сестрой переглянулись, едва удерживаясь, чтобы не улыбнуться тем мечтательно довольным ноткам в голосе матери.

— И вот что интересно. Ну, что все эти люди — здешняя прислуга, я поняла. И они послушно пошли за мной. Хотя я и видела с их стороны какие-то странные усмешки... Нет, потом-то я тоже поняла, что хозяйку этого дома я каким-то образом заменила. Что только что проводила гостей и дочь с сыном. Но... Меня поразило другое — ужасающая грязь по всему дому. Такого не могло быть даже после приезда и отъезда гостей! И в первую очередь я решила, что в этой антисанитарии жить не буду!.. Прислуга ещё пробовала сопротивляться. И я догадалась, что прошлая хозяйка не просто запустила дом и хозяйство, а ещё и слуг разбаловала!.. Относились они к ней весьма... премерзко! И решили, что можно так относиться и дальше! Много говорить не буду, — с удовлетворённой улыбкой огляделась мать. — Но два дня мы здесь занимались только генеральной уборкой! Они мне ещё сопротивляться пытались! — снова возмущённо вспомнила она. — Не-ет, распустили их страшно! И вот теперь, когда вы дома (она сладко зажмурилась, произнося последнее слово), я поняла, что значат усмешки этой прислуги. Я-то не знала, насколько знатен муж Алисы. Это знали они. Правда, они думали, что всё равно могут спокойно лениться и далее. Но перестали сопротивляться (она не впервые произносила это слово с некоторым оттенком злорадства), потому что посчитали: хозяйка изменилась, потому что её дочь вышла замуж за солидного человека. Хотя сразу, конечно, и не перевоспитаешь их, — небрежно махнула рукой она. — За ними, этими лентяями и дармоедами, глаз да глаз нужен, что ни говори!

— Мама, боюсь тебе испортить настроение, — осторожно сказала Алиса, — но моё семейное положение пока очень... зыбкое. Мы же тебе рассказывали.

— Алиса, доченька! — бодро улыбнулась леди Хелен. — Моё счастье — уже в том, что вы со мной. Встроём-то нам здесь, как ни посмотри, а будет легче... Ну а ещё я запомнила, что вы, оба, будете участвовать в какой-то опасной операции. А значит, и денежки вам заплатят? — вопросительно оглядела она детей.

— Пока ничего неизвестно толком, — вздохнула девушка. — И сюда нас привезли — ни словечком не объяснили, являюсь ли я всё той же женой по доверенности, или нет.

— Вы сказали, вам дали два дня отдыха перед тренировками? — уточнила мама. И вздохнула. — Тогда, в первую очередь, вам бы надо постараться забыть о пережитом. Или хотя бы с душевным состоянием разобраться... — она развела руками. — Хотя бы смириться

с тем, что оно было, но стало прошлым. Мало ли что нас ждёт впереди, дети.

Виктор и Алиса переглянулись. И впрямь неизвестно, как и что будет дальше, но их мать явно пришлась ко двору в этом мире. И... удивительно! Она беспокоилась об их душевном состоянии! А не о своём! Ну и ну...

А ещё она рассказали, что отца у них нет и в этом мире. Он сгинул в пучине войны, которая здесь недавно отгремела. И, прежде чем отправить своих детей отдыхать, спохватилась и попросила вести себя с прислугой жёстче, чтобы та снова не распустилась.

А пока они оба поднялись на второй этаж, где для них были приготовлены комнаты, причём Алисе — чуть побольше, а между их комнатами-спальнями — каморка для компаньонки. Виктор хмуро сказал сестре, которая потянулась к дверной ручке:

— Лиска, можно, я у тебя посижу? Как-то не хочется... одному.

— Заходи! — скомандовала она. — У меня то же самое.

И, учитывая обстоятельства, открыла дверь не сразу, а постучав:

— Лула, я не одна.

Белобрысенькая пригодилась, хотя были сомнения: она лишняя в этой беседе.

Началось с того, что Виктор места себе не мог найти, кружа между предметами скудной мебели в их комнате. Брат пытался объяснить дамам, почему он так нервничает, но не сумел, кажется сам не понимая своего странного состояния.

Зато сумела Алиса.

— Сядь! — велела она, кивая на стул. — У нас было несколько психованных дней. Поэтому ты себя чувствуешь не в своей тарелке. Тебе надо чем-то заняться, потому что ты привык действовать, а не сидеть. Правда, займись хоть чем-нибудь!

— Например, чем? — вскинулся брат и тут же хмуро опустил плечи, свалившись на предложенный стул и уставившись в окно. — Остались бы в лесном доме — там столько дел... эх... Вообще-то, я знаю, чем бы хотел заняться до приезда магов огня. Проблема в том, что учителя мне не найти.

— Ты хотя бы скажи, чтобы я знала, что тебе хочется, — проворчала Алиса, раскрыв шкаф и озирая развешенную Лулой по крючкам одежду, чтобы запомнить, где что.

— Хочу научиться... это... как его... владеть мечом!

— Да-а... с этим я тебе помочь не смогу, — сама разочарованно ответила Алиса, размышляя о другом: не было бы Лулы, они бы сейчас осторожно, чтобы не вызвать подозрения прислуги, осмотрели всё поместье. А ознакомиться с местностью надо, иначе будет странно выглядеть, что они не знают, где и что расположено.

И тут Лула, сама того не подозревая, предложила кое-что настолько дельное, что решало сразу несколько проблем. Она безмятежно сказала:

— Дан Виктор, а вы, пока учителей-магов нет, сами потренируйтесь со своим огнём. Найдите в имении местечко, где никто не помешает, и учитеесь магии огня. А как маги приедут, вы попросите их ещё и бою мечом научить. Ведь вы уже много чего знать будете, вот время на меч и останется.

Брат и сестра переглянулись. Неизвестно, что сообразил Виктор, но Алиса поняла гениальность совета белобрысенькой: пока место для тренировок ищут, как раз с поместьем и ознакомятся.

— А пойдёмте все вместе такое место поищем? — предложила Алиса, улыбаясь.

— Ничего так идея! — оценил Виктор.

— Но сначала я зайду к леди Хелен, — решила девушка. — Может, она сразу что

подскажет.

Что мама подскажет, где место для тренировок с опасным огнём найти, — Алиса опять-таки сомневалась. Кажется, леди Хелен отлично знает все укромные уголки дома, который инспектировала на предмет чистоты, но во дворе — вряд ли всё успела рассмотреть. Но предупредить маму надо.

Что Алиса и сделала, с трудом разыскав леди Хелен, которая о чём-то спорила со служанкой возле двери на кухню. Только по голосу было легко дойти. Заметив дочь, леди строго спросила:

— Что? Что нужно?

— Нам нужно место для тренировок... — начала девушка, но мать перебила:

— Ищите сами! Что найдёте — то ваше!

Открыв рот, Алиса посмотрела, посмотрела, как леди Хелен с упоением ругается со служанкой, которая, в свою очередь, почти не уступала ей, разве что огрызалась всё-таки с небольшим оттенком почтительности, и побежала на второй этаж. Пока бежала — думала: судя по всему, служанка и правда перечит леди Хелен по привычке, поскольку всё ещё видит в ней ту, пропавшую, которая явно была либо безвольной, либо сама распустёхой. Ничего. Ещё несколько столкновений с воспрявшей духом хозяйкой — и прислуга станет шёлковой... Об этом Алиса нисколько не жалела: все слуги здесь, как на подбор, были раскормленные и ходили солидно, животом вперёд.

— Разрешение получено, — объявила девушка, войдя в свою комнату. — Ищем удобный уголок и работаем. Лула, ты с нами?

Белобрысенькая встрепелась.

— Да, леди Алиссия! Обязательно!

Они спустились сначала в тот самый двор, в который впервые попала их мать. Огляделись. Вздохнули. Как-то не то. Не хотелось работать с огнём на глазах у всех, пялившихся из окон. А этих глазевших было много — заметила Алиса. Как заметила и то, что брат немедленно поугрюмел, тоже скользнув взглядом по окнам дома. Лула на окна не смотрела, но чуть ёжилась, явно чувствуя эти пренебрежительные взгляды.

Хмыкнув про себя, Алиса подумала, что хотела бы увидеть детей той леди Хелен. Какими они были, если сейчас на них с презрением, довольно ощутимым ещё в самом начале приезда сюда, лупят глаза изо всех окон?

— Обойдём дом? — предложила она. — Погуляем по местности. Присмотримся.

— Ты так легко это говоришь, — пробормотал брат.

— А чего не сказать? — фыркнула Алиса. — Честно говоря, мне смешно немного. Хватит кукситься. Шагаем дальше, а то времени на тренировку маловато будет. А нам на неё ещё снаряды надо бы раздобыть.

— Что ты имеешь в виду? — заинтересовался брат, шагая рядом и оглядываясь на спешащую, немного поотстав, Лулу. — А, понял. Что-то вроде мишеней?

— Естественно. И побольше, и поразнообразней. Ведь мы собираемся тренироваться не только для попадания в цель, но и для её поражения.

Удобное местечко для тренировок обнаружилось за каким-то приземистым строением — возможно, конюшней. Сама конюшня тоже оказалась ценной, потому что её, кажется, пытались отремонтировать, но забыли о том. Так что досок — причём самой различной формы, нашлось рядом с ней очень много — целая куча. Для начала оживившиеся брат с сестрой быстро набросали на траву, рядом с большой кучей, кучку поменьше, выбирая те

куски дерева, которые будут мишенями. Лула в это же время серьёзно отнеслась к заданию — отыскать здесь же небольшие шести.

— Слышь, Вить, а как мы будем к шестам прибивать мишени? — вполголоса спросила Алиса, пока белобрысенькая пыхла недалеко от них, вытаскивая очередной найденный шест. — Просить в доме гвозди и молоток как-то не хочется.

— А зачем нам прямые мишени? — снисходительно к женскому мышлению спросил брат. — Мы сами в этих досках прожжём дыры, а шести установим чуть косо. А потом — насадка дырами на шест, и вперёд, учись работать с огнём.

— Выжжем дыры? — хмыкнула Алиса. — Тоже, кстати, обучение. Мы ж такого ещё не пробовали. Ты молодец, что придумал такое.

Дыры выжигали, уложив деревяшки на землю — удобней затаптывать огонь, если он вспыхивал на сухом дереве и дальше. Потом Виктор пошёл к Луле помочь воткнуть шести в землю. А Алиса сгребла мишени поближе к будущему спортивному полигону и принялась разглядывать прожжённые ими дыры, одновременно думая: «А если меня заставят-таки выйти замуж за этого дана Маркаса? Нет, он, конечно, симпатичный, ничего не скажу. Но ведь... Это же насилие — выходить замуж за того, кого не знаешь. — С корточек она свалилась сидеть боком на траве. — Но приказ короля... Что он сам-то, этот Маркас, может поделать... А этот... — Она вздохнула, вспоминая глаза дана Регана, и мурашки облепили всё тело, заставляя содрогаться. — Почему он нас только проводил, а не остался проверить, как мы тут будем жить? Хотя что ему проверять...»

— Вот эти три я возьму и поставлю, — сказал подбежавший брат.

Только было схватил три небольшие доски с дырами в них, как Алиса шлёпнула ладонью по ним, не давая поднять.

— Ты что!

— Нет уж. Если тренироваться, так вместе, — твёрдо сказала она. — Пусть будут четыре мишени. И будем тренироваться совместно.

Он заглянул ей в лицо и кивнул:

— Ты чего? Злишься? Спрашивать не буду — на что или на кого. Но тогда точно — надо бы злость в огонь перевести.

Она даже улыбнуться не сумела в ответ на это предположение.

Правда, выяснилось, что, пока она возилась с этими деревяшками, забыв обо всём на свете, Виктор с Лулой откуда-то из середины досочной кучи выкопали колченогую скамейку без спинки. Сидеть на ней было опасно для жизни, но можно было, слегка вбив скособоченные ножки в рыхлую землю с густым переплетением травы, установить её в виде примитивного стенда, чтобы учиться сбивать с неё огнём мелкие предметы — например, те же деревяшки, но поменьше.

— Хм, наверное, начну со скамейки, — удивилась себе Алиса. — А ты с чего начнёшь?

— Попробую прожигать в мишенях дыры в углах, — приглядевшись, решил Виктор. — Нам надо научиться метить в цели. Вот и начну.

Брат правильно понял, что она злилась. И правильно понял, что, оказывается, сильно выраженную эмоцию легко перевести в огонь.

Насколько сообразила Алиса, сбивать мелочь со скамейки обычным огнём, пусть и слегка суженным, — слишком большая роскошь. И она попробовала сбивать деревянные мелкими порциями огня. Мячиками — усмехнулась Алиса. Сначала встала в десяти шагах от скамьи. Первый мячик не получился, потому что она не приноровилась и не знала, как его

выпустить. Одну деревяшку сбивала, но опять-таки огненным лучом. Сделала открытие: надо пускать в ход воображение. И не вытягивать руку привычно, как обычно посылала огонь, а слегка округлить ладошку, словно и в самом деле держишь мячик.

После пяти-шести бросков получилось. Особенно когда представила на месте деревяшек Мичила. Его она сбивала с удовольствием. Но сбитые деревянные не долго радовали глаз. Когда подбежала к скамье поднять их, обнаружила, что скамья дымится.

Потушив, поставила деревянные на место и снова отошла подальше от скамьи. Новая задача — сбивать так, чтобы не поджечь скамью. Пока думала над задачей, отвлеклась на весёлые голоса брата и Лулы. И засмеялась сама: стараясь выжечь дыры в углах досок, Виктор сужал огненный луч, забывая о том, что надо контролировать силу огня. Потому как дыры, может, и получались, но вот мишень постоянно резко падала, сбита жёстким лучом.

Посмеявшись над усилиями брата, Алиса только было принялась снова оттачивать собственные «мячики», как смех в стороне резко пропал. Оглянувшись, девушка подняла брови: брат и Лула стояли неподвижно, глядя на угол конюшни позади их спортивного полигона. Оглянулась и она. Там стояли две бабы из прислуги — самые толстые. И один тип, которого она видела во дворе с метлой в руках. Стояли и пялились на них, широко открыв толстогубые рты.

Ещё зрителей не хватало!.. Да ещё таких противных!

Ноздри носа раздулись от невнятного негативного чувства. Руку — ладонью кверху. Дёрнула рукой, будто пытаюсь удержать огонь. Вспыхнувший на ладони «мячик», яркий даже в дневном свете, подпрыгнул и увеличился вдвое.

Трое посторонних тут же перевели взгляды на её огонь.

Алиса полностью развернулась к ним и недвусмысленно подняла ладонь с огнём к плечу, показывая, что она прицелилась и вот-вот метнёт уже целый «мяч» в непрошенных зрителей. Мужик первым понял намёк. Он что-то прохрипел и немедленно дал дёру.

Развернувшись, Алиса швырнула огненный шар в скамью, зрелищно сбивая все оставшиеся на ней деревянные подряд.

Когда возле конюшни опустело, а топот толстяков затих, брат усмехнулся сестре и показал ей большой палец, а белобрысенькая радостно смеялась и что-то тихонько тараторила ему. Алиса же вдруг вспомнила, как в лесном доме они помечтали, что умеют не только огонь вызывать. Но отложили на потом все свои желания, потому что существовали так называемые актуальные проблемы... Плохо ли, что они не универсалы? Виктор уже отвернулся к мишеням, не мешая ей раздумывать над такими странными вопросами. Нет, несколько не жаль, что они маги огня. Эта магия, судя по всему, весьма многогранна. С нею чего только ни сделаешь. А главное, что некоторое время рядом с ними будет дан Реган.

Она вздохнула. Похоже, что он что-то вроде как взял шефство над ними, над сестрой и братом, попавшими в неоднозначную ситуацию. Жаль, если только так. Но если быть реалисткой, то да. Кроме чувства жалости, он явно ничего к ним не испытывал.

Нет, ещё одно его чувство она приняла. Чувство справедливости. И помечтала: а если он рядом с ними будет хотя бы на время тренировок и уничтожения измигунов? Может, он заметит-таки, что она-то к нему относится уже... Она прикусила губу... Покачала головой. Да, его бы она хотела видеть на месте дана Маркаса. Если самой себе честно признаваться в этом. И тут же поморщилась: раскатала губищи-то... В таком мире, где мужчины правят бал, то есть короли...

Хватит думать о несбыточном. Счастье, что леди Эйслин оказалась ему никем. И можно

просто бесплодно помечтать...

— Лиска! Иди к нам! — завопил Виктор. — Смотри, кажется, я могу огнём как мечом орудовать! Смотри!

Вероятно, брат подключил к приёму воображение, как и она сама. Он даже руку вытянул так, словно держал в руках меч. Вот Виктор подскочил к шесту со сбитой мишенью — и шест вкосу переломился и упал.

Алиса подбежала к нему и подняла отломленный кусок. Потрогала пальцем то ли срез, то ли ожог. И вдохновилась:

— Я тоже хочу!

— Мишеней мало осталось, — вздохнул Виктор.

— Не жадничай. Там досок — целая куча ещё!

Срезать шесты у неё не получилось, зато пропускать сквозь доски огненный луч, оставляя дыру в мишени, было легко... Потом они сидели на траве и обсуждали, что ещё можно будет устроить на полигоне. Лула между ними сидела счастливая, только и успевала, что следить за тем, что каждый высказывал...

— А ещё можно сделать... — Виктор задумался, а потом кивнул. — Всё правильно. Надо устроить каменный склеп, установить в него мишени и до приезда магов мы сможем натренировать зрение. Ведь там, у лесного дома, придётся стрелять вслепую.

— А может, не устанавливать? — задумчиво спросила Алиса. — Найти где-нибудь каменное строение и там тренироваться.

— Что ты имеешь в виду?

— Конюшня пустая. Надо обойти другие местные здания, — значительно сказала Алиса, кивая на Лулу, которая сидела рядом, сейчас повернувшись к брату и не давая говорить прямо в её присутствии, что нужно поискать именно в поместье пустые здания.

— Понял, — отозвался Виктор. — Лула, пойдём, погуляем вокруг поместья? Устали мы от тренировок.

А Алиса не без задней мысли спросила белобрысенькую:

— Лула, а ты правда не хочешь навестить своих родителей? Ты ведь живёшь недалеко, да?

Брат насупился, сообразив, что имеет в виду Алиса, но промолчал.

— Да. Только если я покажусь родителям на глаза и они узнают, что случилось, они заставят меня остаться дома, — со вздохом ответила Лула.

— А что там такого, дома, что ты не хочешь оставаться? — с участием спросил Виктор, который уже собрал обгоревшие мишени и сунул их под широкую доску на случай дождя, а сверху прикрыл той же скамейкой.

— У меня шестеро братьев и сестёр, — откликнулась белобрысенькая. — А я единственная их нянька, потому что они все младше меня.

Прикинув, что Луле лет шестнадцать-семнадцать, Алиса покачала головой: ей самой в детстве приходилось нянчиться с братом, из-за чего она горько сожалела, что не одна в семье. А уж шестеро! Да на одну бедняжку Лулу!

Брат пробормотал что-то обескураженно, жалостливо глядя на белобрысенькую, которая задумалась, наверное с горечью вспоминая своих братьев и сестёр.

А Алису в очередной раз озарило. Глядя на Лулу, она вдруг вспомнила, как та легко сидела в седле у дана Ристерда. А потом медленно сказала:

— А ведь у меня тоже есть мечта — то, чему я хочу научиться.

— И чему? — безразлично спросил брат. Наверное, он и в самом деле устал от долгих тренировок.

— Я хочу научиться ездить на лошади! — выпалила девушка.

— Если в той, дворовой конюшне есть лошади, я могу научить, — пожала плечами Лула. — Меня учил отец, и я умею ездить на лошади даже без седла — была бы только уздечка, — робко похвасталась она.

— Ух ты! — загорелся Виктор. И тут же спохватился, чтобы солидно сказать: — А мне раньше не хотелось учиться ездить на лошади. Лула, научишь?

— Идём в дворовую конюшню! — засмеялась Алиса. — Надеюсь, там мы найдём верховую лошадь!

И они помчались во двор, чтобы, уже не обращая внимания на ошеломлённые взгляды из окон, удостовериться, что в конюшне прячутся лошади, которых (пообещала Лула) можно уже сейчас попробовать оседлать.

И на бегу Алиса опять подумала: видел бы дан Реган их старание быть полезными! Ему бы наверняка понравилось... Но всё-таки... Что с нею будет потом? С братом-то понятно: либо вернётся сюда же, в поместье матери, либо его пристроят где-нибудь магом огня. Насколько она поняла, маги ценятся в этом мире. А значит, с его судьбой всё гораздо проще. Но она... Но дан Реган... Правда, если что... Дан Реган явно часто бывает у леди Эйслин следовательно, Алиса будет временами его видеть. Издалека. Слабое утешение.

За единственный день почти непрерывных тренировок почтительности перед Алисой и Виктором преисполнились не только слуги, но и сама мать, леди Хелен. Правда, почтительность эта различалась. Прислуга смотрела на брата с сестрой с благоговением. А мать — с некоторой опаской. Алиса улыбалась: как на людей, против которых неплохо бы завести в доме противопожарный стенд!

В конюшне не нашлось ни одной лошади. А вечером, как оказалось, в стойла загнали трёх коров, потому что для бурёнок сарай строили-строили, да так и не достроили. Правда, леди Хелен уже успела, зловеще глядя на прислугу, пообещать, что скоро все недостроенные обретут надлежащий вид. В последнее дети поверили: ведь буквально за считанные часы сумели узнать её с необычной стороны.

Что ж. Вздохнув из-за отсутствия лошадей, нагулявшаяся и натренировавшаяся вдоволь молодёжь вернулась домой и после небольшого перекуса-ужина с трудом дождалась времени, когда можно было лечь спать. Хоть и закрыли каждый свою комнату на небольшую щеколду, но заснули мгновенно и глубоко. Ещё бы. Первая безопасная ночь в этом мире, да ещё комфортная. В домашних-то почти условиях.

Наутро Алиса проснулась слишком рано. С недоверием прислушалась к себе: может, ещё поспать или подремать? Нет. Горело желание встать, привести себя в порядок и немедленно начать делать хоть что-то. А то приедет дан Реган, а она не готова. Расчесалась, заплела короткую косу, уложила так, как было, когда её с дороги привезли в лесной дом. Умылась. Оделась в чистые вещи, найденные в шкафу. И, лишь застегнув пояс юбки, замерла перед зеркалом озадаченная: с чего бы это дану Регану сегодня приехать? Обещал же через два дня явиться.

Подошла к окну, выходящему в сад. Солнце ещё не появилось, зато птицы заливались так, будто готовились к конкурсу пернатых вокалистов.

Кто-то тихонько стукнул в дверь.

Изумлённая, Алиса на цыпочках подкралась к двери, прислонилась к ней ухом — и заморгала, услышав:

— Лиска... Если не спишь, открой, а?

Ага, брату тоже не спится.

Она открыла дверь, и Виктор шмыгнул в её комнату. Посмотрел на убранную постель и присел на краешек. И пожаловался:

— Проснулся рано, как дурак, и дальше не спится. Вроде столько вчера тренировались!.. А чувствую себя так, как будто весь день сидел в школе, на уроках, да ещё после них оставили.

Сестра посмотрела на него, стараясь улыбаться не слишком откровенно: Виктор за несколько дней внешне повзрослел так, что не дашь ему его семнадцати. Посуровел, похудел, но эта его худоба такая, что за нею (она удивлённо подняла брови: разве такое может быть?) чувствуется сила. Этому брату в некоторых ситуациях она могла доверять на все сто.

— Погулять бы, пока все дрыхнут, — вздохнула Алиса, — чтобы получше местность изучить. Но Лула спит. Не хочется оставлять её здесь одну.

— Она обычно тоже рано встаёт, — напомнил Виктор, невольно улыбаясь, пока глядел

в стену напротив, где располагалась каморка белобрысенькой. — С первыми лучами. Подождём немного, пока проснётся, и пойдём гулять — до завтрака. Маме записку оставим, чтобы нас не теряла.

— Я только «за», — согласилась девушка и тут же смешливо фыркнула. — Мы с тобой впервые в жизни можем поболтать так, как нам хочется. Интересно, почему в своём мире мы такого себе позволить не могли?

— Квартирный вопрос нас испортил, — буркнул Виктор, вздыхая и глядя, как сестра присаживается на постель, рядышком.

— Вить! — шёпотом ахнула Алиса. — Ты читал Булгакова?! Или только запомнил фразочку оттуда?!

— Ты меня за кого держишь?! — надменно выпрямился брат. — Я читал всё, что у нас... ой, у тебя дома есть. Булгаков у нас там на полках ведь стоит? — Он вдруг замер, а потом хмыкнул: — Сейчас-то, может, Булгаков и не стоит. Но читал.

— Когда?! — продолжала изумляться Алиса: вот открытие — так открытие! Брат — и читал книги?!

— Когда папа ушёл, мы же редко садились обедать вместе. Ну и... Пришёл из школы — книгу поставил за тарелку, и вперёд. Ем и читаю.

— Ясно. А почему ты думаешь, что мы с тобой не общались из-за квартирного вопроса? Потому что ты закрывался в своей комнате, а у меня и своего уголка не было?

Подпущенного в вопрос ехидства Виктор не услышал, а потому не обиделся.

— Нет. Тут по-другому всё. Я у одного детективщика читал, что человек обставляет свою квартиру, потому что у него нет возможности путешествовать. Ну и вот. Компьютерные игрушки — они ведь тоже часть квартирной обстановки. А здесь — ты глянь! Там — лес с грибами (Алиса фыркнула от смеха), там — речка с оврагами («И с рыбой!») — давясь от хихиканья, подсказала сестра)! Гуляй — не хочу! И всё с пользой для хозяйства!

Алиса схватила подушку и, уткнувшись в неё, чуть не плакала от смеха. А успокоившись и отдышавшись, поддразнила:

— И бездельничай тоже — сколько хочешь!

— Ну, не знай. Мы здесь маги. И бездельничать нам точно не дадут.

— Кстати, о магах. Тебе не кажется, что они как-то слишком серьёзно отнеслись к тому, что мы маги огня? Ну, уничтожим мы гнездо измигунов. А что будет с нами дальше? И со мной лично?

— А почему ты о себе... — начал было Виктор и замолчал. Вспомнил, наверное. Может, поэтому неуверенно сказал: — Потом всё равно всё будет ясно. Не зацкливайся.

— Зацклишься тут, — вздохнула Алиса. — У нас с тобой первоочередная задача — себя не выдать. В том смысле, что мы не здешние. Пока эту задачу выполняешь, не до личных психозов.

— А я придумал как можно магическое зрение тренировать, хоть у нас своего склепа нет, — похвастался Виктор и внезапно полуоткрыл рот, кажется изумлённый следующей идеей. — Лиска, а вдруг этот склеп здесь уже есть? Узнать бы, семья этих, кого мы заменили, давно здесь живёт или как? Лиска, надо найти кладбище.... Или у них здесь... какое-нибудь другое захоронение?

— Поищем, — пообещала она. — Только ты забыл своей первой идеей поделиться. Выкладывай, что там у тебя?

— Всё просто. Можно тренироваться, сидя дома. Мы ведь чего боимся? Как бы мебель или ещё какую-нибудь мелочь в доме не поджечь! А надо — наоборот. Тогда всё будет окейно.

— Поняла, — задумчиво сказала сестра, прицениваясь к идее. — Например, человек будет стоять на улице, а мы в доме... Фу, Витёк! Ты хочешь в живого выстрелить огнём?!

Брат смутился, но быстро собрался с мыслями.

— Нет. Стрелять не будем. Нам ведь магическое зрение надо развивать. Вот я и придумал.

— Не получится, — с сожалением сказала Алиса. — У нас магическое зрение пока срабатывает только на магическое — забыл? А ты предлагаешь на человека.

Виктор взглянул на неё с насмешливым превосходством.

— Лиска-а... У нас есть мы! А мы — два мага! Ну и сидим: один на улице — другой дома. Смотри только и отслеживай, что делает каждый из нас.

— Хм... Голова у тебя работает, — уважительно сказала девушка.

— А то! Это ещё что! — отмахнулся брат. Его глаза горели азартом. — Вот ты сказала — не надо человека. А вдруг получится сквозь стену и человека, не мага, увидеть? Давай попробуем Лулу разглядеть? И сразу увидим, когда она проснётся!

— Давай, — согласилась Алиса, двигая губами и чуть не зажёвывая улыбку, лишь бы он не заметил её: девушка уже знала, что белобрысенькая проснулась. Но почему бы не подшутить над братом?

И оба уставились на стену напротив. Досчитав до ста восьмидесяти (три минуты), Алиса снизошла:

— Вить, она проснулась.

— Ты?.. Видишь?! Где она?!

— Прости, Вить, но ещё минут пять назад она выглянула в коридор и снова закрылась у себя. Видеть я не вижу — честно. Но скрип двери в её комнату уже запомнила.

Виктор подозрительно посмотрел на неё, а потом спросил:

— И как ты докажешь, что она проснулась?

Алиса улыбнулась ему и встала с постели. Точней — спрыгнула: кровати здесь все, как на подбор, высокие.

Ещё с вечера она условилась с Лулой, что, проснувшись, обе дают знать друг дружке о том негромким, но определённым стуком. И простучала условный сигнал в стену. Виктор открывший от старания услышать тот самый дверной скрип, секунды спустя заулыбался, ожидая появления белобрысенькой. Та тоже была одета для выхода из дома, как и Алиса, выбрав скромное одеяние из небелёной ткани.

Уже втроём, с каждым шагом убеждаясь, что в доме все ещё спят, заторопились к двери из дома. И слегка обомлели, когда из одного из коридоров в холле появилась знакомая фигура.

— Мама? — удивилась Алиса.

Леди Хелен вышла на свет абсолютно бодрой и энергичной. Это мама-то, которая обожала валяться на постели до последней секунды!

— Вы куда это намы... — начала она и бросила взгляд на Лулу, спрятавшуюся за спинами детей. И поправилась: — Куда это вы с утра решили погулять?

— Хотим осмотреть местность, — честно призналась Алиса.

Леди Хелен с понимающим видом кивнула. А Виктор добавил:

— И неплохо бы было дать нам корзину. Мам, мы в лесном доме и суп грибной поесть успели, и пожарили — столько-о! А ещё Алиса с Лулой их солили!

Глаза матери медленно, но верно потеплели от предвкушения: грибы она обожала в любой обработке. Почти по инерции она пробормотала:

— Солить — соли маловато. Но засушить...

— Ага! — засмеялся Виктор, сообразив ход материнской мысли.

А та только мечтательно вздохнула:

— Военная пенсия за отца такая маленькая... А ведь этих дармоедов ещё и кормить надо. — И оживилась: — Пока я вам ищу, что взять под грибы, идите на кухню и посмотрите, чем можно перекусить перед завтраком. До него далеко, а в лесу у вас аппетит наверняка разыграется.

Спустя время она вручила им три небольших мешка, которые отчётливо пахли лежалой, застарелой крупой.

— Если даже только сумеем засушить грибы, они пойдут на многое. И супы тут, и на грибные пироги останется. Вы же говорите, что только некоторое время проживёте здесь, так что... — с надеждой глядя на них, не договорила мама.

Продолжать леди Хелен не надо было. Её прекрасно поняли и пообещали набрать за свободное время столько грибов, чтобы хватило их далеко вперёд.

Она пошла провожать их до входной двери, и тут Алиса вспомнила кое-что, что её волновало, едва она проснулась:

— Мама, ты же помнишь, что завтра к нам приедут маги-учителя?

— Помню, а что такое? — насторожилась леди Хелен. — Я что-то ещё должна знать?

— Я не о том. Они ведь здесь пробудут не один день. И это наши гости. Ты не могла бы найти для них комнаты? Если слуги откажутся прибираться в них, я и сама смогу.

— Алисушка!.. — ахнула мать. — Я и правда ведь забыла, что они скоро приедут. Не беспокойся, я позабочусь, чтобы к их приезду комнаты были готовы. И не думай про уборку, а занимайся собственными делами — тем, что тебе нужней, да и важней. Ищи... сама... Есть тут кому этим делом заниматься.

Мама очень удивилась, а потом чуть не прослезилась: Алиса быстро нагнулась и благодарно поцеловала её в щёку.

А когда вышли во двор, в котором не хотелось говорить громко из-за стынущей прохладной тишины — даже листья на ветках словно притихли из-за безветрия, не говоря уж о травах, согнувшихся под весом сильной росы, Алиса с сомнением сказала:

— Я тут прикинула... Может, не стоит увлекаться самообразованием? Я имею в виду огненную магию. А вдруг мы что-то неправильно начнём делать, а потом надо будет переучиваться? Может, просто этот день проведём так, как получится? Погулять-то тоже хочется. Виктор, ты как думаешь?

— Я пока думаю, — сказал брат. — Но, возможно, соглашусь. Ведь можно просто гулять по лесу и одновременно искать объект для опытов? Вот и будем гулять, искать грибы. А там — и правда, посмотрим.

Когда они добрались до конюшни, чтобы выйти потом в виденное вчера поле, за которым темно зеленела полоска леса, выяснилось, что есть один человек в доме, который встал раньше. Или вместе с ними?

И этим человеком оказался пастух, выгонявший трёх коров на пастбище.

Все трое подошли к нему, чтобы спросить, в какую сторону шагать, чтобы набрать

грибов побольше. Низенький мужчина, в плохоньком, похоже, халате и босиком, блаженно улыбаясь на солнце, махнул рукой, и они последовали направлению его руки. Алиса ещё подумала, что дядечка очень странный, а потом хмыкнула: «А мы — не?»

Оказалось, что махнул коровий пастух на ближайший лес. Добрались быстро — и... Кому только пришла в голову мысль, что они с увлечением могут целый день заниматься только магией?! Только вошли на опушке за первые деревья, как глаза намертво приковались к лесному дёрну, в травах которого прятались белые! Всё, ну никак не поднять глаз, чтобы осмотреться в поисках того же склепа. Виктор так вообще разозлился и чуть не выругался — только шёпотом, чтобы Лула не услышала:

— Блин... Надо было обойти всё поместье и там посмотреть!

— Но в лесном доме... Нет, не так. От лесного дома склеп мы нашли в лесу же, — возразила Алиса. — А если и здесь так же?

— Там в лесу было, потому что там в доме не жили, а только приезжали, — пробурчал расстроенный Виктор, шаря глазами под ногами и нагибаясь, чтобы срезать следующий гриб и тут же, не разгибаясь, переместиться к ближайшему.

— Слева, — подсказала Алиса.

— Сам вижу. А что сама не возьмёшь?

— Мне бы свои, которые вижу, набрать.

Пару минут собирали грибы молча. Азарт постепенно нарастал, забылось обо всём. Потом их позвала Лула. И в её голосе было что-то такое, что они опрометью помчались к ней. А белобрысенькая пританцовывала возле какого-то куста, на котором тяжко висли тёмно-красные ягоды. Только Алиса собралась спросить, что это, как Лула сама звонко обрадовалась им, то ли припевая, то ли приговаривая:

— А мы сливушки нашли, вкусные-превкусные!

— Это сливы? Что-то не очень похоже, — удивился Виктор, тем не менее быстро снимая с ветки сразу пригоршню ягод и отправляя в рот по примеру белобрысенькой.

— Лесные же! — тоже удивилась его удивлению Лула.

— Эй, мне оставьте! — влезла в середину куста Алиса, чтобы лучше разглядеть мелкие плоды с прозрачно-сахарной кожицей, которая от спелости вот-вот лопнет.

Ягода и впрямь не была похожа на ту сливу, которую знала Алиса, но она доверилась белобрысенькой и распробовала. Сла-адко!.. Довольный Виктор выплюнул косточки и авторитетно сказал:

— Вы как хотите, но я, пока всё не сниму, — никуда отсюда! Вкуснота же!

Делать нечего — пришлось обирать всю ягоду, причём, быстро срывая сливушки (как объяснила Лула, лесные — именно что не сливы, а сливушки), Алиса насмешливо пожелала больше таких кустов не встречать. Но собранное разделили на три кучки, на всех троих, и снова разбежались по лесу, договорившись собирать грибы так, чтобы видеть друг друга.

Сначала Алиса видела и брата, и белобрысенькую, иногда улыбаясь тому, как они сталкивались, а потом распрямляли спины и отдыхали от согнутого положения, болтая о чём-то. Потом, не сразу вникнув, начала видеть только Виктора. Наконец до неё дошла нехитрая истина: Лула не соблюдает договорённости. С трудом оторвавшись от тихой охоты, Алиса помяла поясницу и поспешила к брату.

— Вить, Лула где?

— Да тут где-то была, — ответил тот, любуясь срезанным крепким боровичком и поневоле, но с блаженством принюхиваясь к нему.

— Витя, — уже угрожающе проговорила Алиса, — забудь про гриб! Где Лула?

— А что Лула? — недовольно сказал брат и оглянулся. — Я ж сказал — здесь была.

— Я её уже несколько минут как не вижу.

Это сообщение проняло Виктора. Он сунул боровик в мешок и несколько раздражённо зашагал в указанную им ранее сторону. Через минуты оба поняли, что белобрысенькая словно испарилась.

— Надо кричать, — решил Виктор.

— Что-то мне не очень нравится, что надо кричать, — беспокойно пробормотала Алиса. — Тебе не кажется, место слишком... странное? И ещё. Если мы пойдём дальше — сумеем найти выход из леса?

— Сожжём — выйдем, — неловко пошутил брат и крикнул: — Лула! Ты где? Отзовись! — И уже тише спросил у сестры: — А почему ты решила, что место странное?

— Не знаю. Только как мы с тобой сюда пришли, мне что-то не по себе стало.

— Может, потому что из-за Лулы испугалась?

— Ну... Может...

Ответила брату, чтобы тот себя спокойней чувствовал, раз она сама начинает нервничать. Но ощущала, что в этом уголке леса и правда есть что-то не только необычное, но и гнетущее. Это невнятная странность и заставляла её не звать Лулу. А ещё ей постоянно хотелось заткнуть рот брату, который продолжал во весь голос выкликивать белобрысенькую.

Но в очередной раз раскрыв рот позвать, идущий Виктор чуть не споткнулся, а Алиса едва не врезалась в его спину, потому что шагала впрытик за ним. Они только что выбрались из одних ореховых кустарников и собирались войти в следующие... Алиса выглянула из-за спины брата и пожала плечами: к ним медленно пятилась Лула. Именно пятилась — шла к ним спиной, осторожно нащупывая землю для следующего шага.

— Лула!.. — уже вполголоса позвал Виктор. — Ты увидела что-то страшное?

Практики по магии огня у них было маловато. Но, только Алиса увидела, как брат мгновенно бросил свой мешок с грибами, чтобы поднять руку с ладонью вперёд, как в знаке запрета, она тоже немедленно избавилась от мешка и приготовилась бить огненным лучом в случае опасности.

Но белобрысенькая шла так, словно и не слышала, что за спиной кто-то есть. Так что Виктор решительно шагнул ей навстречу и положил ладони на её плечи.

Лула не вздрогнула, а содрогнулась, охнув от неожиданности, — настолько она была заморожена тем, что видела. Но сумела развернуться так, чтобы полностью оказаться в защищающих объятиях Виктора.

— Не бойся, Лула. Это мы с Алисой! — утешал её Виктор. — Что ты увидела?

Но прошло время, прежде чем Лула откликнулась:

— Там старая пасека. И она... страшная.

— Покажи, — велел Виктор. — И не бойся в самом деле. Мы же с тобой. И сейчас утро а не ночь...

Алиса выслушала его, согласившись с его словами, но подспудно думая, почему он сказал про ночь... Как выяснилось, странность места коснулась и его. Потому и сказал.

Они осторожно пробрались через кусты и деревья к пасеке. Окружённая примитивной изгородью, которая не защищала, а скорей — предупреждала, что здесь владения пасечника, она выглядела покинутой очень давно. Но следы между выпиленными стволами с дуплами,

видимо служившими ульями, сразу дали понять, чего именно испугалась белобрысенькая.

Следы измигунов им всем были знакомы. Но этот след... Алиса даже поначалу решила, что они ошиблись. Что это не след измигуна. Они с братом присели на корточки перед этой вмятиной, изучая её. И вместе подняли глаза друг на друга, сообразив одно и то же. Оглянулись на полуразваленную избушку, которая была усыпана в несколько слоёв опавшими листьями (видимо, за несколько лет) и которая, несмотря ни на что, была плотно прикрыта дверью из толстых полешков-брёвнышек.

— Самка? — выдохнул Виктор.

— Их тут матками зовут, — прошептала Алиса и передёрнула плечами. — Вить, но ведь никто здесь не говорил, что измигуны врываются в дома. Никто ни про какие происшествия ни слова не сказал.

— А если она недавно сюда...

— А если... — глядя ему в глаза, начала Алиса и съёжилась от ужаса, который вползал в неё могильным холодом.

Но брат понял недоговорённость.

— Думаешь, она недавно сюда пришла? А если она... — у него перехватило дыхание, но и сестра была на такой тесной волне с ним, что сразу сообразила и замотала головой:

— Нет! Ты что?! Нет! Она не могла сюда за нами!.. Посмотри на рисунок лап! Они слишком неуклюжие, чтобы бежать с нужной скоростью за лошадьми!

— Но что всё это значит...

— Разве вы не знаете? — тоненьким голоском спросила Лула, беспомощно глядя на них. — Ещё в карете говорили, что они много где селятся.

Алиса даже не сразу сообразила, о какой карете говорит белобрысенькая. А когда дошло... Значит, не только возле лесного дома, но и по всему королевству измигуны создают свои гнёзда? Именно поэтому дан Реган и остальные обрадовались, узнав, что у них тут появились неведомо откуда аж два мага с умением не просто вызывать огонь, но манипулировать им?.. Какая-то вредная мыслишка врезалась в махину соображений об измигунах: «А если дан Реган и не думал симпатизировать тебе? Если он симпатизировал магу огня?» «Ну и фиг... — угрюмо ответила вредной мыслишке Алиса. — Переживу...» Мыслишка, невероятно гордая тем, что задела хозяйку, немедленно выросла в мыслищу и басом запела, что Алиса зря надеется...

— А не пошла бы ты к чёрту... — сквозь зубы сказала девушка и оглянулась на брата, который всё ещё обнимал перепуганную Лулу и который с громадным изумлением посмотрел на неё, на сестру.

— Лула (врать так врать!), ты же помнишь, что мы с братом долгое время жили в городе, — напористо сказала Алиса, продолжая наблюдать за низенькой толстой дверью избушки, пригнувшейся под слоями палых листьев. — Если матка только что начала строить гнездо, она ведь сразу не нападает на людей?

— Нет. Но мы не знаем, как долго она здесь, — подняла к ней заплаканное лицо Лула и тут же зашептала-попросила: — А можно, вы проводите меня к моему дому? Я своих родных должна предупредить... У меня ведь братья-сёстры! Матушка с батюшкой!..

— Как долго надо идти к твоим? — догадалась спросить Алиса.

— Ой, долго... — заплакала белобрысенькая.

— Лошадей нет, — хмуро напомнил Виктор. — Но, если эту ночь переживём, надо будет попросить дана Регана, чтобы он разослал своих всадников предупредить всю округу

об опасности. Всё, хватит здесь стоять. Идём домой и предупреждаем нашу... — он чуть споткнулся на слове, но упрямо сказал: — Нашу матушку!

По дороге, благо движение успокоило Лулу до состояния, когда она перестала слезливо похныкивать, выяснили-таки конкретней, что её поместье находится с другой стороны от поместья леди Хелен. И Виктор сумел даже попенять ей:

— И что ты пугаешься? Это нам придётся сложно. Твои-то эту ночь переживут. А вот мы как будем... Ладно, мы теперь знаем, как проходят ночи. Первая ночь не такая страшная. Переживём. А завтра приедут всадники дана Регана. И не одни, а с магами огня.

— Да уж, — пробормотала Алиса. — По сравнению с нами и Куном, это уже целое войско. Но... так рядом. Виктор...

— Что?

— Готовиться к ночи начнём уже сейчас. Как придём.

— Согласен.

Здорово жалели, что их личный магический взгляд не проникает даже сквозь дерево. Обговаривали: если успеют подготовить дом матери к первой ночи, всё оставшееся время будут заниматься только зрением. А вдруг получится уничтожить ночных тварей сквозь стены дома?

А когда вошли во двор поместья, остолбенели: дан Реган, стоявший возле лошади, оглядывался в поисках того, кто поможет ему с животным — отвести на конюшню, например, а вокруг него спешивались и другие всадники.

Сначала почудилось, что во дворе перемещаются, громко разговаривают несколько десятков человек. Но, когда глаза привыкли к необычайной круговерти, Алиса сумела посчитать: здесь дан Реган, всё те же трое всадников во главе с даном Герхардом, которых она кормила вчера на крыльце лесного дома. А ещё два конных незнакомца и три лошади, без седоков, в поводу у всадников дана Герхарда. Алису аж в жар бросило: дан Реган знал, что у её матери нет лошадей на хозяйственном подворье!

Очнувшись от остолбенения, Алиса бросилась к дану Регану. Виктор — за ней, таща за руку оробелую Лулу. Они окружили дана Регана, не здороваясь, но сразу вываливая на него своё страшное открытие. А когда он начал задавать уточняющие вопросы, Алиса полностью пришла в себя и начала осознавать происходящее. Оказалось, Герхард и его всадники гуляют где-то поодаль — ищут конюшню для лошадей. А вместе с даном Реганом стоят двое тех самых незнакомцев и слушают взволнованного Виктора. Подумав, Алиса сообразила, что они и есть учителя магии.

Во двор между тем выскочила перепуганная мать и начала всё с того же перепугу звать неожиданных-негаданных гостей к столу с завтраком. За её спиной столпились слуги, вытягивая шеи, чтобы узнать, зачем явились эти представительные господа.

Тем временем дан Реган спросил у Виктора:

— Вы сумеете нам показать это место?

Тот растерянно пожал плечами и неловко сказал:

— Боюсь, что нет...

— Леди Хелен, вы знаете, где находится заброшенная лесная пасека?

Что слуги по старой привычке и изменившуюся хозяйку всё ещё ни в грош не ставят, стало ясно, когда вместо леди Хелен загалдели слуги, посылая господ в луга, где они найдут некоего старого Лаогера, который здесь работал издавна, а потому знает местность как свои пять пальцев. Выяснилось, что слуги говорят о пастухе.

— Мы видели его, когда бежали домой, — сказал Виктор с облегчением, что хоть чем-то может помочь. — Если что — могу добежать до него и спросить.

— Нет, мы пойдём вместе, — мягко сказал один из незнакомцев, достаточно седой, чтобы выглядеть стариком, но лицо его отрицало глубокую старость отсутствием морщин и яркими синими глазами. — Меня зовут дан Конлет.

— А я дан Виктор, — снова растерялся Виктор.

Дан Конлет только необходимо улыбнулся, и вскоре все всадники, прихватив к себе на сёдла всех трёх грибников, поехали в сторону, где Виктор видел того Лаогера. Во дворе остались лишь те три лошади, которых дан Герхард успел привязать к коновязи — если Алиса правильно поняла назначение двух шестов с перекладинами, возле которых теперь топтались эти лошади. Думая о них уже в пути, она понадеялась, что мать сообразит послать слуг накормить животных. Или слуги подскажут ей. В конце концов, они поняли, что приехали довольно важные гости.

Очутившись в седле, перед даном Реганом, Алиса только брови подняла: прежде чем послать лошадь вперёд, тот по-хозяйски слегка прижал девушку к себе, словно проверяя, основательно ли она уселась, — или показывая, что она, в случае чего, может не только держаться за луку седла, но и откинуться назад. «Это вот что сейчас было? — с изумлением

подумала затаившаяся от напряжения Алиса. — Он ведёт себя со мной... Или у них здесь так принято?.. Что-то я не помню, чтобы он так делал вчера. И... ловко он мне юбку расстегнул! Когда только успел... С другой стороны, он прав. Так удобней, в штанах-то. А то ещё юбку укладывай...»

Правда, оглянувшись на Лулу, Алиса снова подняла брови: дан Герхард, посадивший её к себе, успел прибрать юбку белобрысенькой, да ещё так деликатно, что полы этой одежной детали прикрывали ей колени. Виктор, которого подсадил к себе один из всадников, всё посматривал на Лулу, но выглядел спокойным — кажется, благодаря именно этой юбке. «В таком случае, меня-то за что?!» — насмешливо ужаснулась Алиса, с трудом удерживаясь от желания немедленно спросить о том дана Регана.

Решив, что она слишком много думает о неизвестных ей пока правилах этикета, Алиса бросила взгляд назад, на крыльцо «родительского» дома, благо небольшая кавалькада всадников неторопливо поворачивалась в сторону, указанную Виктором. И, завидя небольшой эпизод возле крыльца, девушка невольно хмыкнула.

— Что? — склонился к её уху дан Реган.

— Нет, ничего, — пробормотала она, ёжась от тёплого воздуха, ласково пощекотавшего её волосы.

Не рассказывать же ему о сценке, едва-едва выхваченной глазом: толпа слуг на крыльце отхлынула в дом, а мать короткими репликами управляла двумя дородными женщинами, которые энергично тащили в дом оставленные грибниками мешки с добычей. Отводя взгляд и невольно улыбаясь (кажется, мама точно попала в свою стихию!), Алиса заметила ещё кое-что: обернувшись к крыльцу, с той же невольной улыбкой, за её матерью следил второй, не представившийся маг. И в его улыбке девушка явственно прочитала симпатию. Но к чему? К мирным хозяйственным заботам в поместье? Или... «Ну ты и клуша!..» — мысленно смеясь, мысленно же попрекнула себя Алиса, поняв вдруг, что ей очень хочется, чтобы ему понравилась леди Хелен.

Однако человек за спиной Алисы притягивал большее внимание, чем все остальные, несмотря на их новизну в жизни девушки. Алиса про себя признавала, что дан Реган достоин большого уважения. Выслушав информацию о возможных измигунах здесь, где о них никто пока не слышал, он сразу сообразил, как действовать, а каждое действие организовывал так, словно ему всю жизнь приходилось сталкиваться с экстримом... Она снова вспомнила, как он стремительно спустился к ней по опасной черепичной крыше и сразу ухватился за её руки, спасая от падения... Сильный мужчина — во всех смыслах. И снова она пожалела, что так и не успела дознаться у дана Герхарда, кто же такой дан Реган. Но знать, что вот он, рядом, за спиной... И он сам захотел, чтобы она сидела с ним...

— Вот он! — воскликнул Виктор, показывая рукой на лениво бродивших по лугу коров и пастуха при них.

Честно говоря, этой ситуации Алиса побаивалась. Как при остальных называть пастуха? Дан Лаогер? Или по имени?

Проблему решили без неё. Всадники остановились неподалёку от пастбища, все спешили. Два мага, а также дан Реган и Алиса пошли к пастуху. Виктор с Лулой остались возле дана Герхарда и его всадников. Пастух, сидевший на траве, наверное, слышал конское ржание, а потому не спеша встал, дожидаясь идущих.

— Добрый день, Лаогер, — спокойно поздоровался с ним один из магов — тот, пока безымянный. Он подошёл к пастуху ближе всех, в то время как второй, дан Конлет, почему-

то зашёл за спину Лаогера. Ненавязчиво так. — Говорят, где-то здесь, недалеко, в лесу, старая пасека есть. Зброшенная. Как к ней попасть?

Ничего не ответивший на приветствие, пастух всё так же медлительно повернулся к лесу. Алиса даже улыбнулась: если у неё на городских улицах спрашивали, где что находится, она тоже сначала смотрела в нужную сторону, прикидывая, как объяснить путь, а уж потом говорила про дорогу.

Её улыбка слетела мгновенно: дан Конлет, вставший за спиной пастуха, едва тот повернулся к лесу, поднял ближе к затылку Лаогера цепочку с чем-то похожим на маленький кулон, и принялся тихонько раскачивать её. Будто стрелка настенных часов-ходиков, качался и плохо различимый отсюда кулон.

— А вон... — сипловато заговорил пастух. — Видите — бук раскидистый? Зеленой всех остальных деревьев стоит? От него всё направо идти — и та пасека на вашей дороге будет.

— Благодарствуем, Лаогер, — кивнул безымянный пока маг. И первым отошёл от него к лошадям.

Удивлённая Алиса попыталась вглядываться в тёмно-зелёную лесную полосу — чуть ли не на горизонте. Это Лаогер настолько дальнзоркий, что видит тот бук? Она-то даже отдельных деревьев различить отсюда не может.

Однако выяснилось, что дело в другом.

Дан Реган тоже пребывал в недоумении.

— О каком буке он говорит? — спросил он, щурясь на лесную опушку. — Или он о нём просто знает?

— Знает, — подтвердил дан Конлет и обернулся к магу с цепочкой. — Дан Силлаг, что скажете о нашей дороге к пасеке?

Глядя на небольшой предмет, покачивавшийся на той же цепочке, дан Силлаг кивнул и сказал:

— Я взял его воспоминание о дороге полностью. Неизвестно, существует ли ещё то дерево, о котором он говорил, но весь путь Лаогер «прошёл» от него до пасеки достаточно подробно. Так что теперь я могу проводить вас туда и сам.

Увидев открытый рот Виктора, Алиса даже испугалась немного: а вдруг спросит, что значит — взял воспоминание? А вдруг про это все должны знать в этом мире?

Когда она снова очутилась в седле, невольно оглянулась на пастуха. Тот снова опустился в траву, и к нему сразу подошла одна из коров, с которой он, кажется, вполголоса заговорил. Но буквально мгновение он смотрел вслед всадникам, и на его лице было спокойное равнодушие, от которого Алисе стало не по себе... Поймав её взгляд на старого пастуха, маг, дан Конлет, проследил его направление и внезапно нахмурился. То ли он что-то сделал неправильное с уздечкой, то ли лошадь почувствовала его настроение, но она под ним чуть не заплясала. Едва успел приструнить её и приблизиться к лошади дана Регана.

— Дан Реган, а ведь этот Лаогер — бывший маг, — сам удивлённый, сообщил он.

Поразмышляв, дан Реган подтвердил характеристику, данную ему Алисой, твёрдо высказав в ответ:

— Не сейчас. Потом разберёмся. А пока, дан Силлаг, ведите нас к лесу.

И всадники потянулись вереницей за лошадью мага. Ехали всё так же, не спеша, поэтому Алиса не боялась, что дан Реган узнает: она никогда не ездила на лошади. Но спустя минуты дошло: трёх-то лошадей они не зря привели с собой! Знали, что в поместье лошадей нет. Следовательно, знали, что ездить на них брат с сестрой не могут. И расслабилась до

такой степени, что проснулось любопытство. До леса-то, по её прикидкам, ехать в таком темпе — где-то, примерно, с полчаса. Так почему бы не сократить поездку болтовнёй, из которой можно узнать полезные для их семьи факты?

Начала она с личного. Ну, не совсем с личного, но узнать кое-что о дане Регане хотелось-таки.

— Дан Реган, а вы маг?

— Да.

— Вы с детства знали, что у вас магические способности?

— Да.

— А вы сами узнали, или вам кто-то подсказал?

Он тихо хмыкнул.

— Почему — подсказал? Дар виден сразу, так что в десять лет ко мне уже приставили мастера магии.

Странно. У них с братом — учителя. А у этого — мастера. Почему?

— А в чём разница между учителем магии и мастером?

— Учителя берутся из не обученных в университете магов, — терпеливо объяснил дан Реган. — А мастера — это те, кто закончил университет. Леди Алиссия, а почему вас это интересует? Разница между учителями и мастерами?

— Ну, я немного не понимаю. Нет, я понимаю, что я и Виктор только что узнали, что владеем магией. Но как-то не думали... — Она смутилась от неловкости. Как ему сказать напрямую, что удивлена назначением магов?.. — Простите, дан Реган, я немного запуталась.

Некоторое время они ехали молча. А потом дан Реган как-то так сказал, словно пробираясь сквозь дремучие раздумья, в которых деревья стояли слишком плотно:

— Кажется, я догадываюсь, что вы имеете в виду. Учителя часто приставляются к тем, чья магия необходима немедленно. Эти двое — учителя, которые взяты из боевых магов. Они приставлены к вам с требованием быстро, насколько это возможно, обучить вас не всем умениям, связанным с магией огня, но пока только тем, что нужны для борьбы с измигунами. Надеюсь, это признание не обидит вас.

— Нисколько, — ответила Алиса. — Я понимаю, что появление измигунов — это почти война, в которой надо участвовать всем, кто может сразиться с ними.

И замолчала, прикусив губу. Так хочется узнать, повсюду ли эти измигуны в королевстве!.. Но ведь Лула сказала, что дело с измигунами обсуждалось в карете, в которой она, Алиса, ехала. Значит, все знают про них. И будет странно, если выяснится, что Алиса не в теме.

Зато в разговоре оказался заинтересован дан Реган.

— Леди Алиссия, а чем вам понравился лесной дом? Вы высказали пожелание остаться в нём, даже помня об опасности измигунов.

— Он очень... только не смейтесь, дан Реган! Он очень уютный, — искренне сказала девушка. И улыбнулась. — Такое впечатление, что он ждал именно нас — меня и моего брата. Да, поначалу было страшно немного. Всё-таки мы остались в нём одни. Но утром огляделись... Мы оба любим лес, — объяснила она, думая, поймёт ли он. — А там такое красивое место!.. Знай мы, что рядом измигуны, может, мы бы по-другому восприняли этот дом. Но тогда нам понравилось хозяйничать в нём. А сейчас мы с особенной теплотой вспоминаем о нём. Ведь благодаря ему, мы с братом узнали, что мы маги огня.

И снова молчание, но на этот раз Алиса чувствовала, что беседы закончились. И не

только потому, что приближался лес, а ещё и потому, что им обоим (надеялась она) было комфортно молчать друг с другом... «Настоящее свидание, — втихомолку улыбалась она, — мы вместе, и нам хорошо... Можно представить, что мы скоро углубимся не в лес, а в старый тенистый парк... — А потом одёрнула себя: — Хватит романтики, которой, возможно, и нет. Выдумщица ты, Алиса! Слушай лучше лес и следи за ним!»

Поэтому она начала присматриваться к опушке в поисках того самого раскидистого бука, о котором упомянул Лаогер, пастух, ранее бывший магом, как вычислил дан Конлет. И растерянно напрягала глаза: по всей видимой опушке, а это довольно огромный участок или линия, не было видно ни одного обещанного огромного дерева. Где же та метка, которую им обещал Лаогер?.. И тут Алисе стало страшновато: а если пастух слукавил — и никакого бука не было и нет? Но почему? Из-за той странной причины, по которой он бывший маг и нынешний пастух?

Оглянувся дан Силлаг, который следил за дорогой по своей цепочке. Алиса уже с тревогой ждала, что он скажет. И выдохнула.

— Вот там был бук! — громко проговорил маг, наверное, затем, чтобы его услышали все. — Судя по всему, его разрушила буря. И давно. Но мы всё равно найдём пасеку, потому что мы идём чуть ли не по пятам этого странного пастуха.

— Долго ещё? — над головой Алисы звучно спросил дан Реган, и она чуть пригнулась, предполагая, что разговор затянется.

— Нет, недолго. — Дан Силлаг отвернулся и направил лошадь в лес.

Размышляя об этих репликах, Алиса подумала: возможно, они, втроём, шли к пасеке окольными путями. А когда бежали назад, тоже не разбирали дороги, а потому им казалось, что до пасеки очень далеко.

— А когда мы доедем до места, — обеспокоенно спросила она, чуть повернув голову, чтобы дан Реган её услышал в шелесте трав и листьев, — что мы будем делать?

— Обследуем дом пасечника и попробуем определить, как давно здесь поселилась матка измигунов, — ответил тот. — В зависимости от времени, будем думать, что делать дальше. Вероятно, придётся вызвать подмогу.

— А что вообще делают, чтобы избавиться от них?

— Как я уже говорил, раньше убивали матку, стреляя из арбалетов или огненным лучом по её уязвимым местам. Но сейчас таких тренированных магов не хватает. Поэтому... Если матка появилась здесь недавно, мы успеем выстроить деревянный дом, наполнить его вещами, которые покажут этим ночным тварям, что внутри живут люди. И, начиная со второй ночи, будем убивать их, пока не уничтожим весь помёт.

Алиса подождала немного, выжидая, не скажет ли он ещё чего-нибудь, а потом то ли спросила, то ли уточнила:

— А потом будет время до следующего помёта?

— Да, — чуть недовольно ответил дан Реган.

— И сколько времени проходит от одного до другого?

— Месяц передышки, — ответил он сразу на два вопроса, высказанного и завуалированного.

Если он думал, что она замолчит, то зря. Девушка немедленно вспомнила высказывания брата и задала новый вопрос:

— А убить её можно только так? А если её просто сжечь? Прямо в доме?

— Она выползет из огня и восстановится прежде, чем мы успеем прицелиться в неё, —

вздохнул дан Реган.

Отводя ветви деревьев от лица своего и его сразу, Алиса раздумывала над задачей и приходила к неутешительному выводу, что придётся тренироваться так, как было задумано теми, кто знал, как справиться с измигунами. Но не удержалась:

— А мы с братом — последние, кто нужен для семёрки магов? Или надо найти ещё несколько магов огня?

— Вы последние.

Ближе к пасеке не только Алиса начала узнавать местность. За спиной послышались негромкие возгласы Виктора и Лулы:

— Это здесь! Вон там, чуть дальше, и будет дом!

— Но к нему подойти трудно — там ограда! Низенькая, но лошади не пройдут.

— Вот этот орешник надо объехать справа, и тогда...

Алиса даже пожалела, что она далековато от брата и белобрысенькой: напомнила бы обоим, что маг, дан Силлаг, ведёт их по своему магическому «компасу», впитавшему в себя воспоминания пастуха. Но вскоре брат и Лула инстинктивно замолчали: место, которое ранее нагоняло страх подспудно, теперь, после понимания, кто в избушке прячется, наводило вообще ужас.

Трёх юных грибников и одного всадника дана Герхарда оставили за плетёной оградой, а сами прошли её и устремились к избушке. Причём устремились так решительно, что у Алисы появилось впечатление: эти мужчины собираются войти вовнутрь! Но те не стали так легкомысленно вести себя. Она даже немного испугалась, когда оба мага: и дан Силлаг, и дан Конлет — вдруг опустились на густую и высокую траву, слегка смяв её для удобства.

— Они что — устали? — поразился и Виктор, тоже, как и сестра, опершись на плетень, заросший кустами, сквозь которые и прошли-то с трудом.

А белобрысенькая прильнула к его боку и обхватила его руку, на что брат ободряюще похлопал её по ладони, продолжая наблюдать за магами и всадниками.

— Дан Реган — тоже маг, — не глядя на Виктора с Лулой, — сообщила Алиса. — Только я не успела спросить, маг чего.

Тожe не глядя на неё, оставшийся с ними всадник отозвался:

— Дан Реган — тоже маг огня. После войны он с отрядом магов ездил по всем местам, заражённым измигунами.

— Целый отряд? — удивился Виктор. — И куда они девались сейчас?

— Многие погибли. Дану Регану тоже досталось. Если смотреть внимательно, видно, что он ходит прихрамывая.

— А почему погибали? — к огромному облегчению брата и сестры, спросила Лула.

— Всяко бывало, — не отрываясь от наблюдения, вздохнул всадник. — И к месту могли приехать слишком поздно — и попадали под измигунов (Алиса передёрнула представив, как лавина тварей выливается из потайного места на вынужденных охотников). И не всегда семеро магов огня могли попасть в самую зверюгу-матку одновременно. А при таких условиях, то есть при опасности ей, измигуны могли выскочить и при солнечном свете. Погибали и воины, сопровождавшие магов. Но больше погибали сами маги огня, потому что они стояли ближе к логову.

И вдруг всадник обернулся к ним троим с таким отчётливым страхом, что Алиса кивнула ему, сразу догадавшись, о чём он подумал, и спокойно сказала:

— Нет, вы не напугали нас. Просто будем принимать ваш рассказ, как предостережение.

Если нужны маги огня, мы не собираемся уклоняться от этого дела.

Лула жалобно посмотрела на неё и чуть не уткнулась лицом в рукав Викторова камзола. «Можно подумать, у нас выбор есть, — сумрачно подумала Алиса, перехватив короткий и жёсткий взгляд брата и кивнув ему. — Если не будем против них драться, жить-то где?»

Между тем дан Реган, стараясь не мешать старшим магам, проходя между ними и избушкой, обошёл ветхое строение и пропал за ним. Дан Герхард и другие двое всадников остались при сидящих на траве магах — что-то вроде сторожили их.

Им хорошо!.. А вот Алиса страшно напугалась, когда дан Реган вдруг исчез за бывшим домишком пасечника. Она даже отпрянула от плетня-ограды и выпрямилась, чтобы разглядеть, где он. Стало страшно ещё и потому, что она вспомнила только что сказанное безымянным всадником: измигуны могут напасть и при свете дня! А если дан Реган там, за избушкой, шуршит травами и всем, чем угодно?! Вдруг эти выскочат?! Ну, в смысле, что они, эти твари, уже появились... И утешала себя: «Ты же теперь знаешь, что дан Реган — опытный воитель против измигунов! Он знает, как вести себя рядом с их гнездом! Он всё знает!..» А сама чувствовала, как в тёплом лесу неожиданно холодный ветер касается её кожи ледяным дыханием. И умоляла, сама того не подозревая: «Выйди! Выйди! Иначе я за себя не ручаюсь! Перепрыгну эту изгородь и побегу искать тебя!»

— Чего он так долго... — пробормотал Виктор, тоже заметно встревоженный долгим отсутствием дана Регана.

Как ни странно, в этой ситуации реалисткой оказалась Лула. Она вздохнула.

— Ты же видишь, что входная дверь с этой стороны, — негромко сказала она. — Значит, за домом — трава в рост человека. Сразу не пройдёшь...

И только договорила, как фигура мужчины показалась с другой стороны домишка.

Из Алисы словно воздух выпустили. Она просто стояла и смотрела, бессильно опустив руки и не выпуская из себя рвущийся наружу крик: «Какого чёрта ты туда потащился?! Что тебе там надо было?! Посмотрел бы со стороны двери! И хватит!» Но замерла, ловя каждое его движение, оценивая, как на своём пути он отгибает в стороны травы, выше его ростом, как ставит ногу в прореху между ними и осторожно выбирается из зарослей.

Думали — подойдёт к ним. Но дан Реган приблизился к магам, сидящим на траве, и пристроился сбоку от дана Конлета. Алиса ожидала, что он будет расспрашивать магов, что они видят. Но, обернувшись к избушке, и дан Реган застыл. Прямо-таки окаменел, потому что перестал двигаться, как и его соратники — теперь уже у Алисы не было никакого сомнения в последнем. А чтобы увериться в том, она взглянула на всадника, оставленного с ними, и тихонько спросила:

— Эти маги из команды дана Регана? А кто ещё с ними?

— Дан Ристерд. Только он слабый маг огня. Не такой тренированный, как дан Реган. Специализация у дана Ристерда немного другая.

— Какая? — явно по инерции спросил Виктор.

— Забыл? — сумрачно спросила Алиса. — Как он вас с Лулой допрашивал?

Брат что-то буркнул и глубоко вздохнул, наверное вспоминая.

И тут же подумала, что эти маги огня, вообще-то, владеют не только магией огня.

Если вспомнить недавнее, когда дан Силлаг запечатлел в своём артефакте (кажется, так называются всякие магические штучки?) воспоминания пастуха о дороге к пасеке, то получается, многие из них имеют и другую специализацию, никак не связанную с магией огня? Хотя... не связанную с магией огня? Но ведь им всем нужны эти специализации в их

страшной охоте на измигунов! Если Алиса поняла правильно, сейчас три мага прослушивают избушку пасечника, изучая состояние матки измигунов.

А раз есть такие способности, их можно развить и в другую сторону. Отсюда дан Ристерд может позволить себе допрос тех, кто не подозревает о том, что в этом допросе он использует личную магию. Отсюда — дан Силлаг создаёт артефакты, собирающие воспоминания. А раз так... Глядя на трёх магов, неподвижно сидящих перед избушкой, она тихонько сказала:

— Интересно, Вить, а какие ещё способности есть у нас с тобой?

Не дождавшись ответа от её брата, всадник проговорил:

— Как начнёте заниматься, всё узнаете.

Сидение магов на траве показалось вечностью. Но вот они почти синхронно поднялись и последовали за оградой. На вопросительный взгляд Алисы дан Реган, правильно поняв, сказал:

— У нас есть две недели до созревания измигунов во взрослых зверей.

Перед обедом девиц отпустили переодеться. Мать, в сопровождении двух служанок, повела мужчин по коридору-связи к корпусу поменьше. Как выяснилось, именно там располагались гостевые спальни

Алиса бросила взгляд в напольное зеркало и, усмехнувшись, пошла к шкафу доставать новую юбку-распашонку. Та, что снял с неё дан Реган и что пролежала всю поездку туда и обратно небрежно сложенной, оказалась слишком мятой. А усмешка в зеркале... Как хорошо, что здесь не надо краситься!.. Защёлкнула пряжку на поясе юбки, заново расчесала и прибрала волосы — всё, свободна.

Вышла в коридор одновременно с братом. Виктор просто зашёл к себе: идти с матерью в тот корпус дома не хотелось, да и зачем; а маяться в одиночку по дому — смысл? Алиса прислушалась: правильно, из каморки Лулы доносился её негромкий голосок, она что-то напевала и, кажется, тоже собиралась выходить.

Встрепенувшись при виде сестры, Виктор быстро подошёл к ней — так, чтобы дверь в комнату к белобрысенькой оставалась под контролем.

— Знаешь, зря мы вчера не изучили всё поместье, — вполголоса проговорил он. — А вдруг?.. Ну, ты поняла.

— Ну, в общем, мы примерно представляем, где что находится, — успокоила его Алиса. — Нам, как баричам (она фыркнула от смеха), вообще-то необязательно досконально знать, как расположено всё в родительском владении.

— Ну, если так... — проворчал брат, вздыхая.

— Слушай, давай зайдём ко мне, — предложила Алиса, осматриваясь. — А то у меня постоянное впечатление, что нас подслушивают.

— А Лула?

— Стукнет в дверь, — напомнила она, уступая ему войти в комнату первым.

— И о чём ты хочешь поболтать?

— О главном. Вить, ты замечаешь, как с нами разговаривают? Нет?

— Ты о чём?

— О том, что с нами говорят, как со своими... Как объяснить... — Она прошлась перед ним, привычно усевшимся на её застеленную кровать, до окна и подумала, что в своём мире она бы психанула из-за этой его привычки и наорала бы на него. А здесь — орать некогда. — Мы с тобой видели, как выглядят измигуны. Но не знаем, как выглядит их самка. То есть матка.

— И что?

— Ты не забыл, что нам придётся смотреть на неё сквозь стены?

— А чего забывать? Нам всё равно скажут, куда смотреть надо.

— И я о том. Но всё же неплохо знать бы про неё. Пусть не анатомию, но...

— И при чём тут — свои не свои? — проворчал Виктор.

— Очень даже при чём. На что спорим, что Лула знает, какая она — матка?

— Лула?! — поразился брат. — Знает, какая матка?!

Она остановилась перед ним, постучала по виску пальцем.

— Соображай! Измигуны здесь не первый год. Всяких сказок и легенд, небось, больше тысячи за это время набралось. А кто может знать по-настоящему про самку? Тот, кто сумел

спастись.

— И при чём тут Лула? — хмуро повторился Виктор.

— При том, что надо её на эту тему разговорить. Подожди!.. Договорю! Помнишь, как мы с тобой легко придумали несколько способов убить измигунов прямо в склепе?

Виктор сначала сидел всё так же сутулясь. Но минуту спустя после вопроса сестры выпрямился. Только что недовольное, лицо его обострилось в напряжении. Он вскинулся, прозревая. Покачал головой.

— Во бли-ин... Дураки-то...

— Вот именно. Чтобы их убить, надо знать о них, а мы — обрадовались, с бухты-барахты-то. Конечно, целую кучу приёмов придумали, — теперь уже проворчала сестра и принесла к кровати тяжёлый стул, чтобы усесться на него, словно на лошадь — перед спинкой. — Так что, пока Лулы нет, быстро вспоминаем, что мы слышали об измигунах. Матку можно убить, если выстрелить из арбалетов или огненным лучом сразу в семь жизненных точек.

— Они рождаются из яиц, — медленно сказал Виктор, словно делая открытие из открытий. — А ведь я даже не подумал, что это странно: они же шерстяные! И матка не выходит из склепа, даже если детёныши погибают. Но, если выходит... Или я неправильно понял?..

— Вот этот момент и надо уточнить у Лулы. Что врать ей будем про наш интерес?

— Что-то я себе плохо представляю, чтобы эти шерстяки вылезали из яиц, — совершенно ошарашенный и заикливший на своём открытии, проговорил Виктор.

— Мы же не знаем опять-таки, может, они перед тем, как насекомые, а потом, типа, окукливаются и вылезают уже с шерстью? — предположила Алиса. — Но взрослые выглядят, как обычные звери. Позвоночник, кости лап — всё при них. Так что главный вопрос: почему у них семь жизненно важных центров? Витька, очнись! Надо придумать вопрос Луле, чтобы заранее узнать, хоть примерно, что собой представляет измигунья матка! Как у неё спросить об этом — думай!

Брат посопел немного, потупив голову, будто разглядывал узор на стареньком коврике у кровати, а потом посмотрел на Алису и пожал плечами:

— Она приняла на веру, что мы раньше в основном жили в городе. Вот от этого плясать и будем. Ну, например: Лул, а что у вас говорят об измигунах?

— Это слишком обобщённо, — вздохнула девушка и вздрогнула от стука в дверь.

Они переглянулись: приватный разговор не получился. Но делать нечего, пришлось вместе с белобрысенькой спускаться на первый этаж, в столовую залу. Оглядевшись возле входной двери, Алиса про себя решила: «Бедненько, но чисто!» Столовая зала и впрямь не блистала богатством интерьеров, но вычищена была так, что девушка с трудом заглушила улыбку, воображая, как леди Хелен рычала на прислугу, добиваясь от неё не только чистоты, но и аккуратности. В общем, все деревянные панели и пол сияли чистотой, а у самой двери лежал довольно плотный коврик, о который Виктор при входе чисто машинально вытер ноги — под одобрительным взглядом матери и удивлённым — всех присутствующих в зале гостей.

Мать в основном была занята тем, чтобы угодить гостям (ей уже подсказали, что гости достаточно представительные), а потому гоняла прислугу с переменой блюд, да и сама частенько бегала на кухню, если считала, что прислуга о чём-то забыла. Неудивительно, что в её частое отсутствие, когда не надо отвлекаться на светские разговоры, гости быстро

сумели наладить между собой деловую беседу. Именно за столом был рассчитан план действий и учёбы неопытных магов, у которых только-только открылся дар огненной магии. А когда юные маги-огневики проболтались, что у них уже есть свой личный учебный полигон, то сразу после обеда всё почтенное общество немедленно направилось посмотреть и место, и то, чем занимались на нём брат с сестрой.

Два учителя магии (теперь Виктор и Алиса знали, что они-то как раз боевые!) буквально обнюхали каждый участок полигона, измерили шагами расстояние от места огненного броска до шестов с досками-мишенями на них, а также яростно поспорили между собой над шестом, вкосу «перерубленным» Виктором. Всё это время дан Реган оставался рядом с Алисой. Когда выяснилось, что она тоже тренировалась с собственным даром, именно он предложил посмотреть, как девушка создаёт огненные мячи и сбивает ими деревяшки со скамьи.

— Почему сначала решили сбивать, леди Алиссия? А не попробовать огненный луч?

— Я хочу научиться делать и то, и другое, — объяснила Алиса. — Мячик нужен на тот случай, если придётся отбиваться от матки или догоняющих нас измигунов. А лучи я побаивалась тренировать, потому что они могли быть неправильно созданными.

— Что значит — неправильно? — удивился дан Силлаг.

— Ну, вдруг есть какой-нибудь боевой приём? А я свой придумала. А если боевой лучше? А потом переучиться не сумею? Поэтому и начала с мячиков.

— Рационально, — оценил дан Силлаг.

Седоголовый дан Конлет согласился с ним, а Алиса так и не поняла: рационально — это хорошо или плохо? Судя по нахмуренным бровям брата, он тоже не понял.

Старшие маги заставили брата и сестру показать, как они тренировались, чтобы сообразить, с чего начать с ними уроки по магии огня.

Бросив краткий взгляд в сторону, Алиса заметила Лулу. Белобрысенькая времени не теряла. На улицу она взяла с собой небольшую корзинку и сейчас, усевшись на бревно из строительных материалов для конюшни, принялась за вязание спицами. Судя по бросаемым на неё взглядам Виктора, он был доволен.

Дан Герхард со своими всадниками бродили по полигону на большом расстоянии друг от друга. Насколько Алиса определила, они были поставлены в качестве охраны. Дан Реган почему-то резко сдал позиции человека, который всем заправлял, и постоянно находился где-то на периферии, а потому просто-напросто был забыт на время тренировок. Хотя Алиса несколько раз машинально натыкалась на него взглядом.

Вскоре брат и сестра полностью забыли обо всём на свете. Учителя магии гоняли их с требованиями вытворять огонь в таких количествах, что оба только и успевали выслушать их и тут же вызвать нужную форму. Алисе показалось, она вот-вот начнёт не только ошибаться, что именно надо делать, но и вообще не сумеет сделать того, что от неё требовали. Огромное количество вопросов, жужжавших в голове, пропало сразу. От неё, как и от Виктора, требовали только действия, требовали только послушания.

И они бы выполняли, пусть даже опаздывая, все требования на свете, если бы не...

Первым ахнул Виктор, глядя на ладонь, из середины которой взвился слабый прозрачный огонёк, чтобы тут же смяться в нечто слабенькое, а затем и вовсе пропасть.

Следом за ним Алиса, только что выпустившая мячик по очередной деревяшке, попыталась выпустить следующий — и изумлённо посмотрела на ладошку, которая наотрез оказывалась работать.

— И что теперь делать? — обиженно спросил Виктор у ближайшего учителя магии, который оказался даном Силлагом.

— Вы впервые теряете силы? — удивился тот в свою очередь.

— Но мы же говорили вам, что умеем вызывать огонь всего несколько дней! — возмутилась Алиса. И вдруг догадалась: они не поверили! Слишком легко брат с сестрой манипулировали пламенем. Слишком легко выполняли приказы, подаваемые со стороны.

Кажется, брат тоже это сообразил. Он хмыкнул и предложил:

— А вы покажите, как восстанавливать силы-то. Тогда и научимся, и продолжим.

— То есть вам не хватает только магических сил? — пожелал удостовериться дан Конлет. — Но вы готовы учиться далее?

— Конечно!

Полчаса ушло на то, чтобы усвоить нужные приёмы собирания силы. Причём Алиса уловила связь между сбором силы здесь, в магическом мире, и в мире собственном — у индийских йогов, например. То есть и здесь предложили сесть в «лотос», правда, позу не обзывали именно «лотосом». Затем велели сложить руки так, чтобы раскрытые ладони оказались на коленях, будто брат с сестрой решили позагорать на солнышке именно ими. А потом скомандовали слушать свои ладони, одновременно чувствуя землю, на которой они сидели. Виктор даже взглянул на сестру, усмехаясь, мол: «И здесь йога!» Но выполняли все команды послушно и старательно.

Едва сев в позу, Алиса сразу поняла, что устала. Пока азарт подгонял её выполнять приказы магов, она брала своё на том же азарте: «Думаете — не сделаю? А вот нате вам!» Но чуть появилась передышка — и ладони потянуло вниз так, словно на них были надеты металлические рукавицы.

Так что сейчас, сидя в «лотосе», она отчётливо уловила момент, когда руки начали терять странную тяжесть. Странной та была, потому что вызвала вопрос: «Если я потеряла силы, то почему руки тяжёлые?» Зато стало ясно, когда силы восстановились: ладони полегчали — и вскоре настолько, что Алиса перестала чувствовать, как они давят на колени. Пока сидели в «лотосе», собирая энергию и постепенно ощущая лёгкость, старшие маги уселись напротив и начали лекцию о том, как надо видеть.

При первых словах дана Конлета брат с сестрой переглянулись. Именно — раздвоение предмета. Это было первое, что они сами усвоили. Нечаянно. И приятно было, что эта часть обучения оказалась для них знакомой.

Лекция была коротковата, и старшие маги пообещали, что они будут повторять её главные тезисы каждый день, пока всё сказанное ими не перейдёт в практическое использование приёма на уровне рефлекса.

— А чем могут заниматься маги огня, когда не будет измигунов? — не выдержал Виктор. — Ну, когда не будут участвовать в войнах, например? Чем они могут заниматься в мирной жизни?

Старшие маги, будто сговорившись, одновременно повернули головы в сторону. Удивлённые брат с сестрой машинально проследили их взгляд и снова удивились: учителя смотрели на дана Регана. Тот, обнаружив общее внимание, смущённо улыбнулся, а потом чуть отошёл от всех сидящих на земле — на траве, вообще-то. И встал так, словно собирался тоже показать что-то, что может пригодиться в войне с измигунами.

— Магия огня завораживает, — спокойно сказал он и кивнул Виктору, который смотрел на него, как на... волшебником обзвать — сообразила Алиса, — даже глупо. Поскольку маг

— тот же волшебник. В общем, Виктор ждал следующих чудес. — Поэтому каждый развивает личную огненную стихию так, как ему нравится.

И он поднял руки в стороны, на уровне плеч.

Вскрик брата и сестры заставил его лишь вновь смущённо улыбнуться.

Но драконьи крылья за спиной дана Регана трепетали ослепительным огнём, и это было так прекрасно и величественно, что Алиса прикусила губу от потрясения. Но на брата это поразительное зрелище произвело иной эффект: Виктор вскочил с места и помчался к дану Регану с воплем:

— Как?! Я тоже так хочу!!

Старшие маги расхохотались.

Тем временем огонь крыльев будто втянулся в тело мага — и Алиса вздохнула: пламя просто пропало, а не втянулось. Но впечатление, что маг обладает настоящими крыльями, осталось. И уже снисходительно дан Реган сказал:

— Дан Виктор, как только вы получите возможность управлять личным даром и мы покончим с измигунами, я научу вас этому приёму.

Когда огненные крылья пропали, выяснилось, что на улице наступает вечер, потому что стало гораздо темней, чем ранее. Ещё парочка зрелищных тренировок — и старшие маги велели отправляться домой.

— А магическое зрение? — требовательно спросил Виктор. — Вы обещали начать сегодня! Или мы будем заниматься дома?

— Нет. Дома вы не будете заниматься зрением, — категорически сказал дан Силлаг. — Обучение магическому зрению сложнее, чем управление личным огнём. Поэтому повторяю: сначала вы усвоите теорию магического зрения, а уж потом приступим к практическому обучению.

Алиса сжала руки на груди: везёт брату! Он, будучи младшим, легко решает свою проблему с незнанием, задавая порой наивные вопросы. Но что будет, если вопросы начнёт задавать она? Ведь большинство её вопросов из тех, ответы на которые должны знать все жители этого государства!.. Что же делать... Попробовать-таки допросить Лулу?

— О чём вы задумались, леди Алиссия? — спросил дан Реган, быстро приблизившись и взяв её под руку, тут же ещё полюбопытствовав: — Вы ведь не будете против моей руки?

— Нет, — машинально ответила она и тут же нахмурилась: — А почему вы об этом спрашиваете?

— Возле лесного дома вы сбежали, едва я взял вас под руку. Может, хотя бы сейчас вы объясните мне причину того странного поступка?

Один из вопросов, на которые трудно отвечать, но уже не как жительнице иного мира. Алиса помолчала, ведомая им, а потом решила взять пример с брата и быть наивной и даже слегка недалёкой — таким многое прощается:

— Я тогда думала, что вы... жених леди Эйслин. И это было нехорошо, что вы взяли меня под руку. Тем более все тогда думали, что я... про навет дана Бартлея вы помните, не правда ли, дан Реган?

— Вот в чём дело...

Он задумался о чём-то, а Алиса даже обозлилась: вкрадчивая попытка выяснить, кто он такой, провалилась на корню. Ишь. Промолчал! А ей как быть? И попыталась снова продолжить разговор:

— А задумалась я о том, что некоторые вопросы для меня остаются... — она пожала

плечами, — туманными.

— Почему?

— Видите ли, — немного чопорно сказала она, не зная, можно ли вести светский разговор и одновременно говорить о таком настолько личном, что лучше бы умолчать, — когда меня привели в лесной дом, я не заметила порога, споткнулась при входе в холл и сильно упала. — Свободной рукой она коснулась затылка. — Даже дан Бартлей заметил, что падение сказалось на моей памяти.

— Покажите, — скомандовал дан Реган, останавливая её, удивлённую, и поворачивая так, чтобы она оказалась спиной к солнцу.

Он поднял ей волосы и посмотрел на затылок, коснувшись его и не заметив, как мурашки побежали по всему телу девушки: у него оказались такие горячие пальцы, что Алиса невольно подумала: «Как у дракона!»

— След остался, — подтвердил дан Реган. — Из меня целитель никудышный, но надо бы обратиться к дану Конлету...

— Нет, спасибо, — поспешно отказалась девушка. — Боли уже давно нет, так что обойдусь без внимания целителей.

— Пусть пока так, — уступил дан Реган, — но что бы вы хотели восстановить в памяти? Насколько я помню, именно с этого началась наша беседа.

— Много ли по всему королевству таких измигунных гнёд? — выпалила Алиса, боясь, что устрасится и не сумеет-таки задать вопрос, который больше всего её волновал.

— Здешнее — двенадцатое, — ответил дан Реган и угрюмо добавил: — Из тех, о которых мы знаем. О войне вы помните, леди Алиссия?

— Конечно, — отозвалась девушка. — Ведь в ней погиб мой отец.

— До того, как война закончилась, об измигунах не слышали. Разве что были легенды о них — тех, что когда-то существовали в других землях. Но после войны, едва только она закончилась, измигуньи гнёзда начали появляться в самых разных местах. Кое-где, поскольку они были не самыми опасными, как возле нашего лесного дома, мы оставляли их на время. Ведь в таких местах редко появляются люди.

Алиса мгновенно вспомнила Куна и подумала, что оборотень мог бы кое-что возразить дану Регану, но промолчала.

— Поэтому мы думаем, что соседнее королевство, покусившееся на наши земли, таким образом решило отомстить за своё поражение. Маги у них тоже сильные. И среди них есть те, кто не гнушается обращаться к мрачным силам, если это им позволяет совесть. Тем более появление у нас измигунов совпало с окончанием войны. Поэтому мы и думаем, что всё это отнюдь не случайно.

Он замолчал, шагая рядом с ней к дому, но молчал как-то так, что Алиса заглянула ему в лицо и хмыкнула: оказывается, он тоже постоянно поглядывал на неё.

— Вы тоже хотите о чём-то спросить меня? — не выдержала она.

Он покачал головой, улыбаясь.

— Когда я задал вопрос, что вы хотите восстановить в памяти, я не ожидал, что вопрос будет об измигунах.

— Вы думали — я задам вопрос о личном? — уточнила Алиса. — А вы... ответите?

— Если ответ будет мне под силу, — откликнулся он.

— Вы кто? — выпалила Алиса. — Вы ведь не жених леди Эйслин! Кто вы?

Он даже оторопел слегка. Такого вопроса он явно не ожидал. Но Алиса неотрывно

смотрела ему в лицо: двор «родительского» дома приближался! А если дан Реган воспользуется оказией, что пора заходить в дом, и не захочет отвечать?

— Я кузен дана Маркаса, — наконец неохотно ответил он. — Когда-то давно мои родители погибли. Мне тогда было лет семь. И отец дана Маркаса забрал меня в свою семью, где воспитал как собственного сына. Как дана Регана Маркаса. С братом у нас одинаковые имена. Различают их только по родовому. — И снова помолчав, безразлично спросил: — А это имеет для вас значение?

— Да, — твёрдо сказала Алиса. — Ведь вы знаете обо мне почти всё. А я о вас — ничего. Теперь мне легче общаться с вами. Почти на равных.

— Вот в чём дело, — с едва уловимым облегчением вновь улыбнулся дан Реган. — Это меняет дело.

В холле их встретила леди Хелен, которая, несмело поклонившись дану Регану, велела дочери бежать наверх, к себе, умываться перед ужином. Когда мать отошла от них, дан Реган обратился к Алисе:

— Во время ужина мы можем сесть рядом? Мне нравится беседовать с вами.

— Спасибо, — покраснелась девушка. — Я постараюсь.

И побежала наверх с главной целью — рассказать брату, что загадка дана Регана разгадана. Виктор, к её удивлению, в своей комнате отсутствовал. Заглянуть в комнату Лулы Алиса не решилась и побежала к себе. Дану Регану только руки вымыть — переодеться он точно не будет. Опаздывать не хотелось.

Дверь в свою комнату распахнула резко и замерла на пороге: на кровати снова сидел брательник!

— Ты чего здесь?..

— Лиска... что я узнал... — чуть не зашипел Виктор, раздражённо добавив: — Закрывай дверь! Быстрее! Подслушают ещё!

— Кто?! — И тут же вспомнила, как сама недавно побаивалась того же.

— Ты чё? Ещё не поняла?! Если они смотреть сквозь стены умеют — значит, и подслушивать тоже!

— Глупо, — буркнула Алиса и подошла к умывальнику, на ходу снимая запылившуюся юбку и оставаясь в штанах. — Давай спросим, слышат ли?

— Да ладно. Потом, ага? Так вот... Матка эта расползается по всему склепу или другому там жилищу! — нетерпеливо выпалил Виктор.

— Чё-о?!

— Я Лулу разговорил, пока домой шли. Она и рассказала. У них тут ведь как сказки — вся информация про измигунов. И во всех сказках совпадает! Понимаешь, кажется, эта матка похожа на осьминога, когда начинает высиживать яйца!

Алиса, нагнувшись над раковиной, застыла на месте. Набранная в ладони вода медленно просачивалась сквозь пальцы, как она их только ни стискивала. Она пыталась представить себе существо, похожее на измигуна, уже виденного ею, но почему-то преобразившегося в осьминога!

— Ты уверен, что правильно её понял?

— Уверен! Эти семь мест, которые жизненно важные... Они — места крепления ног к основному телу! — возбуждённо рассказывал брат. — Но это, блин, ещё ничего! Ты не представляешь, что эта матка умеет делать!

Пока он сглатывал слюну, чтобы не сипеть от возбуждения, она успела мысленно

несколько раз убить его!

— Ну? — рявкнула Алиса. — Что она ещё умеет?!

— Когда она высиживает яйца, она внедряется в стены жилища! — и Виктор осел, видимо считая, что объяснил всё до конца.

Девушка тщательно вытерла лицо и руки полотенцем и подошла, села рядом с ним.

— Так, а теперь конкретней. Что значит — внедряется?

— Ну, это место я сам не совсем понял, — признался брат. — Тем более — я старался в воображении увидеть это, но... Лула сказала — матка становится частью дома. Или... — он растерянно пожал плечами. — Или самим домом. — И глупо от той же растерянности хихикнул: — Ты только представь: убили мы всех измигунов — и за тобой мчится склеп!

Обалдевшая Алиса только и сумела спросить:

— Ты уверен, что последнее — не чисто сказочный элемент?

— Во всех сказках Лулы эта часть встречается часто, — уже успокоившись и став серьёзным, вздохнул Виктор.

— Так, подожди... — задумалась девушка. Что-то в этой информации её озадачивало, но что? Наконец она сообразила: — Если, как говорит Лула, у матки измигуна семь ног...

— Щупальцев, — поправил Виктор.

— Ой, блинчики-оладушки... ну, щупальцев... И они крепятся к основному телу, тогда... Почему тогда все говорят, что стрелять надо одновременно?

— А, ты про это. Тело-то у матки измигунов пластается по потолку, — совсем уже мрачно сказал брат. — И оно очень пластичное, если я правильно понял Лулу. В том смысле, что оно постоянно изгибается и в него трудно попасть. И ещё. Если прострелить только одно место — или сразу шесть из семи, она даже не заметит этого! Выдерет любое жилище из земли, например, и погонится убивать охотника на неё.

Опять помолчали, сидя так близко друг к другу, что касались локтей.

— Звучит, конечно, странно, — с сомнением произнесла Алиса. — Зато объясняет, почему её так трудно убить. Значит... значит, придётся заниматься магией изо всех сил, чтобы... — Она неуверенно пожала плечами. — Чтобы нас однажды не догнало какое-нибудь здание... Брр... Витька, а тут ужастики пострашней наших будут.

— Думаю, не пострашней, — задумчиво возразил брат. — Мы просто и с нашими практически, ну в практике, не встречались. В этом вся разница. Ну что? Идём ужинать?

— Что-то мне и есть теперь расхотелось... — пробормотала она.

— А придётся, — наставительно ответил брат. — Часть сил для огня берётся с еды. Дан Силлаг сказал.

— Тогда пошли...

В коридоре они встретили Лулу, и Алиса пошла впереди парочки, размышляя над полученной жутковатой информацией.

Но в столовую залу Алиса вошла не одна. Ещё спускаясь по лестнице, заметила в холле дана Регана. Он сидел в кресле, глядя в окно и, наверное, о чём-то задумавшись. Заслышав поспешный топоток на лестнице, обернулся и встал. Немного смутившись, Виктор было замедлил шаг, но почему-то взял Лулу за руку и вновь надал скорости, так что парочка просто ушмыгнула в столовую залу.

Но дан Реган даже не посмотрел им вслед. Всё его спокойное внимание было направлено на Алису. Поэтому, поневоле, она не прошла мимо с учтивой улыбкой, а шагнув с последней лестничной ступени, сразу повернула к нему. Ощущала себя странно: как будто вся одежда на ней наэлектризована донельзя, как будто малейшее движение воздуха в холле заставляет дёргаться от статических уколов по всему телу. А движение воздуха могло вызвать любое, мало-мальски заметное происшествие. Например, то секундное, когда светски отстранённая улыбка дана Регана: «Леди, я вас вижу и приветствую ваше появление!» неожиданно превратилась в мягкую, обволакивающую. Алису в эту легкомысленную секунду пробило аж целой волной электрических стакато, неровно промчавшихся по коже. А когда дан Реган галантно предложил ей руку, она в полном смятении и на полном серьёзе ожидала, что, едва их пальцы соприкоснутся, она не сумеет удержаться и вздрогнет, если между ними проскочит та же электрическая искра.

Электрического разряда не произошло, но мурашки по спине рванули-таки: пальцы у дана Регана оказались не просто сухими, но ощутимо горячими. Шагая с ним под руку к столовой зале, Алиса ещё неуверенно подумала: «Лето же. И он опытный маг огня. Но... тогда почему у меня такого нет? Нет, мои пальцы тоже сухие, но не настолько же. Просто тёплые. А у него...»

Садясь на выдвинутый даном Реганом стул, она решила, что разница в том, что она неопытный маг, а он очень даже опытный. Особенно если учесть, что её огненные мячики и стрелы не шли ни в какое сравнение с его «драконьими» крыльями. Она немного покидала свой огонь — и истощила запас личных сил. А он, и убрав крылья, не ушёл, а продолжал стоять рядом с юными магами, помогая создавать привычные им формы огня, одновременно с учителями-магами показывая ученикам, как лучше и быстрее это делать.

Алиса села за стол и быстро огляделась.

Последним вошёл дан Силлаг. Он тоже оглядел уже сидевших за столом, и почему-то недовольное выражение буквально на мгновение заставило его скривиться, приподняв уголок губ. «Что с ним? — удивилась девушка. — Что ему не понравилось?» Снова осмотрев едоков, чуть пожала плечами. Вроде ничего особенного, все сидят так, как сидели на обеде. Разве что, помня расположение обедавших, Виктор уже намеренно отсел подальше от взрослых и, естественно, прихватил с собой Лулу, чтобы поболтать с ней на свободе. Но дан Силлаг только скользнул по парочке глазами — значит, не они вызвали его недовольство. Леди Хелен, несмотря на её ощутимое смущение, как и в обед, усадили во главе стола, и сейчас её занимал, кажется, бесконечными разговорами дан Конлет, сидевший справа от неё.

Совладав со своим раздражением, дан Силлаг двинулся к своему месту — слева от хозяйки дома. «Неужели он сердится из-за мамы и дана Конлета?» Догадка пришла, чуть запоздав: дан Конлет вновь сказал леди Хелен что-то шутливое, отчего она негромко

рассмеялась, а затем седоголовый маг мельком бросил озорной взгляд на подходившего коллегу. «Да он его поддразнивает! — удивилась Алиса. — Надеюсь, дан Силлаг понимает это. А мама...»

Ха... А мама-то ведь тоже сообразила, что двое мужчин ведут шутливую (хотя бы с одной стороны) борьбу за её единоличное внимание. И ей это понравилось! Постоянные тревога и беспокойство на её лице (всё ли я делаю так, как надо?!) постепенно растворились, превратившись поначалу в недоверчивое удивление («Я могу нравиться?»), а затем в радостное волнение.

Оцениваяюще взглянув на мать, Алиса улыбнулась. Мама всегда была чуть полноватой, особенно после развода с отцом, когда заедала свои обиды и нежелание что-то делать. Но сейчас, после нескольких дней работы в неожиданно доставшемся ей доме, когда наверняка и сама принимала участие в его генеральной уборке (разве что прячась от прислуги), она выглядела и приятно похудевшей, и посвежевшей — постоянно будучи-то на свежем воздухе. А главное — она выглядела весьма энергичной. Куда пропала её нелюдимость разведённой? Ведь, насколько знала Алиса, именно леди Хелен принимала активное участие в подготовке обедов и прочих застолий.

Невольно прошлась изучающим взглядом по столу. Роскошно, несмотря на несколько странные блюда. Мать успела испечь те самые грибные пироги, которые так обожала готовить дома. Тут же, в большом плоском блюде — её любимый салат из овощей-гриль, который с таким интересом накладывают к себе в тарелки и пробуют нежданные-негаданные гости. Копчёную крольчатину, привезённую детьми из лесного дома, она тоже умудрилась пустить в ход, мелкими кусочками нарезав её, как основное блюдо — холодную закуску, с гарниром из салата со свежими овощами и горсткой каши. Ну и любимейшие булочки. Алиса схватила одну и чуть переломила, поймав вопросительный взгляд смеющейся матери, мол: как тебе то, что получилось?.. Всё правильно. Леди Хелен в своём мире обожала печь пресные булочки со сладкой начинкой. Вот и здесь что-то... Девушка распробовала и покачала головой — запечённая сладкая тыква!.. Взбитая, почти повидло!

Посмотрев на брата, Алиса увидела его глаза. А в них и грусть, и... ностальгия? Ведь мама чуть не каждый день устраивала пышные обеды и ужины. Пока не ушёл отец. Это после его ухода она опустила руки и поплыла по течению. Может, Алиса была не права, когда злилась на неё? Может, то был временный период адаптации к одиночеству? И надо было только пережить его? Трудно... Или на неё повлияло попадание сюда, в этот странный и страшный (о чём она пока не догадывается) мир?

Но о матери Алиса думала недолго, поскольку её локоть что-то задело.

Оглянулась — и улыбнулась: суперсерьёзный дан Реган, наложив себе на тарелку салат, протянул руку, чтобы наполнить тарелку соседки.

— Спасибо, — прошептала она, не желая мешать оживлённой беседе за столом.

Он учтиво кивнул и поставил её тарелку на место.

— Интересное блюдо, — сказал он, явно напрашиваясь на разговор.

— Леди Хелен любит готовить что-то необычное, — дипломатично откликнулась Алиса. — Дан Реган, я видела, как от крыльца двое всадников собрались в дорогу. Они снова собираются к избушке пасечника? Сторожить её?

— Нет. Дан Герхард отправил их с заданием к дану Маркасу, — ответил тот. — По приказу короля, мы должны немедленно сообщать о найденных гнёздах измигунов.

— Вы говорили, что в королевстве обнаружили двенадцать гнёзд. А сколько было

уничтожено?

— До этих двенадцати — шесть, — сказал дан Реган.

Улыбку с лица Алисы словно смыло.

— То есть гнѣзд, с этим, которое возле нас, было бы восемнадцать? — медленно спросила она. — А что сделает дан Маркас, когда узнает о новом гнезде?

— Есть договорѣнность: если владетель находит измигунье гнездо, он не только должен доложить о нём королю, но и сделать всё, чтобы не пострадали люди, которые живѣт рядом с измигунами. Дан Маркас должен прислать сюда отряд арбалетчиков, а заодно — дана Ристерда и леди Эйслин.

— Леди Эйслин — седьмой маг? — сообразила Алиса.

— Именно так.

— Простите моѣ любопытство, дан Реган. А леди уже принимала участие в уничтожении измигуньих гнѣзд?

— И весьма активное. На её счету — три гнезда. Совместные, — уточнил дан Реган.

Совместные — надо понимать, уничтожения вместе с другими шестью магами? И Алиса преисполнилась жуткой зависти. Такая дама солидная, как ей показалось! И, оказывается, такая бесстрашная охотница! Но главное — уже обученная!

Отличный стимул — признала Алиса. Посоревноваться с охотницей на измигунов. Надо бы рассказать Виктору про неё. Пусть тоже впечатлится.

— А мы сегодня ещё пойдѣм тренироваться?

— Больше — нет. Вам с братом надо отдохнуть. Пока вы сами не замечаете, но расход сил может быть очень большой.

— Но вы же учили нас добирать силы! — удивилась Алиса.

— Леди Алиссия... — Дан Реган сказал и улыбнулся, будто специально сказал, чтобы услышать её имя, произнесѣнное вслух. — Если мы будем проводить тренировки постоянно, вы сами не заметите, что каждый новый набор сил будет расходоваться гораздо быстрее, чем обычно.

— Почему?!

— Сами того не замечая, вы будете от усталости расходовать магический запас более... не столь бережливо. Опытные маги давно знают об этом странном элементе магических тренировок. А потому, если вы спросите дана Конлета или дана Силлага, они подтвердят мои слова.

— Хм. А если так долго придѣтся тратить силы, обороняясь от измигунов?

Дан Реган вновь улыбнулся.

— Вы не поверите, леди Алиссия, но в той ситуации вы будете расходовать силы гораздо экономней, чем на тренировках.

— Интересное наблюдение...

— Леди Алиссия, не хотите ли перед сном прогуляться вокруг имения вашей матери? — внезапно предложил дан Реган и усмехнулся. — Насколько я понял, ваш брат сговаривается с леди Лулой о том же.

— Почему бы и нет? — обрадовалась Алиса и тут же остудила свою слишком откровенную радость, добавив со вздохом: — Правда, гулять тут не слишком удобно. Вы, наверное, привыкли к паркам и садам, где есть прекрасные аллеи и скамейки?

— Что вы, леди Алиссия! — Он даже рассмеялся. — Мне больше нравится, когда можно гулять в лесу или на берегу реки, где редко кто бывает.

— А лесной дом? — заторопилась узнать девушка. — Вам нравится лесной дом?

— Нравится, — вздохнул дан Реган. — Именно я всегда уговариваю леди Эйслин и её друга — дана Ристерда, ездить в это замечательное место на небольшую охоту.

— Которую в этот раз я вам испортила, — со вздохом закончила Алиса. — Простите, пожалуйста. Я сама как-то не ожидала...

— Если бы не страх леди Эйслин, что вы, падая, можете повредить себе руки-ноги, я бы лучше выждал, когда ваши пальцы ослабеют, дожидаясь вас под крышей, на земле.

Алиса передёрнула плечами и простецки заметила:

— Я бы за время падения сто раз успела бы умереть от страха, так что моя огромная благодарность леди Эйслин!

Когда ужин закончился, Алиса, прикусив губу, посмотрела на стол. Уже не впервые её хотелось принять участие в уборке, относя посуду в кухню. Но в столовую уже заглядывали служанки. Причём девушка с удивлением отметила, что глаза служанок устремлены не с вопросом на хозяйку, а с жадностью — на стол. Вспомнив, какие они тут все упитанные, Алиса развеселилась: после маминых пирогов не растолстеют ли они ещё больше? Мало того что пироги сдобные, так ещё и с вкуснейшей начинкой!

После ужина народ распределился по микрокомпаниям: Виктор быстро уволок Лулу гулять на всё тот же полигон, но не для тренировок (Алиса успела предупредить его о замечании дана Регана), а для какой-то игры, которой он очень хотел белобрысенькую научить. Лула скрывала улыбку, постоянно наклоняя голову. Но видно было, что ей лестно это внимание юного мага.

Пока леди Хелен распорядилась уборкой столовой залы после ужина, успокоенный, что дан Конлет на хозяйку дома не покушается, дан Силлаг в холле терпеливо ждал, когда она освободится от домашних дел и переоденется к прогулке. Алиса ещё улыбнулась: если маг огня даже и чуть младше её матери, этой разницы точно не видно. А уж как расцвела леди Хелен, когда поняла, что взгляды дана Силлага на неё явно исполнены серьёзных намерений!..

Дан Конлет ушёл к дану Герхарду, который отдельно от магов ужинал в компании оставшихся в поместье двух всадников, — отдать какие-то организационные задания на завтрашний день.

А дан Реган не стал терять времени зря. Подхватив Алису под руку, он повёл её за пределы родительского дома. Сначала по знакомой дороге вышли к полигону возле конюшни, где Виктор успел расчертить утопанную землю и показывал Луле, как играть в «классики», обещая потом научить игре «в ножички», для чего собирался расчертить уже круг. Алиса ещё подумала: вряд ли белобрысенькой настолько понравится «в ножички», если есть игра, в которой можно кокетливо попрыгать, слегка подобрав подол юбки. С другой стороны, кажется, Лула готова научиться всем играм, лишь бы дан Виктор был рядом. Опустив глаза, Алиса ухмыльнулась: обещанная ей «придворная» прислуга, судя по всему, превратилась в сестрёнку! Если учесть, что Алиса с трудом привыкала к мысли о личной прислуге, не представляя, как кто-то помогает ей одеваться («Фу! Как инвалидке!»), то нынешнее положение Лулы при ней ей нравилось.

— Когда мы подъезжали к вашему дому, я видел неподалёку речку, — вмешался в её мысли дан Реган. — Леди Алиссия, не хотите ли погулять рядом с берегом?

— При одном условии! — засмеялась девушка, замирая: речки она не знала, а значит, надо как-то выкручиваться. — Если вы сами вспомните, где та речка находится.

Он понял её иначе. Улыбнулся сам.

— Хотите поблуждать до неё? Чтобы прогулка вышла гораздо любопытней? Прекрасно! Ищем вашу речку!

Речушку нашли слишком быстро — всего лишь наполовину обогнув дом с его пристроями. Кстати, именно эта прогулка рассказала Алисе многое о месте, временной владелицей которого до вступления Виктора в совершеннолетие стала леди Хелен.

Болтали о многом, чему Алиса даже удивлялась: вроде она многого знать не должна, как недавно здесь появившаяся. Но выяснилось, что дан Реган — отличный рассказчик, так что она легко раскрутила его на истории об уничтоженных гнёздах измигунов. Странно, что он легко принял её интерес к этим историям. А может, решил, что новое положение, когда из избалованных дочек — в маги огня, и заставляет Алису расспрашивать его в подробностях о страшной охоте.

Алиса же не только закидывала его вопросами (а что — зато он не спросит о чём-то таком, чего не знает в этом мире она!), но и старалась запоминать необходимое, чтобы потом передать информацию брату.

Речка поросла кустарником и высокими травами. К берегу порой трудно было подойти, но нашлось местечко, где когда-то давно упало дерево. То ли с него специально обрубали сучья, то ли со временем они сами сгнили и свалились, но брёвнышко получилось удобным, чтобы посидеть на нём вдвоём. Что дан Реган и предложил Алисе, подав ей руку. Девушка присела, и мужчина деликатно примостился рядом. Глядя на поблёскивающую небом воду (солнце зашло, но ещё было светло), дан Реган спросил:

— Мне говорили, что раньше вы с братом жили в городе. Хотели бы и далее там жить? Вам нравятся оживлённые улицы? Общение с другими?

Алиса покачала головой и засмеялась.

— С недавних пор моя мечта — место, подобное лесному дому. Несмотря на нерадостные причины, которые привели меня в тот дом, мне он очень понравился. Там вода течёт рядом с жилищем. Там лес подступает к стенам. Может, я слишком идеализирую лесной дом, но всё ещё, пусть там были страшные измигуны, думаю о нём с грустью. Ну, в смысле, что он нам так и не достался.

— Понятно, — задумчиво произнёс дан Реган.

Потом они сидели на упавшем дереве, молча смотрели на воду, слушая её мягкий звон и нередкий всплеск (рыба играет?), слушая негромкое пение вечерних птиц, прятавшихся в прибрежных кустах... Когда стало по-вечернему прохладно, дан Реган встал и повёл Алису к дому.

Как ни странно, но перед крыльцом дома они встретили дана Конлета, восседающего на лошади, и дана Герхарда, а также сопровождающих их двух всадников.

— Мы решили устроить конную прогулку, — объяснил дан Конлет на удивлённый взгляд Алисы. — Лошади застоялись.

Девушка о лошадях знала маловато, чтобы возражать. Тем более дан Реган кивнул всадникам и сразу повёл девушку в дом, бормоча что-то вроде о том, что стало слишком холодно и неплохо бы погреться у камина. Алиса быстро согласилась с ним, сообразив, что посидеть там же готов и сам дан Реган... Посидели неплохо, особенно когда прислуга принесла горячий чай. Болтали обо всём на свете — в основном дан Реган, опять-таки с подачи Алисы. Потом прибежали Виктор и Лула, тоже слегка продрогшие, и обрадовались, что чайничек с чаем ещё горячий, а на подносе есть «лишние» чашки. Так что эстафету

невольного болтуна перенял брат, с оживлением рассказывая об играх, а порой его перебивала Лула, вспоминая в основном смешные моменты их прогулки на двоих.

Но вскоре и они, напившись горячего чаю, утомонились, а потом и белобрысенькая начала клевать носом, кажется задремав.

Алиса, посмеиваясь, подняла её с кресла и повела наверх, в её каморку — укладывать спать. Везде горели свечи, так что в доме появился тот уют, который ей нравился в лесном доме. Размышляя обо всём том, она не заметила, как её улыбка постепенно пропала. Та червоточина, которая медленно вонзалась в здешнее пребывание. Две недели до созревания измигунов. Один раз было промелькнула нехорошая мыслишка, узнать бы у матери, нет ли с той стороны какого-нибудь другого жилья, куда измигуны могут отправиться, проигнорировав «родительский» дом. Но, как только мысль сформировалась, стало стыдно: это бессовестно — выигрывать собственную жизнь за счёт других! Так что надо настроиться на уничтожение ночных тварей и их матки.

Переодев белобрысенькую для сна, Алиса повела её к кровати — еле ступающую заплетающимися ногами по полу. Ещё удивилась: как же брат сумел настолько умучить девочку? Заставил напрыгаться? Или они не только играли, но и бегали куда-то? Усадила Лулу на край постели и помогла лечь. Рука белобрысенькой на полдороге за краем одеяла упала, и, улыбаясь, Алиса укрыла девочку так, чтобы уж и ухо закрыть. Всё-таки вечера здесь очень прохладные. Наверное, она всё-таки угадала — и здесь последний месяц лета, вроде августа... Оглядевшись: одежда Лулы сложена на стуле, обувь под ним — кажется, всё сделано, что нужно сделать перед сном, Алиса на цыпочках удалилась из её комнаты.

То есть как удалилась: только дверь открыла выйти, как чуть не подскочила, когда поняла, что могла бы врезать по носу брательнику, который сторожил её выход.

— Лиска, можно, я у тебя посижу? — сонно спросил он.

Алиса подозрительно осмотрела его.

— Ты уверен, что не заснёшь по дороге ко мне?

— Можно подумать, к тебе идти полкилометра... — обиженно проворчал он, покачиваясь.

— Ладно, идём. Ты дана Регана одного у камина оставил?

— Нет. Он раньше ушёл.

Алиса к себе вошла первой. Брат застыл на пороге, разглядывая комнату так, словно впервые видел её, а потом его глаза наткнулись на кровать, и Виктор решительно поплёлся к ней. Не успела Алиса снять кофточку, надетую для вечерней прогулки, как необычный шелест заставил её обернуться: брат свалился головой на подушку и бессовестно дрых!.. «А мне что делать? — обескураженно подумала она, хлопая глазами на его счастливую улыбку. — К нему пойти спать? А если проснётся среди ночи и соберётся идти к себе? Вот ведь, а?»

Неясное чувство заставило забыть о брате и подойти к окну, после чего торопливо потушить свечу на столе. Вглядываясь во тьму, она следила, как в тёмном дворе дан Реган и дан Силлаг коротко о чём-то переговорили, а потом кивнули друг другу, словно соглашаясь на чём-то. Щуря изо всех сил глаза, она пронаблюдала, как дан Реган ушёл куда-то из поля её зрения, а потом вернулся, но не просто так, а с лошадьми. Садиться на них оба мага не стали, сразу же поведя их за собой на выход со двора.

Бросив взгляд на брата, Алиса выскочила из комнаты и помчалась вниз по лестнице, а потом — через холл к входной двери. На улице пришлось быть осторожней: ни свеч, что,

вообще-то, естественно, ни факелов. Но она сумела нагнать магов — на таком расстоянии, чтобы они её не заметили. И некоторое время шла следом, пока не сообразила, что оба идут к бывшей избушке пасечника.

Постояв немного и опасаясь быть замеченной магами в лугах, Алиса, судорожно сжимая себя за плечи, побежала назад. Но во дворе вдруг опомнилась и в первую очередь свернула посмотреть, где остальные лошади.

В стойлах стояли те три, которые предназначены для неё и Виктора, а также — для Лулы. Из четырёх (дана Конлета и Герхада с остатками всадников) двух на месте не оказалось. Тоже возле избушки? Наблюдают за измигунами или за маткой?

Уже не замечая вечерней прохлады, девушка медленно пошла к дому, размышляя: а ведь можно было бы пойти с ними, чтобы попробовать магическое зрение... Хотя... Она обычные-то предметы с трудом различает, как магические, а там надо будет смотреть сквозь стены. Так значит — нет смысла бежать за ними? Но... Обида на магов оказалась слишком эмоциональной: не взяли! Она даже скривилась, пытаясь усмехнуться своей ребяческой обиде.

Поднявшись к себе, постояла перед стулом, на спинку которой повесила кофточку. Обернулась к шкафу. «А сумею найти в темноте тот домишко?» Медленно открыла створки шкафа, почти на ощупь нашла один из плащей. Закрыла створки. Опять застыла. Надо было наплевать на холодрыгу и бежать за даном Реганом и даном Силлагом! Но ведь можно попробовать и самой добраться?..

«Ну и получится, что я, как та дура из фильмов, специально попрусь в опасность!» Но руки будто сами накинули плащ на плечи. Впрочем, а что стоять зря? Даже в комнате прохладно. А так — хоть согреться... Она снова приблизилась к окну. Свеча не зажжена, и за окном отчётливо видна темь непроглядная. От одного только взгляда на неё Алиса машинально отыскивала тесёмки плаща, чтобы стянуть их у горла. Так теплей.

— Лиск... — хриловато сказали за спиной. — Это ты?

— Я, — не оборачиваясь, ответила она.

— А ты... чего там стоишь?

— Ну, а где мне стоять? Мою кровать занял ты. Думаю, что дальше делать. — За спиной недовольно засопели в ответ на укоризну. И девушка задумчиво, словно размышляя, добавила: — И маги в лес уехали.

— Чё-о?! Куда?! А мы?!

— Не ори. Лулу за стенкой разбудишь! И маму в конце коридора!

— Ладно, — снизил накал страстей в голосе Виктор и тут же строго поинтересовался: — А ты почему в плаще? Тоже без меня хотела смыться? Подожди! — приказал брат уже голосом отнюдь не сонным. — Я сейчас за своим плащом сбегая.

— Вить, я ведь сомневаюсь, — поделилась с ним Алиса, — стоит ли нам за ними. А если заблудимся?

— Пойдут искать! — уверенно сказал брат.

— Ругаться будут.

— Ну и фиг! Зато в следующий раз без нас не пойдут!

Уверенность в голосе брата была железной. Как и логика.

— Я тебя во дворе подожду, — предложила девушка.

Больше всего сейчас она боялась, что Виктор, спускаясь, может перебудить весь дом. Любил он ходить, громыхая. Но, кажется, брат проснулся полностью. Вышел из дома так,

что она даже не расслышала его шагов.

— Завтра потребуем, чтобы они нас научили ездить на лошадях, — буркнул он, чуть сутулясь. — А то пешим ходом что-то за ними бегать каждый раз не хочется.

— Можно Лулу попросить, — напомнила Алиса. — Помнишь, она в прошлый раз предлагала нас выучить?

— Эх, я не сообразил! Надо было уже сегодня учиться ездить верхом, а не в ножички играть! — пожалел брат. И тут же упрекнул: — Чё не напомнила?

— Ладно тебе. Как будто ты помнил. Вить, ты уверен, что в этой темнотище мы доберёмся до пасеки?

— Нет, но мы доберёмся, — упрямо ответил брат. — Слушай, а что мы плетёмся еле-еле? Давай пробежимся? А то я скоро совсем ледышкой стану.

Стремясь не отстать от рванувшего вперёд Виктора, Алиса лишь раз сделала замечание:

— Не спеши ты так! Помнится, тут всяких ям полно было! Свалишься — придётся тебя домой тащить! Жаль, огня нельзя запалить...

— Кому чего! — высокомерно сказал брат. — Тоже мне... Лиска, ты же маг! Ты должна не про это думать и жалеть. Ты должна жалеть, что магического зрения у нас — шиш да маленько!

— Хочешь честно — про что я думаю? — усмехнулась девушка. — Вить, я думаю, как мы скоро появимся около той пасеки и как нас там встретят.

Вместо того чтобы озаботиться, брат только злорадно хихикнул и повторил то, что и раньше:

— А вот не фиг нас с собой не брать! Сами виноваты!

Одно дело — бежать, спотыкаясь, по лугам. Другое — брести по абсолютно чёрному лесу. Хорошо ещё — брат не возражал, когда Алиса вцепилась в его руку. Впрочем, время от времени она ощущала, как лихорадочно сжимаются и его пальцы, стискивая её ладонь. Идти с широко и напряжённо раскрытыми глазами и не видеть ничего становилось всё страшней. Хуже другое. Алиса как-то раньше и не думала, что в крошечной тьме могут отключаться и другие чувства. Например, кроме зрения, вдруг пропали лесные запахи: трав, цветов, листьев. Специально шмыгнула носом — нет, вроде не забит... А однажды на их пути что-то так резко затрещало и захлопало, что у девушки подогнулись ноги — и она просто упала. Не менее испуганный брат помог ей подняться, а потом озлился:

— Ни того, ни другого зрения нет! Как мы собираемся искать эту чёртову пасеку, если пару раз уже сумели налететь на деревья?!

И первым вытянул ладонь перед собой. А через секунду в чаше из пальцев вспыхнул огненный шарик «для метания».

Успокоив своё дыхание, Алиса повторила его приём. Но пальцев другой руки, судорожно сомкнутых на запястье Виктора, не расслабила. И тут же испугалась: а если Виктор, и так раздражённый из-за всей этой дурацкой ситуации, отпрянет и оставит её... ну, пусть не в темноте, но одну? Ведь она его тормозит. Он-то уже двинулся вперёд, и сестра ощутимо удерживала его, не поспевая за ним. Но брат остановился и буркнул:

— Ты только иди побыстрее, ага? А то мой камзол вообще с меня стащишь...

— Вить, может вернёмся? — просительно прошептала девушка. — Пока не поздно. По-моему, мы заблудились...

— Лиска... Сама подумай, — уже совсем мрачно откликнулся он. — Если мы заблудились, в какую сторону идти, чтобы было — из леса?

— А есть смысл... — начала девушка.

И шёпотом охнула, прикивая к плечу брата и суматошно ища направление, в котором раздался странный, пугающий звук. Точней — звуки. И какие!.. Кто-то, какой-то жуткий и, вероятно, громоздкий зверь, ломился к ним, невзирая на тёмный лес. Этот зверь (с ужасом поняла Алиса) был четвероногим и явно не разбирал пути, потому что под его ногами неумолимо трещали сучья и резко шелестели травы... Кажется, непроизвольно Виктор тоже прижался к сестре, ищущей у него защиты. Но Алиса не смеялась, понимая. Тем более, ругнувшись всё тем же «блином», брат снова первым подал пример, затушив магический фонарик: просто взял и сжал пальцы в кулак. Алиса даже поначалу не догадалась, почему он отказался от света. А когда дошло, суетливо погасила и свой.

А неизвестный зверь продолжал приближаться — с треском, десятки раз размноженным лесным эхом... Они всё отступали, и даже мысли не было забраться, например, на дерево, хотя — нет: Алиса разок и взглянула на ближайший толстенный ствол, уходящий в чёрно-синее небо, содрогнулась и быстро опустила взгляд... В голове противным комаром нудела только одна мысль: «Это же лес! Как мы умудрились не подумать, что в нём, кроме измигунов, могут жить всякие волки-медведи?! И зачем я всё это придумала?! Нужно было мне проследить... Да ещё Витьку с собой потянула!.. А если и правда за нами гонится какой-нибудь бешеный медведь?!»

Наверное, брат думал примерно то же самое, потому что она еле расслышала в грохоте

бегущего его негромкое:

— Это лось, наверное, или олень...

Если он решил, что таким образом успокоит сестру и себя... Она как представила несущуюся к ним громаду, вооружённую тяжёлыми и убийственными рогами, так окончательно перепугалась.

Треск стих, когда они наткнулись на дерево, которое было трудно обойти, поскольку оно буквально выросло из высоких и густых кустов. К стволу пробились, а вот дальше продрасться не получилось.

И тут Виктор резко толкнул сестру за свою спину и встал перед ней. Она не отпустила его плеча, а потому не увидела, но поняла, что он раскинул руки в стороны, готовый атаковать огнём кого угодно. И услышала его злобное бурчание, что, вообще-то, дикие звери огня боятся! Так что нечего тут!

— Дан Виктор?

Они поначалу даже не поняли, что сказал невидимый в крошечной тьме человек. Шарахнулись от звуков человеческого голоса — хорошо ещё, брат на ногах удержался. Алиса-то к древесному стволу прижалась, едва сумев заткнуть собственный крик.

— Леди Алиссия? — следом за первым голосом прозвучал голос второй.

Через пять минут брат с сестрой осторожно шли вместе с даном Реганом и даном Конлетом, шёпотом делясь впечатлениями от вылазки в лес и одновременно ругаясь-каясь, что решили последовать за магами в лес. Ну, ругали себя — чтобы их не ругали. Типа, и сами раскаиваются изо всех сил.

Кажется, прокатило.

Им объяснили, что увидели их магические огни-шарики, а, усилив магическое зрение — и их самих. Поняли, что юные маги заблудились, и поспешили им на выручку. Ругать — не ругали, а просто спокойно рассказали о том, что после обговаривания-совещания было установлено дежурство возле избушки пасечника.

— А зачем? — жадно спросил брат, в первую очередь сообразивший, что выволочки не ожидается, а потому в нём сразу проснулось логичное любопытство.

— Нам впервые приходится наблюдать за гнездом измигуньей матки почти с самого её появления на месте кормёжки — простите, леди Алиссия, за столь просторечное слово по отношению к человеческому поселению, — повинился дан Конлет.

Алиса промолчала, но подумала, что это слово не просто просторечное, но обидное и даже пренебрежительное, если вспомнить, что сутью кормёжки являются живые люди. Но приняла во внимание, что эти люди давно занимаются отслеживанием и уничтожением ночных тварей, а значит, могут себе позволить такие обозначения.

— А как долго вы собираетесь наблюдать за ней? — спросила она и спохватилась: — Я имею в виду — нынешней ночью?

— До утра, когда она цепенеет и, по человеческим понятиям, погружается в сон, — ответил дан Конлет. — Не беспокойтесь, леди Алиссия. Мы дежурируем по одному. Кто устаёт, предупреждаем остальных и ложится спать. Походные плащи есть у нас у всех, так что устроиться на ночёвку вне дома — для нас не проблема.

— Леди Алиссия, дан Виктор, — вмешался дан Реган. — Вас отвести домой?

— Не знаю, как сестра, — быстро сказал брат, — но я бы хотел остаться и начать работу с магическим зрением. — И тут же вздохнул: — Если это возможно. Навязываться не буду. Желаете, чтобы мы оба ушли, — уйду и я.

— Я тоже остаюсь! — сердито заявила Алиса.

Ещё не хватало: Витька будет учиться, а она, значит, в отстающих будет ходить?!

— Но... — начал дан Реган.

— Вы сами сказали, что будете здесь до рассвета, — бесцеремонно перебила она его. —

Это значит, у нас хватит времени выспаться потом в постелях.

— Точно! — удивился брат.

Маги пожали плечами и промолчали. «Молчание — знак согласия? — всё ещё сомневалась девушка. — Ну и ладно. Если бы мы помешали, они бы с нами миндальничать не стали. Так что будем считать, что дело слезки выгорело!»

Удивлённый дан Силлаг несколько насмешливо встретил явление заплутавших было юных магов, но слишком сильно зубоскалить над ними не стал.

Обоим были даны инструкции, которые затем были вытребованы от учеников в пересказе. Когда взрослые маги удовольствовались услышанным пересказом, они благосклонно предложили сесть на траву. Брат и сестра уселись и принялись пялиться на избушку — конкретно на те места в строении, на которые им указали.

Сначала было интересно. Алисе досталась точка в верхнем левом углу полуобвалившейся крыши избушки. Дан Конлет сообщил, что в этом месте таится одна из семи важных для жизнедеятельности матки точка. Поэтому Алиса сурово велела себе: «Хочешь нормально жить в этом мире — до утра высмотри эту точку!» Ей пояснили, что точка будет зеленовато-жёлтого цвета. В первые минуты было даже здорово: всё время казалось, что угол крыши всё-таки воссиял зеленовато-жёлтым. Но стоило моргнуть — и сияние пропало. Потом край крыши начал вообще как-то странно изгибаться...

Алиса вздохнула и попыталась быть более сосредоточенной.

Но вскоре в выглядывании нужной точки начали мешать различные и даже бытовые препятствия. Например, она сидела на краешке своего плаща и даже сумела укрыть свои плечи его краем. Увы. Чем дольше она сидела неподвижно, тем больше начинала замерзать. Пришлось подтянуть плащ так, чтобы уместиться на самом его низе, а высвобожденную часть стянуть на груди. Опять увы. Быстро начали замерзать ноги, поневоле вытянутые на траву. Поворчав про себя, Алиса попыталась тихонечко развернуть плащ иначе и полностью завернуться в него. Как кукла в лоскуток ткани. Эх... Наружу остались руки и плечи...

Она осторожно покосилась на брата. Кажется, вскоре должен был проявиться рассвет, так что очертания сидевшего рядом Витьки она хоть и туманно, но видела. Хмыкнула. Брат, прислонившись к сломанной изгороди, бессовестно дрых, укрытый чьим-то плащом. Когда он только успел заснуть? И кто его только пожалел, сам лишившись тёплой части личного гардероба?

Она снова постаралась устроиться так, чтобы можно было, не отвлекаясь на мелочи, продолжить обучение магическому зрению... Застыв с прижатыми к груди коленями, Алиса вглядывалась в угол крыши. Вскоре что-то и в самом деле зеленовато-жёлтое смутно засияло перед её глазами в указанном для наблюдения месте. А потом ей показалось — она встала и пошла к избушке. Зачем? «Зачем меня позвали?» — спросила она глухую ночь. «Ты замёрзла, — ответила ночь. — Тебе надо согреться...» До избушки пасечника девушка не дошла. Но постепенно почуяла, как стало тепло, а потом и вовсе её окружил необычный жар, которым можно было наслаждаться, не боясь ничего. А потому она повернула голову и пристроила её в уютном и комфортном месте, которого не ожидала, но которое ей понравилось.

...Алиса открыла глаза. А потом — рот.

Избушка перед ней печально громоздилась всё той же почти обрушенной и заросшей травой крышей. И оказалось, что уже — утро, раннее, потому что мир вокруг в основном седого зелёного цвета, с редкими вкраплениями серого и коричневого. А поскольку оно седое от росы, то, вообще-то, должно быть не прохладно, а холодно. А ей, Алисе, совсем не холодно. Мало того — она пылает так, словно её посадили на недавно растопленную печку, на горячие кирпичи, которые в её детстве, когда её с братом привозили к бабушке в деревню, так здорово пахли жаром и сухостью.

Несколько озадаченная, Алиса для начала сделала открытие: она всё в том же прихваченном с собой в лес плаще. Затем поняла, что сидит на части чужого плаща. Собираясь, повернуть голову, чтобы понять, где именно сидит, замерла. И голову повернула о-очень осторожно.

Дан Реган спал, привалившись к уцелевшим доскам забора. Именно на его плаще сидела девушка, которую он ещё и обнимал. И, кажется, он сделал магически что-то такое, отчего пылал жаром и сам и успешно обогревал Алису. В полном недоумении девушка, стараясь не шевелиться, огляделась. Магов нет. И Виктора тоже. Ушли, пока не наступило утро? А что делать ей? Ну, Витька! Мог бы и разбудить сестру, чтобы она не попадала в глупое положение! Эгоист несчастный!..

А потом она поняла, что произошло. Дан Реган остался на пасеке ради неё. Ради её сна. Тот самый дан Реган, который ей нравился всё больше. А сейчас он доказал делом, что и она ему нравится. Или... нет?

Вспомнилось, как она уже однажды гадала: нравится ли она ему? Или ему лишь нравится, что нашли ещё одного сильного (в этом-то сомнений нет!) и перспективного в войне с измигунами мага огня? Успокоилась на следующем выводе: была бы просто ученицей магов — разбудил бы и повёл домой высыпаться. А так... Она ему нравится, потому что он не стал её будить, не стал вести лесом и лугами домой, чтобы она выпалась там. Без него. И пойдут они домой — только вдвоём.

Сердце чаще не забилося. Алиса только сонно улыбнулась и снова склонилась к жаркому плечу дана Регана, закрывая глаза. Что бы там ни было, что бы ни думал там себе этот маг огня, но эти минутки покоя и уютного одиночества на двоих она не собирается нарушать сама. Пусть он... Или... как там получится.

...Когда девушка, насторожившая его своим пробуждением, всё же обмякла в прежнем положении сидящей в его объятиях, а затем послышалось её сопение вновь уснувшей, дан Реган чуть улыбнулся и поправил край плаща, сползший с её плеча. На этот раз он был точно уверен, что прав в своих предположениях.

...Вернулись домой поздним утром, когда роса сошла, и трава не блистала зелёными самоцветами, но переливалась волнами под сильным ветром. И разбежались в разные стороны: она — умываться и приводить себя в порядок, он — в конюшню, посмотреть, как там лошади, на одной из которых пообещал ей научить ездить.

А потом потянулись дни учёбы.

Создание огненных стрел убийственной и даже, для брата с сестрой, невыразимо мощной силы.

Сбор энергии.

Развитие магического зрения, направленного на магический предмет и на такой же предмет, находящийся за любой преградой. Измигуны-то — твари тоже магические.

Вечером — отдых, включающий в себя прогулку на лошадях.

И ночное наблюдение за избушкой пасечника.

Дан Реган даже не думал соблюдать каких-то приличий — насколько это понимала Алиса. Он заявил странные права на девушку. И остальные маги молча согласились с ним. Никто из них даже не пытался поддеть Алису в её странной ситуации. И сама она, опять переживавшая своё зыбкое положение и страх перед насмешками и болезненными напоминаниями, помалкивала, потому что в общении дан Реган определённой границы не переступал-таки. И, насколько она себя знала: она бы тоже не дала перейти ему эту границу. И вопрос о её статусе вновь ехидно вставал во весь рост: кто она? Несостоявшаяся жена дана Маркаса, а ныне свободная от навязанного ей положения? Или она всё ещё была подаренной королём этому дану?

От ответов на её пару раз заданных вопросов уходили все. И она хмуро приняла положение девушки-ученицы при дане Регане. Как приняли это все, в том числе, что было для неё поразительно, и прислуга в доме матери.

На следующий день после той необыкновенной ночи в поместье приехали дан Герхард с десятком всадников, которых тоже разместили в отдельном здании, где было достаточно гостевых спален.

Сначала Алиса была в недоумении, зачем их так много. Но уже после обеда, когда, разместившись в гостевом доме, всадники дана Герхарда ушли за пределы двора, стало ясно, что и им здесь придётся нелегко. Под командованием дана Герхарда был устроен ещё один полигон, где всадники принялись за собственные тренировки, настолько жёсткие, что наблюдавший за ними какое-то время Виктор поёжился и покачал головой.

— Если честно, — сказал брат, — я бы хотел потренироваться так, как они. Но, блин... Что они делают... Это ж отвал башки. Нет, в их темпе я бы не сумел.

— Вить, ты забываешь, что они тренируют уже приобретённые навыки, — напомнила Алиса, сама с ужасом следившая за всадниками. — Именно они будут нас прикрывать, если у нас не получится убить матку сразу.

— Не только, — добавил стоявший рядом дан Реган. — Если мы убьём матку, будет опасность, что из домика пасечника выскочат измигуны. Если вы помните, в чрезвычайных ситуациях они могут выйти и днём. А убийство матки для них и есть чрезвычайная ситуация. Тем более — это её первый выводок.

— Почему? — тут же спросил Виктор. — Почему — тем более?

— Они ещё не знают, что через некоторое время она их сожрёт, — будто в рассеянности ответил дан Реган.

— Сожрёт? — ужаснулась Лула, в последнее время притихшая и ходившая хвостиком за леди Хелен.

— Да, — всё так же рассеянно ответил маг. — И будет сжирать приплод до тех пор, пока в выводке не появится будущая матка. Тогда она всех не съест. Оставит несколько штук, которые должны будут сопровождать новую матку до места, которое ей понравится.

— После чего она их слопает, — даже без вопросительных интонаций высказал Виктор, выглядевший ошеломлённым.

— Именно, — подтвердил дан Реган.

Больше всех повезло с прибытием всадников леди Хелен. Теперь прислуга, ранее пренебрегавшая её приказами и выполнявшая их только после её рывканья, слушалась хозяйку дома беспрекословно. Кроме всего прочего, леди Хелен получила на детей,

востребованных в королевстве магов, вспомоществование — как это дело назвали старшие маги. Денежное. Устроив совещание с детьми, мама даже испугалась, когда брат с сестрой предложили ей забрать все деньги: ведь на продовольствие для магов и всадников ей деньги тоже выдали, но слишком, по её мнению, скудные. Так что вскоре пастух, дан Лаогер, присоединил к трём коровам ещё двух, прикупленных в соседнем поместье. И стол стал разнообразней, потому что с тем же поместьем был заключён договор: на время пребывания в доме леди Хелен магов и всадников сюда же будут привозить мясо.

Соседям по поместью не объявили, с чего бы это в поместье леди Хелен такое столпотворение народу. Дан Реган объяснил своим ученикам, что есть время. И, если соседям объявить об опасности заранее, будет слишком большая паника.

Маги, умудрённые опытом, решились на следующее: за несколько дней до появления потомства у матки измигунов устроить её уничтожение. Если же операция не удастся, вот тогда и придётся предупреждать окрестных соседей о грозящей им беде. То есть у тех будет те самые несколько дней, в течение которых они успеют спокойно перебраться в безопасное время, пока с маткой всё-таки не сладят.

Как-то, после обеда, дан Герхард, улучив минутку, когда Алиса вышла во двор угостить свою лошадку сладкой булочкой, на выпечку которых мать была выдумщицей из-за отсутствия нормальных сладостей, подмигнул ей и кивнул в сторону.

Заинтригованная, Алиса тоже оглянулась: кроме неё, больше никто не вышел, так что беседа с даном Герхардом обещала быть приватной.

— Что случилось? — с откровенным любопытством спросила она, забежав за угол конюшни, мимо которого всадники вот-вот должны были пройти на личный полигон — или, лучше сказать, на тренировочное поле?

— Так новости-то я вам не рассказал, — пожал плечами дан Герхард. — Другим-то, небось, они неинтересны, но вам-то, думаю, такое знать надо.

— И что за новости?

Алиса выговорила — и вдруг поняла. Сразу что-то тяжёлое поднялось внутри, а вместе с ним и тревога... И оказалась права в своих подозрениях.

— Ну, значит, сначала дан Бартлей, — сказал командир десятки. — Дан Маркас отправил его в тюремной карете — к самому королю. Со стражей, которая привезла нашему государю бумагу со всем тем, что это дан Бартлей успел натворить. Сейчас дядюшка нашего дана Маркаса томится в тюрьме и ждёт королевского суда над собой. Думаю, не больно-то ему милость окажут. Натворил он делов — это да. Но главное — поперёк королевского приказа пошёл. Это вот совсем для него плохо.

Дан Герхард, знала Алиса, не мастак говорить много. В конце пересказа первой новости он осип. Пришлось ему откашливаться, а Алисе — снова горестно думать о том, что его информация насчёт «поперёк королевского приказа» опять ставит её в то зыбкое положение неизвестности, когда она вроде привыкла не думать о нём.

Наконец дан Герхард смог снова заговорить.

— И вот — дан Мичил... Мы-то думали, с него только дворянство снимут. Ан нет. Услали его в рядовые всадники в местечко, где сразу два гнезда измигунов нашли. И тоже король решал. Поскольку дан Маркас ему и на это представил в письменном виде обвинение в нарушении законов чести. Не командовать ему больше — дану Мичилу. Ну, что, леди Алиссия? С хорошими я к вам новостями?

— С хорошими, — задумчиво сказала Алиса. — Только вот... Ладно — дан Бартлей. Но

жаль, что такой человек, как дан Мичил, знавший целительство, оказался настолько... — она поискала слово, — умеющим пакостить.

— Да, как целитель, дан Мичил был очень хорош, — тоже задумчиво сказал дан Герхард, и они расстались, потому что во дворе закричали всадники, выкликая своего командира, а старшие маги (высунулась из-за угла Алиса) осматривали двор в поисках своих подопечных.

Через три дня Виктор и Алиса уже могли с закрытыми глазами найти дорогу к домику пасечника. И не только потому, что к месту была протоптана тропинка, а потому, что набегались по ней — несколько-то раз за день, да и ночь. Постепенно оба научились видеть то, что необходимо, и им открылось жутковатое зрелище матки. Та пласталась и впрямь по всему помещению. И вроде бы легко было отметить все семь её жизненно важных центров на теле. Но теперь и Виктор, и Алиса чётко видели проблему: эти центры — перемещались! Причём всегда прихотливо и непредсказуемо! В том смысле непредсказуемо, что они могли внезапно дёрнуться и разлететься в стороны. А ещё могли пропасть — и приходилось вновь напрягать зрение, чтобы разыскать их. Да ещё сияли не всегда равномерно. Порой ученики магов огня могли не досчитаться зеленовато-жёлтых точек, а потом обнаружить, что парочка из них просто-напросто чуть ли не погасла.

Через пять дней юные маги уже легко разыскивали все нужные точки, даже если они резко исчезали и перемещались в неожиданные места.

Через неделю научились различать эти точки. Именно различать, потому что при тренированном магическом зрении выяснилось, что у точек может быть не только разная форма, но и цвета могут отличаться определёнными оттенками. И началась кропотливая работа, когда каждый получил «собственную» точку. Все отслеживания теперь проходили по одной схеме, когда маги напряжённо наблюдали, одновременно вслух отмечая:

— Моя точка прошла от левого угла вниз.

— Моя потускнела — слева от правого угла крыши.

— Моя опустилась вниз, под второе окно.

Через день приехал дан Ристерд — с сестрой дана Маркаса, леди Эйслин. Именно она оказалась в этой команде седьмым магом огня, как и было обещано. Приехали они в сопровождении ещё шести всадников, сразу перешедших под командование дана Герхарда.

Леди Хелен немного испугалась этого приезда, о котором её не предупредили. Но Алиса объяснила маме, что леди Эйслин — дама высокомерная только на первый взгляд. А так — вполне себе человек доброжелательный. Хотя с нею и надо держать ухо востро. Впечатление дочери подтвердил и сын. Но, кажется, леди Эйслин понимала, что приехала в деревенское местечко — по сути, в провинцию. Так что слишком больших требований к своей спальне, выделенной ей в основном доме, не предъявляла.

Да и отдыхать было некогда в доме.

Теперь два тренировочных места возле конюшни были забыты. Все тренировки и этапы операции проходили возле избушки пасечника. Всадники примерно уже представляли ту местность, на которой придётся воевать с измигунами, если упустить их развитие. Ведь основной расчёт был на то, что они не успеют вылупиться из яиц.

Именно поэтому наблюдение за маткой и её состоянием велось в последнее время весьма жёстко. Про две недели знали. Но ведь молодая. А вдруг «деткишки» начнут вылупляться раньше? Никто не застрахован от неожиданностей.

В редкие минуты, когда брат и сестра могли поговорить обо всём откровенно, Виктор

как-то спросил сестру:

— Лиск, то, что ты похудела, так и я такой же. Но почему ты стала совсем какая-то... сникла?

— Я не сникла, а нервничаю, — ответила девушка. Они сидели в её комнате перед ужином, дожидаясь, когда поднимется Лула — белобрысенькая в последнее время частенько помогала леди Хелен с гостями.

— Из-за чего? Вроде всё устаканилось?

— Нет. Не всё. — Повторять, что её положение неясно, уже не хотелось. Виктор сам отлично знал о том.

— Боишься дня X? — попробовал догадаться брат.

— Давай не будем об этом, — предложила Алиса. — Нервничаю и нервничаю. Может, ты тоже так, но не говоришь — и лучше меня скрываешь? — И тут же придумала отмазку: — Ладно, скажу. Я думаю: а если мы сюда попали только из-за измигунов? И, когда их не будет, нас вернут в свой мир?

Сидевший, развалившись на её кровати, Виктор резко встал. Постоял, невероятно злой, а потом покачал головой. Вздохнув, снова сел, ссутулился.

— Чего злиться... Толку всё равно нет. Ты права. Можно такое подозревать. Честно говоря... Не хочу. Я здесь другой. И мне это нравится. И маме, я видел, тоже здесь нравится. А ещё я здесь маг! И здесь... — он помолчал. — Здесь Лула. Я к ней так привык, что не представляю, как буду без неё...

— Я глупая, — хмуро сказала Алиса. — И чего сейчас-то всполошилась? Вот закончится всё — тогда и увидим, да?

— Да нет, не глупая. Я... тоже ведь.

Они замолчали, сидя на её кровати и думая каждый о своём.

Странно, но мысль о том, что всё может закончиться после уничтожения измигунов, всё — то есть их пребывание в этом мире; мысль, высказанная, чтобы брат не психовал из-за личного положения здесь, внезапно стала доминирующей. Отошли на задний план всякие глупые сокрушения, жена ли она дану Маркасу, нет ли. В конце концов, как поняла Алиса, сочувствующих ей здесь достаточно. Так что всего лишь нужно набраться смелости и спросить ещё раз о своём личном. Спросить так, чтобы собеседник понял: не ответит он — не отвяжется она!

А кого спросишь, надолго ли они, трое — включая маму, здесь?

И всё же Алиса, как ей показалось, получила ответ на этот не высказанный напрямую вопрос.

Произошло это за сутки до назначенной атаки на матку измигунов.

На личном полигоне, заканчивая учебно-боевые занятия, она и Виктор собирали учебные «снаряды». Держа в горсти целую кучу обгорелых деревяшек, Алиса понесла их к временно и наспех сколоченному столу. Здесь её ждали старшие маги. Остановившись через стол от них и, прежде чем начать на этот стол сгружать «снаряды», оглянулась на Виктора, который подошёл к столу с другой стороны. Поймала его взгляд. Как и надеялась, брат сообразил, что сестра посмотрела на него в упор не просто так. И заторопился выложить свои деревяшки. Алиса аккуратно, чтобы не рассыпать, тоже выложила на стол «снаряды», поймала две деревяшки, покотившиеся к краю, и, не поднимая глаз, спросила:

— Дан Конлет, а сколько таких отрядов, как у нас, действуют по всему королевству?

— Всего три, — вздохнула тот.

— А гнёзда продолжают появляться, — чуть отстранённо заметила она, будто погружённая в свои думы, но мельком отмечая, как напряжённо Виктор выжидает ответа старших магов.

— Именно так, — кивнул маг и тоже задумчиво добавил: — Неизвестно, как ещё мы себя проявим. Хотелось бы идеального результата. А ведь некоторые отряды с трудом справляются на местах. Основная трудность — всё тот же синхронный выстрел огнём.

— Да, лишь бы справились, — отозвалась Алиса и уже напрямую посмотрела на брата, чтобы тот подтвердил её победную улыбку: «Ты понял, с чего я завела этот разговор?!» Брат улыбнулся недоверчиво, боясь радоваться. Но постепенно до него дошла подоплёка двух главных вопросов сестры. Он даже отвернулся и принялся кусать губы, чтобы не улыбаться слишком откровенно.

«С этим, останемся мы тут или нет, кажется, разрешилось, — думала Алиса, посмеиваясь над стараниями брата спрятать почти детскую радость. — Да, мы здесь востребованы! Теперь как бы ещё собственный статус определить».

Рационального человека индустриального мира, начитанного, всё больше волновало, что она постепенно привязывается (слово «влюбляется» строго-настрого запретила себе произносить даже в мыслях!) к дану Регану. Боялась, как бы не получилось так, что она не сможет представлять себе жизни без него, а замуж придётся-таки выйти за дана Маркаса. Нет, она понимала, что думает о личной жизни, как человек, привыкший к цифрам и расчётам. Но уже сейчас, всего лишь взглядывая на дана Регана, ощущала, как вздрагивает её сердце...

А что будет потом? Дан Маркас, насколько она знала, не огненный маг. То есть вызывать-то огонь умеет, но весьма слабо, а уж манипулировать им точно не может. Пока только это обстоятельство и утешало — вместе с теми её вопросами об измигуньих гнёздах: если и будут какие-то изменения в личной жизни, так их когда ещё ждать, если она с даном Реганом здесь, а дан Маркас — где-то там, в отдалении. А уж потом... Мало ли как повернётся судьба... Так что, ловя на себе ответные взгляды дана Регана, она радостно откликалась на них улыбкой.

Как сейчас, например.

Алиса шагнула от стола и огляделась. Дан Реган легко поймал её рассеянно ищущий взгляд и улыбнулся, кивнув на лошадей.

Быстро подошёл — невысокий, худощавый и стремительный в движении.

— До обеда есть время, леди Алиссия. Предлагаю конную прогулку вдоль лесной опушки. Погода прекрасная.

Как же — предлагает он!

Только заговорил, а уже подал руку, чтобы легко и непринуждённо отвести даму к её лошадке, а на последней своей фразе поддержать Алису, пока та ставила ногу в стремя, а затем садилась в седло.

В отличие от брата, Алиса плохо усваивала конную езду. Виктор как только сел в седло предназначенной для него лошади, так и расцвёл. Как будто совсем недавно не трясся от страха, когда его отправляли домой посаженным впереди всадника. Ему хватило часа, чтобы почувствовать себя опытным наездником! Алиса так не могла. Смотрела на леди Эйслин, которая на лошади сидела не только уверенно, но и грациозно, и дико завидовала. Сама Алиса боялась в основном, что седло ненадёжное, и она может свалиться. Только на прогулке с даном Реганом забывала о своём страхе. И сейчас они вдвоём спокойно выехали с полигона магов-огневигов, пересекли тренировочное поле, на котором стояли шесты с двойными мишенями. Здесь в последнее время старшие маги заставляли юных огневигов тренироваться совместно с арбалетчиками. Те стреляли по двойным мишеням, а Виктор с Алисой должны были стрелять одновременно с ними — так, чтобы вместе с болтами их собственный огонь проходил тонкие деревянные щиты мишеней, не поджигая их, и врезался во второй щит, стоявший в паре метров за первым. И здесь-то Алиса могла гордиться собой: её огненные стрелы летели наравне с арбалетными болтами и вылетали за пределы первой мишени, пробивая вторую. Научилась сразу. А брату пришлось попотеть.

— Долго ли вы жили в городе? — спросил дан Реган, когда лошади оказались в густой тени деревьев с опушки. И объяснил свой вопрос: — Я уже несколько раз слышал, что в поместье вы с братом бывали меньше, чем в городе.

— Да. Мы жили в городе довольно долгое время, — чопорно от неожиданного вопроса ответила Алиса.

Дан Реган ловко поймал скрюченный от сухости лист, цвета старой жестянки, взглянул на дерево, под которым они проезжали и с которого упал этот лист, и поделился:

— Когда я впервые услышал, что вы с братом выросли в городе, меня поразило, что короткая жизнь в лесном доме пришлась вам обоим по вкусу. Но ведь всё дело в скоротечности той желанной жизни в лесу. Если бы вам сказали, что вы будете постоянно жить в лесном доме, если бы вы провели в нём гораздо больше времени, вам бы наверняка такая жизнь наскучила. Пропало бы впечатление новизны.

Немного удивлённая странной темой для разговора, Алиса откликнулась:

— Не попробуешь — не узнаешь. Разве не так, дан Реган?

Некоторое время они ехали молча, и она всё поглядывала на дана Регана, размышляя, просто ли он разговаривает с ней, или в их беседе есть какие-то подводные течения — в смысле, он хочет о чём-то разузнать? Она, вообще-то, думала, что разговор пойдёт в основном про измигунов. В конце концов, уже есть решение, что эта ночь последняя, и маги с арбалетчиками сидят перед избушкой пасечника в последний раз. Для атаки на матку измигунов выбрали предрассветный час. Днём — даже опытные маги видят плохо те самые семь жизненно важных центров на теле жуткой твари, с формой которой Алиса, например, так и не разобралась: то ли матка похожа на морского ската, то ли... неведома зверушка, в общем. А предрассветный час хорош тем — объяснили старшие маги, — что семь жизненных центров на матке магам ещё видны, зато измигуны в этот момент становятся вялыми. А так как неизвестно, насколько активны только что вылупившиеся из яиц измигуны, то это время хоть и непредсказуемо, но всё же... удобно.

— Лес ближе к осени прекрасен, — вдруг сказал дан Реган.

И Алиса заморгала, совершенно обалдевшая. Ему не хватает светских бесед ни о чём? А что сказать ему в ответ? Подхватить беседу, но о чём говорить?!

И вдруг сердце забилося-заколотилось. Она взглянула на тёмно-зелёный и пёстрый лес, представила его осеннюю роскошь... Измигуны словно отъехали куда-то в сторону и пропали. Избушка пасечника, постепенно пропадая под слоем падающих листьев и наступающих на неё кустарников, превратилась лишь во внешнюю примету этого лесного уголка — мечту какого-нибудь художника... Интересно, а художники здесь есть?

Она улыбнулась.

— Лесные тропинки, звенящие ручьи и прощальный крик улетающих птичьих стай... — мечтательно сказала она. — Что — город? Когда соскучишься, можно доехать до него и погрузиться в его суету и каменные улицы... Но лес — это чудо всегда, пусть то будет лето или осень. И да. Если будет возможность, однажды я снова навещу лесной дом. Хотя бы затем, чтобы вспомнить...

Теперь замолчал дан Реган. Но, судя по блуждающей по его губам лёгкой улыбке, он был доволен её словами.

Вскоре он напомнил, что им пора на обед.

Подъезжая ко двору, оба заметили странную оживлённую суету неподалёку от дома. Несколько удивлённые, оба не стали прищипывать лошадей, но начали приглядываться. Для начала обнаружили, что количество народу во дворе поместья увеличилось. Переглянулись. Но, когда приблизились настолько, чтобы суметь разглядеть вновь прибывших, Алиса изумлённо выпалила:

— Кун! Это Кун! Что он здесь делает?

— Это тот оборотень? — насторожился дан Реган. — Который был с вами в лесном доме? И правда... Что он тут делает? Если только...

Недоговорённость дана Регана: «Если только» оказалась оправданной.

Через полчаса Кун, приведший с собой два десятка оборотней-арбалетчиков, сидел за обеденным столом (его воинов посадили в одном помещении с всадниками — правда, за отдельный стол) и объяснял своё внезапное появление.

— Наша земельная собственность, подтверждённая королём и граничащая с владениями дана Маркаса, — сухо сказал Кун и смягчился, завидя встревоженный взгляд Алисы и участливый — Виктора, — подверглась нападению измигунов, которые живут в гнезде

рядом с лесным домом. Атаку первой ночи мы отбили, хоть и с потерями. Всё случилось, как всегда, слишком неожиданно. И мои соплеменники вышли из домов, заслышав голоса тех, кто им дорог... Наши поселения — ближайšie к склепу, а потому мы обеспокоены. До нас дошли слухи, что в поместье леди Хелен готовится операция против измигуньей матки, найденной неподалёку. Мы готовы помочь вам — при условии, которое является естественным и логичным. Я знаю, что арбалетчиков у вас мало. Мы готовы участвовать в вашей операции — если вы так же логично проведёте операцию уничтожения измигунов в склепе.

Сегодня, одетый не в обноски, найденные для него Виктором на чердаке лесного дома, а в нечто вроде здешнего маскхалата (цвета и оттенки его штанов и туники из жёсткой ткани здорово напоминали именно маскхалат!), Кун выглядел гораздо представительней привычного Алисе образа оборотня, попавшего когда-то в капкан. Правда, одновременно выглядел он не столько воином, сколько свободным охотником — на фоне всадников и магов, одетых строго по-военному в одинаковые жёсткие костюмы из камзолов и брюк.

Старшие маги, сидевшие напротив оборотня, переглянулись первыми. Дан Конлет успел опустить глаза, но Алиса, с любопытством присматривавшаяся ко всем, уловила промелькнувшее в его глазах облегчение. С чего бы он так... Или Кун твёрдо знал, что арбалетчиков не хватает? А потому пришёл уверенным, что его условие выполнят? Дан Силлаг, кажется, тоже считает, что им чуть ли не повезло с арбалетчиками Куна.

Леди Эйслин посматривала на всех бесстрастно — и Алиса решила: пусть так, лишь бы она не унизила оборотня. Дан Ристерд же молчал, явно ожидая решения дана Регана.

Дан Реган сидел так, как Алиса не ожидала от него. Ведь будучи негласным командиром опасной операции, он всегда был твёрдым и решительным. А сейчас он сидел, выложив на стол локти, и глядел в стол, не видя его. И только когда в помещении повисла тяжёлая тишина и, кажется, он понял, что дальше молчать нельзя, поднял голову и сказал спокойно:

— Мне нужно поговорить со всеми, после чего я дам вам свой ответ.

Насколько знала Алиса, оборотни вместе с людьми сражались, когда на земли королевства хлынул враг. Почему же сейчас дан Реган берёт передышку, когда к нему сами явились профессиональные, по сути, военные? В планировании операции, к которой готовили её и Виктора, она не вполне разбиралась — кроме того момента, когда задействовано её собственное участие. Но помнила, как недовольно дан Силлаг смотрел на арбалетчиков и часто вздыхал. Получается, Кун прав? Арбалетчиков не хватало? Тогда почему медлит дан Реган?

Кун склонил голову на ответ дана Регана и первым встал из-за стола.

Немного помедлив, Алиса скользнула следом за ним.

— Кун! — Её громкий шёпот заставил оборотня остановиться и оглянуться. И улыбнуться, что девушка посчитала хорошим знаком: он не сердится, что она промолчала за столом. Хотя, наверное, он должен понимать, что её голос ничего не значит. — Простите, что задаю личный вопрос. — И усмехнулась про себя: этому, внешне человеку, который командует небольшим отрядом, она уже не могла «тыкать». — Если было нападение, не пострадали ли ваши родные? Жена? Дети? — Последние два слова заставили её замереть: хоть бы ничего не было...

— Спасибо, леди Алиссия, — снова улыбнулся оборотень. — Они живы.

— Это счастье! — выдохнула Алиса и кивнула: — Удачи вам!

Он только склонил перед ней голову и вышел из дома.

Хлопнула входная дверь, и почти одновременно из коридора в столовую залу выскочил Виктор. Брови насуплены, глаза тревожные.

— Лиска, что он тебе сказал?! Ты же спросила его про его семью, да? У него все живы?!

— Всё хорошо, — ободряюще покачала головой девушка. — Вся семья жива.

— Фу, я что-то как-то сразу не подумал про его семью, — возбуждённо сказал брат, — а потом вспомнил, как он нас гнал от двери, а потом ему самому плохо стало!

— Кому плохо стало? — спросил дан Реган, выходя из коридора.

Лула обогнала его и подбежала к Виктору:

— Все живы? — со страхом спросила она его, а потом обернулась к Алисе. — Вы спросили Куна, все ли у него живы?

— У вас какой-то странный интерес к этому оборотню, — отстранённо заметил дан Реган. — Почему вас всех так волнует, живы ли его родичи?

— Не просто родичи, — поправил его Виктор. — А жена с детьми. Когда мы в первую ночь ждали измигунов, нам стало интересно. Нам — это мне и сестре. И мы хотели постоять у входной двери, послушать, как там измигуны. Он вышел с нами и вовремя завёл нас обратно, потому что измигуны начали подражать голосу нашей матери. А потом они поняли, что рядом с нами оборотень, и влезли и в его голову. Он услышал своих детей, жену... В общем, удирали от измигунов мы втроём.

— У него семья... — задумчиво сказал дан Реган. — Это меняет дело.

— Какое дело? — немедленно спросил Виктор.

Но дан Реган рассеянно кивнул ему и быстро вышел из дома.

— Это он о чём? — удивился брат, сжимая руку прижавшейся к нему Лулы.

Через секунды до Алисы дошло — о чём дан Реган. Она даже рот открыла и тут же захлопнула. Он что... приревновал её к Куну? Но ведь сам дан Реган...

Ух, как интересно! А прецеденты тут у них были, что ли? Жаль, спросить некого. Разве что — Лулу? Навешать ей лапши на уши, нет ли здесь каких-нибудь легенд о мезальянсе между человеком и оборотнем? А ещё через минуту Алиса почувствовала себя дура дурой! Ведь, если делать выводы из того, что произошло, дан Реган всё-таки равнодушен к ней?! Поэтому он выпытывал её отношение к лесному дому, который ему самому нравится? Выпытывал об отношении к лесу! А если так... если он говорил, зная о том, что дан Маркас... значит, есть шанс, что она не станет женой дана Маркаса?!

Та-ак... И куда теперь дан Реган поспешил? Уверить Куна, что арбалетчики здесь всё-таки нужны? И что условие оборотней принимается? Хотя что уж тут говорить о логике. Ведь Кун прав — как будет прав и дан Реган, освобождая в первую очередь своё любимое место от измигунов!

Она заметалась, не зная, куда в первую очередь бежать, да и стоит ли бежать к Куну? Увидит ещё дан Реган, снова взбредёт ему в голову какая-нибудь дикая идея!

— Вернёмся к магам? — нервно предложила она. — Там, кажется, десерт подали.

— Пирожки, — согласился Виктор, разворачивая белобрысенькую к коридору в столовую залу. — Лула, идём.

За столом остались только старшие маги — дан Силлаг уже привычно любезничал с леди Хелен, краснеющей от его комплиментов, а также дан Ристерд и леди Эйслин. Приход младших никого не всполошил, бросили на них пару взглядов, спрашивать, где дан Реган, не стали. Так что все трое уселись на свои места, чуть в отдалении от старших, но так

получилось, что Алиса оказалась между братом и даном Конлетом, поэтому решила воспользоваться оказией. Ведь именно дан Конлет нечаянно дал её понять, что речи оборотня справедливы.

— Дан Конлет, а арбалетчиков и правда не хватает?

— Да, этот оборотень прав. Арбалетчиков не хватает. У нас ещё никогда не было случая, чтобы застать матку измигунов без вывода. И мы точно не знаем, готовы ли будут не вовремя вылупившиеся измигуны быть такими же смертоносными, какими бывают взрослые особи. Арбалетки нужны. Поскольку лучше не встречаться с измигунами в ближнем бою. Но арбалет — вы сами понимаете, леди Алиссия — вещь такая, что требует временем на перезарядку. Поэтому я рад, если у нас будет пополнение.

— Давно хотела спросить, — медленно произнесла Алиса, побаиваясь высказывать такое вслух. — А мы будем только уничтожать измигунов? А если вроде как всех уничтожим... Вы же говорили, что они появляются постоянно?

Мимоходом расслышав речь сестры, обернулся к ней и магу Виктор. Да и остальные за столом притихли, слушая их.

— Вы говорили, что измигуны — это магическое проклятие побеждённых. А что дальше? Это навсегда — гоняться за ними? Выискивать новые гнёзда? Но ведь одно дело — уничтожать последствия, как я понимаю, проклятия? А другое — его причину? Или как это называется? Основу? Или ритуал, в результате которого появляются измигуны, нельзя переиграть, чтобы навечно избавиться от этих тварей?

Дан Конлет молчал недолго.

Вошёл дан Реган, вопросительно оглядел всех сидящих за столом, сообразил, что все смотрят на дана Конлета, и осторожно, словно боясь помешать или спугнуть что-то важное, присел рядом с Алисой.

— Мы всего лишь военные маги. И маги мирные, волей-неволей втянутые в это дело преследования ночных тварей, — наконец заговорил дан Конлет, внимательно глядя на девушку. — Есть другие маги, более высокого уровня. Они-то и занимаются тем, что выискивают способы остановить измигунов. Но, пока они в поиске, измигуны появляются. А значит, будут создаваться такие отряды, как наш.

— Да я как раз об этом, — смутилась Алиса, чувствуя себя виноватой в том, что коснулась серьёзного. — Понимаете, мы знали обо всём понаслышке. Потому-то и хотелось узнать про главное от сведущих людей.

Молчание за столом наконец прервалось, все зашумели, заговорили о своём, прерванном её вопросом. Дан Конлет улыбнулся девушке и принялся за напиток. Дан Реган тихо спросил:

— О чём была речь?

Услышав, что хотела узнать Алиса, он кивнул. Но сказать ничего не успел. От нетерпения Алиса перебила его на первом же полуслове:

— Я знаю, что это неприлично — не давать говорить вам, дан Реган. Но... вы согласились с условиями дана Куна?

— Согласился, — спокойно ответил он. — Мне тоже выгодно, что лесной дом станет следующим объектом нашей операции.

— Почему? — немного удивилась она. Знала уже о любимом месте дана Регана, но чтобы так откровенно? Или здесь закралось что-то ещё?

— Это часть моего родового дома, — ответил он как-то так, что Алиса догадалась:

дальше лучше не спрашивать.

Зато Виктор не сдержался. Открыв рот, он чуть не обиженно взглянул на дана Регана и с возмущением спросил:

— Это что? Дан Бартлей наврал и про дом?

— Что вы имеете в виду?

— Он сказал, что дан Маркас подарил лесной дом Лис... Алиссии!

— Если леди Алиссия захочет, лесной дом ей могу подарить я, — неожиданно сказал дан Реган.

Сказал вполголоса, но его услышали все. Леди Эйслин окаменела, невоспитанно плясая на кузена и на потенциальную жену своего родного брата, а дан Ристерд даже вздохнул.

Чувствуя на себе вопросительные взгляды всех сидящих за столом и лихорадочно гадая, все ли понимают подоплёку слов дана Регана, Алиса постаралась радушно улыбнуться, чтобы затем проговорить:

— Думаю, сегодняшняя ночь расставит всё по местам. Если мы выиграем у измигунов, я готова принять ваш подарок, дан Реган.

— Даёте слово? — вновь поразил он её.

Она сглотнула, понимая, что в этом мире данное слово наверняка приравнивается к клятве, и тихонько кивнула.

— Даю.

Затем дан Реган, словно ничего особенного не случилось, обратился к сидящим за столом и предложил обсудить, каким образом лучше использовать оборотней-арбалетчиков, предложение которых он принял.

Пока «взрослые» обсуждали поправки к старому плану, впрочем, не самые серьёзные, Алиса и Виктор с Лулой втихаря сбежали из столовой залы. Виктор предложил Луле сбежать к себе переодеться для небольшой прогулки, а когда белобрысенькая убежала, шёпотом спросил:

— Лиска, что-то я не до конца понял. Может, объяснишь... в каком смысле он тебе подарок такой делает?

— Честно говоря, Вить, я сама немного впотьмах брожу, — тоже прошептала Алиса, пожимая плечами. — Только не падай, ладно? По-моему, мне предложение сделали.

— Чё-о...

— Не чокай, — машинально сказала сестра. — Ты здесь из благородной семьи, так что должен избавляться от всяких дурных словечек.

— Чё-о?!

Пока говорили, отошли к камину, уселись в креслах возле него. Виктор, поджав губы и ссутулившись, сосредоточенно смотрел в чёрный зёв камина, и Алиса ждала, что он скажет. Вот он выпрямился, упрямо посмотрел на неё.

— А я?

— Что — ты?

— Я так понял, что, если он тебе предложение сделал, а в подарок — лесной дом, значит, ты переезжаешь в лесной дом, а меня оставляешь здесь?!

— Не одного же! — в свою очередь возмутилась девушка, — Ты с мамой останешься!

— А ты меня спросила — хочу я с мамой?!

— Не ори! У тебя тут ещё и Лула есть! Женись на ней!

Кажется, брат снова хотел возопить: «Чё-о?!» Но одумался и снова уже мрачно

уоставился в камин. Мрачно и обиженно. И тогда Алиса мягко сказала:

— Брат мой Витька... Ты не забыл о том, что предложение мне сделано так, что я сама до сих пор не понимаю, точно ли оно было? Чего ты злишься, если я пока сама ни в чём не уверена? Давай и правда дождёмся завтрашнего утра. Когда рассветёт, я думаю, будет уже всё известно. Вот тогда и подумаем. И... тихо! Лула бежит! Не пугай её своим настроением. Она и так зашуганная!

Зашуганной Лула была с того времени, как в её поместье узнали о возвращении дочери, но не дождались её в семью. Были попытки родителей белобрысенькой потребовать её назад, домой, но леди Хелен твёрдо заявила, что старшей дочери компаньонка всё ещё нужна. После посещения родителями Лулы леди Хелен девочка испугалась так, что пришлось её вытаскивать из всех укромных уголков большого дома, где она пряталась. Все старания объяснить, что Луну никто не может отправить домой без её желания, пролетали мимо слуха бедной девочки. Так что Виктор и впрямь собрался с силами и встретил подругу бодрым и жаждущим прогулки. А Алиса осталась сидеть возле камина, дожидаясь, когда из столовой залы выйдет дан Реган и, возможно, более внятно объяснит свои слова о щедром подарке.

И дождалась!.. С кресла встать при его появлении не успела, а дан Реган, словно внезапно выстреливший всем телом из коридора, деловито махнул ей рукой, на пути к входной двери из дома требовательно говоря:

— Леди Алиссия! Выходим!

Она было открыла рот возмутиться: «Я же думала — мы посидим здесь немножко!» Но из коридора следом за ним спешила целая толпа. И Алиса растерянно закрыла рот. И вдруг подумала, что дан Реган-то хоть и быстро, но прошагал всё пространство от коридора до двери довольно спокойно, а вот все остальные спешили за ним так суматошно, как будто опаздывали. И, торопясь за всеми, она впервые заметила ещё кое-что: однажды ей сказали (кажется, дан Герхард?), что дан Реган хромает. Сейчас она это увидела воочию, пусть он хромал почти неуловимо для глаза. И про себя сделала вывод: может, он хромает тогда, когда нервничает?

Несмотря на то что вынужденно выбежала из дома последней, возле коновязи увидела привычную картину: дан Реган стоял около её лошади и терпеливо ждал наездницу, чтобы помочь ей сесть в седло.

Лошади Виктора и её оказались рядом. Выждав, когда дан Реган отойдёт к своей, Алиса быстро и вполголоса спросила:

— Вить, мы же сегодня до ночи не собирались в лес?..

— Это из-за Куна, — негромко объяснил брат, и она чуть не стукнула себя ладонью по лбу. — Надо показать ему и его арбалетчикам, где они должны разместиться.

Оглядевшись, она с новым недоумением спросила:

— А где они?

— По нашим следам уже ушли к лесу, — отозвался дан Реган, подъехав ближе к ним. — Они будут ждать нас у пасеки.

— Вот как... — с облегчением пробормотала она, потянув правый повод, чтобы лошадь повернула следом за остальными.

Никому бы не сказала... Но, услышав, что из-за оборотней они незапланированно едут в лес, она мгновенно представила картину: их кавалькада мчится к лесу, а следом бегут оборотни во главе с Куном. Она даже сейчас, вспоминая ту промелькнувшую картинку, поёжилась. Нет, понятно, что оборотни не могут сесть на лошадей, которые (она видела это в лесном доме) боятся их, но бежать за всадниками... Унизительно. С другой стороны, здесь, наверное, к такому привыкли. Если вспомнить, что оборотни вместе с людьми участвовали в недавней войне... Или она переживает из-за самого Куна, к которому привыкла, к которому чувствует дружеское тепло?

Но вскоре переживания из-за Куна и его арбалетчиков отошли на второй план. Во-первых, отряда оборотней не видно: значит, они либо уже добрались до леса, либо вообще уже обследуют место вокруг пасеки. Во-вторых, мчались всадники дана Герхарда и маги (Лула осталась в доме) к лесу во весь опор. И, хоть Алиса неплохо так чувствовала себя верхом — выучка уже есть, да и лошадь её досталась не капризная, всё же пришлось уделить внимание этим скачкам, а не лишним сейчас размышлениям.

Впрочем, перед тем как углубиться в лес, даже нет — уже ближе к первым деревьям опушки, лошадиный бег приутих, и по довольно широкой тропе лошади хоть и спешили, но

уже более спокойно и вереницей — одна за другой.

Оборотни и в самом деле ожидали магов за пределами пасеки. Судя по всему, Кун послал их обходить изгородь, запретив заходить за неё.

Маги-огневики, не дожидаясь приказа дана Регана, быстро заняли привычные места наблюдения за маткой. Всадники дана Герхарда присоединились к ним.

Пока оборотней расставляли, прикидывая их будущую роль при магах и всадниках, Алиса улучила момент и тихонько поинтересовалась у Куна:

— Дан Кун, а как же вы жили в своём поселении с тех пор, как измигуны начали на вас нападать? Ведь прошло столько времени!

Услышав вопрос, придвинулся к ним и Виктор, тоже встревоженный.

Но Кун неожиданно ухмыльнулся.

— Хоть дан Реган и не допустил меня до участия в ритуале с чёрной солью, но посмотреть-то я на него, на этот ритуал, посмотрел. Так что после первой ночи, едва только зародился рассвет, я взял самых быстрых оборотней и бросился к лесному дому. Мы унесли столько соли, сколько нам понадобилось бы на месяц. Как узнали объём? Просто: той самой ложкой наполняли свои вёдра и считали количество. Брали мы на один дом. Мой. В нашем поселении он самый большой, и оборотней-поселян легко собрать в него. Поэтому нам хватило взять из того запаса не так много соли. Ложку мы не брали, но, примерившись к ней, вычислили для себя нужное количество. Сработало. Как мы и ожидали. Так и... выжили. И выживаем.

Вынужденная смекалка оборотня восхитила. Но выразить ему восхищение вслух брат с сестрой не успели. К Куну подошёл дан Герхард, усмехнулся ему, как знакомцу, и что-то вполголоса сказал. Кун, стоявший вполборота к Алисе и Виктору, отчётливо удивился, вздёрнув бровь. Потом оглянулся — мимо молодых людей. Оглянулся туда же и дан Герхард. Алиса проследила их взгляды: они смотрели на дана Регана. Что случилось? Внезапно Кун весело ухмыльнулся и кивнул дану Герхарду. Тот ответно сморщился в какой-то кривоватой, но выражающей полное взаимопонимание улыбке и повёл его на определённое для оборотня место.

Глядя им вслед, Виктор вдруг нахмурился.

— Странно. Герхард ведёт его за пасеку.

— И что тут странного? — машинально спросила Алиса, всё ещё гадавшая, чему так таинственно ухмылялись два воина, значительно переглядываясь.

— Я думал — Куна с нами поставят. Он же у своих командир, а рядом с нами тоже командующий — дан Реган. А его, кажется, к дану Силлагу или к дану Конлету приставили. Значит... Нет, всё равно странно.

Алиса покосилась на дана Регана, который что-то обсуждал с даном Ристердом и не заметил оглядку на него Куна и дана Герхарда.

Как сказать брату о том, о чём она сама только что догадалась... Если объяснить Виктору, что оборотень специально поставлен за избушку волевым решением дана Регана, поймёт ли брат основную причину этого желания мага — держать Куна не просто подальше от неё, Алисы, но ещё и на приличном расстоянии? И это, несмотря на то что дан Реган теперь прекрасно знает: Кун давно и счастливо обременён семейством?

Но брат ждал хотя бы предположения в ответ на своё удивление. И она сказала то, что могло отвлечь его от мыслей о неожиданном месте для Куна.

— У них тут свои, военные заморочки. Меня больше интересует другое. Измигуны возле

лесного дома обретаются давно. Так давно, что дан Бартлей и дан Герхард знали о них. Знала Лула, хоть живёт далеко от лесного дома. Знало и семейство Маркасов, потому что поохотиться они приезжали всегда только на одну, безопасную ночь. Помнишь? Когда появился Кун, знал про них и он. Почему же его поселение подверглось нападению измигунов именно сейчас?

— А если это были измигуны не от лесного дома? — задумался Виктор. — А вдруг рядом с оборотнями появилось новое гнездо?

— Вас что-то смущает? — раздался за их спинами голос дана Регана.

Он подошёл тихо, но из разговора брата с сестрой, кажется, уловил только тревожные интонации... Причём Алиса встретила его взгляд, в котором читалось недовольство. Думал — они обсуждают, почему Куна ставят в дальнее место?

Переглянувшись с сестрой, Виктор повторил её недоумение, умолчав о том, как Кун распорядился чёрной солью. В конце концов, самоуправство оборотня, кажется, «подпадало под статью» о грабеже, а Кун нравился и брату, и сестре.

Выслушав Виктора, дан Реган некоторое время молчал. Видно было, что задачка брата и сестры его здорово задела. С толикой сомнения он предположил:

— Если оборотень шёл через наш лес, срезая себе путь, и попал в капкан (кстати, интересно, откуда он взялся?), то он оставил на капкане свою кровь. Вы говорили — тащили его в лесной дом на волокуше. Рана уже была перевязана?

— Да, — ответила Алиса. — Не то чтобы очень плотно, но кровь ему мы постарались остановить.

— Мы очень мало знаем об измигунах, — медленно, раздумывая, сказал дан Реган. — Получается, что в любом случае эти ночные твари по его крови проследили ваш путь в лесной дом. А когда лесной дом опустел слишком... неудобно для них, они пошли по свежему следу Куна. Ведь он вновь пошёл через лес. Некоторые маги умеют по крови видеть его носителя. Возможно, измигуны разглядели оборотня и по его следам. — И, помолчав, добавил: — Я думал, вас беспокоит, что Куна повели в иное место, а не оставили здесь, при вас.

— Меня это — да, беспокоит, — неожиданно отозвался Виктор, а когда дан Реган в изумлении воззрился на него, брат объяснил: — Я понимаю, что всадники Герхарда — бывалые воины. Но я их в деле не знаю. А Куна — знаю, видел, как он сражался с измигунами. Сами понимаете, дан Реган, доверие к тому, кто тебя защищает, многое значит в таком деле, как у нас.

Обалдев от изысканной речи брата, Алиса буквально пялилась на него, а потом снова испугалась — тоже за него: здесь не современный им мир. Равноправием тут не пахнет. А если дан Реган обидит Виктора? Обзовёт ещё... молокососом! С другой стороны, Виктору восемнадцатый, а здесь такие уже семейством обзаводиться могут. Так воспримет ли дан Реган серьёзно объяснения её брата?

Воспринял. Но как-то так, словно...

— Дан Виктор, — спокойно сказал он. — Если перевернуть ситуацию, всадники дана Герхарда отлично знакомы мне в воинском деле. В отличие от оборотней вашего Куна.

— Понял, — со вздохом пробормотал Виктор.

Хоть попытка брата разузнать, почему Куна не оставили рядом с ними, и провалилась, Алиса была благодарна ему.

Когда дан Реган отошёл, брат отправился на своё место. Он стоял справа от Алисы, в то

время как дан Реган будет стоять слева... Почему-то Алиса боялась обернуться. За спиной обычно стояли трое всадников, а сколько там сейчас телохранителей? Впрочем, их количество её не касается. Главное — они есть и будут защищать её. Тем более сейчас, когда их стало в два раза больше.

Но почему, когда она подняла глаза на избушку пасечника, стало жутко?.. Мало того — руки заметно задрожали. Девушка поспешно взглянула направо. Брат спокойно стоял на месте, чуть развернувшись к «своим» всадникам и о чём-то с ними беседуя. Взгляд налево — дана Регана нет. Наверное, пошёл проверять всех магов.

Тогда она решила, что лучше заняться делом. И перевела обычное зрение на магическое, сосредоточила его на избушке. «Увидела» колыхание матки, отыскала «свой» жизненный центр, к смутному свечению которого в дневном свете трудно приноровиться, но всё же можно уловить. И принялась следить за ним, за его порой медленным, а порой хаотичным движением по всей избушке. Привычное действие помогло. Теперь она знала, что у неё... мандраж? Психоз, в общем. А наблюдение за «своим» жизненно важным центром матки заставило отрешиться от мыслей о том, что будет на рассвете.

— Леди Алиссия, домой! — позвал дан Реган, и она радостно заторопилась к нему, даже не потому что хотелось быть рядом с ним, а потому, что он говорил с ней, а значит, невольно требовал отстраниться от переживаний.

Когда выехали на опушку, она отыскала глазами брата. Виктор сидел на своей лошади вроде обычный, как всегда. Но некая понурость его фигуры подсказала, что и он... как минимум, побаивается того, что произойдёт через несколько часов.

...Эту ночь запомнили все, кто участвовал в боевой операции.

Утренние сумерки принесли с собой прохладу и росу. Тени становились всё причудливей. Если бы пришлось гулять по такому лесу — признавалась себе Алиса, — точно бы шарахалась от всех кустов подряд, начнись только лёгонький ветерок. Утешало лишь одно: птицы распевали привычно безмятежно, снимая с души излишний страх...

Разместившись по своим постам, маги выждали, пока свои места займут их всадники-телохранители. И уже затем ожидали сигнала к началу боя.

Алиса знала, что они все, а именно маги, не просто дожидались сигнала, а снова и снова следили за плывущими в избушке пасечника точками, которые надо будет ювелирно поразить огненными стрелами. Не зная, как заставить себя уберечься от дрожи, она начала напевать про себя: «Ничего на свете лучше не-ету! Чем бродить друзьям по белу све-ету! Тем, кто дружен, не страшны тревоги! Нам любые дороги доро-оги!»

— Приготовиться... — раздался шёпот справа.

И Алиса подняла голову, а потом опустила, снова разыскала свою зеленовато-жёлтую точку, одновременно не выпуская из виду низкую крышу избушки.

Секунда, другая...

Над крышей, не слишком высоко, взлетела горящая стрела.

И семеро магов выстрелили собственными огненными стрелами, пронзая убогие стены домишка, заросшие травой и кустарниками. Ослепительно-яркие, они, по внешним впечатлениям, врезались в избушку, которая почему-то — на глаз постороннего — не загорелась. Алиса же, как и остальные маги, знала: стрелы пробили все семь центров, отслеженные на теле матки. Но, по договорённости, все семеро магов продолжали посылать огонь в намеченные цели.

Последний момент — самый трудный. Вспыхнувшие стрелы мешали разглядеть те самые жизненно важные для матки центры, и никто из семерых не знал, сумели ли они пробить цель, не ускользнула ли она от них в то мгновение, когда каждый выстрелил...

Наконец маги опустили руки и принялись вглядываться в избушку, хотя всадники быстро заступили перед ними, оттесняя подальше от пасеки. Неизвестно, что чувствовали остальные, но Алиса до слёз хотела знать: сумели ли они?

Перехватила взгляд дана Регана. Быстрый. Мол, как? Она кивнула — и снова уставилась на избушку.

Неужели всё? Вот так легко?

Слово «легко» только промелькнуло перед глазами, как избушка взорвалась.

Алиса чуть не закричала от страха, но вовремя сообразила, что, переводя взгляд на домишко, она постоянно пользовалась магическим зрением. Значит, что бы там ни происходило, это связано с магическим ночным зверем. Но что с ним происходит?

Ответ получили меньше чем за минуту.

— Алиссия, беги! Эйслин, бегите!!

Хриплый крик дана Регана ударил по всему телу. Ноги ослабели, но сильные руки телохранителей чуть не швырнули девушку подальше от избушки пасечника.

— Что... — только и сумела вымолвить, а невидимый в темноте человек уже схватил её за руку и с такой силой потащил в чёрные тени кустов и деревьев, что Алиса поняла: не перебирай она ногами — грохнется сию же минуту!

— Беги! — снова раздался за спиной хриплый, а потому пугающий крик.

Человек, тащивший Алису за руку, внезапно дёрнулся.

Пальцы разжал, и девушка в прыжке развернулась и вскрикнула: тащивший её свалился ничком на землю, потому в него вцепились, повиснув на спине, сразу три измигуна! Человек, то ли телохранитель из всадников, то ли оборотень-арбалетчик, защититься не мог, потому что его рвали даже в его падении.

Сама завопив так, что крик немедленно осип в хрипение, Алиса упала на колени и указательным пальцем ткнула в распяленную пасть ближайшего измигуна, который мельком глянул на неё. Не обращая внимания на отваливающуюся, словно пиявка, ночную тварь, Алиса подскочила ближе к упавшему и, не раздумывая и не боясь последствий, а может забыв о них, злобно пнула того измигуна, который сидел на поясице упавшего человека. Тварь взвизгнула и стремительно подняла голову вместе с угрожающе вскинутыми лапами — тускло блеснули в предрассветном мареве длинные когти. И сверкнули в пламени новой вспышки — стрела влетела в пасть второго измигуна.

Тварь не успела свалиться, как закричала от боли вставшая было Алиса. Третья впиалась когтями в её ноги и начала подниматься по ней, будто древесный зверь по стволу, так глубоко вонзая когти в плоть, что ноги горели теми же вспышками. Измигун визжал и поднимался так шустро, что не давал сделать и шагу...

Какое там — ударить его огненной стрелой?! Алиса вообще забыла обо всём, к чему готовилась, от жесточайшей боли!

— Алиссия! — разъярённо закричали где-то близко.

Но перед глазами темнота зашаталась, а потом вдруг замерла, когда чудовищные когти такого маленького зверя вылезли из последних ран, и измигун, в одно мгновение внезапно отяжелевший, грохнулся у ног.

Ничего не понимая, не соображая из-за боли, Алиса только смотрела, как упавший и

неожиданно подползший к ней человек с трудом выдрал из рухнувшего измигуна нож, а потом сам снова упал — рядом со сдохшей тварью. И тогда, чисто на инстинктах, девушка сама, помогая себе руками и опираясь на все ближайшие кусты, села на землю, готовясь встречать следующих тварей и защищать раненого не то человека, не то оборотня. Села так, как помнила направление к избушке, от которой могут поскакать к ним твари.

И во вздыбившихся мозгах только одна мысль: какого чёрта они ждали предпоследнего дня перед появлением измигунов из яиц?! Какого чёрта они сразу не прострелили огнём матку?! Видели же отчётливо все центры!

Кто-то со стороны, голосом дана Регана, суховато объяснил: это надо было, чтобы потом испробовать семицельный выстрел на уже взрослых измигунах.

...Впереди — она с трудом подняла словно обожжённые, сухие глаза — горела избушка пасечника, загорались деревья и кусты. На остатках реальности, погружаясь в дым и бред, Алиса не дышала, а сипела: была договорённость, что нечаянно выпущенный огонь, нечаянно допущенный пожар маги-огневики будут собирать в личные запасники силы. Но сейчас она элементарно не могла вспомнить, что надо для этого сделать. Поэтому всё, что могла, только сидела, в ожидании ночных тварей, на которых можно направить указательный палец и не пустить к такой лёгкой добыче, как это живое существо, которое чуть ли не бездыханным лежало у её ног...

А огонь приближался, здоровея и усиливаясь с каждым «шагом» к ней. Он уже не гудел, а ревел. И в этом рёве и треске деревьев пропадали до сих пор слышные звериный визг, человеческие крики и команды.

Лицо начинало невыносимо припекать — таким же жаром, каким сжигало ноги, когда Алиса поняла простейшую истину: её потеряли, и теперь спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Именно эта истина и заставила её вспомнить всё необходимое. Она подползла к раненому, который не отзывался на её зов и на жалкие попытки торможения его за плечи. Уселась так, чтобы он остался за её спиной, опираясь на неё, благо лежал снова ничком — и она расположилась, как в кресле.

Первый этап заклинания огня: Алиса соорудила вокруг себя и раненого нечто вроде прозрачной пирамиды, сухими губами выговаривая нужные слова. Наверху этой пирамиды осталось крохотное отверстие.

Этап второй: опустив голову, но подняв ладони, она зашептала (дым после первого заклинания лёг на связки, не давая говорить вслух) вторую часть заклинания.

И вокруг пирамиды взметнулась самая настоящая вакханалия: огонь со всех сторон потянулся к ней, приликая к трём сторонам странной защиты. Трижды прочитав заклинание, Алиса запустила его надолго.

И теперь принялась за сбор сил. Пламя не просто липло к стенкам пирамиды — оно вливалось вовнутрь и впивалось в ладони Алисы, которыми она словно поддерживала две части пирамиды, упираясь в них.

Первым делом она направила поток силы в ноги: делу заживления потоки не способствовали, но давали силу улечься боли. Как только жжение прекратилось, девушка чуть надавила своей поясницей на спину раненого, чтобы чувствовать его. И следующие потоки принялась вливать уже в его тело.

Не весь огонь она могла собрать к своей пирамиде, а только тот, что был рядом.

Вскоре вокруг пирамиды появилось странное пятно, полубожжённая трава и деревья словно ластились к единственному месту, где огня не осталось, а чуть дальше, будто стенки

невиданного-неслыханного огненного колодца продолжали реветь умирающие под натиском огня дерева.

...Сначала подняли её, потом помогли встать раненому. Им оказался один из всадников-телохранителей, который побежал следом за своей подопечной, услышав: «Алиссия, беги!»

Совершенно очумелая (по-другому своё состояние не могла бы назвать), Алиса тяжело открыла глаза, только очутившись на чьих-то руках. Перед нею нежно-голубое небо и чёрные вершины высоких деревьев.

— Леди Алиссия... — прошептал кто-то.

Ей хотелось пожаловаться, что она устала, что говорить не хочется.

А потом услышала над собой:

— Дан Реган! Сюда! Леди Алиссия здесь!

Она сморщилась от слишком громкого голоса, а потом где-то внутри шевельнулась струнка, задев которую, она узнала этот голос: она на руках Куна.

Недолго. Её быстро передали кому-то другому, кто бережно прижал её к себе.

— Леди Алиссия... Алиссия, ты слышишь меня?

Ей так не хотелось отвечать, но мужчина уговаривал:

— Не молчи, Алиссия! Ты понимаешь, где ты? Понимаешь, с кем ты?

Ну вот, хоть что-то...

— Понимаю, — слабо ответила она. — Это ты обещал мне подарок.

Он затрясся, кажется, от смеха, а с ним поневоле затряслась Алиса. Вокруг заговорили как-то... легче, что ли. Как будто глупая шутка про подарок ослабила недавнее напряжение.

— Лиска! — завопил где-то рядом брат.

— Здесь она... — ответили ему.

— Алиссия, — склонился к ней дан Реган, — ты пришла в себя?

— А мы как... победили? — пробормотала она, едва шевеля тяжеленными губами.

— Хочешь сказать — от ответа зависит твоё состояние? — уже спокойней спросил он. — Тогда слушай, леди Алиссия. Мы победили. Абсолютно точно.

— Лиска! — выдохнул Виктор совсем близко. — Живая! Дура, чего не отвечала?! — обозлился он и тут же плаксиво закончил: — Напугала меня, как... как... Блин.

— У меня ноги, — снова закрыв будто поджаренные веки, сказала она неизвестно кому. — Я хочу встать на ноги, но у меня... ноги.

Услышала короткое подвывание брата. Поняла, что он только сейчас обратил внимание на её ноги.

— Сейчас выберемся из леса, — бесстрастно сказал дан Реган. — Там, на опушке, наши лошади. Доставим вас домой. И через пару часов будете ходить, как будто у вас с ногами ничего не происходило. Леди Алиссия, вы собрали столько силы, что раны заживут быстро. Не беспокойтесь об этом.

И он зашагал среди притихшего леса, в котором робко начинали вновь выкликать друг друга птицы: «Все ли живы? Отзовитесь!» и в котором страшно пахло горелым деревом. Алиса лежала на его руках с закрытыми глазами и слушала, как шагают следом остальные. Небольшую тревогу вызывало лишь обещание дана Регана отвезти её в дом матери. На лошади. Она смутно представляла, как придётся трястись на лошади... А если ещё и в седле — с её-то жуткими сейчас ногами.

— Остальные?... — спросила она, понимая, что он сразу догадается, о чём она.

— Ранены два оборотня и только один всадник — тот, что побежал за вами, леди

Алиссия.

— А... matka?

— Гнезда больше нет, — твёрдо уверил её дан Реган.

— Значит, завтра — в лесной дом?

— Не так быстро, леди Алиссия.

— Почему...

— Сначала вы встанете на ноги.

— Встану.

— Потом я надену вам на палец кольцо.

— Наде... что?!

— Я официально должен подарить вам лесной дом. Значит, кольцо подтвердит эту сделку.

Она слышала, как он улыбается, произнося эти поразительно странные слова, и внутри что-то теплело, заставляя не только набираться сил, но и приходиться в себя.

— И, как только надену это кольцо на ваш палец, мы с вами поедем отбирать лесной дом у измигунов. Вы как, леди Алиссия? Согласны на такой расклад?

— Согласна, — растерянно прошептала она, всё ещё не понимая: он её так подбадривает, вышучивая? Или... серьёзен? А потом неожиданно для себя задремала, поверив его рукам. И приняла ситуацию: сначала прийти в себя, а потом выяснить, что ей предложили — и всерьёз ли.

Когда вернулись в «родительское» поместье, там ещё все спали. Разумеется, все, кроме пастуха Лаогера, который ранним утром уже выгнал коров на пастбище.

Вот тут-то и пригодился гостевой дом. И тот же пастух, который и впрямь оказался бывшим магом. Нет, в примитивном целительстве, как выяснилось, соображали маги любой специализации. Но Лаогер оказался магом-профессионалом. Как он очутился среди раненых, перенесённых в отдельный корпус дома? Никто в суматохе возвращения не понял. Однако его негромкие, но требовательные команды были невероятно властными, а потому выполнялись немедленно — всеми, к кому он обращался. Он не только сумел вычистить раны людям и оборотням, но и обезболить их. А перевязки... Алиса только рот открыла, глядя, как плотно и бережно ложится на её раны чистая ткань. Будто настоящие бинты. Пробовала встать на ноги — получилось даже постоять немного. Боль была, но такая... нлыо словно как-то изнутри.

Чуть позже узнали, что дан Лаогер в известную воинам недавнюю войну потерял всех своих родных. Что его и сломило. Но при виде тех, кто нуждался в его помощи, в пастухе проснулось не только сострадание, но и совесть.

Пока дан Лаогер занимался ранеными (а для удобства врачевания их всех на первый случай разместили в одной, довольно просторной комнате), Алиса узнала о том, что же произошло, после того как измигунья матка была уничтожена.

— Яйца начали трескаться именно в эту ночь, — лаконично возвестил дан Конлет.

Более эмоциональное и пространное объяснение дал дан Силлаг, добавив:

— Измигуны выскочили, не только распахнув дверь или окна, но во все щели. А последних в этой ветхой лачуге хватало!

А дан Ристерд качал головой:

— Избушка словно взорвалась ими, леди Алиссия!

Эта информация была первой и, мягко говоря, обрывочной, но в целом картинку Алиса получила. Тем более, что вскоре её отнесли в отдельную комнату, в которой дан Реган разрешил остаться только Виктору. И вот тут уж девушка получила все ответы на свои вопросы. Спать не хотелось, потому что владело Алисой самое настоящее нервное возбуждение. А дан Реган полагал, что его невесте нужен отдых и что её брат уж постарается сделать всё, чтобы раненая отдохнула.

Виктор и старался. Сел на краешек кровати, куда положили сестру, и рассказывал. Говорил вполголоса, чтобы его не слышали за стенами в других спальнях-комнатах. Иногда так увлекался, что его несло рваными предложениями — лишь бы успеть подробно обо всём, и Алиса недовольно шипела на него, требуя, чтобы говорил внятно.

В сущности, ничего нового, если вспомнить реплики магов, брат не рассказал. Но странно: слушая его, Алиса всё больше успокаивалась.

Итак, матка и впрямь была уничтожена синхронным выстрелом в семь огненных стрел. Но, едва маги-огневики опустили руки, избушка пасечника чуть не разлетелась по брёвнышку: так стремительно порскали из неё измигуны, только что вылупившиеся.

— И уже с шерстью? — уточнила Алиса деталь, которой давно интересовалась.

— С шерстью! — подтвердил брат и с изумлением покачал головой: — Они все были мокрыми! Представь — только-только вылупились! Но уже клыкастые!

Благодаря всадникам Герхарда и оборотням Куна всю стаю измигунов, изливающуюся из домишки, сумели ликвидировать почти без потерь.

— Дан Реган говорил, что бывает — от десяти человек погибает, — вздохнул Виктор. — А тут — всего лишь раненые!

— Ага, — проворчала сестра, — всего лишь. Тебе бы это «всего лишь» испытать!

— О! — обрадовался Виктор. — Они как полезли, я сразу начал бить так, как было в лесном доме! Ту же стрелу — прямо в пасть! А твою пропажу сразу не заметили. Потому как остальные маги тоже начали лупить в этих тварей — вокруг избушки такой фейерверк был! И это плохо, — внезапно закончил он отнюдь не на радостно-восторженной ноте.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Ну, так слепит же, — напомнил брат. — Так мельтешит, что ничего не разглядишь. В общем, я понял так, что магическое зрение надо развивать и дальше. Это ведь я ничего не видел. А остальные-то очень даже прекрасно всё видели.

Во время торжественного то ли позднего завтрака, то ли раннего обеда (мать, зная, что они отсыпаются, перенесла время трапезы на более позднее) дан Реган при всеобщем одобрении надел кольцо на палец Алисы.

На этом обеде, к которому он принёс свою невесту на руках, мать и прислуга наконец выяснили, с чего это вдруг в поместье остановилась чуть ли не воинская часть. Мать, ничего не зная об измигунах, точнее — только что узнав, спокойно восприняла рассказанный ей результат боевой ночи. Но на прислугу известие о том, что «баричи» нашли гнездо ночных тварей на пасеке — чуть не на пороге поместья, а затем с помощью военных уничтожили его, произвело оглушительное впечатление. Слуги теперь не то что на цыпочках перед ними, военными и «баричами», ходили, но ещё и тарацились благоговейно, как на героев.

Как ни странно, на этот обед-завтрак пригласили и Куна. Алиса подозревала — затем, чтобы он наглядно увидел, что она... окольцована. Девушка попыталась было мысленно составить речь, чтобы толкнуть её перед даном Реганом и доказать, что предводитель оборотней для неё всего-навсего хороший друг, а то и вовсе — знакомый. Но отказалась от приготовленных слов при виде жениха, который успокоился, едва помолвочное кольцо украсило её палец.

Кун сидел за столом спокойно, деликатно орудуя вилками-ложками и ножом. И, только поглядывая порой на Алису, с трудом прятал ухмылку.

Алиса же лишь раз испытала не то что возмущение из-за кольца, но... некоторое противоречие: её опять не спросили, а хочет ли она вообще замуж! Но... жених-то нравился! Вот и всё противоречие.

И оставалась толика озадаченности, которую она и высказала матери, когда та подошла после завтрака поздравить её. Дан Реган уступил ей место, присоединившись к старшим магам, обговаривавшим итоги боевой операции.

— Мама, спасибо за добрые слова. Вот только замуж я должна была выйти за другого.

— Что значит — за другого?! — изумилась мать.

И Алиса коротко напомнила ей о дане Маркасе и описала нынешнюю ситуацию. Помолчав, тоже озадаченная, мать только и сумела посоветовать:

— Не стесняйся, Лисушка, подойти к жениху и потребовать объяснений. А то мало ли... Подойди. Может, конечно, здесь так не поступают, но я вижу его глаза, когда он смотрит на тебя... Так что — смелей.

Подумав, девушка решила, что мать, всё больше оживавшая в этом мире, права.

Поэтому, когда дан Реган вернулся и вновь взял Алису на руки, чтобы отнести девушку в её комнату, она спросила, стараясь придать прямому вопросу шутливые интонации:

— Дан Реган, как я могу быть помолвлена с вами, если существует бумага от короля, где рядом с моим именем вписано имя дана Маркаса?

— Это общее имя нашего рода, — спокойно напомнил он, поднимаясь по лестнице на второй этаж. — До сих пор именно я управлял поместными землями моего брата. Теперь упомянутые земли вашей матушки перейдут в моё ведение и владение. Но, поскольку они являются анклавом между землями брата и моими, я не буду возражать против аренды за символическую плату. Тем более что управление поместными землями переходит в руки леди Эйслин, потому что дан Маркас переходит на службу приближённым его величества короля. Мне только осталось вписать в королевский вердикт своё личное имя.

Алиса не вполне поняла деловые рассуждения своего жениха, но главное усвоила: дан Маркас против женитьбы своего кузена на назначенной королём невесте не возражал. Как и сам король. Вроде бы.

Разобравшись с этим делом, позволила себе ещё один вопрос:

— А как же теперь быть с измигунами возле лесного дома?

— У нас сутки передышки, пока вы приходите в себя, леди Алиссия. Завтра утром едем туда.

Тогда ещё осторожней она поинтересовалась, пока он шёл по коридору:

— А можно будет с собой забрать компаньонку?

Дан Реган вошёл в комнату и осторожно устроил её на кровати, подсунув под спину две взбитые подушки, чтобы удобно было сидеть.

— Кроме этой девушки, нам понадобятся две служанки на кухню, о чём пока придётся просить вашу матушку. Нет, я помню, как вы готовите, леди Алиссия, — улыбнулся он, — но нынешнее количество едоков заставит вас надолго отвлечься от поставленной цели. А теперь, милая барышня, не поговорить ли нам друг о друге? Чтобы поближе познакомиться?

— Поговорить! — с жаром согласилась Алиса. — И у меня снова вопрос: почему вы решили, что я могу быть... — она замялась, глядя, как он легко переносит ближе к кровати кресло, которое она побаивалась даже с места сдвинуть.

Когда дан Реган устроился в кресле — так, чтобы говорить, глядя в глаза своей невесте, он кивнул:

— Я понял вас, леди Алиссия. Скажу откровенно. Моё желание видеть вас моей супругой тоже стало для меня неожиданностью.

Осмелев, Алиса предположила:

— Надеюсь, не жалость ко мне стала первым для вас чувством?

— Нет, что вы, Алиссия! — рассмеялся дан Реган. — Отнюдь не жалость! Сначала это был страх — я увидел, что вы повисли на крыше. Когда я добрался до тех, кто объяснил мне, кто вы и почему оказались на крыше, то испытал восхищение. Ведь до недавнего времени о назначенной королём невесте брата я слышал, что она довольно вялое существо. И вдруг это вялое существо само идёт на крышу, обеспокоенное разрушениями, нанесёнными измигунами?! Уже этот ваш поступок, Алиссия, заставил меня приглядеться к вам. А дальнейшие ваши рассказы о жизни в лесном доме, а также уточнения вашего брата к ним!.. Я поверил, что вашему преобразованию поспособствовали опасные перемены в вашей жизни. Даже нет, не так — не преобразованию, а открытию неожиданных черт характера, симпатичных мне... Впрочем, опять-таки что — поспособствовали? Я понял, что девушка,

предназначенная моему брату, совсем не соответствует тому образу, который всем нам представлялся. Брат думал о жене, которая будет представлять его при дворце, уподобившись жеманным и чопорным фрейлинам королевы. Но нашим глазам предстала девушка, которая может быть не только отличной домашней хозяйкой, но и верной подругой воина — на равных с ним. Поэтому мой брат, дан Маркас, легко отказался от вашей руки в мою пользу, когда я попросил его об этом.

Вот это «на равных с воином» примирило Алису с тем, что её судьбу решали, не спрашивая её саму, чего она хочет.

А потом они просто сидели и болтали, и Алиса втихаря радовалась, что дан Реган легко откликается на её вопросы о своём детстве и жизни. Понять, что, несмотря на наличие кузенов — Маркаса и Эйслин, жилось ему всё-таки одиноко, было легко.

Образ вялой леди Алиссии она ему тоже легко объяснила: только вчера мать сказала, что в разговорах прислуги промелькнуло кое-что о здешнем их отце: был невероятно властным и не терпящим возражений. Подавил мать и детей так, что они слова лишнего боялись при нём пикнуть. Поэтому прислуга, которая тоже трепетала перед ним, за время его исчезновения из жизни, так быстро привыкла, что с матерью семейства можно не церемониться. Та, которую заменили, была забитой серой мышкой. Обожала лишь свой приусадебный сад, где могла прятаться от мужа-тирана.

Когда дан Реган ушёл, Алиса пожалела, что ему приходится больше уделять времени той самой военной части, куда входили и маги. Одновременно с его рассказом о жизни она слышала отголоски жизни и этого мира. Да и... Маловато будет! Маловато! Очень мало этого времени на общение. Хочется узнать друг о друге больше, но... Алиса вздохнула и решила: они ведь будут ездить по всему королевству — вместе! Потому как чуть ли не однополчане. А значит, узнают друг друга лучше, чем просто в беседах. Так что... «Терпим, леди Алиссия! — велела она себе. — Терпение и труд всё перетрут!»

Наутро, очень рано, выступили в дорогу к лесному дому. Не потому, что дом принадлежал командиру группы магов и всадников. А потому, что лесной дом был ближайшим, возле которого, как знали, давно уже процветало гнездо измигунов.

Оборотни Куна, вместе с предводителем, будучи пешими, ушли ещё раньше, чтобы не задерживать в пути всадников.

Всадники ехали впереди. Следом плелась с трудом найденная в поместье карета, в которую впрягли взятого в соседнем поместье довольно старого коня. Карета везла двух испуганных (от них скрывать не стали, куда едут и зачем) служанок и кучу продуктов для кухни — на время размещения в лесном доме военных.

Виктор с Лулой, державшиеся позади Алисы, занялись тем, что старались считать секунды, чтобы вычислить время, а заодно и примерное расстояние от поместья матери до лесного дома. Сначала считали, а потом бросили. Из-за Лулы, которая предложила более простой способ вычисления — вместо того чтобы молчать и напряжённо считать: они быстро спешили, посмотрели на свои тени на солнце, подсчитали, сколько шагов в них, а потом сели на лошадей и стали спокойно ехать дальше, беспечно болтая обо всём на свете. По приезде в лесной дом они должны были посчитать шаги уменьшившихся теней и тем самым вычислить время. В доме-то матери есть часы. Как и в лесном доме — правда, здесь сломанные. Но дан Реган уже пообещал, что отвезёт их мастеру часовых дел.

Весь день посвятили вселению в лесной дом, размещению по комнатам, а также работе на местности.

В первую очередь, естественно, маги всей толпой сходили к склепу и обследовали его со всех сторон.

Рассказ Куна о нападении измигунов на поселение оборотней именно отсюда полностью подтвердился.

Благо приехали под конец утра, благо роса не сошла ещё, видно было отчётливо: посреди седых трав яркая широкая полоса от склепа указывала новое направление, по которому измигуны рванули в поисках новой добычи. То есть и сегодняшней ночью они пытались прорваться в тот дом, который Кун сумел защитить и в котором спрятал жителей своего поселения.

Кстати, Кун, наверное, единственный из воинов сопровождал магов до склепа. И поэтому он первым, а может — и вовсе единственным учуял странное.

Пока все остальные просто кропотливо разглядывали следы измигунов, качали головой на матку, растающую в стены склепа, и уже сейчас пытались определить те семь важно жизненных центров для неё, чтобы потом распределить по охотникам-огневицам, Кун молча бродил вокруг склепа... Справедливости ради надо сказать, что ветерок сначала был довольно слабый, но потом на небе появились облака. И вот тогда ветер начал ощутимо раскачивать деревья, предвещая если не бурю, то сильный ливень.

— Что это за кости? — с недоумением спросил дан Силлаг, поднимая бело-серую кость, а за ней следующую, предварительно высмотренную среди трав, а потом, не отрывая взгляда от земли, кажется, заметил ещё одну.

— Это мы притащили сюда дохлых измигунов — перед приездом в лесной дом дана Ригана и леди Эйслин, — объяснил Виктор. — Дан Кун нам рассказал, что измигуны жрут даже себе подобных, а потому могут не прийти к дому хотя бы в одну ночь, пока едят. Ну, мы и притащили сюда всех тех тварей, с кем повоевали, когда в доме был дан Герхард. — Оглядев еле видные среди высокой травы кости, пожал плечами: — Неплохо так сожрали. Даже кости — и те сломанные, погрызенные.

И чуть позже этого разговора Алиса заметила, что Кун как-то странно ходит вокруг склепа. Он шагал парочку шагов, резко останавливался и начинал внюхиваться то ли в ветер, то в ближайшие запахи. Только, видимо, ловил какие-то заинтересовавшие его до степени большой тревоги, как тут же досадливо морщился, явно потеряв нужные. Потом снова медленно проходил какое-то мелкое расстояние и резко замирал на месте.

Точней, первым на него обратил внимание Виктор. Возможно, была бы рядом Лула, он бы смотрел только на неё. Но белобрысенькая осталась в лесном доме — помогать временным и вынужденным поварихам, рассказывая, где что находится. Так что Виктор, раз заметив странности в поведении оборотня, тут же принялся наблюдать за ним. Нет, конечно, странностью назвать трудно, когда оборотень пытается уловить какой-то удививший его запах. Но Кун настолько увлёкся попытками поймать этот запах, что Виктор подошёл к Алисе и тихо сказал:

— Смотри. На Куна глянь. Что он там внюхивает?

— Спросим? — предложила девушка, разок глянув на дана Ригана и надеясь, что он не будет ревновать её при всех.

— Я то же самое хотел сказать, — с облегчением проговорил брат и заторопился за Алисой, которая решительно направилась к оборотню.

А Кун, насупленный, стоял возле двери в склеп и то и дело склонялся к травам и дорожке в склеп, отчётливо дёргая носом.

Только Алиса хотела спросить, что за запах настолько его заворожил, как он шагнул в сторону, за густой куст и, кажется, присел за ним на корточки. Во всяком случае, из вида пропал. Виктор решительно заторопился следом за ним. Как и Алиса.

И только зашла за этот куст, как в нос вдруг ударило таким смрадом испорченного мяса, что она не выдержала и чихнула, а потом, вся скривившись, помчалась назад, к двери в склеп.

— Лиска! — радостно завопил из покинутых ею кустов Виктор. — Иди сюда! Смотряка — один остался несъеденным!

«Орёт так, как будто сам счастлив, что этого не сожрали!» Вздохнув и вынув из кармашка блузы платочек, девушка сложила его в несколько слоёв, плотно приложила к носу и только затем прохромала к нужному месту, куда спешили ещё и старшие маги.

Точно. Один измигун остался в целости и сохранности. Ну, не считая гниения на свежем воздухе. Алиса снова скривилась. На этот раз не потому, что носа достигла жуткая вонь: глядя на Куна, она предусмотрительно встала на место, где смрад не чувствовался. Нет, смотреть было противно — на торчавшие рёбра и плоть ночной твари, которая за столько дней не просто сгнила, но даже оплыла невообразимо страшным месивом, в котором угадывалась лишь кошмарная слизь с клочьями шерсти. И эта дрянь — на изумрудно-зелёной траве, среди самой жизни!

С ужасом посмотрела на дана Конлета, который осторожно, чтобы не запачкаться, опустился на корточки перед этим месивом. Причём опустился он именно с той стороны, откуда воняло больше всего. И даже не поморщился!

— Странно, — удивлённо проговорил маг. — Мы нашли кости съеденных измигунов. Но этого не тронули. Почему? — И, подняв голову, попросил: — Посмотрите, пожалуйста, ещё немного вокруг склепа! Может, найдём ещё одно тело? И тогда сумеем определить, почему твари побрезговали этим телом?

— К нему даже не приблизились, — заметил Кун, который уже сидел на корточках, разглядывая и дохлого зверя, и место вокруг него.

— Может, среди них был какой-то мор? — с надеждой предположил дан Ристерд, тоже подошедший к ним. — Может, вскорости так сами и вымрут?

И тут Алиса вздрогнула, вспомнив. Поёжилась. Посмотрела на брата. Неужели он забыл? Кажется, забыл, потому что следил за магами, обсуждающими странную находку, так, словно только от них ожидал ответа на вопрос, заинтриговавший всех.

— Вить... — прошептала она, даже не собираясь, чтобы он услышал её. Сомнения оставались. А вдруг то, что они сделали, делать было нельзя?

Брат в этот момент мельком взглянул на неё, чтобы тут же перевести взгляд на кого-то другого. Но всё же вернулся взглядом к сестре, заметив-таки необычное выражение её лица. Кивнул через всю толпу обсуждающих: чего, мол, ты?

И она ответила, изобразив жест пальцами, будто сыпала кругом нечто мелкое.

Виктор сначала поморгал непонимающе. А потом его брови взлетели — вспомнил!

Он пробрался к ней и деловито спросил на ухо:

— Кто расскажет?

— Давай ты, — прошептала она. — Видишь — только через платочек говорить могу? Аж тошнит от вони...

Виктор обернулся к магам, дотошно изучающим гниющий труп. Кашлянул так многозначительно, что девушка чуть не рассмеялась. Но внимание к себе привлёк.

— Когда дан Кун нам предложил перенести сюда измигунов, — начал он, — мы с сестрой решили провести эксперимент.

И замолчал, выжидая, пока поднимутся все: движение начал насторожившийся дан Конлет. Когда все устали на Виктора, он продолжил:

— В общем, мы не знали свойств чёрной соли. И решили проверить, что будет, если побросать трупы перед склепом, но один из них обсыпать чёрной солью. Интересно же, подойдут ли к нему живые измигуны. Столько времени прошло... Я и забыл немного про него. И вот... — он развёл руками.

Дан Силлаг снова быстро сел на корточки, извлёк из кармана кожаную рукавицу, которую сразу и надел. После чего, словно ковшом экскаватора, пальцами провёл по земле вокруг измигуна. Поднял набравшейся в ладони земли и чуть отвернулся от солнца — так, чтобы содержимое набранного оказалось в тени. Не сразу, но Алиса догадалась: это чтобы лучше видеть магические эманации чёрной соли, если она ещё здесь есть.

Наверное, с минуту дан Силлаг анализировал землю и всё, что вместе с ней попало на ладонь. После чего поднял голову взглянуть на всех тех, кто, затаив дыхание, ждал от него оглашения результата. Но, прежде чем сказать о том, маг встал, снова взглянул на горсть земли и кивнул:

— Это и правда чёрная соль.

— Не может быть... — прошептал дан Конлет и склонился над его ладонью.

Даже в свете дня было видно, как, переглянувшись, побледнели даны Ристерд и Реган. Почему? Леди Эйслин-то была спокойна, разве что, как и Алиса, зажимала нос от смрада, поднимаемого ветерком.

— Столько погибло... — прошептал дан Ристерд, глядя на дана Регана. — А оказывается, надо было всего лишь...

Чуть позже брат с сестрой узнали то, о чём почти горевали все маги: если чёрную соль рассыпать или поставить в тех же площадках вокруг, например, этого же склепа, выскакивающие из гнезда ночные твари, как минимум, будут медлительней! А то и вовсе не сумеют пройти линию защиты! И будут прекрасными застылыми мишенями для воинов-всадников!

— То есть прошлой ночью измигуны не напали бы на нас? — растерянно спросила Алиса и инстинктивно взглянула на ноги. Пришла-то на своих двоих, но чего это стоило!.. Лишь твёрдая решимость и уверенность: больше движения — быстрее всё заживёт, — и заставляли не сидеть на месте!

Старшие маги переглянулись.

— Точно сказать пока никто не может, — уже задумчивей ответил дан Силлаг. — Мы собираемся уничтожить гнездо этой ночью, так что...

— А успеем запомнить «свои» точки жизненных центров у матки? — с тревогой спросил Виктор. — Они же перемещаются и окраску меняют. А вдруг?

— Я согласен с даном Виктором, — сказал дан Ристерд. — Нам нужен хотя бы один вечер или раннее утро, если учесть, что ночь для нас пропадает — это всё-таки действующее гнездо.

Остальные, вдумавшись в проблему, охотно согласились с выводами дана Ристерда. Особенно когда поняли, что эта охота на измигунов будет экспериментальной. А значит, к ней надо подойти так же осторожно, как работали с предыдущей. Как, впрочем, работали со всеми остальными. Но от этой последней теперь зависело многое. В основном — жизни

воителей: и всадников, и магов, и оборотней.

Кун сдержанно улыбался, но Алисе нетрудно было представить, как он ликовал в душе. И даже подумала вот о чём: а если оборотень уже думает о том, как использовать чёрную соль, не подключая к уничтожению измигунов магов и всадников? Хотя нет. Вряд ли. Ведь в первую очередь надо убить матку...

Подошёл дан Реган и, ни слова не говоря, подхватил девушку на руки. И только освободив ноги, Алиса чуть не заплакала от его внимания: пока не прислушивалась, вроде всё нормально было. Но стоило ноги освободить, как они начали тупо ныть.

— Донесу, — кратко обнадѣжил её дан Реган, улыбнувшись, когда она с беспокойством покосилась на землю.

И понёс. Когда проходили мимо Виктора, она заметила, что брат довольно задумчиво посмотрел на них обоих, а потом вздохнул. «Если ему даже что-то не понравилось, — решила Алиса, — я буду думать, что он хочет попробовать так, на руках, носить Лулу. А что? Девочке такое наверняка тоже понравится!»

Глава 25 (вместо эпилога)

Три дня ушло на пристрелку. Семь жизненно важных центров матки в склепе при лесном доме оказались тусклей, чем у предыдущей. Посовещавшись между собой, старшие маги предположили две причины тому: или эта матка уже старая и вскоре должна разродиться своей преемницей, а потом... Что будет со старой потом — никто не знал. Прецедентов не было. Или всё дело в том, что зрение магов плохо настроено на эти центры. С предыдущей-то легче было: семь точек высвечивались ночью, почти сияли, так что их было легко запомнить и отличать друг от друга. А здесь что? Отслеживали только вечером или утром.

Но отследили.

На этот раз час уничтожения назначили на вечер. Соль-то чёрную надо успеть солнцу показать. Поэтому обнесли склеп площадками с солью, не дожидаясь захода солнца, но уже в длинные вечерние тени устроились на уговоренных ранее местах.

Всадники и оборотни, затаившиеся возле магов, приготовились. Герхард, как и в прошлый раз, пустил сигнальную горящую стрелу над склепом.

Расчёт оказался верным. Маги уничтожили матку, а всадники и оборотни легко перестреляли хлынувших из склепа, яростно визжащих измигунов, которые, добежав до границы с площадками, вдруг превращались в медлительных толстых, меховых идиотиков, бесцельно и вяло бродивших рядом с чёрной солью.

Вернулись с безоговорочной победой. Целые и невредимые.

Солнце полностью село, когда от лесного дома в своё поселение отправились оборотни во главе с Куном — через лес, а по тупиковой дороге, через перекрёсток, в ближайший город отправились Герхард и два всадника. В том городе они должны были объявить о новом действенном оружии против измигунов. Об оружии, которое совсем не давно было лишь защитой от них. А уж из того города должны во все стороны королевства разлететься гонцы с радостной вестью.

Через месяц королевство освободили от измигуньих гнёзд.

Осталась задача — вовремя отслеживать появление новых.

А ещё через три месяца лучшие маги королевства разгадали тайну появления измигунов — и нашли противодействие заклинанию, призывавшему этих тварей на родные земли. И люди выдохнули, успокоившись, что со страшной угрозой покончено.

А ещё через месяц дан Реган ввёл в храм стихийных божеств невесту и при большом стечении народа храмовый служитель торжественно возвестил, что эти двое наречены мужем и женой. Пройти жениху и невесте в храм, а затем новоиспечённым супругам — из храма пришлось сквозь толпы ликующих всадников Герхарда, которых Алиса теперь знала всех поимённо, и тех всадников, с которыми приходилось сидеть в засаде на измигунов в разных местах королевства. Поездить пришлось много: магов-огневигов, умеющих манипулировать магическим огненным выбросом, и правда не хватало. И всегда рядом стояли дан Маркас с сестрой, которая счастливо переглядывалась с даном Ристердом — они следующие на заключение брака. Стоял рядом и брат Алисы, Виктор, под руку с взволнованной и плачущей пока от чужого счастья впечатлительной Лулой.

А потом они вернулись в лесной дом.

И уже по дороге Алиса поняла, как легко решилась проблема с присутствием брата в

полюбившемся им обоим лесном доме. Лула теперь официально стала компаньонкой леди Алиссии, а Виктор просто представить не мог, что он окажется вдалеке от своей пока ещё только подружки.

Впрочем, мать не возражала. Во-первых, опять появилась на свет женщина, которая ранее, в другом мире, твёрдой рукой вела хозяйство в доме — до тех пор, пока из семьи внезапно, предательски не ушёл её муж и отец её детей. Во-вторых, теперь мать не одна воевала с прислугой (хотя, в общем-то, уже никакой войны не было, и мать ворчала по привычке): сначала частенько заезжал к ней в гости дан Силлаг, когда изредка магов-огневиков отпускали отдохнуть после охоты на измигунов. А потом и вовсе остался с ней. Свадьбы они не играли. Просто два одиночества однажды съездили в храм стихий, где над ними произнесли нужные слова, и счастливая пара поклялась больше никогда не разлучаться. Ну, кроме как поездок дана Силлага в командировки на войну с измигунами.

Итак, дан Реган и Алиса вернулись в лесной дом. И некоторое время изумлённо хлопали глазами на идеальную чистоту во всех помещениях и на тщательно отмытую кухню, чей ледник был забит продуктами на первое время. Выяснилось, что, узнав о свадьбе дочери, мать организовала трудовой десант и вывезла в лесной дом, где уже побывала ранее, почти весь штат прислуги. Хватило аврала с утра до вечера, чтобы дом засиял к приезду молодых. Оставив в том же леднике холодные закуски на первый случай, мать твёрдой рукой завернула своих людей к дороге в своё поместье, не собираясь оставаться на ночёвку.

Узнав об этом десанте, Алиса с Виктором только переглянулись и покачали головами, улыбаясь. Да, маме тоже понравился мир, в котором она может действовать так, как ей пожелается. Неудивительно, что из невзрачной сутулой женщины неопределённых, вроде как пожилых лет она превратилась в строгую даму с железным характером. Тем более... Правда, об этом они узнали чуть позже. Тем более что мать, оказывается, получила неплохие деньги за вынужденный, на несколько недель военный постой всадников и магов в её поместье. Так что она сумела прикупить ещё немного живности: не только коров, но и лошадей — в последнем ей помог дан Силлаг, отлично знавший, каких надо покупать для хозяйства.

Мать выждала некоторое время, пока молодые осваивались в собственном гнёздышке, а потом приехала в гости. В деловые гости.

Посидев немного с молодыми за столом, она после обеда подхватила дочь под руку и, улыбнувшись зятю, велела ей:

— Покажи-ка мне, Лисушка, свои владения!

Если дочь сначала думала, что мать хочет порадоваться за неё и за её богатого мужа, то слегка промахнулась в своих догадках.

Едва они вышли к ручью, как мать сощурила глаза и обвела оценивающим взглядом ровную лужайку между родником и домом.

— Так, вот здесь с весны перекопай землю на грядки. Семена на всякую мелочь не покупай — сама пришлю или ещё раз в гости заявлюсь.

Ошарашенная Алиса только и сумела спросить:

— Почему — здесь?

— Вода рядом — таскать далеко не надо. От дома тоже недалеко — выглянула в окно кухонное и сразу видишь, надо ли полоть, нет ли. Много не копай. Хватит штук шесть-семь. Лужайка здесь длинная — и гряды будут достаточные. — Она снова огляделась и кивнула неизвестно кому: — А вот здесь... Пришлю тебе своего садовника, чтобы уже сейчас он тебе

ягодные кусты привёз и успел яблонь присадить. По первому времени Витька пусть тебе помогает с поливом. Слуг-то много набрали?

— Много ли нам надо? — удивилась Алиса. — Две женщины есть — хватит. Я ж тоже в стороне не остаюсь. Дом не такой большой. Мы с Лулой и сами можем прибраться, если что. — И тут же объяснила, заметив недовольство матери: — Может, потом и будут другие, но сейчас... Мам, прости, но как-то не хочется, чтобы дома постоянно были чужие.

Мать вдруг оглянулась, проверяя, нет ли кого поблизости, заметила Виктора, подозвала, маша ему рукой. А когда сын, что-то шепнув белобрысенькой, с которой гулял, подбежал к матери и сестре, тихо спросила:

— Дети, вы так и не узнали, как мы здесь оказались?

Переглянувшись, Алиса и Виктор покачали головами.

— Мам, а тебе хочется домой? — несмело полюбопытствовал Виктор.

Кажется, это был самый что ни на есть настоящий вопль души:

— Ни за что!!

Хохотали — сначала Виктор с Алисой, а потом и мать не выдержала, поняв, как смешно прозвучали её решительные слова, — так, что от ручья оглянулись на них беседовавшие там дан Реган и дан Силлаг.

А потом, когда мать и её муж, симпатичный брату и сестре дан Силлаг, уехали, Виктор и Лула, взявшись за руки, помчались гулять к лесу, вдоль опушки. А дан Реган предложил жене посидеть у ручья, местечко вокруг которого теперь было дополнено небольшой, но уютной скамейкой. Алиса уже успела полюбить это место, где можно часами сидеть, слушая переливчатое журчание ручья, а чуть ниже по течению — звонкоголосых птиц, селившихся в кустарниковых зарослях по обе стороны от воды.

Они сели на скамью, и дан Реган немедленно подтянул ближе к себе Алису. Нравилось ему чувствовать её с собой бок о бок — так, чтобы время от времени целоваться и шептаться с ней. Шептаться нравилось и Алисе: вроде никого рядом, но так здорово чувствовать на лице тёплое дыхание друг друга!.. Работа мужу не всегда позволяла такое приятное времяпрепровождение: дан Реган всё ещё управлял поместьями брата и сестры, так что ему приходилось уезжать порой на целый день. Но ночевать он неизменно возвращался в лесной дом. Домой.

Как-то Алиса спросила дана Регана, почему ему так нравится сидеть здесь, у ручья.

— Досвадебное время наше, — сказал он с мечтательной улыбкой и, приподняв руку Алисы, поцеловал ей ладошку, — было лишено всех тех романтических особенностей, которые поэты воспевают в своих балладах. Вместо трепетных свиданий, у нас были бдения возле измигунных гнёзд. Я не дарил тебе соответствующих твоей красоте цветов и всяких милых девичьему сердцу пустяков, но ловил твои радостные улыбки, когда у тебя получался подсказанный мною огненный приём. Тебе не пришлось надевать красивое или просто милое платье, чтобы на званом вечере или на балу я мог пригласить тебя на танец. Но ты была согласна бегать в этих штанах с верхней юбкой, потому что только так удобно охотиться на измигунов. И не роптала, не требовала положенного на время помолвки. Эта скамья и наши запоздалые свидания на ней — пока единственное, что я могу предложить тебе, чтобы возместить чудесную пору, которая у нас должна была быть, но не случилась.

Тогда она только улыбнулась, думая про себя, что он сам хороший такой романтик и мечтатель, только времени ему не хватает, как обычно не хватает любому деловому человеку. И вспомнилось, как он старался, чтобы они ближе познакомились, ещё во время

войны с измигунами. Да, изысканных цветов ему трудно было найти — ведь искал он их чаще всего в разорённых селениях. Но даже луговые цветы подбирал тщательно, готовясь к свиданиям с Алисой — тем, что проходили между тренировками и суровыми репетициями к уничтожению ночных тварей...

Да и сейчас из своих поездок, если ему удавалось побывать в каком-нибудь городе, дан Реган всё же умудрялся привозить те самые «приятные мелочи», которых, как он считал, недоставало Алисе. Алиса же, постоянно сидевшая в доме и в его окрестностях и не видевшая поблизости лавок со всякими сюрпризами для мужа, всё же сумела сделать единственное лично для него: не бегать в его присутствии в штанах, пусть даже будучи в той самой верхней юбке, а ходить в платьях, благо ему это очень нравилось. Э-э... Не считая тех сюрпризов, что он находил на столе во время обедов-ужинов...

И думала, пряча усмешку, что у них «всё не как у людей»: у людей самое интересное заканчивается вместе со свадьбой. Как в сказках. У неё же с Реганом всё сказочное только начинается. И потому она... счастлива с ним.

...Храмовый служитель, закончив брачный обряд для взволнованных и счастливых дана Регана и леди Алиссии, ушёл в глухой угол помещения, где переступил порог и, оказавшись в современном девушке Алисе кабинете, откинул глухой капюшон. На ходу расстёгивая ритуальный плащ, Длинный подошёл к большому столу.

Здесь не было ни ручек, ни записных книжек, ни телефона, ни ноутбука.

Лежал лишь огромный альбом, на обложке которого отчётливо был виден лесной дом дана Регана. Альбом имел надпись: «Дело номер триста шесть».

Длинный обошёл стол и сел на крутящийся стул. Посидел немного, с сомнением приглядываясь к альбому, потом встал, склонился над столом и всё так же неуверенно перевернул первый твёрдый лист. Затем остальные. Постоял, с надеждой глядя на последнюю страницу, а затем вернулся к первому листу.

Первая страница — поместье матери. Пустынное место, в котором давно никто не жил. Рухнувшие дырявые крыши и основного жилого дома, и корпуса, к нему прилегающего. Наглухо — не пройти — заросший двор. Здесь есть не только травы и кустарники, но уже начинают подниматься деревья. Легко. На таком-то удобрении. На костях погибших...

Страница вторая. На нём тот же лесной дом дана Регана, но страшно обветшалый. Раскрытые двери, обвисшие, еле держались — чуть ли не на честном слове. Кое-где стены дома выпятились от старости и долгих ливневых дождей — от забывости людьми, без их заботы. Вокруг дома — дремучие заросли кустарников и высоких трав, растущих на воле. Последние булыжники мощёной дороги к проваленному крыльцу еле видны между выворотившимися их травами... Полное запустение. Безлюдье. Лес наступал на единственное человеческое жилище в этой глуши...

Внезапно затрещали доски под чьими ногами — так выяснилось, что альбом исполнен, кажется, в технике «три-ди-видео», если вообще не является видео-сборником, странно оформленным...

На крыльцо, осторожно ступая по трухлявым доскам, вышел сильно хромающий оборотень. В похудевшем до изнеможения, неожиданно постаревшем Куне было трудно узнать того оборотня, который умел быть сильным даже в тяжёлых для себя обстоятельствах. Этот другой Кун навсегда остался хромым, потому что когда-то прогрыз собственную лапу, чтобы выбраться из беспощадного капкана...

Он остановился на досках перед первой ступенью крыльца, покосившись на колонны, тоже державшиеся на честном слове, и разжал кулак. На солнце блеснули еле заметные крупинки чёрной соли. Последние. Кун облизал губы, с отчаянием глядя на лес, и медленно спустился по затрепавшим под его ногами лестничным ступеням.

...Длинный ждал, глядя на картину с умирающим лесным домом.

И дождался.

Разваливавшийся дом внезапно зашевелился. Угрюмая зелень, захватившая его в плен, медленно убралась-отхлынула от его стен. Булыжники очистились от сорной травы и вернулись на своё место, наметив дорогу, которая явно достаточно часто использовалась по назначению. Дерево и камень, из которых был построен дом, будто втянули живот и расправили плечи, и лесной дом обрёл обычные формы здания, в котором не только живут, но и заботятся о жилище...

Широко распахнулась дверь. На крыльцо выбежала белобрысенькая и радостно закричала, оглянувшись в дом:

— Дан Виктор! Леди Алиссия! Дан Реган приехал!

...Сухие губы Длинного тронула улыбка облегчения, и он закрыл альбом.

И выпрямился на шорох в левом углу кабинета.

Здесь появился ещё один Длинный, одетый точно так же — в одеяние храмового служителя. Он сразу увидел альбом на столе и, подняв глаза, вопросительно кивнул первому Длинному.

— Получилось, — сдерживая рвущуюся радость, сказал тот. — Как у тебя?

— Мать уже адаптирована, — усмехнулся второй. — Отец семейства пришёл проведать брошенную семью, и, кажется, ему понравилось то, что он увидел. Эта серая мышка вполне в его вкусе. Переброшенная в наш мир женщина была слишком непокорной для него, слишком властной — сама того не замечая. Но пока он думает, возвращаться ли. С девушкой Алиссией тоже неплохо выходит. Мы перевели её на удалённую работу. Так что... Она пока обучается во сне. С мальчиком Виктором есть проблемы. Он должен закончить хотя бы среднюю школу. Но знаний для него многовато. Да и не умеет он учиться. Не обучен добывать знания. Единственное, что сумели придумать... Мальчику взяли в школе академический отпуск по здоровью. Есть здесь такое... Сейчас он чаще лежит во сне, под пентаграммами, которые вкладывают в него нужные знания, и лишь иногда и ненадолго выходит на улицы незнакомого для него мира, который, впрочем, ему уже нравится. Так что для вливания его в здешнее общество хватит нескольких месяцев, чтобы он привык к новому для себя миру.

— Может, надо было так же поступить и с этой семьёй? — задумчиво кивнул первый Длинный на альбом.

Второй подошёл, открыл первую страницу. Улыбки скрывать не стал.

— Нет. Эти трое оказались гораздо сильнее, чем те, кого они заменили. Они и без нашей помощи были лучше приспособлены к новым для себя условиям.

...Семье из магического мира пришлось долго объяснять, что вся она погибла в том самом мире. Бы. Погибла бы. Если бы не перемещение.

Потому как девушка Алиссия не смогла справиться с ситуацией, когда её оболгали, и приняла изгнание как должное.

Ко всему прочему тамошняя леди Алиссия даже не подумала о том, что имеет

магические способности. Чем осложнила собственный недолгий быт в лесном доме.

Была слишком робка, чтобы пройти с братом по дороге к перекрёстку, и не нашла белобрысенюкую Лулу, которая знала об измигунах и могла бы предупредить опальных брата и сестру об опасности.

Настоящая леди Алиссия не сумела проявить милосердие, когда её брат, дан Виктор, нашёл в лесу попавшую в капкан собаку. Она велела брату оставить пса на месте, потому что не боялась собак, а брезговала ими.

И в первую же ночь, никем не предупреждённая, леди Алиссия погибла вместе с братом от впущенных в дом пересмешников-измигунов, услышав голос матери.

А гнёзда измигунов подпитывались своей численностью.

Чем больше их было, тем чаще появлялись следующие.

Лесной дом вскоре превратился в гнездо новой измигуньей матки.

...Храмовые служители не имели права вмешиваться в магические дела королевства. Слишком тонкими и уязвимыми были магические взаимосвязи. Можно было испортить всё невозвратно. Но имели право и возможность привлекать для исправления ситуации нужных людей из мира, о котором недавно узнали. Лишь бы замена была выигрышной для обоих миров.

Поняв, что побеждённые враги королевства собираются с помощью измигуньего заклинания абсолютно обезлюдить государство, которое не сумели завоевать в обычной войне, служители бросились за помощью в человеческий мир. И с трудом нашли семью, в которой, на их счастье, мать и дети были нужного возраста и почти с теми же именами, что необходимы.

Семья, вытщенная из мира магического, тоже хорошо вписалась в современный мир. Правда, с небольшими поправками.

— Здешний ход событий проследить трудно — в отличие от мира магического, — задумчиво проговорил первый Длинный. — Что-нибудь уже предугадали?

— Для девушки Алиссии — да, — отозвался второй храмовый служитель. — Она будет работать там же, но переведённой на так называемую дистанционку. А поскольку она будет выполнять только личный объём работы, то у неё появится много времени для прогулок. Вскоре она должна будет встретить молодого человека, который выкажет ей своё благосклонное внимание.

Для обитателя магического мира «благосклонное внимание» могло значить только одно: дело должно закончиться законным браком.

— Мать уже адаптирована?

— Да. Она оказалась любительницей небольших, но уютных помещений и потому в восторге от двухкомнатной квартиры. Кроме всего прочего, узнав, что у неё есть дача, она с удовольствием копается в земле, привела дачный участок в такой порядок, которого не было ранее. — Тут служитель глубоко задумался, после чего поправился: — Ранее — значит, после ухода из здешней семьи её главы и отца детей. Именно этот уход — причина тому, что здешняя женщина опустила руки и перестала что-то делать... Хотя, возможно, нужно было время, чтобы она привыкла и вновь начала действовать.

— Согласен, — усмехнулся второй. — В новом для себя доме эта, здешняя, сумела установить такой порядок, что слуги к ней не относятся, как к той, пренебрежительно.

— Значит, обмен произведён идеально? — вопросительно взглянул второй служитель.

Первый поколебался и кивнул.

— Думаю — да, — твёрдо сказал он и любовно погладил первую страницу альбома с лесным домом.

Больше книг на сайте - Knigoed.net